

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ОБЩЕПОНЯТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1865.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Московская Духовная Академія. Генваря 30 дня, 1865 года.

Цензоръ *Протоіерей Павелъ Беневоленскій.*

СЛОВО НА НОВЫЙ ГОДЪ ^{а)}.

*День дни отрываетъ глаголъ, и ночь
нощи возвъщаетъ разумъ. Пс. 18, 2.*

Для внимательнаго слуха и время не безмолвно. Благочестивый царь и пророкъ Давидъ до того изошрилъ слухъ сердца, что не только умилялся въщаніемъ небесъ о славѣ Божіей, но и въ самой смѣнѣ дней и ночей находилъ поучительное для себя слово. Каждый день, озаряя вселенную, и каждая ночь, покоя живущее на землѣ, безсознательно для себя, но вразумительно для разумныхъ тварей возвъщаетъ важныя и поучительныя истины,—и непрерывная нить дней и ночей есть не что иное, какъ непрерывная и преемственная проповѣдь человѣку. *День дни отрываетъ глаголъ и ночь ночи возвъщаетъ разумъ.* Подобно сему и бѣльшій кругъ времени—годъ, смѣнясь другимъ годомъ, передаетъ ему свое слово,—и *имляй уши слышати слытитъ* его. О чемъ же это говорить дни и годы? Чему поучаетъ насъ время?

а) Произнесено въ Успенскомъ Соборѣ 1-го января 1865 г.

Въ день, которымъ одинъ годъ оканчивается, а другой начинается, весьма благовременно заняться симъ важнымъ для насъ вопросомъ.

Время, какъ быстрый потокъ, течетъ непрерывно, — и никакая сила не можетъ удержать его, кромѣ Того, подъ перстомъ Котораго оно движется. Ни земля, ни другія планеты ни на минуту не останавливаются въ своемъ движеніи и тѣмъ составляютъ время. Жизнь всего существующаго во времени есть не что иное, какъ непрерывное и разнообразное дѣйствіе. Имѣя предъ глазами своими столь постоянную и повсемѣстную дѣятельность, какъ человѣкъ можетъ оставаться безъ дѣйствія? Если время въ постоянномъ движеніи, если неодушевленная природа каждую секунду занята дѣломъ соединенія, разложенія и превращенія веществъ, если животныя по своему трудятся для добыванія себѣ пищи и поддержанія жизни, если наконецъ люди вокругъ празднотлюбца трудятся и въ потѣ лица снѣдаютъ хлѣбъ: то какъ онъ одинъ можетъ спокойно жить безъ труда, ѣсть только, пить и веселиться, не чувствуя стыда и униженія? Человѣку жить такою жизнію все равно, что не жить: ибо жить, и по признанію мудрецовъ міра сего, значить дѣйствовать, дѣйствовать, безъ сомнѣнія, сообразно съ силами и назначеніемъ своей природы. Слово Божіе въ одномъ мѣстѣ стыдитъ празднаго человѣка примѣромъ трудолюбиваго муравья, этого ничтожнаго насѣкомаго, попирае-

мага ногами, а въ другомъ прямо говоритъ: *не трудивыйся да не ястъ*, — слѣд. считаетъ его не стѣющимъ хлѣба, недостойнымъ жизни. Не любящій труда можетъ сказать въ свое оправданіе: «мое состояніе обезпечено, и потому мнѣ нечего дѣлать». Итакъ ужели Творецъ, даруя ему жизнь, не назначилъ ему дѣла? Ужели для того создалъ его человѣкомъ, чтобы жить жизнію животного или растенія? Ему даны умственныя и нравственныя силы, которыя требуютъ постояннаго развитія и усовершенствованія: а онъ не знаетъ, что ему дѣлать. На немъ, можетъ быть, какъ на членѣ семейства, лежатъ разнообразныя обязанности: а онъ не находитъ дѣла. Вокругъ него общество трудящихся людей, которые трудятся вмѣстѣ и для него и въ правѣ отъ него требовать труда: а онъ не видитъ для себя дѣла. Если ему нечего дѣлать для себя: слѣд. болѣе можетъ дѣлать для другихъ, — способствовать просвѣщенію другаго, отвести его отъ неправаго пути, утѣшить печальнаго, защитить обиженнаго, помочь бѣдному. Мало ли найдется дѣлъ и для себя и для другихъ, если внимательно всмотрѣться въ свои обязанности къ Богу и ближнимъ? У людей, внимательныхъ къ своему долгу, недостаетъ не дѣлъ для времени, а времени для дѣлъ.

Время течетъ, — и назадъ не возвращается. Годъ, который кончился вчера, вновь не повторится. Минута, въ которую началась настоящая

бесѣда, уже исчезла. Время, убѣгая отъ насъ, уносить съ собою и дѣла наши, и случаи для нашей дѣятельности. День, проведенный безъ дѣла или въ худыхъ дѣлахъ, погибъ для насъ безвозвратно. Проведенный безъ дѣла, онъ не воротится за тѣмъ, чтобы занять его дѣломъ; проведенный худо, не воротится за тѣмъ, чтобы исправить худое или замѣнить добромъ. Опущенное прежде не можетъ сдѣлаться нынѣ безъ ущерба дѣлу нынѣшняго дня: *довлѣетъ дневи злоба его*. Притомъ не только годъ на годъ, но и день на день, даже часъ на другой часъ не походить. У всякаго времени свои обстоятельства, свое положеніе дѣлъ. Съ перемѣною времени все на свѣтѣ измѣняется: измѣняемся и мы. Многое, возможное для насъ прежде, сдѣлалось невозможнымъ теперь. Что могли сдѣлать при свѣжихъ силахъ юности, того не можемъ сдѣлать при ослабѣвшихъ силахъ старости. Благопріятный случай для добраго дѣла, нѣкогда намъ представлявшійся, можетъ не повториться: случай потерянь, — потеряно и дѣло, на которое онъ вызывалъ насъ. *Дѣлайте дѣла, дондеже день есть*. День этотъ — день настоящій; потому что онъ одинъ въ нашемъ распоряженіи. Прошедшее уже не въ нашей власти; будущее неизвѣстно. Не опускайте настоящаго времени безъ должнаго употребленія, пока оно не ушло, пока не сдѣлалось невозвратнымъ прошедшимъ и не смѣнилось неизвѣстнымъ будущимъ. Пользуйтесь

временемъ такъ, чтобы послѣ не пришлось жалѣть о немъ.

Время течетъ правильно. Дни и ночи, времена года идутъ одно за другимъ въ строгой послѣдовательности. Земля и всѣ тѣла небесныя совершаютъ свое теченіе въ удивительномъ порядкѣ, не выступая изъ опредѣленнаго каждому пути: отъ того все въ видимой природѣ является въ свою пору. *Время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. 3, 1). Чему поучаетъ насъ такой строгій порядокъ въ движеніи времени, такая своевременность явленій въ жизни видимаго міра, какъ не тому, чтобы и мы въ исполненіи дѣлъ своихъ наблюдали строгій порядокъ, всякому дѣлу знали свое время, и чтобы всякій занимался своимъ дѣломъ? Само время своею послѣдовательностію какбы обличить насъ въ непослѣдовательности и непорядкѣ, если мы два дѣла несовмѣстныхъ дѣлаемъ въ одно время, или въ одномъ дѣлѣ думаемъ достигнуть двухъ несовмѣстныхъ цѣлей, напр. начавъ молиться, прерываемъ молитву занятіями домашними, или приносимъ жертвы собственному удовольствію, мечтая, будто дѣйствуемъ съ благотворительною цѣлью. Непослѣдовательно—дѣлать прежде то, что должно быть послѣ, или дѣлать одно вмѣсто другаго, — вмѣсто молитвы въ храмъ — сидѣть дома, идти на торжище, спѣшить на зрѣлища, или дѣлами общественной службы жертвовать взаимнымъ посѣщеніямъ и суетнымъ развлече-

ніямъ. Не порядокъ—заниматься не столько обязанностями своего званія, сколько дѣлами, насъ некасающимися. Что за порядокъ, если воинъ обяжется куплями житейскими, а мирный гражданинъ будетъ разсуждать о дѣлахъ воинскихъ, если учащіеся юноши, вмѣсто науки, будутъ заниматься рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, болѣе подручныхъ опытной старости, а посѣдѣлые старцы разсуждать о предметахъ легкомысленной юности, если жены, оставивъ домашній очагъ и дѣтей, займутся гражданскими дѣлами, свойственными мужамъ, а мужи примутся за рукодѣліе женъ?! Все это похоже на то, какъ если бы весна стала на мѣстѣ зимы, а зима на мѣстѣ весны, или если бы луна пошла по чертѣ движенія земли, а земля—по пути луны. Еслибы въ сонмѣ планетъ произошло такое броженіе, что одна, оставивъ свой путь, устремилась бы на путь другой, эта на путь третьей : то давно бы стройная машина вселенной обратилась въ первобытный хаосъ. Не такой же ли хаосъ произошелъ бы и въ родѣ человѣческомъ, если бы всякій вздумалъ выходить за предѣлы своихъ обязанностей и вторгаться въ чужую область дѣятельности?

Время возникло изъ нѣдръ вѣчности, и стремится къ вѣчности. Прошли тысячелѣтія; пройдутъ можетъ быть еще многія тысячелѣтія: но наконецъ и послѣдній годъ изъ этого несмѣтнаго числа лѣтъ также погрузится въ вѣчность.

Влекомый потокомъ времени, куда и человекъ долженъ болѣе устремлять мысленные взоры, какъ не въ вѣчность? Тамъ его вѣчное блаженство, но тамъ же и мѣсто вѣчныхъ мученій. Куда направить онъ челнъ жизни своей, тамъ по смерти и будетъ. Если не будетъ думать о вѣчности, отдастся на волю бурь и волнъ страстей житейскихъ: то море житейское принесетъ его не къ тихому пристанищу неба, а къ безднѣ ада. Если же постоянно будетъ имѣть предъ очами своими вѣчность, *помнитъ послѣдняя своя*: то *во вѣки не сокрушится*, удержится отъ пути погибельнаго. Ужели только и думать о вѣчности? Доколѣ живемъ во времени, не можемъ не думать и о временномъ: но нужно, чтобы временныя думы и заботы подчинялись одной господствующей мысли о вѣчности, направлялись къ *единому на потребу*. Живя на землѣ, не можемъ не заниматься земнымъ; можемъ даже искать земныхъ благъ: но ища ихъ, не должны къ нимъ *прилагать сердца*, а *искать прежде* всего и во всемъ *царствія Божія*. И дѣйствительно, всякое дѣйствіе, благопотребное для временной жизни, можетъ быть вмѣстѣ шагомъ къ вѣчному спасенію, если начинается призываніемъ имени Божія, совершается подъ вліяніемъ страха Божія и оканчивается благодареніемъ Богу, однимъ словомъ — если сообразуется съ волею Божіею и вѣчнымъ нашимъ назначеніемъ. Самыя обстоятельства жизни нашей направляются Про-

видѣніемъ къ тому, чтобы поддерживать въ насъ мысль и попеченіе о вѣчномъ. Не за тѣмъ ли намъ даются временныя блага, чтобы мы, пользуясь ими для временной жизни, обращали вмѣстѣ ихъ въ средства къ полученію благъ вѣчныхъ, и чтобы отъ тлѣнныхъ благъ мыслию и желаніями переносились къ вѣчному и нетлѣнному? Не за тѣмъ ли посылаются на насъ лишенія и скорби, чтобы мы устремлялись за утѣшеніемъ въ страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, и чтобы огнемъ временныхъ искушеній болѣе и болѣе очищали и освящали себя для царствія небснаго?

Доколѣ, сл., живемъ еще во времени, будемъ пользоваться уроками времени. Что пользы, если время будетъ идти своимъ чередомъ и поучать насъ, а мы не будемъ внимать ему? Если, при всемъ нашемъ невниманіи, время доселѣ для насъ длилось: то не забудемъ, что оно не вѣчно будетъ длиться. Что, если мы терпимы на землѣ не болѣе, какъ плевелы, не исторгаемые только потому, чтобы вмѣстѣ съ ними не исторглась пшеница? Убоимся сего. Съ началомъ новаго лѣта оставимъ ветхаго человѣка, который вообще не даетъ намъ слушать спасительныхъ истинъ, по сему и спасительныхъ внушеній времени. Аминь.

Протоіерей Александръ Никольскій.

ОЧЕРКИ БЫТА

НАРОДА БОЖІЯ ^{а)}.

19. ВОДА.

Кто живетъ въ странѣ климата умѣреннаго, гдѣ дожди бываютъ обильны, гдѣ рѣкъ и источниковъ много, тотъ обыкновенно не чувствуетъ всей цѣны, какую имѣетъ вода для человѣка, и съ трудомъ можетъ представить себѣ тѣ бѣдствія, какимъ подвергаются отъ недостатка въ ней жители странъ восточныхъ.

Въ св. Писаніи не разъ упоминается о томъ, какъ много терпѣли отъ этого недостатка Израильтяне во время своего странствованія по пустынѣ. Не разъ и по водвореніи ихъ въ землѣ Обѣтованной Господь во гнѣвѣ Своемъ не посылалъ на эту землю дождя и тѣмъ смирялъ непокорный народъ, которому еще чрезъ Моисея угрожалъ за непослушаніе этимъ бѣдствіемъ: «аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранить и творити вся заповѣди Его, елика Азъ заповѣдаю тебѣ днесь, пріидутъ на тя вся клят-

а) См. книжки 1864 года.

вы сія, и постигнутьъ тя: будетъ небо надъ главою твоею мѣдно, и земля подъ тобою желѣзна; да дастъ Господь дождь земли твоей прахъ, и персть съ небесе снидетъ на тя, дондеже сокрушитъ тя, и дондеже погубитъ тя» (Втор. 28, 15. 23. 24.). Одна изъ самыхъ страшныхъ засухъ въ Палестинѣ была въ царствованіе Ахава, нечестиваго царя израильскаго; отъ нея-то произошелъ голодъ, во время котораго бѣдная вдовица сарептская раздѣлила свой послѣдній запасъ съ пророкомъ Іліею, принявъ съ полною вѣрою слова его: «такъ глаголетъ Господь Богъ Израилевъ: водоносъ муки не оскудѣетъ, и чванецъ ея не умалится до дне, дондеже дастъ Господь дождь на землю» (3 Царст. 17, 14).

Пророкъ Іеремія въ 14 гл. своей книги поразительными чертами изображаетъ, какимъ бичемъ была въ его время засуха даже для людей богатыхъ и сильныхъ между Израильтянами. «Плачетъ Іудея, и города ея уныли; мрачные сидятъ на землѣ, и вопль Іерусалима восходитъ къ небу. И знаменитые ихъ посылаютъ малыхъ своихъ за водою; они приходятъ къ колодезямъ, не находятъ воды; возвращаются сосуды ихъ порожними; они въ стыдѣ и срамѣ покрыли свои головы. Поелику поля въ страхѣ, поелику нѣтъ дождя; то и земледѣльцы стоятъ со стыдомъ, покрывъ свои головы» (Іерем. 14, 2 — 4). Съ этими словами пророка совершенно согласенъ рассказъ одной путешественницы, находившейся

въ Турціи во время засухи. «Я живо вспоминаю, говоритъ миссъ Сардò, какая огромная толпа постоянно окружала одинъ колодезь, находившійся шаговъ во сто отъ нашего дома. Всѣ цистерны (водоемы) нижней части города были уже безводны; оставался только этотъ уединенный колодезь, выкопанный у горнаго ключа. Вода въ немъ была еще; но уменьшеніе ея было уже замѣтно по веревкамъ, которыя нужно было болѣе и болѣе удлиннять при доставаніи воды. Дѣти лѣтъ десяти — двѣнадцати не могли болѣе черпать по обыкновенію воду нужную въ хозяйствѣ; впрочемъ если бы они и могли достать ее въ колодезь, то не могли пробиться до него чрезъ толпу. По мѣрѣ того, какъ воды становилось меньше, тѣснота у колодца дѣлалась все большею; каждый хотѣлъ достать воды поскорѣе; отъ словъ иные переходили къ ударамъ и нѣкоторые изъ шедшихъ сюда вмѣстѣ въ дружелюбныхъ разговорахъ возвращались отсюда съ гнѣвомъ другъ на друга. Жители сосѣднихъ домовъ, смотрѣвшіе на этотъ колодезь, какъ на принадлежащій имъ однимъ, напрасно возставали противъ такого нарушенія ихъ права собственности и должны были пробиваться къ колодезю чрезъ толпу наравнѣ съ другими». Миссъ Сардò прибавляетъ, что тогда въ Константинополѣ была холера, и что эта эпидемія распространялась тѣмъ быстрѣе, что недостатокъ въ водѣ былъ крайній. Люди бѣдные не въ состояніи были

покупать ее, потому что она продавалась по чудовищной цѣнѣ; поэтому они принуждены были готовить себѣ пищу на грязной болотной водѣ и обходиться безъ освѣжительнаго питья, которое они употребляютъ обыкновенно въ большомъ количествѣ. Напрасно жители часто смотрѣли на небо, ища признаковъ переменъ погоды; солнце каждый вечеръ садилось въ золотомъ и пурпурномъ пламени; восходъ его былъ также великолѣпенъ и въ теченіе всего дня его сіяніе было ослѣпительно. Ни одного облачка, ни одной капли дождя. Женщины тѣснились вокругъ фонтановъ, какъ будто надѣясь, что изсякшая въ нихъ вода потечетъ снова; дѣти плакали и напрасно просили своего обыкновеннаго напитка. Городскіе мраморные бассейны всѣ были пусты.

Понятно послѣ этого, что въ Турціи считается однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ милосердія — доставлять воду нуждающимся въ ней. Въ окрестностяхъ Константинополя даже при самыхъ малѣйшихъ источникахъ находятся мраморные бассейны и при нихъ кружки, чтобы путешественники удобно могли утолять свою жажду. Во многихъ городахъ есть особые дома, въ которыхъ живутъ дервиши-мусульмане, посвящающіе себя благочестивой жизни. Въ такомъ домѣ у каждаго изъ нихъ есть окно на улицу, и на окно ставится нѣсколько чашъ, наполненныхъ чистою водою, чтобы прохожіе могли утолять свою жажду; какъ скоро дервишъ, находящійся обыкно-

венно въ глубинѣ комнаты, замѣтитъ, что одна или нѣсколько чашъ уже пусты, онъ наполняетъ ихъ водою снова (Walsh).

Въ странѣ, гдѣ обитали св. патріархи и потомки ихъ—Израильтяне, воды немного,—Иорданъ единственная рѣка въ ней; кромѣ него есть только небольшіе ручьи, какъ потокъ Кедрскій, Гигонъ (оба близъ Иордана) и др. Дождь здѣсь идетъ только весною и осенью, почему и говорится въ св. Писаніи о дождѣ раннемъ и позднемъ (Втор. 11, 14). Въ Палестинѣ дождь ранній начинается въ половинѣ октября и продолжается до декабря, а поздній обыкновенно идетъ въ мартѣ и до половины апрѣля. Въ прочіе мѣсяцы здѣсь не бываетъ ни дождя, ни грозы; потому-то гроза, которая произошла въ день торжественнаго утвержденія Саула на царство (1 Царст. 12, 17), была признана по справедливости событіемъ чудеснымъ. Тогда было время жатвы пшеницы, около половины іюня: «нѣсть ли жатва пшеницы днесь,» воскликнулъ предъ тѣмъ пророкъ Самуиль, для подтвержденія словъ котораго къ народу израильскому явлено было это знаменіе,—и вотъ я «призову Господа, и дасть громы и дождь, и уразумѣете, и увидите, яко злоба ваша велика, юже сотвористе предъ Господемъ, испросивше себѣ царя».

На востокѣ источники и колодцы доселѣ, какъ въ древности, имѣютъ особенную важность, потому что жаръ климата и сухость почвы дѣла-

ють тамъ воду чрезвычайно драгоцѣнною. Въ книгѣ Іисуса Навина разсказывается, какъ Халевъ отдалъ свою дочь Ахсу въ замужество за Отмі-эля, въ награду за то, что онъ взялъ городъ Киріаф-Сеферъ. «Когда надлежало ей идти, она научила его выпросить у отца ея поле, и сошла съ осла, и сказалъ ей Халевъ: что тебѣ? Она сказала: дай мнѣ благословеніе; ты далъ мнѣ землю полуденную, дай же мнѣ и источники водъ. И далъ онъ ей источники верхніе и источники нижніе» (Нав. 15, 18. 19).

Когда Израильтяне во время странствованія по пустынѣ приблизились къ землѣ Обѣтованной и вошли въ Кадисъ, на границѣ земли Эдомской, то отправили оттуда пословъ, чтобы испросить у Эдомитянъ позволеніе на проходъ чрезъ ихъ землю. При этомъ они велѣли сказать народу Эдомскому: «мы не пройдемъ по полямъ и по виноградникамъ, мы не будемъ пить воду изъ колодезей твоихъ» (Числ. 20, 17). И во второй разъ, когда Моисей отправлялъ посольство къ тому же народу, посланные говорили: если будемъ пить твою воду, я и скоть мой, то буду платить за нее. Но Эдомъ сказалъ: не ходи чрезъ меня, и выступилъ противъ него (Израиля) Эдомъ съ многочисленнымъ народомъ» (—19. 20). Замѣчательно, что подобные же случаи повторяются въ этихъ странахъ и въ наши дни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійскіе путешественники хотѣли проѣхать чрезъ эту самую

землю: «мы послали вѣстника, рассказываютъ они, къ Абу-Цейтуну (владѣльцу ея), чтобъ просить у него позволенія пройти чрезъ нее и сказать ему, что мы не будемъ касаться въ ней воды; но онъ отказалъ намъ не только въ водѣ, но и въ проходѣ чрезъ его владѣнія» (Mc. Michael).

Въ исторіи святыхъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ часто говорится о дѣвицахъ, которыхъ обязанность состояла въ попеченіи о стадахъ; онѣ пригоняли ихъ каждый вечеръ къ источникамъ на водопой. Путешественники замѣтили, что тотъ же обычай еще доселѣ существуетъ между Арабами, живущими въ этихъ странахъ, и особенно въ окрестностяхъ Синаи. У нихъ заведено, чтобы заботы о стадахъ лежали исключительно на незамужнихъ поселянкахъ. Онѣ отправляются съ стадами въ поля втроемъ или вчетверомъ предъ восходомъ солнца и возвращаются оттуда вечеромъ (Burchardt). «Перешедши чрезъ нѣсколько утесистыхъ горъ,» говоритъ одинъ французскій путешественникъ Laborde, посѣтившій эту часть Аравіи, «мы сошли на отлогое мѣсто у морскаго берега. Нѣсколько колодцевъ, осѣненныхъ небольшими деревьями, доставляютъ въ этомъ мѣстѣ жаждающему матросу или путешественнику солодкованую воду, очень непріятную на вкусъ. Въ то время, какъ мы запасались изъ нихъ необходимымъ количествомъ воды для путешествія, одна молодая арабская дѣвица пришла напоить тамъ стадо козъ. Я приказалъ провожа-

тымъ своимъ помочь ей, чтобы на этой библейской землѣ возобновить обычаи патріархальныхъ временъ».

Колодези на востокѣ и въ настоящее время часто бываютъ свидѣтелями добродушныхъ поступковъ, подобныхъ поступку Ревекки; встрѣтившись съ Еліезеромъ, «она взяла поспѣшно свой сосудъ и дала ему пить изъ него. И послѣ того, какъ напоила его, сказала: я налью также воды для твоихъ верблюдовъ, пусть они всѣ напѣются» (Быт. 24, 18). «Въ теченіе трехъ часовъ», говоритъ англійскій путешественникъ Buckingham въ разсказѣ о своемъ путешествіи по Месопотаміи, «когда мы проходили чрезъ эту равнину, намъ приходилось видѣть много большихъ источниковъ и ни одного дома. Эти источники содержали въ себѣ превосходную воду; мы пили изъ нихъ во время путешествія, пользуясь для этого сосудами нѣкоторыхъ бывшихъ при этомъ женщинъ».

Въ пѣсни, воспѣтой Девворою по случаю гибели войска Сисары, она, перечисляя различныя бѣдствія, отъ которыхъ вслѣдствіе того избавились Израильтяне, между прочимъ упомянула о «шумѣ стрѣлковъ (то-есть о нападеніяхъ вооруженныхъ людей) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ черпали воду» (Суд. 5, 11). Колодези на востокѣ до настоящаго времени часто посѣщаются разбойниками; потому-то путешественники не иначе приближаются къ нимъ какъ съ опасеніемъ и

осторожностію, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ основаніе думать, что пустыня, по которой они проѣзжаютъ, служить убѣжищемъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ злодѣевъ. Въ варварійскихъ владѣніяхъ есть одинъ прекрасный небольшой источникъ, названіе котораго означаетъ: *пей и удаляйся*; онъ такъ названъ по поводу опасностей, которыя приходится здѣсь встрѣчать отъ разбойниковъ.

«Кладезь Іакова», около котораго однажды Спаситель сѣлъ отдохнуть и гдѣ Онъ бесѣдовалъ съ Самарянкою, доселѣ называется тѣмъже именемъ.

Въ странахъ знойнаго и сухаго климата заботы земледѣльца о своемъ полѣ не прекращаются тотчасъ послѣ посѣва; онъ не предоставляетъ дождю орошеніе земли. Въ наиболѣе воздѣланныхъ аравійскихъ мѣстностяхъ каждый садъ, каждое поле имѣютъ свои колодцы; ослы, волы или верблюды поднимаютъ оттуда воду въ большихъ кожаныхъ мѣхахъ, чтобы орошать землю въ определенное время. Вблизи рѣкъ или большихъ источниковъ выкапываютъ каналы для проведенія воды на поля по разнымъ направленіямъ. Берега этихъ каналовъ или «водныхъ *исходивъ*» бываютъ усажены фруктовыми деревьями; такимъ образомъ эти деревья сохраняютъ свою зелень и свою силу и въ то время, когда поля, лишеныя влаги, бываютъ сожжены солнечнымъ зноемъ. Въ Библии находится много

мѣсть, упоминающихъ объ этомъ обычаѣ: такъ Давидъ сравниваетъ праведника «съ деревомъ, посаженнымъ близъ водныхъ источниковъ, которое плодъ свой приноситъ въ свое время и листья его не опадаютъ» (Псал. 1, 3). «Благословенъ человекъ, восклицаетъ пророкъ Іеремія, который надѣется на Господа и Господь есть упованіе его. Потому что онъ будетъ какъ дерево посаженное при водахъ, которое распространяетъ корни свои вдоль по теченію воды; оно не будетъ чувствовать зноя и листья его останутся зелеными; оно не уstraшится засухи и не перестанетъ приносить плоды» (Іерем. 17, 7. 8). Какой прекрасный образъ благосостоянія и мира, достигающихся въ удѣлъ людямъ, надѣющимся на Бога! Это спокойствіе не покидаетъ ихъ даже среди такихъ обстоятельствъ, которыя другихъ людей заставляютъ сильно тревожиться и дѣлаютъ ихъ неспособными къ исполненію обыкновенныхъ обязанностей. Такое же сравненіе употребляетъ пророкъ Исаія, говоря о добродѣтельныхъ людяхъ: «ты будешь какъ садъ орошаемый, говоритъ онъ, и какъ источникъ, воды котораго не изсякаютъ» (Иса. 58, 11.).

Есть нѣкоторые виды пшеницы, также риса, которые требуютъ почвы влажной и даже покрытой водою. Потому-то на востокѣ и устрояютъ оросительные каналы такимъ образомъ, чтобы при помощи ихъ во время посѣва можно было затопить все поле. На этотъ обычай намекаетъ

писатель книги Екклесіаста, когда говоритъ : «посли хлѣбъ твой на лице воды, яко во множествѣ дній обрящени его», то-есть «брось зерна твои на поверхность воды и чрезъ нѣсколько времени ты вновь соберешь ихъ» (Еккл. 11, 1.). Земледѣлецъ щедрою рукою бросаетъ на затопленное поле сѣмена, которыя должны доставить ему пропитаніе, и не сомнѣвается, что его трудъ будетъ вознагражденъ, хотя это должно послѣдовать только спустя долгое время. Подобнымъ образомъ и мы съ охотою должны давать и удѣлять другимъ часть изъ своихъ благъ, твердо уповая на обѣтованіе Божіе, что нашъ подвигъ любви не останется безъ вознагражденія.

Моисей, описывая Израильтянамъ Ханаанскую землю, между прочимъ сказалъ: «эта земля не такова, какъ земля Египетская, гдѣ ты, посѣявъ сѣмя твое, наполяъ ее посредствомъ машинъ,— какъ овощный садъ» (Втор. 11, 10.). Орошеніе земли въ Египтѣ, гдѣ дожди падаютъ рѣдко, стоило большихъ трудовъ, и производимо было посредствомъ водоподъемныхъ приборовъ, съ которыми обращаться было также не легко. По причинѣ трудности искусственнаго орошенія полей, земледѣліе не могло быть обширно у Евреевъ въ Египтѣ. Но гораздо меньше трудовъ будетъ требовать и гораздо успѣшнѣе будетъ полеводство въ странѣ ханаанской. Эта «земля съ горами и долинами, говорится далѣе, и отъ дождя небеснаго напоется водою, земля, о которой

Иегова печется, очи Иеговы непрестанно на ней отъ начала года и до конца» (ст. 11.).

Воду изъ рѣкъ и источниковъ проводили также на какое угодно разстояніе посредствомъ каменныхъ или кирпичныхъ каналовъ, которые иногда простирались на нѣсколько миль въ длину. Эти водопроводы пересѣкали долины и равнины, возвышались надъ арками и шли вдоль утесистыхъ боковъ горъ; въ иныхъ мѣстахъ едва можно догадаться, какимъ образомъ могли ходить здѣсь рабочіе и особенно носить тяжелые строевые матеріалы. Такъ построенъ былъ «водопроводъ изъ большаго пруда», о которомъ говорится въ 4 кн. Царст. гл. 19, ст. 17.

Вода, столь драгоцѣнная въ сухомъ и знойномъ климатѣ, заботливо собиралась въ каменистыхъ горахъ Іудеи и Аравіи. Для этого высѣкали въ скалахъ большіе водоемы, которые назначались для сохраненія дождевой воды; многіе изъ нихъ еще доселѣ очень хорошо сохранились и ими пользуются Арабы; а иные совершенно разрушились. «Среди горныхъ долинъ», говоритъ одинъ путешественникъ, Laborde, посѣтившій ту часть Аравіи, гдѣ находится гора Синай,—есть высѣченная скала, назначенная для сбереженія воды; по сосѣднимъ высотамъ устроены каналы для проведенія ея туда; Арабы, живущіе въ пустынѣ, обыкновенно находятъ тамъ въ теченіе цѣлаго года воду въ необходимомъ количествѣ для утоленія своей жажды». Тоже самое подтверждаетъ

Буккингамъ: «мы пришли, говорить онъ, къ большому водоему, назначенному для сбереженія дождевой воды. Онъ круглый и высѣченъ въ скалѣ на глубинѣ 20 футовъ (около 3 сажень); сходятъ въ него по лѣстницѣ, высѣченной на ту же глубину. Внутри онъ весь выложенъ родомъ гинса. Онъ устроенъ очень тщательно и очень полезенъ для окрестныхъ жителей. Близъ него находится мѣсто для молитвы».

Въ 13 ст. 2 гл. книги пророка Іереміи мы находимъ указаніе на подобные водоемы. Безуміе Іудеевъ, которые оставили истиннаго Бога, чтобы служить бездушнымъ истуканамъ, неспособнымъ благотворить имъ, — это безуміе сравнивается здѣсь съ безуміемъ человѣка, который, имѣя подъ руками неизсякаемый источникъ родниковой воды, пожелалъ бы лучше выкопать себѣ дурной колодезь, не способный содержать въ себѣ воду. «Два грѣха сдѣлалъ народъ мой: Меня, источникъ воды живой, оставили, ископавъ себѣ колодези диравые, въ которыхъ вода не держится». Не также ли и мы бываемъ виновны, когда ищемъ своего счастья и утѣшенія въ мірѣ и его суетныхъ удовольствіяхъ, оставляя Бога, отъ котораго Одного «исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ»?

Иному можетъ казаться удивительнымъ, что священные писатели включаютъ «росу небесную» (Быт. 27, 28.) въ число драгоценнѣйшихъ даровъ Божіихъ и смотрять на нее, какъ на символъ

духовныхъ благъ. Чтобы хорошо понять смыслъ этихъ выраженій, должно знать, что въ жаркомъ климатѣ ночныя росы очень обильно напояютъ землю; онѣ бываютъ такъ сильны, особенно лѣтомъ, что почва увлажняется ими какъ послѣ сильнаго дождя. Крвинъ, въ описаніи своего путешествія по Чермному или Красному морю и аравійскому побережью, говоритъ: «если намъ трудно было найти прохладу днемъ, то не легко было укрыться и отъ ночной сырости, среди такой обильной росы, какой въ Европѣ мы никогда не видывали. Намъ приходилось вполнѣ подвергаться ея вліянію, и плащи, которыми мы покрывались на ночь, утромъ были такъ мокры, какъ будто бы ихъ мочили въ морѣ».

Мы знаемъ, сколько необходимъ дождь для оплодотворенія нашихъ полей, но кто не видалъ знойнаго восточнаго лѣта, тотъ не можетъ вполнѣ представить себѣ той радости, какую заставляетъ тамъ испытывать людей шумъ сильнаго дождя послѣ продолжительной засухи (3 Царст. 18, 41.). «Тѣ мѣста священнаго Писанія, говоритъ одинъ писатель, Rev. I. Hartley, въ которыхъ жизнь человѣческая сравнивается съ травою и цвѣтами, еще не вполнѣ понятны въ нашихъ странахъ. Но кто посѣтилъ бы въ маѣ мѣсяцѣ прекрасную долину Сціо, или другую какую нибудь часть востока и потомъ возвратился бы туда же въ концѣ іюня, тотъ почувствовалъ бы всю силу и мѣткость этихъ сравненій. Въ маѣ свѣжая зе-

лень и богатая растительность повсюду поражаетъ взоры; но, спустя шесть недѣль, какъ все измѣняется! Вся прелесть растений исчезаетъ: трава высыхаетъ, цвѣты опадаютъ и прекрасный садъ обращается въ пустыню». Жители этой страны скорѣе, чѣмъ кто-либо другой, могутъ понять справедливость словъ псалмопѣвца: «благотворный дождь проливалъ Ты, Боже, и когда изнемогало наслѣдіе Твое, Ты подкрѣплялъ его» (Псал. 67, 10.). Это прекрасное мѣсто даетъ намъ вѣрное понятіе о томъ утѣшеніи, которое ниспосылаетъ Богъ людямъ во времена скорби; утомленные борьбою противъ міра, плоти и діавола, они получаютъ свыше благодатныя утѣшенія, подобныя плодотворному дождю, оживляющему засохшія поля.

Въ книгѣ пророка Исаіи мы находимъ одно мѣсто, въ которомъ переменна, производимая въ сердцѣ челоуѣка евангельскою проповѣдію, весьма поэтически сравнивается съ дѣйствіемъ источника воды въ пустынѣ. «Радуйся, пустыня жаждающая, восклицаетъ пророкъ, да веселится пустыня, и да цвѣтетъ яко кринь, яко проторжеся вода въ пустыни, и дебрь въ земли жаждущей» (Иса. 35, 1. 6.).

Въ жаркомъ климатѣ вода больше всего содѣйствуетъ поддержанію здоровья и тѣлесной крѣпости; потому-то священные писатели, подъ образомъ ея, представляютъ благодать Святаго Духа, Который одинъ даетъ здравіе душѣ и со-

храняетъ ее для Бога. «Азъ дамъ воду въ жажду ходящимъ въ безводней, говоритъ пророкъ, наложу Духъ мой на сѣмя твое и благословія моя на чада твоя» (Иса. 44, 3.).

Въ книгѣ пророка Исаіи находится одно изъ прекраснѣйшихъ иносказательныхъ выраженій, какія только можно находить въ ветхомъ завѣтѣ: «жаждущіе идите на воду, и елицы не имате сребра, шедше купите, и ядите (и пейте) безъ сребра и цѣны вино и тукъ» (Исаіи 55, 1.). Чтобы понять всю силу и выразительность этихъ словъ, должно замѣтить, что восточные жители часто предпринимаютъ путешествія и иногда очень далекія чрезъ знойныя пустыни для посѣщенія какого нибудь священнаго мѣста; они идутъ, изнемогая отъ усталости и жажды, и на пути часто бываютъ окружены толпою людей съ запасомъ воды, готовыхъ продать имъ «чашу студеной воды», а также давать ее даромъ бѣднѣйшимъ изъ пилигримовъ, когда какой нибудь благотворительный человѣкъ приказываетъ имъ дѣлать это на его счетъ. Вышеприведенное мѣсто изъ книги пророка Исаіи, вѣроятно, намекаетъ на этотъ обычай. Извѣстно, что Іудеи по закону Моисееву должны были трижды въ годъ «являться предъ Богомъ» въ главные праздники (Второз. 16, 16.). Первымъ дѣломъ многихъ изъ нихъ, по прибытіи въ Іерусалимъ, было утолить свою жажду, и для сего они обращались къ продавцамъ воды, едва только достигали вершины

холма, на которомъ стоялъ храмъ. Но вотъ пророкъ, желая обратить здѣсь ихъ мысли на предметы болѣе важные, духовные, какъ бы оставливается на дворѣ храма и восклицаетъ къ приближающейся толпѣ: «желающіе спасенія, приступите вѣрою къ Спасителю Христу—источнику живой воды! Къ нему нужно приносить только сознаніе своей бѣдности и своего ничтожества. Итакъ, идите, самые бѣдные и самые незнатные! Покупайте драгоценнѣйшіе дары Божіи; покупайте безъ сребра и безъ всякой платы вино и млеко благодати!» Самъ І. Христосъ повторилъ это утѣшительное приглашеніе къ народу, наполнявшему дворы храма: «въ послѣдній же великій день праздника стоялъ Іисусъ и возгласилъ, говоря: кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей» (Іоан. 7, 37). Величайшее изъ всѣхъ благодѣяній, жизнь вѣчная, которая имѣетъ источникомъ своимъ Бога и Агнца, І. Христа, изображается въ Апокалипсисѣ также подъ образомъ «рѣки воды жизни, исходящей отъ престола Бога и Агнца» (Апок. 22, 1.). Чуждая грѣха и скверны, лжи и обмана, она «чиста и свѣтла какъ кристаллъ»; струи этой рѣки не задерживаются скалами и отмелями, — скорбями и печальми, она течетъ ровно и спокойно и никогда не высыхаетъ; и изъ ней-то будутъ почерпать вѣчное наслажденіе въ прославленныхъ тѣлахъ души праведниковъ, искупленныхъ Агнцемъ.

С Т А Р О С Т Ь.

Старостью въ собственномъ смыслѣ называется преклонный возрастъ нашей жизни. Говоримъ: въ собственномъ смыслѣ, потому что есть немало людей, по лѣтамъ еще не старыхъ, но которыхъ преждевременно сдѣлали дряхлыми стариками или болѣзни, или скорби, или пороки.

Было время, когда жизнь человѣческая продолжалась нѣсколько столѣтій и старость наступала поздно. Это было во времена патріарховъ до потопа и послѣ потопа до Авраама, который умеръ на 175 году. Нельзя не признать въ долголѣтій патріарховъ особеннаго дѣйствія промысла Божія: чѣмъ долѣе жили на свѣтѣ патріархи, тѣмъ быстрѣе размножался родъ человѣческій, тѣмъ богаче становились они опытами жизни и благоразуміемъ и слѣдственно тѣмъ способнѣе являлись къ тому, чтобы быть руководителями молодыхъ поколѣній, что особенно нужно было въ дѣтскомъ, первобытномъ состояніи человечества,—тѣмъ благонадежнѣе сохраняли божественное откровеніе и благочестивыя преданія между читателями истиннаго Бога. Въ то время, когда не было писаннаго слова Божія, патріархи были живою, самою вѣрною книгою откро-

веній Божіихъ. Одинъ и тотъже человекъ объ однихъ и тѣхъ же богооткровенныхъ истинахъ и правилахъ могъ слышать самъ и рассказывать другимъ цѣлыя сотни лѣтъ. Такъ на примѣръ Ной, жившій до потопа около 600 лѣтъ, могъ бесѣдовать съ Енохомъ, сыномъ Сиѳовымъ, а отецъ Ноя, Ламехъ, могъ бесѣдовать съ самимъ Сиѳомъ, сыномъ Адама; вслѣдствіе сего не только позднѣйшія откровенія Божія, но и самыя первоначальныя, бывшія Адаму въ раю, могли перейти въ міръ послѣпотопный въ первобытной свѣжести и неповрежденности.—Кромѣ особеннаго промысленія Божія долголѣтію патріарховъ способствовали естественныя причины. Избытокъ силъ природы, еще не въ такой степени, какъ впоследствии, растлѣнной грѣхомъ, простой, близкій къ природѣ образъ жизни, самое состояніе человѣческаго тѣла, сохранившаго довольно первобытныхъ совершенствъ, — ибо чѣмъ меньше было предковъ, тѣмъ меньше наслѣдственной порчи могло перейти къ потомкамъ, — все это такія обстоятельства, которыя составляютъ преимущество временъ первобытныхъ передъ позднѣйшими. Съ теченіемъ времени жизнь человѣческая сократилась до предѣловъ, о которыхъ еще Моисей сказалъ: «дней лѣтъ нашихъ всего до семидесяти лѣтъ, а при большей крѣпости до осьмидесяти лѣтъ» (Пс. 89, 10.). Впрочемъ здѣсь берется среднее количество, ибо и послѣ встрѣчались, и нынѣ встрѣчаются примѣры людей,

живущихъ до 100 и даже 150 лѣтъ. Самъ Моисей, оплакивающій скоротечность человѣческой жизни, умеръ ста двадцати лѣтъ, и притомъ въ крѣпости силъ тѣлесныхъ: «зрѣніе его не притупилось и крѣпость въ немъ не истощилась (Второз. 34, ч.) а).

Есть старцы, на которыхъ, какъ на Моисея, время мало обнаруживаетъ свою разрушительную силу. Халеву, современнику Моисея, было восемьдесятъ пять лѣтъ, когда онъ пришелъ въ землю обѣтованную и искалъ въ ней мѣста для водворенія себя съ семействомъ. Онъ былъ изъ числа двѣнадцати соглядатаевъ, которые за 45 лѣтъ предъ симъ посланы были Моисеемъ осмотрѣть Ханаанскую землю. За добросовѣстность, съ какою Халевъ вмѣстѣ съ Іисусомъ Навиномъ далъ отчетъ народу о видѣнной имъ странѣ, и за обнаруженное при семъ случаѣ твердое упованіе на Бога, онъ получилъ отъ Моисея обѣщаніе хорошаго надѣла по занятіи этой стра-

а) Въ 1836 году въ таблицѣ смертности, опубликованной Академіею наукъ, значился человѣкъ, прожившій отъ 160 до 165 лѣтъ. Въ Йоркширѣ близъ Ричмонда, въ церкви Больтона, есть могила рыбака Дженкинса, прожившаго 169 лѣтъ, и умершаго въ 1670 году. Въ прошломъ году во многихъ изданіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ повторено извѣстіе о 130-лѣтнемъ заштатномъ священникѣ Кишеневской епархіи Харлампіевѣ, досель по временамъ совершающемъ требы, и о сынѣ его, заштатномъ же, свѣше столѣтнемъ священникѣ. Руков. для сельск. паст. 1864 N 45.

ны. Наступило время исполненія обѣщанія. Утверждаясь на немъ, Халевъ просилъ у Иисуса Навина въ удѣлъ себя Хевронъ, еще впрочемъ не очищенный отъ гнѣздившихся здѣсь инородцевъ. Не смотря на преклонные годы, Халевъ смѣло рѣшается идти на встрѣчу опасности, съ которою соединено было завоеваніе этого удѣла. «Теперь мнѣ восемьдесятъ пять лѣтъ, говорилъ онъ Навину, но и нынѣ я столько же крѣпокъ, какъ и тогда, когда посылалъ меня Моисей; сколько тогда было у меня силы, столько и теперь есть для того, чтобы воевать, и выходить и входить» (Нав. 14, 10. 11.). И Господь помогъ Халеву съ успѣхомъ исполнить предпріятіе, на которое повидимому способны отваживаться только люди въ цвѣтущемъ возрастѣ. Чѣмъ же заслужилъ онъ какъ эту милость отъ Бога, такъ и ту, что онъ одинъ изъ сверстниковъ своихъ сподобился отъ Бога милости дожить до завладѣнія земли ханаанской? Тѣмъ, что «въ точности послѣдовалъ повелѣнію Іеговы, Бога израилева» (— 14.). Примѣры крѣпкихъ подобно Моисею и Халеву старцевъ встрѣчаются и доселѣ. Немало и теперь людей, про которыхъ можно сказать, что листья ихъ не вянутъ (Пс. 1, 3.), хотя наступила для нихъ зима старости. Они пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ, съ юношескою бодростію предаются неутомимой дѣятельности, твердо держатъ въ рукѣ своей кормило домашней и общественной власти. И на вопросъ: чѣмъ сохранили

они въ себѣ юношескую свѣжесть? въ большей части случаевъ можетъ быть данъ отвѣтъ: благочестіемъ. Оно спасло ихъ отъ жизни разсѣянной и невоздержной; оно научило ихъ смотрѣть на тѣло, какъ на храмъ живущаго въ немъ Духа Святаго, и бдѣть надъ его чистотою; оно внушило имъ въ трудолюбіи видѣть добродѣтель, въ праздности порокъ, и чрезъ то помогло имъ сберечь здоровье, укрѣпило ихъ тѣлесныя силы. Но еще замѣчательнѣе духовная свѣжесть многихъ старцевъ. Они поражаютъ твердостію и ясностію разсудка, силою памяти и воображенія; сердце ихъ съ юношески жаромъ бьется сочувствіемъ ко всему истинно доброму и прекрасному; чѣмъ ближе они къ смерти, тѣмъ теплѣе становится ихъ молитва, тѣмъ крѣпче упованіе на Бога, тѣмъ свѣтлѣе ихъ взоръ на будущую жизнь, тѣмъ съ большею ревностію они подвижаются въ дѣлахъ любви къ Богу и ближнимъ. О нихъ нельзя сказать, что они отжили свой вѣкъ, что они бремяютъ собою землю, что пора имъ на вѣчный покой. Нѣтъ, жизнь ихъ благословеніе неба землѣ, и смерть — великая утрата для общества.

Впрочемъ примѣры старцевъ-юношей очень не многочисленны въ сравненіи съ количествомъ старцевъ немощныхъ и дряхлыхъ. Господу угодно посылать намъ старость въ соединеніи съ немощами, конечно для того, чтобы смерть не нападала на насъ врасплохъ: немощи

и болѣзни — это вѣстники, напоминающіе намъ о близости смерти и о надлежащемъ приготовленіи къ исходу въ вѣчность. Немощи старости обнаруживаются въ душевныхъ и тѣлесныхъ силахъ. Разсудокъ у большей части старцевъ, при здоровомъ состояніи души и тѣла, правда, еще сохраняетъ ясность и даже отчетливѣе и основательнѣе, чѣмъ у молодыхъ; равно и воля не теряетъ прежней твердости и энергіи. Но способность воспріятія впечатлѣній внѣшняго и внутренняго міра и усвоенія ихъ сознаніемъ все болѣе слабѣетъ; а удержать въ памяти воспринятое становится все труднѣе даже для тѣхъ старцевъ, въ которыхъ способность воспріятія сохранила прежнюю силу. Старецъ легко забываетъ сегодня, что услышалъ или узналъ вчера. Даже изъ молодыхъ многіе жалуются на тотъ недостатокъ памяти, что если имъ нужно вспомнить что нибудь для справки, напр. стихъ, число, имя, фактъ, имъ никакъ это неудается сразу при всѣхъ усиліяхъ, тогда какъ чрезъ нѣсколько дней безъ всякихъ усилій и нужды забытое само собою приходитъ имъ на память. Въ старцахъ этотъ недостатокъ — самый обыкновенный. Они уже не могутъ по прежнему господствовать надъ запасами свѣденій, хранимыхъ въ памяти. Весьма замѣчательно также, что старцы случившееся въ молодости лучше помнятъ, чѣмъ случившееся недавно. Образы мѣстностей, лицъ, приключенія, воспринятія душою въ юныхъ годахъ, старецъ

легко припоминаетъ и воспроизводитъ, даже со всѣми незначительными подробностями; напротивъ черты видѣнныхъ имъ въ позднѣйшее время явленій и лицъ, часто чрезъ нѣсколько дней, совсѣмъ изглаживаются изъ его памяти. Причиною такой слабости памяти служить упадокъ силы воображенія въ старцахъ. Въ молодые годы воображеніе похоже на мягкій воскъ, легко отпечатлѣвающій предметы, а въ годы старости, оно, словно затвердѣвшій воскъ, утрачиваетъ свою воспріимчивость, и тѣмъ затрудняетъ старцу воспоминаніе недавно узнаннаго. Въ молодости воображеніе налагаетъ свою печать даже на отвлеченныя мысли, облекая ихъ въ поэтическіе образы и картины, напротивъ старецъ любитъ обращать вниманіе на одну сущность предмета, и самыя такъ называемыя живыя явленія представляетъ въ сухой, отвлеченной формѣ.

Обращаемся къ тѣлеснымъ немощамъ старости. Постепенное оскудѣніе тѣлесныхъ силъ въ старцѣ наконецъ переходитъ въ то состояніе, поучительное иносказательное описаніе котораго встрѣчаемъ въ 12-й главѣ Екклесіаста. Предлагаемъ вниманію читателя это описаніе съ необходимыми объясненіями.

Ст. 1. «Помни, юноша, Создателя своего въ дни молодости твоей, пока не наступили злые дни, и не пристигли лѣта, о которыхъ скажешь: нелюблю я ихъ». Дни злые—это дни старости, какъ дни немощей и болѣзней (Быт. 47, 9.).

Памятью о сихъ дняхъ юноша долженъ удерживать себя отъ легкомыслія и забвенія Бога, чтобы впослѣдствіи, когда придетъ старость, къ обычнымъ скорбямъ, свойственнымъ этому возрасту, не примѣшалась еще горечь сожалѣнія о безумно растроченной молодости.

2. «Пока не померкло солнце, и свѣтъ, и мѣсяцъ и звѣзды; тогда вслѣдъ за дождемъ понесутся новыя тучи». Въ сихъ словахъ старость изображается подъ образомъ восточной зимы, которая состоитъ изъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ холоднаго дождя и снѣга, и въ это время небо почти всегда бываетъ покрыто облаками, сокрывающими днемъ солнце, а ночью луну и звѣзды. Едва очистится воздухъ отъ дождевыхъ паровъ, какъ появляются новыя облака, которыя опять закрываютъ солнце, показавшееся на короткое время. Въ приложеніи къ старости помраченіе свѣта отъ солнца, луны и звѣздъ означаетъ оскудѣніе душевныхъ силъ и притупленіе внѣшнихъ чувствъ, облака за облаками — это болѣзнь за болѣзнію, печаль за печалію.

3. «Въ тотъ день, какъ задрожать стражи дома, и скорчатся силачи, и моломщицы перестанутъ молоть, потому что ихъ немного останется, и потемнѣютъ выглядывающія изъ оконъ». Здѣсь тѣло, какъ мѣсто обитанія души, сравнивается съ домомъ. Стражи дома—это руки, которыми человѣкъ охраняетъ и защищаетъ тѣло,—въ старости онѣ дрожать. Силачи — это ноги,

которыя поддерживаютъ тѣло, какъ колонны дома (Пѣсн. Пѣс. 5, 15.). Въ старости ноги—ненадежная опора для тѣла. Молольщицы — это зубы, раздробляющіе подобно жернову пищу во рту. Ихъ останется такъ мало, что нечѣмъ будетъ жевать. Выглядывающія изъ оконъ—это глаза,—они потемнѣютъ въ старости.

4. «И запрутся двери на улицу, когда голосъ мельницы затихнетъ; и будетъ вставать человѣкъ при первомъ голосѣ птички, и осипнуть для него всѣ дщери пѣнія». Двери на улицу — это губы. У стариковъ, которыхъ челюсти лишены зубовъ, онѣ плотно сжимаются. За сжатыми губами едва примѣтно жеваніе, производимое отвердѣвшими челюстями, потому и сказано: голосъ мельницы затихнетъ.—Словами: «и будетъ вставать человѣкъ при первомъ голосѣ птички», изображается слабость сна, который у стариковъ прерывается отъ легкаго звука птицы. «И осипнуть дщери пѣнія», т. е. ослабѣютъ органы пѣнія: языкъ, легкія, горло, зубы и проч. При ослабѣніи сихъ органовъ, старики не могутъ громко пѣть и говорить.

5. «И высокаго мѣста будешь бояться, и на дорогѣ дрожать; и зацвѣтетъ миндальное дерево, и саранча растучнѣетъ, и начнутъ каперцы расторгаться, потому что отходить человѣкъ въ домъ вѣчности своей, и на улицѣ готовы обступить его плакальщицы». Робкій и хилый старецъ «будетъ высокаго мѣста бояться и на дорогѣ

дрожать»: т. е. онъ не только не въ силахъ подняться на высокій холмъ, но и на ровной дорогѣ спотыкается. «И зацвѣтетъ миндальное дерево». Цвѣтъ этого дерева сначала бываетъ красноватый, потомъ блѣднѣетъ и измѣняется въ бѣлый, — образъ сѣдыхъ волосъ. Притомъ миндальное дерево цвѣтетъ еще въ январѣ, следовательно среди зимы, съ которою Екклесіастъ во 2 стихѣ сравниваемъ время старости. «Саранча растучнѣетъ». Тощая и прыгающая саранча — образъ бодраго юноши; отолстѣвшая и лѣнивая — образъ сгорбленнаго и тяжелаго на подъемъ старца. «И начнутъ каперцы расторгаться»: т. е. какъ шелуха на плодахъ каперцоваго дерева, когда они созрѣютъ, расторгается и опадаетъ, такъ и человекъ, достигшій преклонныхъ лѣтъ и созрѣвшій для вѣчности, слагаетъ оболочку тѣла, или, какъ сказано далѣе, отходить въ домъ вѣчности, — въ могилу, куда будутъ сопровождать его наемныя плакальщицы. — Далѣе въ стихѣ 6-мъ изображается смерть подъ образомъ паденія золотой лампадки съ порвавшеюся цѣпочкою (подъ лампадкою разумѣется сердце, подъ цѣпочкою — сцѣпленіе нервовъ), и подъ образомъ разрушенія снарядовъ для доставанія воды изъ колодезя.

Немощи старческаго возраста — это предтечи смерти, это голоса трубы, которою Господь громко напоминаетъ намъ о близости ея и о приготовленіи къ исходу въ вѣчность. И какъ бла-

готоворно для насъ это напоминаніе! Не для того ли притупляется въ старцѣ воспріимчивость къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, чтобы ослабѣла въ немъ склонность къ тѣмъ разслабляющимъ душу удовольствіямъ, которыя доставляемы были ему чрезъ чувства зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія, осязанія? Не для того ли постепенно отказываются служить старцу орудія сношенія его съ внѣшнимъ міромъ, чтобы онъ сосредоточилъ свое вниманіе на своей душѣ и искалъ удовольствія въ общеніи ея съ Богомъ? Царь Давидъ, желая наградить заіорданскаго жителя, старца Верзеллія за гостепріимство, оказанное ему во время бѣгства отъ Авессалома, сталъ приглашать его въ Іерусалимъ на постоянное жительство; но старецъ отвѣчалъ: «гдѣ мнѣ въ мои годы идти съ царемъ въ Іерусалимъ? Мнѣ уже восемьдесятъ лѣтъ: различу ли я, что пріятно, и что непріятно? Уже ли рабъ твой знаетъ вкусъ въ томъ, что ѣсть и пьеть? Мнѣ ли разслушать голосъ пѣвцовъ? И за чѣмъ рабъ твой будетъ въ тягость государю моему царю? Пусть я умру въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ гробъ моего отца и моей матери» (2 Цар. 19). Не пришелъ въ восторгъ восьмидесятилѣтній старецъ отъ предложенія царскаго, не захотѣлъ извѣдать удовольствія столичной и придворной жизни. Не объ удовольствіяхъ онъ помышлялъ, а о смерти; время для нихъ прошло, чувства его утратили способность различать пріятное и непріятное;

онъ не только себѣ не обѣщаетъ радости отъ веселой жизни среди веселаго столичнаго общества, но еще боится быть въ тягость этому обществу присутствіемъ среди его. Не вблизи, а какъ можно подалеже отъ суеты мірскихъ хочетъ онъ провести остатокъ дней своихъ. Подобное настроеніе духа должно быть свойственно каждому старцу, чувствующему ослабленіе силъ. Чѣмъ тупѣе становятся его чувства для внѣшнихъ впечатлѣній, тѣмъ сильнѣе должна быть въ немъ потребность жизни внутренней. Шумъ суеты мірской для него мало по малу самъ собою затихаетъ; такъ пусть онъ тѣмъ внимательнѣе прислушивается къ голосу своей совѣсти, пусть занимается дѣломъ самоиспытанія. Немоги и болѣзни заставляютъ его сидѣть дома; пусть же онъ въ тишинѣ домашняго уединенія, особенно въ безсонныя длинныя ночи, когда все вокругъ него спитъ, даетъ себѣ отчетъ о томъ пути, которымъ шелъ доселѣ. Когда онъ оглянется на прошлую свою жизнь, нѣтъ сомнѣнія, она во многихъ отношеніяхъ покажется ему въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Если вечеръ cadaго отдѣльнаго дня невольно располагаетъ многихъ къ размышленію, вслѣдствіе котораго дѣла дня являются предъ судомъ совѣсти совсѣмъ не такими, какими казались въ минуту совершенія ихъ, и взоръ невольно обращается тогда къ незаходимому солнцу благодати: не тѣмъ ли паче эти трезвыя размышленія должны посѣ-

щать нашу душу въ вечернія сумерки нашей жизни? Предметы и радости, за которыми мы прежде гонялись съ такимъ увлеченіемъ, тогда утратятъ для насъ силу обаянія. Грѣхи, которые мы давно забыли, которыхъ дотолѣ не сознавали, которые старались извинить разными смягчающими обстоятельствами, возстанутъ тогда изъ глубины сознанія, и мы удивимся, какъ прежде могли не замѣчать той черноты, съ какою теперь предстанутъ они очамъ нашимъ. Легкій трепеть проникаетъ души даже глубоко падшихъ людей, когда совѣсть на старости лѣтъ заговорить имъ обличительнымъ языкомъ, отъ котораго дотолѣ, услаждаясь мірскимъ шумомъ, они отвращали свой слухъ. Никому такъ не бываетъ понятна, какъ изнемогающему старцу, вся суетность благъ и радостей міра, которыми онъ уже не можетъ наслаждаться, и вотъ онъ начинаетъ помышлять о благахъ и радостяхъ, вѣчно пребывающихъ. Міръ наскучилъ старцу, и вотъ онъ начинаетъ искать общенія съ Богомъ. И Богъ съ любовію обращаетъ лице свое къ тѣмъ, которые ищутъ его. Господь Іисусъ, во время земной своей жизни съ любовію посѣщавшій ветхія хижины бѣдняковъ, готовъ и теперь съ радостію вступить въ бѣдную, близкую къ разрушенію храмину старческаго тѣла. И свѣтло становится въ этой храминѣ, и усладительнѣйшая бесѣда съ Господомъ неумолкаетъ въ ней. Это молодость въ старости! И какъ много старцевъ,

которые вступили на путь спасенія уже тогда, когда дряхлость сдѣлала ихъ неспособными жить для міра! Какъ много такихъ, которые потрясены страхомъ суда Божія впервые только на старости, и которые только тогда могли оцѣнить спасительную силу страданій и смерти Богочеловѣка, почувствовать нужду въ милосердіи Божиѣмъ!

Итакъ не ропщи, почтенный старецъ, на немощи и болѣзни, свойственныя твоему возрасту, а лучше благодари за нихъ Господа. Онѣ—не зло, а благодѣяніе для тебя, ибо напоминаютъ тебѣ о близости смерти, располагаютъ къ покаянію и способствуютъ къ тому, чтобы по мѣрѣ болѣзненнаго разрушенія вѣшняго человѣка обновлялся внутренній. Но старость и сама по себѣ, независимо отъ соединенныхъ съ нею немощей и болѣзней, есть великое благо. Есть старики, которые недорожатъ этимъ благомъ, которые стыдятся сѣдинъ своихъ, стараются казаться молодыми, умаляютъ число своихъ лѣтъ и обижаются напоминаніемъ о ихъ преклонныхъ лѣтахъ. Но есть не мало и молодыхъ, которые не цѣнятъ въ старцахъ ихъ старости, не оказываютъ подобающаго ихъ возрасту почтенія и оскорбляютъ ихъ глумленіями. И старцы, стыдящіеся старости, и молодые неуважающіе ихъ, поступаютъ неизвинительно, ибо долготѣіе, по ученію слова Божія и по общему здравому разсужденію, составляетъ великую честь, которою мы должны дорожить въ себѣ и въ другихъ.

«Сойдешь въ полнотѣ во гробъ, какъ восходить скирдъ сноповъ въ свое время» (Іов. 5, 26), сказалъ Іову одинъ изъ друзей его, изображая блаженство человѣка, смиренно покоряющагося волѣ Божіей. Многозначительное сравненіе! Старость—скирдъ сноповъ созрѣвшаго и сжатого хлѣба. Это значить, что старость есть исполненіе цѣли земной жизни, вѣнецъ ея, подобно тому, какъ скирдъ сноповъ — вѣнецъ трудовъ земледѣльца. Труды земледѣльца недостигли бы своей цѣли, пропали бы даромъ, если бы посѣянные имъ сѣмена не принесли плода, если бы засуха, или холодъ не дали дозрѣть хлѣбу на полѣ: равно и жизнь человѣческая недостигла бы своего назначенія, если бы прервалась преждевременно, и если бы такимъ образомъ человѣкъ не успѣлъ сдѣлать всего, что ему надлежало бы сдѣлать въ кругѣ тѣхъ занятій и отношеній, въ которыя онъ поставленъ промысломъ Божиимъ, если бы не успѣлъ пріобрѣсть тѣхъ достоинствъ, которыя могутъ быть плодомъ преимущественно долголѣтней жизни. Какія же это достоинства? Опытность, или благоразуміе, и преуспѣяніе въ добродѣтельной жизни.

«Въ старцахъ мудрость и въ долголѣтнихъ разумъ (Іов. 12, 12), сказалъ Іовъ. Подъ мудростію, свойственною старости, разумѣется благоразуміе, т. е. умѣнье или искусство пользоваться жизнію ко благу собственному и ближнихъ своихъ, и въ славу Божию. Правда, такое благо-

разуміе можетъ быть достояніемъ не одного старческаго возраста: «немноголѣтныя бываютъ мудры, и не старики разсудительны,» сказала Іову молодой другъ его Еліусъ. И молодые по возрасту могутъ быть стары по уму,—все это такъ; но съ другой стороны укрѣпленное годами благоразуміе старца имѣетъ преимущество предъ скороспѣлымъ благоразуміемъ юноши. Утѣшительно бывасть видѣть юношу съ мудростію старца. О такомъ юношѣ обыкновенно говорятъ: онъ подаетъ надежды, онъ обѣщаетъ много. Но какъ часто видимъ, что эти надежды не сбываются, что юноша, удивлявшій насъ благоразуміемъ не по лѣтамъ, съ годами дѣлается примѣромъ неблагоразумія и легкомыслія! Какъ часто бываетъ, что люди, получившіе многостороннее образованіе и полный запасъ свѣдѣній, нужныхъ для жизни, не умѣютъ воспользоваться ими, какъ только вступятъ въ общественную жизнь, и на каждомъ шагѣ подвергаются ошибкамъ и заблужденіямъ! Отъ чего, казалось бы, быть этимъ ошибкамъ и заблужденіямъ, когда правила благоразумія и мудрости, усвоенныя юношею чрезъ воспитаніе, должны были бы оградить его отъ нихъ? Отъ чего? Отъ недостатка собственной опытности. Дѣло не въ томъ, чтобы имѣть готовые правила благоразумія и быть убѣждену въ ихъ полезности, а въ умѣньи пользоваться ими въ разныхъ случаяхъ жизни. А это умѣнье пріобрѣтается невдругъ. Вѣкъ живи, вѣкъ

учись. Жить благоразумно научаетъ самая жизнь. Юноша, начинающій жить самостоятельно, не долженъ думать, что ему остается лишь пожинаать плоды полученнаго воспитанія. Нѣтъ, ему предстоитъ новый трудъ ученія. До сихъ поръ онъ, можно сказать, жилъ чужимъ умомъ; теперь ему приходится взяться за свой. Неизвѣстно, скоро ли юноша пріобрѣтетъ свой умъ, скоро ли достигнетъ возможности сказать по праву: я знаю это по личному моему опыту и многочисленными опытами и случаями оправданному убѣжденію. Но старецъ имѣетъ право это сказать. Долговременная жизнь обогащаетъ каждого опытностію, которая не только его самого спасаетъ отъ многихъ ошибокъ въ жизни, но можетъ быть полезна и другимъ, если другіе готовы воспользоваться его совѣтами.

Старцамъ свойственно превосходить людей прочихъ возрастовъ не только опытностію, но и нравственною жизнию. Жизнь христіанская должна быть подвигомъ непрерывнаго духовнаго усовершенствованія; христіанинъ постепенно долженъ восходить отъ совершенства къ совершенству, чтобы достигнуть въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Какъ бы далеко ни ушелъ онъ по пути духовнаго совершенства, онъ никогда не долженъ говорить: довольно. Путь этотъ такъ длиненъ и такъ затруднителенъ, что еслибы человекъ прожилъ болѣе тысячи лѣтъ, то и тогда не могъ бы почитать себя достигшимъ цѣли.

Ктоже однако можетъ дальше уйти по этому пути,—молодой, или старый? Безъ сомнѣнія—старый. Молодой только еще начинаетъ духовное поприще, а старый уже давно вступилъ на него, извѣдалъ на немъ множество искушеній и опасностей, и множество затрудненій въ борьбѣ со врагами спасенія, не разъ падалъ и возставалъ отъ паденія при помощи благодати Божіей, и послѣ cadaго возстанія болѣе и болѣе укрѣплялся въ духовной брани. Мы съ почтеніемъ смотримъ на молодаго воина, успѣвшаго показать свои военныя способности въ бояхъ со врагами отечества, но еще большаго почтенія заслуживаетъ воинъ посѣдѣвшій въ битвахъ и со славою оканчивающій свое боевое поприще. Первый внушаетъ только надежду, что онъ также блистательно кончитъ военное поприще, какъ блистательно началъ, но эта надежда можетъ еще не исполниться. Напротивъ на послѣдняго мы смотримъ съ однимъ удивленіемъ къ его уже многочисленными опытами засвидѣтельствованному заслугамъ. Подобно сему добродѣтельная старость имѣетъ больше правъ на наше почтеніе, чѣмъ много-обѣщающая въ нравственномъ отношеніи молодость.

Опытъ свидѣлствуетъ, что преуспѣяніе въ благоразуміи и добродѣтели не всегда соединяется съ старостію, что многіе юноши превосходятъ многихъ старцевъ этими достоинствами. Посему писатель книги Премудрости въ успокоеніе скор-

блжшмъ о ранней кончинѣ праведниковъ сказалъ: «почтенная старость не состоитъ въ множествѣ лѣтъ и неизмѣняется числомъ лѣтъ. Но мудрость есть сѣдина человѣку и непорочная жизнь—возрастъ старости» (Прем. 4, 8. 9.). Но и въ сихъ словахъ, повидимому неблагопріятствующихъ старости, косвенно выражается почтеніе къ ней. Ибо не къ чести ли этого возраста относится то, что ветхозавѣтный писатель, желая похвалить и ублажить юношей, преуспѣвшихъ въ мудрости и добродѣтели, ничего лучше не нашелъ сказать въ похвалу имъ, какъ сравнить ихъ со старцами по возрасту, которымъ мудрость и добродѣтели также естественны, какъ сѣдины?

Нравственные достоинства, украшающія старцевъ, драгоцѣнны не только сами по себѣ, но и потому, что имѣютъ благотворное значеніе для ближнихъ. Какъ счастливо семейство, въ средѣ котораго живетъ мудрый и добродѣтельный старецъ! Для дѣтей и внуковъ онъ живая книга, повѣдающая имъ о милосердіи Божіемъ, опыты котораго онъ столь многократно видѣлъ надъ собою. Онъ находитъ великое удовольствіе рассказывать имъ въ поученіе приключенія изъ своей жизни, счастливыя и несчастныя, которыми Промыслъ велъ его къ спасенію. Для молодыхъ поколѣній онъ стражъ и проводникъ добрыхъ преданій и обычаевъ, наслѣдованныхъ отъ древнихъ родовъ. Онъ, какъ охранительное начало въ своемъ семействѣ, противодѣйствуетъ втор-

женію въ него вредныхъ вліяній со стороны. Онъ апостоль Начальника мира въ своемъ домѣ; время и опытъ научили его спокойствію и самообладанію въ обращеніи съ ближними; онъ давно пережилъ то время, когда онъ самъ любилъ о многомъ поспорить и погорячиться; теперь онъ съ улыбкою вспоминаетъ это время и одушевляющій его духъ миролюбія и самообладанія онъ старается водворить въ окружающихъ, подражая св. апостолу Іоанну Богослову, который въ преклонныхъ лѣтахъ чаще всего напоминалъ своимъ ученикамъ: чадца, любите другъ друга. Доброе вліяніе мудраго и благочестиваго старца не прекращается съ его смертію. Отходя на вѣчный покой, онъ завѣщаетъ своимъ домашнимъ, какъ лучшее наслѣдство, память о тѣхъ правилахъ, какими самъ руководствовался въ жизни и другихъ руководствовалъ. И гдѣ свято сохраняется эта память, тамъ неотступно пребываетъ благословеніе Божіе. — Не только въ кругу домашнемъ, но въ дѣлахъ общественныхъ старцы имѣютъ великое значеніе. Съ такимъ значеніемъ являются они у Евреевъ во время пребыванія въ Египтѣ. Въ лицѣ старцевъ, какъ представителей всего народа израильскаго, Моисей объявляетъ ему волю Божію объ изведеніи изъ Египта (Исх. 3, 16; 4, 29.), о приготовленіи пасхальнаго агнца (—12, 21.). По изшествіи изъ Египта изъ старцевъ избираются члены совѣта въ числѣ 70-ти, въ помощь Моисею, для

управленія народомъ (Числ. 11, 16.). Старцы являются главами колѣнъ израилевыхъ (Второз. 31, 28. 2 Цар. 19, 11.), городовъ (Второз. 19, 12; 21, 3. 6. 1 Цар. 11, 3.), у воротъ которыхъ они производили судъ (Руц. 4, 2 и д.). При всенародныхъ жертвоприношеніяхъ старцы присутствовали въ качествѣ представителей всего общества израильскаго (Лев. 4, 15; 9, 1. 1 Цар. 15, 30.). Не всегда конечно такое общественное значеніе принадлежало старцамъ по возрасту, но несомнѣнно, что первоначально оно имъ однимъ исключительно принадлежало и уже впоследствии они раздѣляли его съ людьми, которые назывались старцами въ одномъ почетномъ смыслѣ. И доселѣ въ благоустроенныхъ государствахъ первенствующее значеніе въ дѣлахъ общественныхъ большею частію принадлежитъ старцамъ. И горе тому государству, тому обществу, гдѣ пренебрегаютъ совѣтами старцевъ, и предпочитаютъ имъ молодыхъ. Ровоамъ сынъ и наслѣдникъ Соломона непослушалъ старцевъ, бывшихъ совѣтниками отца его, которые совѣтовали сыну быть снисходительнымъ къ подданнымъ. Внявъ внушенію молодыхъ сверстниковъ, онъ началъ свое царствование угрозами подданнымъ. Слѣдствіемъ было то, что онъ лишился власти надъ десятью колѣнами и остался царемъ только надъ двумя. Угрожая Израильскому народу общественными бѣдствіями, Господь въ числѣ ихъ указываетъ

униженіе старцевъ и господство юношей: «И поставлю начальниками надъ ними отроковъ, и мальчики надъ ними будутъ господствовать. И народъ въ угнетеніи будетъ; юноша нагло будетъ превозноситься надъ старцемъ, и чловѣкъ маловажный надъ именитымъ» (Иса. 3, 4. 5). Бѣдствіе, какимъ Господь грозитъ Евреямъ, тяжелое для старцевъ, привыкшихъ къ почету, тяжело и для народа: ибо трудно ожидать, чтобы уважали благо общественное, правосудно управляли народомъ тѣ, которые легкомысленно и нагло обращаются со старцами.

Дерзкое, неуважительное обращеніе со старцами тѣмъ возмутительнѣе, чѣмъ трогательнѣе попеченіе Господа о поддержаніи уваженія къ нимъ. Господь чрезъ Моисея заповѣдуетъ Израилю касательно того, какъ должно вести себя въ отношеніи къ старцамъ: «предъ лицомъ сѣдаго возстани, и почти лице старче, и да убоишися Господа Бога твоего» (Лев. 19, 12), т. е. кто бы и каковъ бы ни былъ старецъ, будь къ нему вѣжливъ и почтителенъ. Не всѣ старцы достойны почтенія по личнымъ своимъ качествамъ, но всѣ имѣютъ на него право по своему возрасту, по своимъ сѣдинамъ. Оскорблять ихъ непочтительностію нельзя безнаказанно. По немощи своей они не всегда могутъ сами оградить и защитить себя отъ оскорбленій, зато они имѣютъ въ Богѣ сильнаго защитника и отмстителя. Побойся Бога и Его гнѣва.—Немало старцевъ,

которыхъ или по долгу начальника, или по христіанской любви должны вразумлять, или удерживать отъ какихъ либо непсхвальныхъ дѣйствій люди молодые. Но люди молодые и въ отношеніи къ таковымъ старцамъ должны поступать какъ можно мягче и почтительнѣе. Ап. Павелъ пишетъ молодому епископу Тимоѳею: «старца не укоряй; но умоляй, якоже отца, старицы, якоже матери» (1 Тим. 5, 1. 2). Если съ сыновнимъ почтеніемъ должны относиться къ старцамъ даже тѣ изъ молодыхъ людей, которые имѣютъ власть надъ ними, то не болѣе ли почтительны къ нимъ должны быть другіе?

Долголѣтіе есть одно изъ вождельныхъ благословеній, обѣщанныхъ Богомъ въ награду людямъ вѣрно служащимъ Богу, боящимся и чтущимъ Его. Слѣдственно отказывать въ почтеніи старцамъ значитъ пренебрегать благословеніе Божіе, о которомъ свидѣтельствуетъ старческій возрастъ. «Служите Господу вашему, и Онъ благословитъ васъ,» говоритъ Моисей Израилю отъ лица Божія, и въ числѣ сихъ благословеній упоминаетъ о долголѣтіи: «число дней твоихъ сдѣлаю полное» (Исх. 23, 26). Ходите по всему пути, по которому повелѣлъ вамъ Іегова Богъ вашъ, дабы вы были живы и хорошо было вамъ, и прожили много времени на той землѣ, которую получите въ наслѣдіе» (Второз. 5, 33.). Соломону Господь сказалъ: «аще пойдеши путемъ Моимъ сохранить заповѣди Моя и

повелѣнія моя, якоже хождаше Давидъ отецъ твой, и умножу дни твоя» (3 Цар. 3, 14.). Самъ Соломонъ сказалъ въ книгѣ Притчей: «Страхъ Іеговы прибавитъ дней, и годы беззаконныхъ сократятся» (Прит. 10, 27.), и еще: «сѣдина есть вѣнецъ красоты» (—16, 31.). Господь также общаетъ благословить старостию почтительныхъ къ родителямъ: «почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебѣ было хорошо и чтобы продлились дни твои» (Исх. 20, 12.).

Но старость есть благословеніе или милость Божія не только для благочестивыхъ и добродѣтельныхъ, но и для равнодушныхъ къ своему спасенію. Если однимъ эта милость дается въ награду за благочестіе и добродѣтели, то другимъ въ поощреніе къ покаянію и исправленію. Богъ долготерпитъ ихъ недостойнству, ожидая отъ нихъ плодовъ покаянія и добродѣтели, подобно тому, какъ садовникъ, упоминаемый въ притчѣ Спасителя, не спѣшитъ срубить смоковницу, уже три года неприносящую плода, и надѣется, что если оставить ее еще на годъ, то она при тщательномъ уходѣ за нею можетъ быть принести плодъ (Лук. 13, 6—9). Милосердый Господь самымъ долготѣіемъ призываетъ къ покаянію старцевъ, которые дотолѣ были безпечны въ дѣлѣ спасенія. И горе имъ, если они не принесутъ плодовъ, какихъ ожидаетъ отъ нихъ Господь, предлагающій имъ всѣ средства спасенія чрезъ свою святую Церковь: и молитвы, и

тайинства, и чтеніе Писанія, и внушеніе пастырей церкви! Да устрашитъ ихъ участь срубленной безплодной смоковницы.

Къ сожалѣнію, есть не мало стариковъ, которые не цѣнятъ къ нимъ милости Божіей, призывающей ихъ къ покаянію. Немало такихъ, которые давно дожили до сѣдыхъ волосъ, но не оставили юношескаго легкомыслія и имѣютъ развращенное сердце. Это тѣ, которые находятъ удовольствіе въ распространеніи вольнодумныхъ мыслей и въ кощунствѣ (подобно Волтеру), глумятся надъ учрежденіями Церкви, сквернословятъ, пьянствуютъ, стараются казаться молодыми и распутничаютъ, постоянно находятъ въ зломъ расположеніи духа, то надоѣдаютъ всѣмъ и каждому подробными разсказами о своихъ страданіяхъ, то жалуются, что люди стали дурны и испорчены. Среди всеобщаго развращенія и нечестія—они, по ихъ словамъ, все лучше другихъ, — такъ велико ихъ самообольщеніе и ослѣпленіе! Есть немало стариковъ, преданныхъ страсти любостыжанія и скряжничества, до которыхъ не доходитъ голосъ: «безумный, въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ?» (Лук. 12, 20.). Ничего не можетъ быть жалче всѣхъ таковыхъ стариковъ. Если предается всѣмъ изчисленнымъ порокамъ юноша, это ужасно. Но сердце юноши — мягкій воскъ, на немъ легко могутъ быть изглажены напечатлѣнія страстей, и также легко можетъ быть напечатлѣно добро.

Касательно юноши можно надѣяться, что съ лѣтами онъ остепенится, исправится. Но надежда на исправленіе глубоко погрязшаго въ грѣхахъ старика тѣмъ менѣе сбыточна, чѣмъ короче осталось отмѣренное для него поприще жизни. На всѣ попытки ваши подѣйствовать на него вразумленіями и кроткими обличеніями онъ будетъ отвѣчать одно: меня уже поздно учить.

Но нѣтъ бездны, изъ которой бы немогла извлечь всемогущая благодать Божія. Она готова подать руку помощи всякому, кто только возчувствуетъ нужду въ этой помощи и воззоіетъ къ Богу о помилованіи. Такъ пусть же старецъ не заглушаетъ голоса благодати, призывающей его ко спасенію, и остальное время жизни пусть употребить на подвиги покаянія и исправленія. Пусть не говоритъ: поздно. Изъ притчи Спасителя о работникахъ въ виноградникѣ, получившихъ одинакую плату отъ хозяина, хотя одни изъ нихъ призваны на работу въ ранніе часы дня, другіе подъ конецъ дня,—изъ этой притчи видно, что Господь не только не отвергаетъ приходящихъ къ Нему въ позднее время жизни, но и готовъ дать имъ, если искренно раскаются, одинаковую награду съ тѣми, которые служили Ему съ ранней поры жизни.

Впрочемъ если, при помощи благодати Божіей, могутъ спастись люди, поздно обращающіеся къ Господу, то съ другой стороны не всегда можно ручаться за спасеніе тѣхъ, которые съ ранняго возраста вели богоугодную жизнь. Эта опасность

погибели грозить тѣмъ изъ нихъ, которые, послѣ продолжительной и тяжкой борьбы съ искушеніями и страстями, подъ конецъ земнаго поприща не только ослабѣютъ въ подвигахъ благочестія, но даже совратятся съ пути, на которомъ до сихъ поръ шли съ честію, на путь порока и нечестія, или если возгордятся своими нравственными достоинствами, возмечтаютъ о себѣ какъ о великихъ праведникахъ. Въ семъ случаѣ они могутъ потерять свою мзду у Господа и будутъ походить на корабль, который, проплывъ огромныя пространства морскія, разбился у самой пристани. Посему благочестивые и добродѣтельные старцы, если нехотятъ потерять мзды своей у Господа, должны до послѣдняго издыханія съ неослабною ревностію подвизаться въ дѣлѣ спасенія.

Въ заключеніе приведемъ наставленіе апостола Павла о тѣхъ обязанностяхъ, въ исполненіи которыхъ должны преуспѣвать старцы. Онъ предписываетъ ученику своему епископу Титу внушать старцамъ, «чтобы старцы были бдительны, степенны, цѣломудренны, здравы въ вѣрѣ, въ любви, въ терпѣніи; чтобы старицы также одѣвались прилично святымъ (*христианамъ*), не были клеветницы, не поработались пьянству, учили добру; чтобы вразумляли молодыхъ любить мужей, любить дѣтей, быть цѣломудренными, чистыми, попечительными о домѣ, добрыми, покорными своимъ мужьямъ (Тит. 2, 2—5.).

ЯВЛЕНІЕ СВЯТАГО ДУХА

ВЪ ВИДѢ ГОЛУБЯ.

1) Какъ понимать сказаніе евангелистовъ, что Духъ Святой сошелъ на І. Христа *яко голубь* — какъ голубь? — Что выраженіе: *яко голубь* нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что Духъ Святой также быстро сошелъ на І. Христа, какъ быстро летаетъ голубь (Пс. 54, 7.), — видно изъ замѣчанія Ев. Луки: *и сниде Духъ Святой тѣлеснымъ образомъ яко голубь* (3, 22). Выраженіе *тѣлеснымъ образомъ* (*σώματι καὶ εἶδει* — въ тѣлесномъ видѣ) указываетъ на то, что образъ Духа Святаго имѣлъ опредѣленное, ясное для глазъ очертаніе и что въ этомъ образѣ ясно были видны черты голубя. Въ этомъ голубѣ нѣтъ нужды (вмѣстѣ съ Тертуліаномъ — *in lib de carne Christi* и Августиномъ — *in lib de agone Christiano*) видѣть истиннаго голубя; потому что не было необходимости въ такомъ величайшемъ таинствѣ, каковымъ было бы сошествіе Духа Св. въ дѣйствительнаго голубя. Въ явленіи Бога Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ, — эти странники небыми дѣйствительными людьми; такъ и здѣсь голубь имѣлъ только всѣ черты голубя,

но не былъ дѣйствительнымъ голубемъ. Св. отцы: Златоустъ (Бесѣды на Е. Маттея.), Теодоритъ (въ толк. на 8 гл. Пѣсн. пѣсн.), и другіе выраженіе Евангелистовъ: *яко голубь* понимаютъ именно въ смыслѣ: *въ видѣ голубя*, а не въ образѣ дѣйствительнаго голубя.

2) Чѣмъ можно объяснить, почему Духъ Святой явился въ видѣ птицы?—Моисей, повѣствуя о сотвореніи міра, замѣчаетъ, что надъ безформенною міровою массою, каковою была земля до перваго дня творенія, *Духъ Божій носашеся* (Быт. 1, 2.). Выраженіе: *носашеся*, какъ объясняетъ Св. Василій Великій это слово примѣнительно къ значенію его въ еврейскомъ текстѣ, — означаетъ то, что Св. Духъ «согрѣвалъ и оживотворялъ водное естество по подобію птицы, насиживающей яйца и сообщающей нагрѣваемому какою-то таинственную силу» (Шестодневъ). Такимъ образомъ при сотвореніи міра Духъ Св. является по своему чудодѣйственному отношенію къ міровой массѣ, выраженному словомъ: *носашеся*, какъ бы подъ образомъ птицы, насиживающей яичную жидкость, изъ которой должно образоваться опредѣленное живое существо. — І. Христосъ есть обновитель или лучше сказать Творецъ новаго человѣчества и вмѣстѣ есть первый человѣкъ въ новомъ человѣчествѣ — второй Адамъ. Но какъ при самомъ началѣ творенія міра необходимо было участіе Духа Святаго въ дѣлѣ творенія, такъ и при самомъ началѣ обновленія

человѣчества, иначе при началѣ вступленія Иисуса Христа въ служеніе дѣлу сего обновленія со времени крещенія, сходитъ Духъ Святый на І. Христа, и чрезъ Него простираетъ свою животворящую силу на все человѣчество, которое по нравственному своему нестроенію и растлѣнію похоже было на хаотическое состояніе вещества передъ первымъ днемъ творенія. И какъ при самомъ началѣ творенія міра Духъ Святый является въ своей чудодѣйственной силѣ какъ бы подъ образомъ птицы, такъ, въ ооотвѣтствіе этому, и при началѣ обновленія человѣчества, при крещеніи І. Христа, Духъ Св. является тоже подъ образомъ птицы.

3) Чѣмъ можно объяснить, почему Духъ Святый явился при крещеніи І. Христа, именно въ видѣ голубя, а не въ видѣ какой другой птицы? Свойства голубя могли служить при крещеніи І. Христа явнымъ указаніемъ на свойства какъ Его лица, такъ и Его служенія.

Голубь изъ всѣхъ птицъ есть птица самая кроткая, незлобивая, безотвѣтная. О кротости и незлобіи Иисуса Христа свидѣлствуютъ собственныя Его слова: «научитесь отъ Меня, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ» (Мат. 11, 29.); и симъ словамъ во всемъ соотвѣтствовали Его поступки. Онъ доступенъ былъ для всѣхъ несчастныхъ, привѣтливъ для всѣхъ грѣшниковъ. Онъ со всѣми обращался такъ, какъ писано о Немъ у пророка: «трости надломленной не пе-

реломить и льна курящагося не погасить» (Иса. 42, 3. Мѣ. 12, 20.). И дѣйствительно, *трости надломленной Онъ не переломилъ*, т. е. тѣхъ, которые изнемогали въ борьбѣ съ грѣхомъ и несчастіями, и въ чувствѣ безсилія продолжать эту борьбу, походили на трость сокрушенную вѣтромъ, непоражалъ обличеніями и укоризнами, какъ поступали фарисеи, но ободрялъ и успокоивалъ словами утѣшенія и мира. *Льна курящагося Онъ не погасилъ*, т. е. съ дружескимъ участіемъ входилъ Онъ въ положеніе тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ, среди предразсудковъ, суевѣрія и пороковъ, хоть слабое сіяніе добра, похожее на слабый свѣтъ отъ льняной свѣтильни, готовой погаснуть. Словами утѣшенія и наставленія Онъ поддерживалъ въ нихъ любовь къ добру, какъ елеемъ поддерживается горѣніе свѣтильни. Характеромъ кротости запечатлѣны и чудеса Христовы. Изъ числа ихъ нѣтъ ни одного, символомъ котораго не могъ бы быть голубь. Сынъ Божій не творилъ чудесъ строгаго правосудія, подобныхъ тѣмъ, какія творили Моисей и Ілія. Онъ не низводилъ огня съ неба на города, отвергавшіе Его, и ученикамъ своимъ, которые хотѣли возбудить Его къ мщенію, отвѣтствовалъ: не вѣсте, коего духа есть вы. Всѣ чудеса Іисуса Христа суть благотворенія людямъ.

Голубь, птица кроткая, извѣстна еще своею супружескою любовію. Любовь между голубемъ и его подругою такъ сильна, что если погибаетъ

какой-либо членъ четы, то оставшійся живымъ навсегда остается одинокимъ и своимъ частымъ грустнымъ воркованьемъ даетъ знать, что онъ не забылъ погибшаго. Любовь голубя къ своей подругѣ — голубицѣ должна была указывать на безпредѣльную любовь І. Христа какъ жениха (2 Кор. 11, 2.), къ Его невѣстѣ—Церкви,—любовь, по которой Онъ предалъ Себя за нее на смерть (Еф. 5, 25.). И въ ветхозавѣтной книгѣ Пѣснь пѣсней любовь Иисуса Христа къ Церкви таинственно изображается подъ образомъ любви жениха къ невѣстѣ. Нѣжность этой любви выражается въ сей книгѣ тѣмъ, что женихъ неоднократно называетъ свою невѣсту голубицею (2, 14; 5, 2; 6, 8.). На любовь Христа и Церковь должна отвѣтствовать взаимною любовію. Она должна любить Его паче всего на свѣтѣ, ибо, по словамъ Его, тотъ уже недостоинъ Его, кто любитъ паче Его отца, или мать, сына, или дочь (Мѣ. 10, 37.).

Изъ всѣхъ птицъ одинъ только голубь былъ въ ветхомъ завѣтѣ птицею жертвенною. Двухъ горлицъ (дикихъ голубей) или двоихъ птенцовъ голубиныхъ должна была, по закону Моисееву, принести каждая жена въ жертву Господу послѣдней очищенія (Лев, 5, 7. 12 6. 8.), что исполнила и Богоматерь. (Лук. 2, 24.). Эта особенность голубя должна была при крещеніи І. Христа указывать на Него, какъ на жертву, которая будетъ принесена для очищенія міра.

Въ голубѣ, въ видѣ котораго явился Духъ святой при крещеніи І. Христа, Іоаннъ Златоустъ видитъ соотвѣтствіе голубю, выпущенному Ноемъ изъ ковчега и возвратившемуся съ масличною вѣтвію и тѣмъ возвѣстившему объ окончаніи потопа. «Сіе (т. е. явленіе Духа св. въ видѣ голубя), рассуждаетъ Златоустъ, напоминаетъ намъ о древней исторіи. Когда всеобщій потопъ объялъ всю вселенную и родъ нашъ подвергался опасности совершеннаго истребленія: то явилось сіе животное и дало знать о прекращеніи потопа, и принеши масличную вѣтвь, принесло благую вѣсть о всеобщей тишинѣ во вселенной. Все сіе было прообразованіемъ будущаго; ибо тогда люди находились въ худшемъ состояніи и гораздо большаго достойны были наказанія. Посему чтобы ты неотчаявался, Писаніе приводитъ тебѣ на память сію исторію. И въ то время, не смотря на отчаянное положеніе дѣлъ, было нѣкоторое избавленіе отъ бѣдствій и возстановленіе; тогда сіе произошло посредствомъ наказанія, а теперь посредствомъ благодати и дара неизглаголаннаго. Посему и голубица не съ масличною вѣтвію является, но указываетъ намъ на Освободителя отъ всѣхъ золъ и подаетъ благія надежды» (Толк. на Ев. Мѳ.).

4) Св. Іоаннъ креститель свидѣтельствуетъ: «я видѣлъ Духа, сходящаго съ неба, какъ голубя, и пребывающаго на Немъ (Христѣ)» (Іоан. 1, 32. 33.). Слово: *пребывающаго* относится къ

Святому Духу; но нѣтъ сомнѣнія, что къ такому выраженію о Духѣ подалъ поводъ символъ Его—голубь, который не вдругъ скрылся, но на нѣсколько времени останавливался надъ І. Христомъ, не измѣняя своего положенія. Чтоже означаетъ это *пребываніе* голубя, и, подъ образомъ его, св. Духа надъ Іисусомъ Христомъ? Оно, это пребываніе, соотвѣтствуетъ словамъ, Пр. Исаи: *и почиѣтъ на Немъ (Мессіи) Духъ Божій, Духъ прелюдрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія; исполнитъ Его Духъ страха Божія* (11, 2. 3.). Въ сихъ словахъ пророка Исаи для насъ особенно важно выраженіе: *почиѣтъ на Немъ. На немъ*, т. е. въ человѣческой природѣ Богочеловѣка, которая для Его Божеской природы служила какъ бы покровомъ. *Почиѣтъ*, успокоится, т. е. Духъ Св. найдетъ въ человѣческой природѣ І. Христа самое пріятное мѣсто для обитанія въ ней всею полнотою даровъ своихъ. На это исполненіе Богочеловѣка Духомъ Святымъ, совершившееся при крещеніи, указываетъ св. ев. Лука: *Іисусъ исполнь Духа Свята возвратися отъ Іордана* (4, 1.). Такимъ образомъ изъ выраженій: *пребысть на Немъ, почиѣтъ на Немъ* само собою открывается, что на сошествіе Духа Святаго на І. Христа равнымъ образомъ нельзя смотрѣть ни какъ на минутное оѣненіе Духомъ святымъ человѣческой природы І. Христа, каково напр. было оѣненіе Духомъ Святымъ благо-

словенной Дѣвы Маріи въ минуту зачатія Ею Сына Божія,—ни какъ на исполненіе Богочеловѣка Духомъ Святымъ на короткое время, каково напр. было сообщеніе дара пророчества пророкамъ въ тѣ минуты, когда имъ нужно изречь то или другое пророчество (на что указываютъ выраженія пророковъ при изреченіи ими того или другаго пророчества: «и бысть глаголь Божій ко мнѣ... Рече Господь ко мнѣ»... См. Лук. 1, 63.).

Діаконъ Стефанъ Никольскій.

О МАЛЫХЪ ГРѢХАХЪ.

Сколь ни умножились въ настоящее время грѣхи между нами, но, благодареніе Господу, у большей части христіанъ еще не исчезъ страхъ Божій, еще не истребилось отвращеніе по крайней мѣрѣ къ такъ называемымъ большимъ грѣхамъ. Но есть грѣхи, которые не кажутся большимъ зломъ, грѣхи называемые малыми, которые многіе дозволяютъ себѣ безъ опасенія, безъ смущенія совѣсти, почитая ихъ какъ бы за ничто. Таковы грѣхи, которые совершаются по невѣденію, по неосмотрительности, и вообще по слабости поврежденной грѣхомъ природы человѣческой. И эти грѣхи, кажушіеся малыми, перестаютъ быть таковыми, если отъ частаго, повторенія обращаются въ непобѣдимую привычку. Не тѣмъ ли болѣе тяжки другіе грѣхи, напр. учтивая ложь, празднословіе, смѣхъ, кощунство, неумѣренность въ пищѣ, въ питьѣ, въ покоѣ и во снѣ, нѣкоторое негодованіе или недоброжелательство къ ближнему и другіе подобныя, которые притомъ совершаются съ сознаніемъ, съ намѣреніемъ, съ размышленіемъ и съ полною волею. Но равнодушныя къ благочестію люди мало заботятся о такихъ грѣхахъ потому, что эти грѣхи, по ихъ мнѣнію, не суть грѣхи къ смерти: что

за бѣда, если я нынѣ, оставивъ свои молитвы и благочестивыя упражненія, предамся веселію? Что за бѣда, если этотъ разъ дозволю себѣ съѣсть или выпить лишнее? Что за бѣда, если одинъ разъ разрѣшу на запрещенную пищу, напр. если послѣ полуночи на постный день поѣмъ скоромнаго? Не великъ еще грѣхъ, если въ праздникъ не побываю на утрени или у обѣдни; не великъ грѣхъ, если дозволю себѣ посмѣяться, пошутить и поговорить насчетъ ближняго, и другое подобное.

Если ты, возлюбленный читатель, раздѣляешь съ другими сіи мысли, то не откажись войти съ нами въ нѣкоторое изслѣдованіе о сихъ мнимо-малыхъ грѣхахъ, изъ коего ты можешь увидѣть, убѣдиться, что они не такъ малы, какъ тебѣ представляются, а напротивъ велики и тяжки, какъ сами въ себѣ, такъ и въ послѣдствіяхъ, гибельныхъ для нашего спасенія.

Всѣ заповѣди, сколько ихъ ни есть, прямо ли и непосредственно преданы онѣ Самимъ Богомъ, какъ законъ Десятословія, или высказаны святымъ Духомъ чрезъ освященныхъ отъ Бога людей, или постановлены Церковію,—всѣ онѣ направлены къ освященію нашему, и потому составляютъ непреложную волю Божию: *сія есть воля Божія святость ваша* (1 Сол. 4, 3). Слѣдовательно каждый грѣхъ есть нарушеніе святой воли Божіей. Какъ же ты дерзаешь называть какой либо грѣхъ малымъ? «Какой грѣхъ осмѣ-

лится кто нибудь назвать маловажнымъ, говорить св. Василій Великій, когда Апостоль утвердительно сказалъ, что *преступленіемъ закона Бога безчестуеши*» (Рим. 2, 23) (Крат. прав. отв. на вопр. 4). Въ самомъ дѣлѣ, если нарушить какую нибудь заповѣдь, значитъ безчестить Бога, то не будетъ ни крайняя дерзость—утверждать, что какой нибудь грѣхъ можетъ быть малымъ? Неужели малость—безчестить Бога? И самая эта дерзость въ сужденіи о грѣхахъ есть тяжкій грѣхъ, потому что свидѣтельствуетъ объ отсутствіи страха Божія въ судящемъ.

Еслибъ тебѣ представились какіе либо грѣхи малыми потому, что противъ нихъ нѣтъ прямой заповѣди Божіей, а воспрещены они апостолами и ихъ богомудрыми преемниками, или постановленіями св. Церкви, то вспомни, что Господь Богъ какъ послушаніе, оказанное апостоламъ и ихъ преемникамъ, такъ и преслушаніе, имъ оказанное, относитъ къ Самому Себѣ. Посылая апостоловъ учить народы соблюдать все то, что Онъ заповѣдалъ имъ (Матѣ. 28, 19. 20), Онъ сказалъ имъ: *слушайъ васъ Мене слушаетъ, а отменяяся васъ Мене отменяется* (Лук. 10, 16); а за преслушаніе Церкви Онъ подвергаетъ преслушныхъ отлученію отъ Церкви: *еще (братъ твой) и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѣ. 18, 17). Итакъ, если нарушать постановленія апостоловъ или ихъ святыхъ преемниковъ значитъ то же, что ока-

затѣ преслушаніе и непокорность Самому Господу, или, держась подлиннаго слова евангельскаго, значить: презрѣть, отвергнуть и отвергнуться Господа, если нарушеніе заповѣдей церковныхъ подвергаетъ нарушителя отлученію отъ Церкви, то какъ мы дерзнемъ называть малымъ грѣхъ, о которомъ слово Божіе произноситъ столь строгій судъ? Отвергнуться Господа — неужели это малость? Сдѣлать себя достойнымъ церковнаго отлученія — неужели это незначительная вина? Ты слыхалъ, что больные очень часто предъ смертію чувствуютъ облегченіе, а иногда совсѣмъ не чувствуютъ болѣзни. Не близкій ли предвѣстникъ духовной смерти и твое состояніе, когда грѣховная болѣзнь кажется тебѣ легкою или нечувствительною?...

Когда ты называешь извѣстные грѣхи малыми, то не думаешь ли найти основаніе для сего въ наименованіи малыми нѣкоторыхъ заповѣдей: *уже еще разоритъ одну заповѣдей сихъ малыхъ и научитъ тако человеки, мній наречется въ царствіи небеснѣхъ* (Матѣ. 5. 19). Хотя Господь Іисусъ Христосъ по глубокому Своему смиренію называетъ заповѣди преподаваемаго Имъ евангельскаго закона малыми, но это никакъ не значить, чтобъ онѣ дѣйствительно были малы: напротивъ онѣ велики и важны; «почему же Онъ называетъ заповѣди сіи малыми, когда онѣ такъ важны и высоки»? спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустый, объясняя слова сіи, и отвѣчаетъ: «по-

тому, что Онъ Самъ хотѣлъ дать законъ сей. Какъ Онъ смирилъ Себя Самого, и во многихъ мѣстахъ говоритъ о Себѣ скромно, такъ говоритъ и о законѣ Своемъ, научая чрезъ сіе и насъ во всякомъ случаѣ быть скромными» (Бес. 16 на Матѣ.). Итакъ не обольщайся смиренномудреннымъ названіемъ, но лучше обрати вниманіе и разсли о наказаніи за нарушеніе сихъ малыхъ заповѣдей: «когда слышишь слова: меньшій въ царствіи небесномъ, говоритъ Златоустъ, продолжая объясненіе, то разумѣй подъ оными не иное что, какъ геенну или мученіе; поелику царствіемъ Онъ называетъ не только наслажденіе, но и время воскресенія и страшное второе пришествіе, и говоритъ, что таковой въ то время будетъ меньшимъ, то есть отверженнымъ, послѣднимъ, а послѣдній безъ сомнѣнія вверженъ будетъ тогда въ геенну» (тамъ же). Чтобы это объясненіе не показалось тебѣ произвольнымъ, можешь видѣть подтвержденіе онаго въ словахъ Самого Господа. Какой, по видимому, грѣхъ маловажнѣе и обычнѣе между нами, какъ сказать ближнему: глупый ты человѣкъ? Однакожъ виновный въ семъ, по словамъ Спасителя, подлежитъ геенѣ огненной: *уже речетъ брату своему: уроде* (безумный), *повиненъ есть гееннѣ огненной* (Матѣ. 5, 22). Итакъ, разсуди самъ, можно ли почитать и называть какой либо грѣхъ малымъ, когда и самый малый, по нашимъ расчетамъ, заслуживаетъ столь ужасное наказа-

ніе? Разсуди и вспоминай объ этомъ каждый разъ, когда представится тебѣ случай совершить какой нибудь грѣхъ, по понятію твоему малый.

Моженъ еще понять тяжесть сихъ мнимо малыхъ грѣховъ изъ тѣхъ страшныхъ казней, которыми судъ Божій постигалъ подвергавшихся симъ грѣхамъ еще въ настоящей жизни: Бытописанія повѣствуютъ, что жена Лотова за одно любопытное воззрѣніе на горящіе города Содомъ и Гоморру обращена въ соляной столбъ (Быт. 19, 26.). Правда, она преступила запрещеніе ангела озираться назадъ, но не извинило ли бы ее наше мудрованіе? Оно конечно сказало бы, что тамъ ея отчизна, домъ, имѣніе, сродники, друзья, знакомые. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы отъѣзжаемъ въ дальній путь, то не обращаемся ли мы нѣсколько разъ, чтобъ посмотрѣть на оставляемую нами любимую сторону, и такъ сказать послѣднимъ взглядомъ проститься съ нею? Не великимъ также представляется грѣхомъ нарушеніе покоя воскресныхъ и праздничныхъ дней тѣмъ, которые обращаютъ ихъ во дни работные. Не замолвить ли за нихъ съ своей стороны нужда и бѣдность? Не слышимъ ли иногда благовиднаго по видимому извиненія въ этомъ грѣхѣ? Лучше, говорятъ, употребить эти дни на работу, чѣмъ на праздность или на дѣла суетныя. Но одинъ Израильтянинъ, собиравшій дрова въ субботу, которая у евреевъ соотвѣтствовала нашему Воскресенью, по повелѣнію Бо-

жїю отъ всего сонма былъ побить камнями (Числ. 15, 32—36.). Возлюбленный Богомъ вождь израильскаго народа за одно только то, что во время путешествїя его по безводной пустынѣ, при городѣ Кадисѣ намѣреваясь извести изъ камня для жаждущаго народа воду, и поражая камень усумнился въ томъ, дастъ ли Богъ воду буйному и мятежному народу для утоленїя жажды,—лишенъ наслѣдованїя земли обѣтованной и долженъ былъ умереть въ пустынѣ (Числ. 20, 10. 11. 12. Второз. 34, 4. 5.). Когда возвращенъ былъ Евреямъ плѣненный Филистимлянами ковчегъ завѣта и привезенъ въ Веосамисъ, и собравшіеся къ нему жители Веосамиса открыли онѣй, чтобы видѣть его внутренность, то пятьдесятъ тысячъ семдесятъ мужей поражены были внезапною смертію (1 Цар. 6, 19.). Въ другой разъ, когда онъ изъ Кариѳіарима перевозимъ былъ въ Іерусалимъ, и везшїй колесницу телець едва не опрокинулъ ее, и когда нѣкто Оза изъ благоговѣнїя хотѣлъ поддержать ковчегъ и коснулся его, то разгнѣванный Богъ поразилъ его внезапною смертію, *и умре тамо у ковчега*, говоритъ книга Царствъ (2 Цар. 6, 7 и 8.). Вотъ два опыта казни за малый по видимому грѣхъ! Тамъ одно любопытство, хотя дерзновенное, но имѣвшее извиненїе въ неразумїи народа; здѣсь, по видимому, одно благоговѣйное усердіе къ охраненїю святыни, которое, пожалуй, мы назвали бы не грѣхомъ, а дѣломъ благочестїя,

хотя въ немъ просвѣчивало невѣріе въ охранительную помощь Божію. Одинъ пророкъ, посланный Богомъ въ Веѣилъ на обличеніе израильскаго царя въ идолопоклонствѣ, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣніе не ѣсть, ни пить въ Веѣилѣ. Исполнивъ свое дѣло, онъ отказался войти даже къ приглашавшему его царю, и отправился въ Іудею другимъ путемъ, какъ было повелѣно ему. Узнавъ о семъ, другой пророкъ, жившій въ Веѣилѣ, догналъ его, объявилъ ему свое пророческое званіе, и, ложно ссылаясь на откровеніе ангела, убѣдилъ его возвратиться и ѣсть въ домѣ его хлѣбъ. Повѣрилъ ему человѣкъ Божій и возвратился: но несмотря на то, что онъ былъ введенъ въ обманъ другимъ пророкомъ, а это конечно, по нашему мнѣнію, могло бы служить къ его извиненію, несмотря однакожь на то онъ пораженъ былъ на дорогѣ львомъ и умеръ (3 Цар. 13, 1—24.). Вздумалъ нѣкогда царь Давидъ сдѣлать народосчисленіе. Это было не болѣе, какъ одна тщеславная мысль о могуществѣ, въ которой Давидъ скоро раскаялся (2 Цар. 24, 10. 11.). Но несмотря на то Богъ объявилъ ему чрезъ пророка гнѣвъ Свой, и онъ долженъ былъ избрать одно изъ трехъ наказаній, или трехлѣтній голодъ, или трехмѣсячную несчастную войну, или трехдневный моръ. Когда смиренный царь, желая лучше впасть въ руки Божіи, нежели въ руки человѣческія, избралъ послѣднее, то семьдесятъ тысячъ народа пораже-

ны были смертію (тамъ же ст. 14. 15.). Ужасное бѣдствіе, навлекшее скорбь и плачь на цѣлое царство! Сколько отцовъ и матерей оплакивали смерть нѣжно любимыхъ дѣтей своихъ! Сколько осиротѣвшихъ дѣтей рыдали надъ хладными тѣлами родителей! Сколько мужей и женъ терзались скорбію о расторгненномъ союзѣ супружескомъ! сколько семействъ, съ лишеніемъ главы, лишилось счастія и всѣхъ надеждъ своихъ! И всѣ эти бѣдствія постигли ихъ за одинъ малый, по видимому, грѣхъ, изъ-за одной и притомъ не своей, а чужой тщеславной мысли. Всѣ сии бѣдствія народа, безъ сомнѣнія, поражали душу Давида тяжкою скорбію и ему, можетъ быть, легче было бы на самомъ себѣ перенести тяжесть гнѣва Божія, нежели видѣть народъ страждущій по его винѣ. Но онъ страдалъ, смотря на страданія другихъ, и покаялся таинственнымъ опредѣленіемъ правды Божіей. Смотри на такія ужасныя казни за грѣхи, по видимому, малые, можно ли считать ихъ малыми, и безъ страха и трепета рѣшаться на оныя?

Исторія христіанскаго подвижничества представляетъ немало примѣровъ того, какъ и маловажныя по суду міра дѣла могутъ служить для многихъ главнымъ средствомъ ко спасенію, облегчая возможность совершать другія богоугодныя дѣла. Такъ воздержность, или умѣренность въ пищѣ, которую многіе считаютъ ничтожною вещію въ дѣлѣ спасенія, и, почитая за малость,

пренебрегаютъ оною, указана была одному смиренному христіанину, какъ главное средство къ его спасенію: бывъ озабоченъ своимъ спасеніемъ, онъ молилъ Бога указать ему путь къ оному; и вотъ въ одну ночь во время легкаго сна онъ слышитъ голосъ на иностранномъ языкѣ, повелѣвающій ему обуздывать чрево а). Что за важность въ томъ, буду ли я удаляться общенія съ людьми, или не буду, буду ли молчать, или скажу слово, другое, третье? Такъ многіе думаютъ и говорятъ, считая это за ничто: но преп. Арсенію великому открыто было, что удаленіе отъ людей и молчаніе были главныя и существенныя средства къ его спасенію: «находясь еще при царскомъ дворѣ, молился онъ Богу такъ: Господи! научи меня, какъ спастись. И былъ къ нему гласъ: Арсеній! бѣгай отъ людей—и спасешься. Удалившись въ уединеніе, онъ опять молился Богу тѣмиже словами, и услышалъ голосъ, говорящій ему: Арсеній! бѣгай, молчи, пребывай въ безмолвіи, ибо въ этомъ корни святой жизни» (Дост. сказ. о подв. св. стц. въ руск. пер.). Такъ св. отцы подвижники, по дарованному имъ отъ Бога прозрѣнію въ состояніе душъ тѣхъ благоговѣйныхъ людей, которые искали отъ нихъ совѣтовъ и наставленій къ богоугодной жизни, одному совѣтовали не-

а) Голосъ послышался ему на греческомъ языкѣ. Пробужденный симъ голосомъ, онъ встаетъ, справляется въ словарь и узнаетъ знаменательное значеніе дотоѣ непонятнаго ему слова.

исходное пребываніе въ своей кельѣ (тамъ же стр. 14; ст. 11, стр. 158), другому—молчаніе и обузданіе языка, (тамъ же стр. 53 ст. 10; стр. 136 ст. 1), иному — неосужденіе (тамъ же стр. 112 ст. 2; стр. 149 ст. 27.), и удаленіе отъ злословія (тамъ же стр. 116 ста. 1), каждому совѣтовали то, что служило главнымъ средствомъ къ усовершенію его въ дѣлѣ спасенія. Итакъ, читатель, можетъ быть то или другое дѣло, которое кажется тебѣ не важнымъ, та или другая заповѣдь, нарушеніе которой ты считаешь грѣхомъ малымъ, есть то самое дѣло, та самая заповѣдь, которая прѣдставлена тебѣ Богомъ, какъ врачевство къ исправленію твоихъ пороковъ, къ уврачеванію господствующей въ тебѣ страсти, и которая, если бы ты тщательно исполнялъ ее, послужила бы тебѣ дѣйственнымъ средствомъ къ спасенію души твоей и ключемъ небеснаго царства. Слѣдовательно нарушеніе оной есть уже важный для тебя грѣхъ, допущеніемъ котораго ты разстроиваешь планъ божественнаго о тебѣ промышленія, по которому эта заповѣдь, или воздержаніе отъ запрещеннаго ею грѣха было бы болѣе другихъ дѣйствительнымъ средствомъ къ твоему спасенію.

Бываютъ случаи, когда малые, по видимому, грѣхи дѣлаются великими и даже смертными. Они достигаютъ этой мѣры, когда ихъ скопляется много, то есть, многіе малые грѣхи составляютъ большой грѣхъ: «ежели ты

презираешь грѣхи, говорить блаж. Августинъ, когда взвѣшиваешь ихъ, то устранись, когда исчисляешь оныя» (1 Бес на пос. Іоанна); то есть, если ты презираешь какой нибудь изъ сихъ грѣховъ въ отдѣльности, потому, что онъ на вѣсахъ твоего сужденія кажется тебѣ легкимъ и малымъ, и такимъ образ. позволяешь себѣ дѣлать то тотъ, то другой, то обрати вниманіе на ихъ многочисленность, которая, съ теченіемъ времени, составила, или можетъ составить отъ твоей небрежности, и ужаснись тяжести, которую они составляютъ своею совокупностію. Не велика одна песчинка, но когда соберется ихъ большая куча, то онѣ составляютъ большую тяжесть. Съ мѣнкомъ песку на шеѣ, говоритъ одинъ праведный мужъ, можно также утонуть, какъ и съ большимъ камнемъ. Далѣе,—малый грѣхъ дѣлается большимъ, когда онъ совершается часто и постоянно; «похищающій малое, но дѣлающій это постоянно, согрѣшаетъ смертно», говоритъ Августинъ блаж. (у Коррессія въ бес. на 1 посл. Іоанна); но въ особенности малый грѣхъ дѣлается большимъ и тяжкимъ, когда обращается въ навѣкъ, дѣлается привычнымъ грѣхомъ: «берегитесь, братія, пренебрегать малымъ, берегитесь презирать его, какъ малое и ничтожное; оно не малое, ибо чрезъ него образуется худой навѣкъ», говоритъ преп. авва Дорофей (Поуч. 3 въ руск. пер. стр. 52); онъ же рассказываетъ горькій опытъ тако-

го навыка: «когда я былъ въ общежитіи, говорить онъ, братія по простотѣ своей, думаю, исповѣдовали мнѣ помышленія свои, и игумень, съ совѣтомъ старцевъ, велѣлъ мнѣ взять на себя эту заботу. Итакъ однажды пришелъ ко мнѣ нѣкто изъ братіи и сказалъ мнѣ: прости меня, отче, и помолись о мнѣ, я краду и ѣмъ. Я спросилъ его: зачѣмъ же? развѣ ты голоденъ? онъ отвѣчалъ: да я ненасыщаюсь за братской трапезой, и не могу просить. Я сказалъ ему: отъ чего же ты не пойдешь и не скажешь игумену? Онъ отвѣчалъ мнѣ: стыжусь. Говорю ему: хочешь ли, чтобъ я пошелъ и сказалъ ему? онъ говоритъ: какъ тебѣ угодно, господинъ. Итакъ я пошелъ и объяснилъ о семъ игумену. Онъ сказалъ мнѣ: окажи любовь и позаботься о немъ, какъ знаешь. Тогда я взялъ его и сказалъ келарю при немъ: окажи любовь и когда придетъ къ тебѣ сей братъ, давай ему, сколько онъ хочетъ, и ни въ чемъ не отказывай ему. Выслушавъ это, келарь отвѣчалъ мнѣ: какъ ты приказалъ, такъ и исполню. Проведя такимъ образомъ нѣсколько дней, братъ этотъ опять приходитъ и говоритъ мнѣ: прости меня, отче, я снова началъ красть. Говорю ему: зачѣмъ же? развѣ келарь не даетъ тебѣ, чего ты хочешь? онъ отвѣчалъ мнѣ: да, прости меня, онъ дастъ мнѣ, чего я желаю, но я стыжусь его. Говорю ему: что же, ты и меня стыдишься? онъ отвѣчалъ: нѣтъ. Тогда я сказалъ ему: итакъ, когда

хочешъ, приходи и бери у меня, но не крадь; ибо у меня тогда была должность въ больницѣ, и онъ приходилъ и бралъ, что хотѣлъ. Но чрезъ нѣсколько дней онъ опять началъ красть, и пришелъ со скорбїю и сказалъ: вотъ я опять краду. Я спросилъ его: зачѣмъ же, братъ мой? Развѣ я не даю тебѣ, чего ты хочешъ? онъ отвѣчалъ: нѣтъ, даешъ; говорю ему: что же, ты стыдишься брать у меня? онъ говоритъ: нѣтъ; я сказалъ ему: такъ зачѣмъ же ты крадешъ? онъ отвѣчалъ мнѣ: прости меня, самъ незнаю, за чѣмъ; но такъ просто краду. Тогда я сказалъ ему: скажи мнѣ по крайней мѣрѣ по правдѣ, что ты дѣлаешь съ тѣмъ, что крадешъ? онъ отвѣчалъ: я отдаю это ослу. И дѣйствительно оказалось, что этотъ братъ кралъ куски хлѣба, финики, смоквы, лукъ, и вообще все, что ни находилъ, и пряталъ это, одно подъ свою постель, другое на иномъ мѣстѣ, и наконецъ, не зная куда это употребить, и видя, что оно портится, онъ выносилъ это вонъ и выбрасывалъ, или отдавалъ безсловеснымъ животнымъ».

«Вотъ видите ли, продолжаетъ преподобный, что значить обратить страсть въ навѣкъ? Видите ли, какого это достойно сожалѣнія, какое это страданіе? Онъ зналъ, что это есть зло; онъ зналъ, что худо дѣлаетъ, и скорбѣлъ, плакалъ; однако же увлекался несчастный дурнымъ навѣкомъ, который образовался въ немъ отъ прежняго нерадѣнія» (Поуч. 11 въ руск. пер. стр.

137—139.). Объ этомъ жалкомъ состояніи св. Григорій двоесловъ говоритъ: «привычный грѣхъ связываетъ душу такъ, что она не можетъ подняться до прямоты: она усиливается, и падаетъ, потому что гдѣ добровольно пробыла долго, туда по принужденію падаетъ, хотя бы и не хотѣла» (Бес. 31 на Еванг. въ руск. пер.). Итакъ, скажемъ словами преп. Исаака Сирскаго, «пока проступокъ еще малъ и не созрѣлъ, истреби его, прежде нежели пустилъ вѣтви въ широту и сталъ созрѣвать. Не предавайся нерадѣнію, когда недостатокъ кажется тебѣ малымъ, потому что въ послѣдствіи найдешь въ немъ безчеловѣчнаго властителя, и побѣдишь предъ нимъ, какъ рабъ узникъ» (Сл. 57 въ руск. пер. стр. 356.).

Чѣмъ маловажнѣе кажется намъ грѣхъ, тѣмъ скорѣе мы забываемъ его и тѣмъ меньше готовы раскаяваться въ немъ. Но при посмертномъ истязаніи будутъ обнаружены всѣ грѣхи, въ которыхъ мы не раскаемся при жизни. Удостоившійся видѣнія посмертныхъ явленій, писатель житія преп. Василия говоритъ о преп. Θεодорѣ, что она была обличаема злобными истязателями не только во всѣхъ большихъ, но и въ малыхъ грѣхахъ, забытыхъ по небреженію и не исповѣданныхъ, даже во всѣхъ дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ, которыя она не вмѣняла и въ грѣхъ, и всеконечно была бы осуждена на вѣчныя мученія, еслибы не помогли ей молитвы и заслуги

преп. Васи́лія (Мин. чет. марта 26 д.). Вотъ, возлюбленный читатель, какъ опасны и гибельны эти мнимо малые грѣхи, когда они оставляются въ небреженіи и забываются.

Но главное, что въ особенности должно внушать страхъ и опасеніе противъ сихъ мнимо малыхъ грѣховъ и заставить тщательно и всевозможно блюстись отъ нихъ, есть то, что они располагаютъ и приводятъ къ большимъ и тяжкимъ грѣхамъ.

Премудрый сынъ Сираховъ говоритъ: *унич- жаяй малая по малу упадетъ* (Сир. 19, 1.). Изъясняя эти слова премудраго, Св. Григорій Двоесловъ говоритъ: «если мы не стараемся остерегаться грѣховъ малыхъ, то нечувствительно завлекшись, начинаемъ дерзновенно совершать и большіе» (Нрав. наст. кн. X. гл. 9.). Отъ чего же это происходитъ? Отъ того, возлюбленный, что чрезъ допущеніе и повтореніе этихъ мнимо малыхъ грѣховъ врожденные человѣку стыдъ или чувствительность совѣсти и страхъ грѣха мало по малу притупляются, и, отваживаясь на оныя, онъ постепенно дѣлается безстыднѣе и дерзновеннѣе, доколѣ наконецъ впадетъ въ грѣхи тяжкіе. Такимъ образомъ кто сего дня крадетъ мѣдную монету, завтра украдетъ двѣ, потомъ три, и наконецъ дойдетъ до сребренниковъ. Кто сего дня позволяетъ себѣ болтливость, завтра дозволить себѣ злословіе и клевету. Кто сего-дня былъ только въ дружески короткомъ обхожденіи

съ лицомъ другаго пола, тотъ завтра будетъ обходиться съ вожделѣніемъ. Кто сего-дня позволилъ себѣ тщеславіе, завтра окажется надменіе. Словомъ: небыло въ мірѣ нечестивца, которой бы не начиналъ своего разврата съ малыхъ грѣховъ. Припомни, возлюбленный читатель, что низринуло въ бездну золь несчастнаго царя Саула? Стоило ему только преступить наставленіе Самуила, т. е. во время нападенія Филистимлянъ, не дождавшись его, совершить жертвоприношеніе, — хотя онъ имѣлъ на то благовидную причину, вынужденный къ тому вступленіемъ враговъ въ предѣлы еврейскіе и разбѣніемъ своего войска, а потому этотъ поступокъ конечно казался ему малымъ и извинительнымъ, — но за этимъ онъ вскорѣ презрѣлъ и нарушилъ и Божіе повелѣніе въ разсужденіи Амалекитянъ, пощадивъ, вопреки сему повелѣнію, царя ихъ и лучшую часть добычи; потомъ, предавшись зависти, ненависти и мстительности, ни за что считалъ покушеніе на жизнь невиннаго Давида и даже на жизнь своего сына, избилъ невинныхъ священниковъ и жителей города Номвы; за тѣмъ, предавшись суевѣрію, прибѣгъ къ волшебницѣ, и наконецъ рѣшился на самоубійство. Какимъ образомъ нечестивый предатель Іуда дошелъ до такой степени нечестія, что предалъ въ рукъ враговъ божественнаго Искупителя? Св. Іоаннъ-Златоустый говоритъ, что въ началѣ онъ отважился похищать одинъ, другой оволь изъ имѣ-

нія бѣдныхъ, которое онъ, какъ повѣренный апостольскаго собора, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи, потомъ постепенно началъ красть больше и больше; наконецъ до того усилилась въ немъ страсть къ корысти, что не стало для него никакого злодѣйства, на которое бы онъ не рѣшился по жадности къ деньгамъ. Такъ ужасное злодѣйство предателя началось хищеніемъ одного, другаго овода. Какъ могло статься, чтобъ Іудей, избранный народъ, народъ вѣрный Богу отцовъ своихъ, покусился на невиданное и неслыханное на землѣ злодѣяніе богоубійства, то есть распятіе Искупителя? Св. Златоустъ также изъясняетъ и это дѣло: въ началѣ старѣйшины синагоги не убоялись предаться честолюбію, изъ сего честолюбія родилась гордость и надменіе предъ другими, изъ сей гордости возникло соревнованіе и зависть къ чужой славѣ, и поелику они опасались, чтобъ славою Христа Спасителя, которую Онъ пріобрѣталъ своею проповѣдію и чудесами, не помрачилась и не затмилась ихъ слава, то и начали преслѣдовать Его: сперва старались коварно уловить Его въ словахъ, потомъ начали чернить Его поносными словами и осыпая клеветами; наконецъ не уstraшились коварно взять Его и, какъ злодѣя, пригвоздить ко кресту. «Еслибы онъ (Іуда) не думалъ, что будто не важное дѣло красть имущество бѣдныхъ, то конечно не впалъ бы и въ грѣхъ предательства. Также еслибы Іудеямъ не представ-

лялось маловажнымъ то, что они плѣнены тщеславіемъ, то конечно не дошли бы до Христуубійства. И всякое зло, говоритъ Златоустъ, такъ обыкновенно совершается. Никто не доходитъ вдругъ до крайнихъ предѣловъ нечестія» (Толк. на Матѳ. въ руск. пер. ч. 3 стр. 479.). Пусть теперь всякій, имѣвшій несчастье подвергнуться какимъ нибудь порокамъ, или впасть въ какіе либо тяжкіе грѣхи, прослѣдитъ внимательно исторію своей жизни, и онъ увидитъ, убѣдится, что эти тяжкіе грѣхи имѣли свое начало въ грѣхахъ мнимо малыхъ. Это несчастье горько оплакалъ въ своемъ раскаяніи, испытанный оное пророкъ Давидъ: *заблудихъ*, говоритъ онъ, *яко овца пошавшее* (Псал. 118, 176.). Онъ какъ бы такъ сказалъ: въ началѣ мой грѣхъ состоялъ въ одномъ любопытномъ взглядѣ на чужую жену, отъ сего взгляда я почувствовалъ вожделѣніе, отъ вожделѣнія перешелъ къ приглашенію ея въ мой домъ, за приглашеніемъ слѣдовало преступленіе, отъ сего преступленія произошло убійство невиннаго Уріи, и, если бы милосердый небесный Пастырь не взыскалъ меня, какъ заблудшую овцу, я не миновалъ бы пасти адскаго волка. Вотъ почему святые ужасались и удалялись даже малѣйшихъ прегрѣшеній, и если случалось имъ подвергнуться онымъ, горько оплакивали ихъ и подвергали себя строгимъ наказаніемъ за оныя. Что по видимому можетъ быть невиннѣе, какъ одно воззрѣніе? Несмотря на то праведный Іовъ

столько страшился онаго, что далъ себѣ зарокъ не взирать на красоту женскую: *завѣтъ, говорить, положиши очима твоима да не помыслию на дѣвицу* (31, 1.). Отъ чего явилось въ праведникѣ такое опасеніе и такая забота объ обузданіи очей своихъ? Отъ того, говоритъ одинъ истолкователь словъ его, что за воззрѣніемъ слѣдуетъ помышленіе, за помышленіемъ—увеселеніе или услажденіе, за услажденіемъ—согласіе, за согласіемъ—дѣло, за дѣломъ—привычка, за привычкою—необходимость, за необходимостію—отчаяніе, за отчаяніемъ—осужденіе. Блаж. Теодоритъ рассказываетъ о преп. Евсеѣѣ, что онъ однажды среди чтенія св. Евангелія взглянулъ на поселянъ воздѣлывающихъ поле, и чрезъ то развлекшись мыслію, наложилъ на себя желѣзный поясъ, преклонивъ къ оному желѣзною цѣпью свою голову, и 40 лѣтъ ходилъ въ согбенномъ положеніи, чтобъ смотрѣть только на землю (Истор. богол. въ руск. пер. гл. 4 стр. 63). Авва Пафнутій, ученикъ преп. Макарія египетскаго, рассказывалъ, что старецъ говорилъ о себѣ: «когда былъ я отрокомъ, вмѣстѣ съ другими дѣтьми пасъ я коровъ. Сверстники мои пошли воровать смоквы, и когда бѣжали назадъ, уронили одну; я поднялъ ее и сѣлъ. Нынѣ когда вспомню объ этомъ, сажусь и плачу» (Дост. сказ. въ рус. пер. стр. 153 ст. 36.). Однажды св. Макарій александрійскій на разсвѣтѣ сидѣлъ въ своей кельѣ; на ногу ему сѣлъ комаръ и

впился въ нее. Давъ ему напиться крови, Макарій, когда почувствовалъ боль, раздавилъ его. Но послѣ сталъ раскаяваться, что отмстилъ за самого себя, и за такой грѣхъ осудилъ себя — сидѣть нагимъ шесть мѣсяцевъ при скитскомъ болотѣ, которое находилось въ глухой пустынѣ; комары здѣсь величиною равняются осамъ и прокусываютъ кожу даже у кабановъ. Ими онъ такъ былъ весь искусанъ и изъѣденъ, что нѣкоторые думали, не въ проказѣ ли онъ. Когда чрезъ шесть мѣсяцевъ, онъ возвратился въ свою келью, то по голосу только узнали, что это былъ Макарій» (Лавсаикъ въ руск. пер. гл. 19 стр. 59).

Повторимъ изложенныя истины въ краткихъ словахъ, чтобъ ты, благоговѣйный читатель, удобнѣе могъ сложить оныя въ сердцѣ своемъ. Помни, что всякій малый грѣхъ, такъ какъ и большой, есть нарушеніе святѣйшей воли Божіей и оскорбленіе Божія величества, а считать это оскорбленіе, состоящее въ нарушеніи какой бы то ни было заповѣди, за грѣхъ малый есть непростительная дерзость противъ Бога, которая уже сама по себѣ есть тяжкій грѣхъ. Помни, что хотя противъ инаго грѣха и нѣтъ прямой заповѣди Божіей, но и нарушеніе правилъ апостольскихъ и отеческихъ или заповѣдей церковныхъ есть грѣхъ, равный нарушенію заповѣдей Божіихъ. Помни, что хотя Господь Иисусъ Христосъ называетъ заповѣди Евангельскаго закона малы-

ми, но онѣ отнюдь не малы, а напротивъ велики и важны, когда даже и нарушеніе малѣйшихъ по видимому, подвергаетъ нарушителя адскимъ мученіемъ. Помни, какими жестокими казнями караемы были эти мнимо малые грѣхи даже во времени. Помни, что можетъ быть та самая заповѣдь, которую ты презираешь, рѣшаясь на запрещенный ею грѣхъ, какъ малый, есть самая свойственная и дѣйственная противъ немощей души твоей, есть главное и, можетъ быть, единственное средство къ твоему спасенію; слѣдовательно, нарушая оную, ты приходишь въ состояніе неисцѣльности и гибели. Помни, что и малые по видимому грѣхи могутъ достигать мѣры большихъ своимъ накопленіемъ; даже одинъ малый по видимому грѣхъ дѣлается смертнымъ, когда учащается или обращается въ навикъ, и можетъ сдѣлаться погибельнымъ, если останется въ небреженіи и забудется. Помни, что эти мнимо-малые грѣхи, незамѣтно для тебя самаго, въ самомъ сердцѣ твоёмъ, пролагаютъ путь и препровождаютъ къ грѣхамъ большимъ и тяжкимъ. Помни все это и научись страшиться и беречься ихъ, чтобъ, изъ-за этихъ, по твоему понятію, малостей, не лишиться спасенія и не погибнуть на вѣки.

Свящ. Александръ Сергіевскій.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

*Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію
Исуса Христа... 1 Кор. 2, 2.*

Нынѣ у насъ новый годъ: это, безъ сомнѣнія, всѣ вы знаете, слушатели.

Нынѣ *память уже во святыхъ отца нашего Василія Великаго*, и это тоже рѣдкіе не знаютъ. Но какой еще нынѣ праздникъ? Едва ли всѣ изъ васъ это знаютъ. Да, многіе, какъ мнѣ извѣстно, не знаютъ, что нынѣ *еже по плоти обрѣзаніе Господа Бога и Спаса нашего І. Христа.*

Видите, слуш., какого важнаго обстоятельства изъ жизни І. Христа не знаютъ, не помнятъ христіане.

Отъ чего это? — Отъ неразумія? Безъ намѣренія?...

Впрочемъ не изъ этого одного случая видно невѣдѣніе или забвеніе христіанъ о Иисусѣ Христѣ: подобныхъ случаевъ не мало.

Взгляните, напримѣръ, въ иномъ домѣ на иконы святыхъ: икона Спасителя или не первое между ними занимаетъ мѣсто, или даже вовсе нѣтъ ея. Это тоже отъ неразумія? Безъ намѣренія?...

Посмотрите у нѣкоторыхъ на книги: всякихъ книгъ увидите много, и духовныхъ и свѣтскихъ, а Евангелія Господа нашего І. Христа или нѣтъ вовсе у нихъ, или оно лежитъ гдѣ-нибудь далеко. И это также отъ неразумія? Безъ намѣренія?...

А почитайте книги нынѣшнія, свѣтскія книги, такъ часто и въ такомъ множествѣ издаваемыя нынѣ, для просвѣщенія людей, для распространенія между ними свѣта истины: о Іисусѣ Христѣ или ни слова въ нихъ не говорится, или, если гдѣ неизбежно было сказать о Немъ, говорится въ такихъ выраженіяхъ, что не скоро поймешь, что писатель хотѣлъ сказать тутъ о І. Христѣ; точно онъ боялся назвать Его настоящимъ именемъ, Господомъ и Богомъ Іисусомъ Христомъ. Ужели и это отъ неразумія? Безъ намѣренія?

Или послушайте, когда иные христіане говорятъ между собою гдѣ-нибудь дома, или въ бесѣдахъ, въ собраніяхъ, въ обществѣ: объ Іисусѣ Христѣ едва ли и тамъ услышите, куда собираются разсуждать о предметахъ важныхъ, объ усовершенствованіи людей, о ихъ умственномъ и нравственномъ образованіи, а въ другихъ собраніяхъ мірскихъ... о, тамъ страннымъ, почти не-

приличнымъ показалось бы для многихъ, еслибы кто произнесъ имя Іисуса Христа!... Ужели и это тоже отъ неразумія? Безъ намѣренія?...

Ахъ, слуш. христіане, отъ чего бы и почему бы это невѣдѣніе или забвеніе о І. Христѣ ни происходило, — отъ неразумія ли, или отъ разума, положимъ, что и отъ неразумія; но какъ же христіанину не разумѣть, не знать Господа Іисуса Христа? Или какъ же, разумѣя І. Христа, не помнить, забывать о Немъ? Вѣдь Его мы бы и должны знать всего больше и помнить всего чаще; вѣдь весь нашъ умъ мы бы должны употреблять на познаніе Его, всю нашу память на памятованіе о Немъ. Въ этомъ-то вѣдь и состоитъ истинное просвѣщеніе наше, въ этомъ-то и есть истинный свѣтъ, чтобы знать и помнить Іисуса Христа, Его жизнь, Его ученіе, Его дѣла. Мы и учиться всему должны для того только, чтобы лучше познать І. Христа. Безполезны всѣ наши познанія, когда мы при нихъ І. Христа не знаемъ; тьма наше просвѣщеніе, когда оно насъ ко І. Христу не приводитъ. Мы все чтить и все помнить должны для того только, чтобы о І. Христѣ вспомнить. Вѣдь все святое только І. Христомъ свято; все чтимое только по І. Христу досточтимо. Ни къ чему намъ не служатъ всякія *памяти*, нами *творимыя*, когда мы при нихъ о І. Христѣ забываемъ. Мы и говорить и писать все должны для того, чтобы о І. Христѣ при этомъ что нибудь сказать или написать.

Мертво то писаніе, которое не во имя І. Христа пишется; гнило то слово, которое не ради Іисуса Христа изъ устъ нашихъ исходитъ. Весь свѣтъ нашъ, слущ., отъ Него, въ Немъ; а потому и все наше свѣтитъ намъ должно къ Нему, для Него.

Такъ, христіанинъ! Съ новаго года положи себѣ за правило, все вниманіе свое обращать къ Іисусу Христу. Какъ можно чаще о Немъ читай и слушай,—чтобы тебѣ Его одного знать, чтобы тебѣ каждый шагъ изъ Его жизни и каждое слово изъ Его ученія помнить; какъ можно чаще о Немъ говори и пиши, какъ можно чаще на Его святую икону взирай и молись,—чтобы ты могъ Ему непрестанно духомъ молиться, и неумолчно Его устами славословить, все во славу Его говорить. Въ познаніи Іисуса Христа весь нашъ свѣтъ; въ молитвѣ къ І. Христу все наше спасеніе; въ славословіи І. Христа все наше блаженство.

Господи! Твоею благодатию вразуми насъ, всѣхъ насъ, Господи, вразуми, просвѣти, и—мы узнаемъ и уразумѣемъ, будемъ помнить и не забудемъ, что ты единъ Святъ, всѣхъ освящай, и единъ Господь, вся исполняй, и Тебѣ одному подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Аминь!

Протоіерей Родіонъ Путятинъ.

ПОУЧЕНИЕ.

*Богородице Дѣво, радуйся, благодатная
Марія, Господь съ тобою...*

Радостное намѣреваюсь сказать вамъ, слуш., въ нынѣшній радостный день. Что же скажу? Скажу съ апостоломъ Павломъ ^{а)}: *всегда радуйтесь!* Всегда, всякій день, всякій часъ, всякую минуту радуйтесь, какъ Ангелы на небѣ, какъ святые предъ престоломъ Божиимъ. Скажете: это невозможно. Какъ можно всегда радоваться? Есть тысячи къ тому препятствій въ жизни; есть тысячи случаевъ, которые не дадутъ радоваться; есть тысячи причинъ, которыя заставляютъ невольно плакать, скорбѣть, сокрушаться. А я скажу: еслибы невозможно было всегда радоваться, то апостолъ Павелъ не написалъ бы къ Солунянамъ, чтобы они всегда радовались. Значить, можно всегда радоваться, при всѣхъ препятствіяхъ. Какъ же это? Послушайте.

а) 1 Солун. 5, 17.

Богородице Дѣво, радуйся благодатная Маріа, Господь съ тобою. Мы часто поемъ такъ. Слова этой пѣсни—*радуйся, благодатная, Господь съ тобою*, сказалъ, какъ извѣстно, пресвятой Дѣвѣ Маріи Архангелъ Гавріилъ. Видите, слуш., Архангелъ Гавріилъ, сказавши пресвятой Дѣвѣ, чтобы она радовалась, тотчасъ прибавилъ, что съ нею Господь. Радуйся благодатная; какъ тебѣ не радоваться? Съ тобою Господь. Итакъ надобно только всегда помнить намъ, что Господь съ нами, и мы всегда будемъ радоваться, будемъ всегда веселы, покойны. Съ кѣмъ Господь, источникъ всякой радости, тотъ не можетъ не радоваться. Вѣдь и Ангелы на небѣ, и святые предъ престоломъ Божиимъ всегда веселы, покойны, отъ чего? Именно отъ того, что Господь всегда съ ними, что Отца небеснаго всегда видятъ они предъ собою. Такъ, это несомнѣнно вѣрно, что если мы всегда будемъ помнить, что Господь съ нами, то будемъ всегда радоваться, всегда будемъ покойны, веселы.

Но помнить-то это всегда мы не можемъ; иногда невольно забываемъ, что Господь съ нами, иногда не хотимъ вспомнить, что Господь съ нами, иногда съ намѣреніемъ забываемъ, что Господь съ нами,—чтобы мысль эта не мѣшала намъ жить во грѣхахъ. При мысли о Богѣ слишкомъ страшно грѣшить.

И потому, вотъ что скажу тебѣ, слуш. благочестивый: когда ты печаленъ, не весель, когда

скорбишь, унываешь, то не затрудняйся узнавать, отъ чего это: это просто отъ того, что ты забылъ, что Господь съ тобою. Да, еслибы я помнилъ, что Ты со мною, Господи, я бы не скорбѣлъ, не унывалъ такъ; я бы былъ покоенъ и радовался духомъ; моя бы и печаль въ радость мнѣ обращалась; мои бы и слезы были для меня слезами утѣшенія; о, я бы и при скорбяхъ смертельныхъ весело повторялъ тогда съ царемъ Пророкомъ ⁶⁾: *аще и пойду посреда снѣи смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси!*...

Итакъ, поя Божіей Матери: *Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Маріа, Господь съ Тобою*,... будемъ помнить, что и мы все бы радовались духомъ, еслибы не забывали, что Господь съ нами.

Вотъ вамъ, слуш., краткое слово о радости.

Обрадовало ли оно васъ, утѣшило ли, успокоило ли?... По крайней мѣрѣ, я, съ своей стороны, желалъ сказать вамъ въ моемъ словѣ что нибудь такое, что могло бы васъ обрадовать, порадовать, чѣмъ могли бы вы утѣшиться, успокоиться...

Да, слушатель благ., когда ты не можешь другимъ дѣлать радостное, не можешь дѣломъ ихъ утѣшить, успокоить, то говори, по крайней мѣрѣ, съ ними поласковѣе, успокоительнѣе, го-

6) Пс. 22, 4.

вори такъ какъ нибудь, чтобы они при словахъ твоихъ ободрялись, а не трепетали.

Слово ласковое, успокоительное — ангельское слово, архангельскій гласъ. Ангелы, когда говорятъ, когда возвѣщаютъ кому что, покой и радость въ душѣ оставляютъ... Слово ласковое, успокоительное — слово ангельское, а жесткое, не успокоительное слово... не ангельское слово. Аминь.

Протоіерей Родіонъ Путятинъ.

БЕСѢДА.

*Благословено царство Отца, и Сына,
и Святаго Духа...*

Почему мы, слушатели, такъ часто поминаемъ Отца, Сына и Св. Духа? За всякою службою Божественною поминаемъ, почти нѣтъ молитвы, въ которой бы не поминали. Итакъ почему это?—Потому, что Отецъ, Сынъ и Св. Духъ—Богъ нашъ. Почему же Бога называемъ мы не просто только Богомъ, но и Отцемъ, Сыномъ и Св. Духомъ?—Въ Бога просто, даже во единого Бога вѣруютъ и іудеи, и магометане, но что Богъ есть Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, этого они не знаютъ, это знаемъ только мы, христіане, вѣдущіе истиннаго Бога. Да, вѣра истинная, христіанская прежде всего тѣмъ и отличается отъ вѣръ неправыхъ, ложныхъ, что она учитъ вѣровать во единого Бога, Отца, Сына и Св. Духа.

Для чего необходимо знать это, что Богъ есть Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, что Онъ есть единъ, но въ трехъ Лицахъ? Еслибы мы не знали, что Богъ есть единъ, но въ трехъ Лицахъ, то не знали бы, какъ Богъ насъ любить, не знали бы, что Онъ Сына Своего едиnorodнаго далъ есть,

да всякъ, вѣруй въ Него, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный; не знали бы, что у насъ есть Спаситель — Сынъ Божій, Который для того, чтобы быть нашимъ Спасителемъ, сошелъ съ небесъ, воплотился, пострадалъ, умеръ на крестѣ, воскресъ изъ гроба, возшелъ на небеса и сѣде одесную Бога Отца; не знали бы, что у насъ есть Духъ Святой, Который, чтобы быть нашимъ Освятителемъ, живетъ и дѣйствуетъ въ насъ, наставляетъ, вразумляетъ, очищаетъ насъ, Которымъ мы мыслимъ и желаемъ, молимся и дѣйствуемъ. Словомъ сказать: еслибы мы не знали, что Богъ есть единъ, но въ трехъ Лицахъ, мы не были бы христіанами. Богъ есть Отецъ, Сынъ и Св. Духъ—это главная, основная истина нашей вѣры. Мы потому именно и христіане, что вѣруемъ въ Бога,—Отца, Сына и Святаго Духа.

Безъ вѣры невозможно спастись, невозможно угодить Богу, а безъ какой вѣры? Именно безъ этой, безъ вѣры въ Бога—Отца, Сына и Святаго Духа.

Иисусъ Христосъ, посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь, чему велѣлъ учить всѣхъ? Именно тому, чтобы всѣ вѣровали во Отца, Сына и Св. Духа.

Такимъ образомъ, — что Богъ есть Отецъ, Сынъ и Св. Духъ — это сокращеніе ученія христіанскаго, краткій символъ вѣры нашей. Вѣра, которая не учитъ вѣровать во единого Бога,—От-

па, и Сына и Св. Духа — не Христова вѣра, не благодатная, не спасительная; и мы были бы не только не лучше іудеевъ и магометанъ, но не лучше и язычниковъ, не лучше и всѣхъ не вѣдающихъ истиннаго Бога, еслибы не знали, что Богъ есть единъ, но въ трехъ Лицахъ... Въ Бога, просто, какого нибудь всѣ люди болѣе или менѣе вѣрують; нѣтъ и не было въ мірѣ народа, который бы не вѣровалъ ни въ какое божество. Простые, необразованные люди своимъ чувствомъ постигаютъ, что Богъ есть; люди мыслящіе, образованные доходятъ до познанія Его своимъ разумомъ. Самые вольнодумцы, самые безбожные люди невольно признають въ мірѣ силу высшую, всемогущую, животворящую...

Вѣдь какъ же нибудь сотворенъ и устроенъ этотъ міръ, чѣмъ же нибудь живетъ и дѣйствуетъ все сущее и живущее въ мірѣ?! Да, блаженъ ты, христіанинъ, но блаженъ именно потому, что вѣруешь во единого Бога,—Отца, Сына и Св. Духа! Безъ вѣры невозможно спастись, невозможно угодить Богу, но тебѣ, при твоей вѣрѣ, можно сказать, невозможно не спастись, если только этого пожелаешь, невозможно не угодить Богу: вѣдь когда ты къ Отцу и Сыну и Св. Духу взываешь о своемъ спасеніи, тогда Богъ Отецъ къ тебѣ обращается всею Своею любовію, Сынъ Божій ходатайствуетъ за тебя всеми Своими заслугами, Духъ Святый дѣйствуетъ съ тобою всею Своею силою животворящею.

Почему же, слушатели, мы не всегда называемъ Бога Отцемъ, Сыномъ и Св. Духомъ, а часто называемъ такъ, просто Богомъ, или Господомъ?—Когда мы Бога называемъ Отцемъ, Сыномъ и Св. Духомъ, тогда вѣдь въ мысляхъ имѣемъ не трехъ боговъ, но Бога единого, потому что по существу Богъ всегда единъ, вѣчно единъ; такъ, и когда Бога называемъ просто Богомъ, мы въ мысляхъ имѣемъ всѣ три Лица, и Отца, и Сына и Св. Духа, потому что Богъ всегда въ трехъ Лицахъ, вѣчно въ трехъ Лицахъ.

Изъ трехъ Лицъ Божества мы однако же чаще призываемъ, молимъ Сына Божія Иисуса Христа; это почему? Это потому, что І. Христосъ, какъ Богочеловѣкъ, какъ бы ближе, доступнѣе намъ по своему человѣчеству. Онъ же и ходатай нашъ къ Богу; Его именемъ мы и всего просимъ у Бога; чрезъ Него мы и все получаемъ отъ Бога; чрезъ Него мы и Отца узнали, ради Него и Духъ Св. сошелъ къ намъ; потому-то мы къ Нему чаще и обращаемся, то-есть имя І. Христа чаще именуемъ, чѣмъ Отца и Св. Духа. Впрочемъ, молясь Сыну Божію, призывая Его имя, мы въ то же время молимся и Богу Отцу и Богу Духу Святому, хотя и не называемъ Ихъ по имени. Различны и несліянны по личнымъ свойствамъ Лица Св. Троицы, но нераздѣльны Они по существу и равны по достоинству. Никто изъ Нихъ не выше и не ниже, никто не сильнѣе и не слабѣе; Они по всему между со-

бою равны, потому что составляютъ одно Божество, одного Бога, и какъ Отецъ есть Богъ, такъ и Сынъ Божій есть Богъ, такъ и Духъ Св. есть Богъ, но, несмотря на то, Богъ единъ, а не три. Все различіе между Лицами Божества именно только въ томъ одномъ, что Отецъ не рождается, но не исходитъ, Сынъ Божій рождается, и не исходитъ, Духъ Св. исходитъ, но не рождается. Итакъ, кого ни призывай, Отца ли, Сына ли, Духа ли Св., во всякомъ случаѣ ты всегда призываешь всю св. Троицу, и Отца, и Сына, и Св. Духа, хотя и одного какого нибудь Лица имя именуешь.

Такъ, вотъ для чего мы такъ часто поминаемъ Отца, и Сына, и Св. Духа, чтобы намъ всегда помнить, что Богъ есть Отецъ, Сынъ и Св. Духъ единъ по существу, но въ трехъ Лицахъ, и помня вѣровать, что Богъ Отецъ всегда обращается къ намъ всею Своею любовію, Сынъ Божій за насъ ходатайствуетъ всѣми Своими заслугами, Духъ Св. съ нами всею Своею силою животворящею, когда мы къ Единому Богу въ Троицѣ славимому взываемъ и Ему молимся. Аминь!

Протоіерей Родіонъ Путятинъ.

Б Е С Ъ Д А .

Почему церковь называется церковію, то-есть домомъ Божіимъ? Развѣ Богъ живетъ здѣсь? Да, живетъ, таинственно... Конечно, церковь и потому называется домомъ Божіимъ, что здѣсь Богу служатъ, Богу молятся; но главное потому, что Богъ здѣсь таинственно присутствуетъ. Мы вѣдь и молимся Богу преимущественно въ церкви потому, что Онъ здѣсь таинственно всегда присутствуетъ.

Таинственно присутствуетъ... что это значить—таинственно, какъ это таинственно?—Богъ Существо невидимое, и потому видѣть Его намъ невозможно; тотъ умеръ бы тотчасъ, кто бы увидѣлъ Бога. Богъ невидимъ. Но надобно же Богу, Существу невидимому, какъ нибудь явить Себя намъ, дать о Себѣ знать, что Онъ есть. Иначе какъ же бы мы узнали Его и увѣровали въ Него? И вотъ Онъ, Невидимый, и сокрываетъ Себя въ видимомъ храмѣ, утаиваетъ Себя, такъ сказать, здѣсь, чтобы такимъ образомъ мы безпрепятственно могли Его видѣть, чувствовать, Его познать, въ Него увѣровать. Видимыя здѣсь вещи Богу посвящены, Богомъ освящены, и какъ бы напитаны Богомъ. И потому нигдѣ такъ нельзя познать Бога, какъ въ храмѣ Божіемъ, и невидимое Его нигдѣ такъ не видно, какъ въ видимыхъ здѣсь вещахъ. Невидимый

Богъ, можно сказать, въ церкви какъ бы видимъ. Итакъ таинственно Богъ присутствуетъ въ церкви—то-есть, Богъ, Котораго видѣть намъ невозможно, прикровенъ въ церкви такъ, что мы можемъ чувствовать и какъ бы видѣть Его въ видимыхъ здѣсь вещахъ. Такъ, если есть Богъ, то Онъ являетъ Себя гдѣ нибудь намъ. Если Богъ являетъ Себя гдѣ, то это особенно въ церкви, и нигдѣ такъ, какъ въ церкви. Послѣ сего, что надобно, слуш., думать о тѣхъ изъ насъ, которые въ церковь вовсе не ходятъ по небреженію, или стоятъ здѣсь всегда небрежно? Безбожные они люди, Бога они забыли, не помнятъ. Кто имъ напомнить о Богѣ, кромѣ церкви? Гласъ природы, гласъ совѣсти, гласъ исторіи? Не слушаютъ, видно, они и этихъ гласовъ, говорящихъ о Богѣ: еслибы слушались, то ходили бы въ церковь и стояли бы здѣсь благоговѣнно. Язычники и всѣ невѣдающіе истиннаго Бога, но заключающіе изъ видимаго о Невидимомъ, и тѣ имѣютъ у себя храмы, Божеству какому нибудь посвященные, и въ эти храмы ходятъ и молятся.

Да, не ходящіе въ церковь по небреженію, или ведущіе себя здѣсь небрежно, люди безбожные; они не то что не вѣруютъ въ Бога, — не вѣровать нельзя, потому что чувство Божества врожденно, но не хотятъ вѣровать, желали бы, чтобы Бога не было, заглушаютъ въ себѣ чувство Божества, стараются не мыслить о Богѣ, потому что при этой мысли нельзя имъ было бы жить и дѣйствовать безбожно, какъ они жи-

вуть и дѣйствуютъ. Почему они и въ церковь не ходять? Боятся, чтобы въ домѣ Божіемъ не пришла имъ на умъ мысль о Богѣ. Или почему они ведутъ себя здѣсь небрежно? Небрежностію своею въ храмѣ Божіемъ они прогоняють отъ себя мысль о Богѣ, которая здѣсь легко приходитъ всякому. И замѣтите, слуш., эти люди не любятъ, чтобы и другіе ходили въ церковь, или стояли здѣсь благоговѣнно, и потому словомъ и писаніемъ, поступками и обращеніемъ стараются въ другихъ возбуждать невѣріе, неуваженіе, непочтеніе къ церкви. Почему? ходящіе въ церковь, стоящіе здѣсь благоговѣнно, своимъ ходженіемъ и благоговѣніемъ напоминаютъ имъ, безбожнымъ, о Богѣ, чего они такъ не любятъ.

Такъ, церковь потому называется церковію, то-есть домомъ Божіимъ, что мы здѣсь Богу молимся, а главно потому, что Богъ здѣсь таинственно присутствуетъ. Богъ нигдѣ такъ невидимъ, какъ въ церкви. Бога нигдѣ такъ нельзя познать, какъ въ церкви. Неходящіе въ церковь по небреженію, или ведущіе себя въ церкви небрежно Бога забыли, Бога не помнятъ, люди безбожные, безбожно живущіе и дѣйствующіе.

Итакъ, слушатели, не забывайте церкви, бывайте здѣсь чаще и стойте всегда со вниманіемъ. Бога забудете, безбожными людьми сдѣлаетесь, если забудете церковь. Аминь.

Протоіерей Родіонъ Путятинъ.

ОЧЕРКИ БЫТА НАРОДА БОЖІЯ ^{а)}.

20. ПОГРЕБЕНІЕ УМЕРШИХЪ.

Съ того времени, какъ «грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть, и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что всѣ согрѣшили» (Рим. 5, 12.), люди принуждены были исполнять печальную обязанность, — погребать тѣла своихъ умершихъ братій. Она исполнялась въ различныхъ странахъ различно.

Въ св. Писаніи въ первый разъ говорится объ этомъ предметѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ разсказывается, какъ Авраамъ купилъ поле и пещеру Махпельскую у сыновъ Хеттеевыхъ, чтобы погребсти жену свою—Сарру. Въ этомъ-то мѣстѣ погребались патріархи въ томъ порядкѣ, какъ отходили *къ людемъ своимъ* (Быт. 23, 17.).

Въ гористой палестинской мѣстности находятъ множество естественныхъ пещеръ; легко также и высѣкать ихъ въ скалахъ; потому-то, вѣроятно, Іудеи обыкновенно обращали ихъ въ свои

а) См. янв. книжку.

усыпальницы. Путешественники рассказываютъ, что они видятъ въ св. землѣ очень много могилъ, высѣченныхъ въ скалахъ.

Турки, нынѣшніе владѣльцы Палестины, оказываютъ большое уваженіе къ гробницамъ патриарховъ; и такъ какъ они смотрятъ на Іудеевъ съ величайшимъ презрѣніемъ, то и не позволяютъ имъ посѣщать гробницу Рахили, любимой супруги Іакова (Быт. 35, 19.). Сами они питаютъ къ этому мѣсту особенное благоговѣніе (Carne).

Одинъ путешественникъ (Visit to Palestine and Libanon), послѣ описанія разныхъ мѣстъ, находящихся вблизи Іерусалима, рассказываетъ, какъ онъ посѣтилъ гробницы, извѣстныя подъ именемъ *царскихъ*. Чтобы достигнуть ихъ, путешественники вышли изъ Іерусалима дамасскими воротами и прошли около четырехъ миль среди оливковыхъ деревьевъ и огороженныхъ воздѣланныхъ полей. Наконецъ они нашли множество могилъ, высѣченныхъ въ скалѣ; каждая изъ нихъ имѣла по одному, по два и даже по три отдѣленія. Гробницы царей находились не много подале; чтобы проникнуть въ нихъ, путешественники сошли по одной тропинкѣ, высѣченной въ скалѣ, которая привела ихъ на четырехугольный открытый дворъ. Одна изъ стѣнъ, составлявшихъ окружность двора, была ровна и отвѣсна; въ ней находилось углубленіе около 5 саж. длиною, при 2 саж. высоты; на верхней части углуб-

ленія еще виднѣются остатки гирляндъ, цвѣтовъ и плодовъ, въ высшей степени искусно вырѣзанныхъ. По лѣвую сторону находится входъ въ усыпальницы; этотъ входъ такъ былъ загроможденъ развалинами, что проникнуть чрезъ него можно было только ползкомъ. Этимъ способомъ нани путешественники проникли въ четырехугольную комнату, по сторонамъ которой находились еще три углубленія; эти углубленія вели далѣе въ другія комнаты числомъ пять или шесть; всѣ онѣ были высѣчены въ скалѣ съ большимъ стараніемъ. Мертвыя тѣла клали въ углубленія, высѣченныя въ скалѣ, или выкопанныя въ землѣ. Обломки искусно обдѣланныхъ камней были разсыяны повсюду. Нельзя сказать навѣрное, погребались ли цари въ этихъ гробницахъ, или нѣтъ.

Тотъже писатель рассказываетъ подробности своей поѣздки къ гробницамъ, носящимъ имена Авессалома, Іосафата и Захаріи. Всѣ эти гробницы высѣчены въ скалѣ и очень древней архитектуры, которую Израильтяне, безъ сомнѣнія, заимствовали у Египтянъ; потому что онѣ имѣютъ очень много сходства съ египетскими постройками, рисунки которыхъ мы имѣемъ. Впрочемъ украшенія и колонны, употреблянія при этихъ гробницахъ, носятъ на себѣ отпечатки инаго стиля, который сталъ извѣстенъ въ Палестинѣ только спустя нѣсколько столѣтій послѣ смерти Авессалома, Іосафата и

Захаріи: обстоятельство, дающее поводъ предполагать, что эти гробницы на самомъ дѣлѣ не были мѣстомъ погребенія упомянутыхъ лицъ. Но, по замѣчанію путешественника, слова котораго мы уже приводили, это обстоятельство можетъ служить къ объясненію второй половины 23 главы Евангелія Матѳея. Здѣсь Спаситель сначала укоряетъ фарисеевъ за то, что они проникнуты тѣмъ же духомъ невѣрія и преслѣдованія, который побуждалъ ихъ предковъ проливать кровь пророковъ; потомъ, дѣлая намекъ на большое уваженіе, которое они оказывали между прочимъ къ этимъ святымъ людямъ, Онъ говоритъ: «горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкамъ и украшаете памятники праведниковъ»; и далѣе прибавляетъ: «да прійдетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, сына Варахїина» (Матѳ. 23, 29. 35.). Произнося эти слова, Спаситель какъ бы имѣлъ въ виду гробницу этого послѣдняго, и сдѣлавъ намекъ на колонны и скульптурныя работы, которыми уже въ послѣдствіи ее украсили.

Въ св. Писаніи нѣсколько разъ упоминается о существовавшемъ нѣкогда обычаѣ хоронить мертвыя тѣла въ большихъ пещерахъ или погребальныхъ рвахъ. Такъ, напримѣръ, пророкъ Іезекїиль говоритъ: «гробы его (Ассура) разставлены по бокамъ могилы и полчище его вокругъ

гробницы его» (Іезек. 32, 23.). 27 стихъ той-же главы относится къ обычаю, еще доселѣ существующему: «они (исполины) съ воинскимъ оружіемъ сошли въ преисподнюю въ могилу и мечи свои положили себѣ подъ головы». «Жители Миніреліи, говоритъ Шарденъ (Chardin), когда ложатся спать, кладутъ свои сабли подъ голову себѣ и по бокамъ своимъ другое оружіе; точно также и погребаютъ ихъ, полагая съ ними оружіе ихъ въ томъже порядкѣ». Пророкъ Исаія въ одномъ изъ самыхъ разительныхъ и поучительныхъ мѣстъ своей книги говоритъ объ обычаѣ погребать мертвыхъ въ пещерахъ. Предсказывая паденіе Вавилона, пророкъ, послѣ изображенія безумной гордости, побуждавшей царей этого города, говоритъ: «взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему», присовокупляетъ: «нынѣ же ты низверженъ въ адъ, въ глубины преисподней могилы» (Исаіи 14, 14. 15.). Патріархъ Іаковъ имѣлъ въ виду погребальную пещеру, находящуюся на Махпельскомъ полѣ, когда заклиналъ Іосифа «погребсти его во гробѣ, егоже ископахъ себѣ въ земли Ханаана» (Быт. 50, 5.); и объ исполненіи этого завѣщанія говорится, что «взяша его сынове въ землю Ханааню — и погребоша его въ пещерѣ сугубѣй, прямо Мамврѣи».

Богатые люди, принадлежавшіе къ высшему классу между іудеями, имѣли гробницы особенныя, родовыя; а люди низшихъ классовъ погре-

бались въ общихъ гробницахъ; потому-то бросить трупъ пророка въ «гробницы простонародныя» (Іерем. 26, 23.) значило оказать ему большое неуваженіе.

Гробы , въ которыхъ жили бѣсноватые, по всей вѣроятности были похожи на тѣ пещеры, о которыхъ мы говорили. Онѣ до настоящаго времени служатъ убѣжищемъ для путешественниковъ и кочующихъ Арабовъ. Въ нѣкоторыхъ восточныхъ мѣстностяхъ бѣдность и нищета часто побуждаютъ простой народъ искать пристанища въ такихъ пещерахъ, а также среди развалинъ великолѣпно изукрашенныхъ могилъ. Одинъ путешественникъ (Madden) сообщаетъ слѣдующія подробности о томъ, что онъ видѣлъ въ нѣкоторыхъ погребальныхъ египетскихъ пещерахъ: «гробницы находятся въ Ливійскихъ горахъ, лежащихъ на сѣверо-востокъ отъ древняго города Оивъ; одна сторона этихъ горъ вся изрыта ими съ низу до верху; самыя нижнія гробницы наиболѣе украшены. Здѣсь-то поселились Арабы; около трехъ сотъ человѣкъ живутъ въ крайней бѣдности въ этихъ памятникахъ человеческой гордости. Между ними былъ одинъ старикъ, опасно больной лихорадкою, отъ которой умеръ его сынъ за нѣсколько дней предъ моимъ приходомъ сюда. Я позаботился объ немъ, и имѣлъ счастье вылѣчить. Съ тѣхъ поръ онъ обнаруживалъ ко мнѣ безпредѣльную благодарность. Я имѣлъ привычку заходить къ нему каждыи

день въ то время, какъ возвращался изъ своего путешествія среди могилъ; онъ занималъ очень просторную комнату одной великолѣпной усыпальницы; четыре высокія колонны поддерживали ея сводъ. Лампа, сдѣланная изъ крышки алебастровой вазы, разливала среди сумрака блѣдный свѣтъ. Столовая комната старика была украшена различной формы античною (древнею) посудою, а перегородка, отдѣлявшая женскую половину отъ общей, состояла главнымъ образомъ изъ льняной матеріи, снятой съ мумій (набальзамированныхъ тѣлъ).—Во время войны, принятой Греками для освобожденія отъ турецкаго владычества, цѣлыя семейства принуждены были укрываться въ подобныхъ пещерахъ; и впоследствии въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находили людей погибшихъ отъ голода.

Въ св. Писаніи говорится о пророкѣ Самуилѣ, что онъ былъ похороненъ «въ дому его во Армаѣмѣ» (1 Царст. 25, 1.); равнымъ образомъ и о полководцѣ Давида Іовавѣ сказано, что его погребли «въ дому его въ пустынѣ» (3 Царст. 2, 34.). Іоветъ думаетъ, что эти два мѣста могутъ быть объяснены однимъ обычаемъ, который еще до настоящаго времени встрѣчается въ Палестинѣ. «Однажды передъ вечеромъ, говоритъ онъ, мы отправились съ сыномъ моего хозяина посмотреть садъ, принадлежащій его отцу. Не вдалекѣ отъ сада онъ указалъ мнѣ на одно зданіе, похожее на домъ, но не имѣвшее ни дверей,

ни оконъ; потомъ, обращаясь ко мнѣ съ серьезнымъ видомъ, онъ сказалъ: «вотъ усыпальница нашей фамиліи». Затѣмъ онъ обратилъ мое вниманіе на значительное число другихъ подобныхъ зданій, которыя на видъ были похожи на небольшіе домики, но на самомъ дѣлѣ были не что иное, какъ семейныя могилы. Эти зданія имѣютъ чрезвычайно печальный видъ; потому-то молодой человекъ, сообщавшій намъ эти объясненія, не могъ скрыть своего невольнаго волненія, разговаривая съ нами».

Между замѣчательными могилами, находимыми на востокѣ, особенно заслуживаютъ вниманія могилы Мардохея и Есѣири, находящіяся въ Гамаданѣ (древній городъ Екбатаны), въ Персіи. Иудеи, живущіе въ окрестностяхъ, оказываютъ большое уваженіе къ этимъ могиламъ; они приходятъ къ нимъ какъ на поклоненіе, и главный изъ ихъ раввиновъ хранитъ у себя ключъ отъ этихъ гробницъ. На нихъ найдены еврейскія надписи, содержащія молитву Есѣири и Мордохея. Приведемъ одну изъ сихъ надписей, именно ту, которая сдѣлана вокругъ гробницы Есѣири: «славлю Тебя, Боже, за то, что Ты создалъ меня. Я знаю, грѣхи мои заслуживаютъ наказанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и надѣюсь, что Ты умилишься надо мною; потому что, гдѣ я ни призываю Тебя, Ты всегда вблизи меня. Въ Твоемъ святомъ присутствіи я не боюсь никакихъ опасностей. Сердце мое спокойно и Твое присут-

ствіе наполняетъ его благоговѣніемъ. Наконецъ жизнь моя по Твоей благодати наслаждается миромъ. О Боже! не отвергни мою душу отъ божественнаго лица Своего. Тѣмъ, которые угодны Тебѣ, неизвѣстны муки ада. Отче милосердый! руководи меня къ *жизни жизней*, чтобы я насытилась небесными плодами рая!—Есѡирь».

Изъ книги Бытія извѣстно, что «Іосифъ повелѣлъ рабамъ своимъ врачамъ бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Израиля» (Быт. 50, 2.). Египтяне имѣли обыкновеніе бальзамировать тѣла умершихъ; они были такъ искусны въ этомъ дѣлѣ, что случалось находить множество такихъ тѣлъ, извѣстныхъ подъ именемъ *мумій*, совершенно уцѣлѣвшихъ, несмотря на то, что они были погребены двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ; эти муміи можно видѣть въ разныхъ европейскихъ музеяхъ. Чтобы набальзамировать трупъ, сначала вынимали изъ него мозгъ и внутренности и на мѣсто ихъ клали разные составы и ароматы. Потомъ въ теченіи тридцати дней сряду тѣло мазали кедровымъ масломъ, благовонною смирною (миррою) и мазью изъ корицы. Послѣ этого трупъ приходилъ въ такое состояніе, что ни одинъ волосъ не погибалъ съ него и онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго слѣда гніенія. Затѣмъ тѣло клали въ натровую (селитряную) соль, въ которой оно оставалось сорокъ дней; послѣ чего его обвертывали льняными повязками, пропитанными смирною и

покрытыми камедью особаго рода, которую Египтяне употребляли вмѣсто клея. Затѣмъ родители или родственники брали тѣло у бальзамировщиковъ и клали его въ гробъ, на крышкѣ котораго было дѣлаемо изображеніе умершаго, а также находились украшенія, приличныя его званію. Сохраняли его или въ какомъ нибудь мѣстѣ своего дома, или въ могилѣ, подобной описанному нами. Іосифъ приказалъ набальзамировать тѣло своего отца съ одной стороны, безъ сомнѣнія, для того, чтобы сообразоваться съ обычаемъ Египтянъ, которые, въ противномъ случаѣ, обвинили бы его въ недостаткѣ почтенія къ Іакову; съ другой стороны онъ могъ тогда опасаться, что подвергнетъ опасности здоровье тѣхъ, кто будетъ провожать во время путешествія въ землю Ханаанскую бранные останки патріарха. За исключеніемъ Іакова и Іосифа, который умеръ также въ Египтѣ, Священное Писаніе не говоритъ намъ, чтобы другіе Израильтяне были набальзамированы по обычаю Египтянъ. Впрочемъ Іудеи употребляли также ароматическія вещества при погребеніи умершихъ; такъ во 2 кн. Пар. 16 гл. 14 ст. говорится объ іудейскомъ царѣ Асѣ, что «погребоша его во гробъ (могилѣ), егоже ископа себѣ во градѣ Давидовѣ, и положиша его на одрѣ, и наполниша ароматами, и родами муровъ благоуханныхъ».

Слѣдующее выраженіе: «благо имя паче елея блага» (Еккл. 7, 2.) содержитъ вѣроятно на-

мекъ на обыкновеніе, о которомъ мы говорили. Хорошее мнѣніе о какомъ-нибудь человѣкѣ надолго поддерживаетъ воспоминаніе о немъ и служить побужденіемъ для его потомства снискивать себѣ подобную же награду. Это гораздо цѣннѣе благовонныхъ мазей, которыя могутъ предохранять отъ гніенія одно тѣло.

На востокѣ мертвыя тѣла относятъ въ могилу на доскѣ или на открытомъ одрѣ. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ одна путешественница (Miss Pardoe): «Греки являются на похороны почти также разряженные, какъ на свадьбѣ. Если умираетъ молодая и красивая дѣвушка, то ее одѣваютъ въ лучшія одежды, какія у ней только найдутся, — а чтобы скрыть на нѣсколько часовъ блѣдность, которую смерть распространяетъ на ея лицѣ, часто раскрашиваютъ у ней даже брови и щеки. Затѣмъ надѣваютъ на нее разныя украшенія; странно и возмутительно обыкновеніе носить такъ изукрашенный трупъ по улицамъ, между тѣмъ какъ родители умершей, родственники и друзья слѣдуютъ за нею съ плачемъ, надрывающими сердце криками и столами. Какъ скоро приносятъ трупъ къ могилѣ, то снимаютъ съ него всѣ украшенія, которыя и берутъ себѣ друзья умершаго; — а эти бранные останки, не задолго предъ тѣмъ тщеславно изукрашенные, опускаютъ въ землю, гдѣ скоро не долго спустя ничего не останется кромѣ горсти праха.» «Греки, говоритъ другой писатель (Dr. Walsh), одѣ-

вають своихъ мертвыхъ въ самыя лучшія одежды, дабы нести ихъ въ такомъ видѣ на мѣсто погребенія. Они кладутъ мертвое тѣло на открытыя носилки и такимъ образомъ безъ покрывки переносятъ его до могилы. Проходя по улицамъ Перы (предмѣстье въ Константинополѣ), я часто встрѣчалъ на своемъ пути погребальную процессію, сопровождаемую двумя или тремя священниками, которые несли зажженные свѣчи. Однажды я изъ любопытства присоединился къ толпѣ, провожавшей мертвеца. Когда мы дошли до могилы, то здѣсь тѣло сняли съ носилокъ и раздѣли его почти донага, оставивши на немъ только рубашку, повязку на головѣ и чулки. Потомъ его опустили въ могилу съ скрещенными на груди руками.» Подобнымъ образомъ, безъ сомнѣнія несли умершаго наинскаго юношу, которому Спаситель, проникнутый состраданіемъ при видѣ вдовы, лишившейся своего единственного сына, возвратилъ жизнь: «Господь, подошедъ, прикоснулся къ одру; несшіе остановились; и Онъ сказалъ: юноша! тебѣ говорю: встань. Мертвый, поднявшись, сѣлъ и сталъ говорить» (Лук. 7, 14. 15.).

На востокѣ нѣтъ обыкновенія погребать мертвыхъ въ гробахъ (ящикахъ), какъ у насъ; тамъ могилу обкладываютъ большими плоскими камнями; и потомъ опускаютъ въ нее тѣло, завернутое въ пелены и сверху кладутъ новые камни, которые образуютъ родъ свода надъ тѣломъ; надъ ними

уже насыпають землю (Russell's history of Aleppo). Этотъ обычай вполнѣ объясняетъ сказанное въ св. Писаніи о могилѣ Лазаря: «то была пещера, и камень лежалъ на ней» (Іоан. 11, 38.). Лазарь не былъ заключенъ во гробъ; онъ былъ только обвитъ погребальными пеленами по рукамъ и ногамъ и лице его было обвязано платкомъ. Въ исторіи Ананіи, который былъ пораженъ смертію за ложное показаніе «не человѣкамъ, а Богу», мы читаемъ, что «юноши, вставъ, приготовили его къ погребенію и, вынесши, похоронили» (Дѣян. 5, 4. 6.) (вѣроятно въ его собственныхъ одеждахъ). Они сдѣлали это безъ замедленія, не дожидаясь, пока былъ бы приготовленъ гробъ. Также было поступлено и съ женою его Сапфиною, которая, «не зная о случившемся», повторила тоже ложное свидѣтельство и получила одинаковое съ мужемъ наказаніе. «Юноши, войдя, нашли ее мертвою и, вынесши, похоронили подлѣ мужа ея». Не удивительно, что при такомъ необычайномъ произшествіи «великій страхъ объялъ всю церковь (то-есть всѣхъ христіанъ) и всѣхъ слышавшихъ сіе». Въ какіе-нибудь три часа два человѣка, дотолѣ полные жизни и здоровыя, были поражены смертію и уже преданы землѣ, навсегда разлучившись съ своими родственниками и друзьями. Поразительный урокъ для будущихъ поколѣній!..

Для насъ можетъ казаться страннымъ и даже

возмутительнымъ обыкновеніе украшать трупы; но не менѣе, если еще не болѣе, достойно сожалѣнія и то, что мы нерѣдко видимъ между нами. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли видѣть, какъ люди, уже стоящіе у порога своей могилы по лѣтамъ и недугамъ своимъ, столь много заботятся объ украшеніи своихъ дряхлыхъ тѣлъ?!.. Въ пору цвѣтущей юности и свѣжести силъ такая суетность можетъ быть по крайней мѣрѣ болѣе извинительною. Наша земная жизнь вообще такъ кратка, что едва достаточна для попеченій о душѣ, а подобными суетными заботами мы сокращаемъ ее еще болѣе для этихъ спасительныхъ попеченій!

Во многихъ восточныхъ странахъ существуетъ одинъ обычай, совершенно намъ чуждый: онъ состоитъ въ томъ, чтобы нанимать плакальщицъ (женщинъ, посвящающихъ себя этому занятію), для оплакиванія мертвыхъ. Онѣ приходятъ въ извѣстное время на могилы и тамъ называютъ умершаго самыми нѣжными именами и нѣжно укоряютъ, зачѣмъ онъ покинулъ своихъ друзей. При этомъ онѣ такъ сильно рыдаютъ, что трудно представить себѣ, будто ихъ скорбь не искренняя (Иезек. 2, 10.). Во многихъ мѣстахъ св. Писанія дѣлается указаніе на этотъ обычай. Такъ въ 9 гл. 17 ст. книги пророка Іереміи мы читаемъ: «сія рече Господь силъ: призовите плачевницъ, и да прійдутъ, и къ женамъ премудрымъ послите, и да вѣщаютъ.»

Во время приготовленія къ похоронамъ музыканты иногда разыгрывали жалобныя пѣсни на свирѣли, а другіе громко рыдали, какъ это было въ то время, когда І. Христосъ пришелъ въ домъ Іаира, чтобы воскресить дочь его (Мат. 9, 23. Марк. 5, 38.). Спаситель, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду этотъ обычай, когда укорялъ Іудеевъ за то, что они не приняли свидѣтельства ни Іоанна Крестителя, потому что онъ велъ строгій образъ жизни и проповѣдывалъ въ пустынѣ, — ни Его Самого, потому что Онъ не избѣгалъ общества всякихъ людей. Спаситель уподобилъ ихъ капризнымъ дѣтямъ, которыя недовольны своими товарищами, играютъ ли эти товарищи пѣсни, чтобы заставить ихъ плясать, или подражаютъ печальной погребальной музыкѣ. «Мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали; мы пѣли вамъ печальныя пѣсни и вы не рыдали» (Мат. 11, 17.).

Какъ скоро умиралъ кто-нибудь у Евреевъ, всѣ женщины, находившіяся близъ него, издавали громкіе крики; эти крики повторялись всѣми домашними женщинами, такъ что они часто были слышны на значительномъ разстояніи (Іезек. 24, 17.) (Russell's history of Aleppo). Плакальщицы также сначала проходили по улицамъ и потомъ отправлялись на могилу, и для выраженія своей скорби рвали свои волосы и били себя въ грудь.

Въ то время, какъ несли хоронить сына на-

инской вдовы, Спаситель встрѣтилъ его близъ городскихъ воротъ (Лук. 7, 12.). На востокѣ кладбища обыкновенно находились внѣ окружности города.

Законъ запрещалъ Іудеямъ обезображивать себя въ честь умершихъ, также вырывать себѣ волосы, брить бороду и дѣлать раны на своемъ тѣлѣ по обычаю языческихъ народовъ, который доселѣ соблюдается Арабами (Лев. 21, 5.). Вотъ что говоритъ одинъ путешественникъ въ описаніи своей поѣздки къ одному изъ ихъ поселеній. «Мы видѣли очень много старыхъ и значительное число молодыхъ женщинъ съ ранами на щекахъ и окровавленнымъ лицомъ. Намъ сказали, что на канунѣ онѣ оплакивали одну женщину, принадлежавшую къ семейству шейха». Какъ далека въ подобномъ случаѣ отъ этихъ безумныхъ, неестественныхъ выраженій скорби тихая, святая печаль христіанина! Правда, онъ по примѣру Самого Господа оплакиваетъ своихъ друзей; но онъ не скорбитъ о нихъ до отчаянія, что свойственно не имѣющимъ упованія (1 Сол. 4, 13.). Христіанинъ вѣруетъ, что тѣ, которые, оставляя его въ этомъ мірѣ, умираютъ во Христѣ (то-есть съ вѣрою въ Него), не навсегда для него потеряны,—они перешли только въ вѣчныя жилища, гдѣ онъ и самъ будетъ, если также во Христѣ скончается.

Въ св. Писаніи сказано, что въ то время, какъ Давидъ оплакивалъ смерть Авенира, «прі-

идоша вси людіе предложити Давиду ясти хлѣбы еще сущу дни (еще когда былъ день)» (2 Цар. 3, 35.). Въ книгѣ пророка Іереміи также говорится «о чашѣ питія ко утѣшенію надъ отцемъ и матерію» (Іер. 16, 7.). Думаютъ, что эти два мѣста относятся къ одному обычаю, еще доселѣ сохранившемуся между восточными христіанами; въ древности посылали пищу тѣмъ, которые оплакивали смерть своихъ родителей или родственниковъ, въ той увѣренности, что скорбь вполне поглощаетъ ихъ мысли, такъ что они забываютъ объ удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей. Товитъ вѣроятно имѣлъ въ виду этотъ же обычай, когда сказалъ своему сыну: «иждивай хлѣбы твоя при гробѣ праведныхъ» (Тов. 4, 17.).

Всѣ подобныя свѣденія о восточныхъ обычаяхъ при погребеніи и поминовеніи умершихъ очень цѣнны для насъ потому, что они проливаютъ свѣтъ на трогательный евангельскій рассказъ о томъ величайшемъ событіи, которое, 18 вѣковъ тому назадъ, совершила божественная Любовь, чтобы вырвать жало у смерти и побѣду у ада (1 Кор. 15, 55.). Это жало не существуетъ больше, и смерть, нашъ послѣдній врагъ, если еще не испразднена, то уже побѣждена; для христіанина могила не страшна болѣе и онъ съ сердцемъ исполненнымъ благодатно-радостныхъ чувствованій можетъ восклицать торжественную пѣснь: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, поправ-

ши смертію смерть и сущимъ во гробахъ даровавши жизнь!»

Пророкъ Исаія предсказалъ, что Іисусъ Христосъ будетъ «у богатаго послѣ смертей своихъ» (Исаіи 53, 9.). А при видѣ І. Христа, распятаго между двумя разбойниками, не имѣвшаго мѣста, гдѣ приклонить главу (Мат. 8, 20.), не могла ли показаться вѣроятною та мысль, что и тѣло Его будетъ брошено въ какое-нибудь нечистое мѣсто вмѣстѣ съ другими преступниками? Но Богъ все содержитъ въ своей власти, — Онъ управляетъ всѣми событіями и часто совершенно неожиданно для нашего ограниченнаго разума устраняетъ препятствія къ исполненію Его благихъ намѣреній. Онъ вдохнулъ мужество въ одного богатаго человѣка, именемъ «Іосифа, который былъ ученикомъ Іисуса, но тайнымъ, изъ страха отъ Іудеевъ» (Іоан. 19, 38.). Этотъ человѣкъ «осмѣлился войти къ Пилату и просилъ тѣла Іисусова» (Марк. 15, 43.), которое онъ и положилъ въ новомъ гробѣ, высѣченномъ прежде имъ самимъ въ скалѣ, — между тѣмъ какъ другіе, бывшіе явными учениками Спасителя, пораженные ужасомъ, не осмѣлились даже признаться, что знали своего Учителя, хотя за нѣсколько времени предъ тѣмъ торжественно давали Ему обѣщаніе не отречься отъ Него (Матѣ. 26, 35.). Іосифу при погребеніи Іисуса Христа помогалъ Никодимъ; онъ «принесъ составъ изъ смирны и алая, литръ (фунтовъ) око-

ло ста» (Іоан. 19, 39.). Это обстоятельство очень достойно замѣчанія; — ибо еслибы І. Христосъ послѣ своихъ крестныхъ страданій еще сохранялъ какіе-нибудь признаки жизни, то Онъ скоро бы умеръ отъ такого количества ароматныхъ веществъ, заключенныхъ притомъ въ небольшомъ пространствѣ и имѣвшихъ очень острый запахъ.

Давидъ предсказалъ, что «Господь не допуститъ преподобному своему видѣти истлѣнія» (Пс. 15, 10.);—и въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, сколько доказательствъ подтверждающихъ исполненіе этого пророчества. Такъ какъ гробъ, въ которомъ былъ положенъ Спаситель, не былъ устроенъ ни изъ кирпичей, ни изъ обыкновенныхъ камней, но былъ сдѣланъ въ одной массѣ твердой скалы; то нельзя предположить, чтобы ученики Спасителя или другіе какія лица могли пройти въ него для похищенія, какъ разглашали невѣрующіе Іудеи, — посредствомъ подземнаго хода; а входъ въ гробницу былъ слишкомъ тщательно охраняемъ, чтобы друзья Спасителя, оказавшіеся притомъ столь боязливыми, могли попытаться пройти въ нее. Главное же,—не нужно забывать, что онъ былъ заваленъ огромнымъ камнемъ, нарочно для этого приготовленнымъ, который такъ плотно закрывалъ отверстіе, что печать, наложенная Іудеями, соединяла этотъ камень съ остальною скалою (Матѣ. 27, 66.).

Ученики Спасителя не поняли того, что Онъ

говорилъ имъ, предсказывая Свое воскресеніе. Поэтому, когда они узнали, что гробъ заключенъ, камень запечатанъ и воины на стражѣ вокругъ пещеры, то слабая надежда, дотошъ быть можетъ еще остававшаяся въ ихъ сердцахъ, могла совершенно исчезнуть; они надѣялись, что І. Христосъ освободитъ Израиля, и вотъ Онъ лежалъ бездыханенъ во гробѣ (Лук. 24, 21.). Но на томъ же камнѣ, который по мнѣнію этихъ учениковъ долженъ былъ скрывать ихъ любимого Учителя до послѣдняго всеобщаго суда,— на этомъ же самомъ камнѣ вскорѣ явился Ангелъ, возвѣстившій благочестивымъ женамъ о воскресеніи ихъ Учителя и Господа!

Н. 3—вв.

Е К Т Е Н І И.

Ектенією называется рядъ возглашеній, которыми діаконъ ^{а)}, а иногда священникъ, призываетъ народъ къ общей молитвѣ, указывая при этомъ, о чемъ должно молиться, и на каждое изъ которыхъ клиръ отвѣчаетъ: Господи помилуй, или подай Господи.

Есть ектенія такъ называемая *мирная*, начинающаяся словами: миромъ Господу помолимся; иначе она называется великою въ отличіе отъ малой: паки и паки миромъ Господу помолимся. Есть ектенія сугубая, начинающаяся словами: *рцемъ вси отъ всея души*, и сопровождаемая троекратнымъ припѣвомъ: *Господи помилуй*. Есть наконецъ ектенія просительная съ припѣвомъ: *подай Господи* ^{б)}.

а) Отсюда эти возглашенія называются иногда діаконствами (*діаконіа*). См. въ литургіи преждеосвященныхъ Даровъ вторую ектенію объ оглашенныхъ, и ектенію предъ Отче нашъ.

б) Первоначально возглашенія, называемыя ектеніями, извѣстны были подъ именемъ *προφωνησεις* (въ Апост. постан.), также *κηρυγματα ἐκκλησιαστικα* (Васил. Вел. письмо 241), т. е. возглашенія вслухъ всего церковнаго собранія; отчего и діаконъ, произносившій эти возглашенія, у св. Іоанна Златоу-

Моленія, составляющія содержаніе мирной и сугубой ектеніи, довольно сходны съ тѣми, которыя встрѣчаются въ Апост. постановленіяхъ (кн. 8) и, какъ видно изъ нихъ, въ древности возглашаемы были въ началѣ литургіи вѣрныхъ, и которыя составляли въ древности неразрывное цѣлое, не раздѣляясь на двѣ ектеніи. Моленія просительной ектеніи также сходствуютъ съ тѣми, которыя встрѣчаются въ чиноположеніяхъ утрени и вечерни, изложенныхъ въ Апостольскихъ постановленіяхъ (кн. 8).

стаго называется иногда *κηνυξ* — глашатай (Бес. 17 на Евр.). Названіе сихъ возглашеній ектеніею — явилось въ позднѣйшее время; и притомъ въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ это названіе принадлежитъ одной сугубой ектеніи. Такъ въ чинѣ утрени о сугубой ектеніи сказано: *εἰτα λέγει ο διακονος, εἰλερ τυχη, την εκτενη: ελεησον ημας ο θεος κατα το μεγα ελεος ος* (помилуй насъ Боже по величій милости твоей). На литургіи послѣ евангелія, въ тайной молитвѣ священника при началѣ сугубой ектеніи сказано: *Κυριε ο θεος ημων, την εκτενη ταυτην ικεσιαν προσδεξαι παρα των οων δουλων*. Господи Боже нашъ, прилежное сіе моленіе приими отъ рабовъ твоихъ. Итакъ ектенія (*εκτενης ικεσια*) значить прилежное моленіе. Это наименованіе дано діаконскимъ возглашеніямъ, извѣстнымъ подъ именемъ сугубой ектеніи, вѣроятно потому, что въ полномъ составѣ своемъ они начинаются словами: *рцемъ вси отъ всея души и отъ всего помышленія нашего рцемъ*, — или по причинѣ соединеннаго съ ними троекратнаго припѣва: Господи помилуй. Что касается прочихъ ектеній, то въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ

Эктенія мирная обыкновенно полагается въ первой половинѣ той или другой церковной службы, а ектеніи сугубая и просительная большею частію занимаютъ мѣсто во второй половинѣ. Ектенія малая (*паки и паки*) возглашается обыкновенно среди пѣнія или чтенія псалмовъ и церковныхъ пѣснопѣній, для того, чтобы вниманіе предстоящихъ не утомлялось продолжительностію и однообразіемъ сего пѣнія или чтенія. Еще препод. Кассіанъ (+ 432) упоминаетъ объ обычаѣ египетскихъ монаховъ перемѣжать пѣніе псалмовъ краткими молитвословіями (Institut. L. 2. с. 5 и 10).

каждая изъ нихъ называется *βυναιτη* (подраз. *κηνυμάτων*) т. е. связь, совокупленіе возглашеній. Въ частности рядъ возглашеній, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ ектеніи мирной или великой, у грековъ называется: *μεγάλη βυναιτη*, — *βυναιτη μεγάλη των ειρηνικων*, — или просто *ειρηνικα* (подраз. *κηνυματα*); такъ называемая у насъ малая ектенія — *μικρά βυναιτη*; ектенія просительная — *βυναιτη αιτησεων*, — совокупленіе прошеній; она потому такъ называется, что каждое возглашеніе оканчивается въ ней однообразнымъ: *παρά τῃ Κυρίῃ αιτησώμεθα* — у Господа просимъ (См. у Свѣцера и Дюканжа подъ словами *βυναιτη*, *εκτενης*; у Гоара въ чинахъ церковныхъ службъ). На всѣ сии возглашенія въ славянскихъ церковнослужебныхъ книгахъ распространено названіе ектеніи — прилежнаго моленія, конечно потому, что на нихъ, какъ и на возглашенія сугубой ектеніи, народъ долженъ отвѣчать отъ всея души и отъ всего помышленія: Господи помилуй, или: подай Господи.

Теперь приступимъ къ изъясненію каждой ектеніи, не обращая здѣсь вниманія на тѣ видоизмѣненія, какія встрѣчаются напримѣръ въ ектеніяхъ заупокойной, объ оглашенныхъ, благодарственной и т. п.

МИРНАЯ ЕКТЕНІЯ.

1) «Миромъ (*Εν ειρήνῃ*) Господу помолимся». Подъ миромъ здѣсь всего проще и естественнѣе разумѣть тотъ самый миръ, привѣтствіе которымъ весьма часто слышится въ церкви: *миръ всѣмъ*. Это миръ, или благословеніе отъ Бога. Въ древности съ этимъ привѣтствіемъ обращались къ народу не только епископы и священники, но и діаконы^{в)}, и даже чтецы^{г)}. *Миромъ Господу помолимся*, — это значитъ слѣдующее: призовемъ на наше молитвенное собраніе миръ Божій, или благословеніе Божіе, и съ благословенія Божія, подъ сѣнію лица Божія, съ миромъ и любовію къ намъ обращеннаго, приступимъ

в) Такъ діаконъ распускалъ церковное собраніе словами: съ миромъ выходите (Злат. въ бесѣдѣ противъ постящихся на Пасху). Въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ Златоустовой литургіи, предъ заамвонною молитвою, вмѣсто священническаго возгласа: съ миромъ изыдемъ, читаются діаконскія слова: *ἐν ειρήνῃ προέλθετε* (съ миромъ изыдите).

г) Входя на амвонъ для чтенія Писанія, чтецы привѣтствовали народъ: миръ вамъ (Сург.).

къ моленіямъ о нашихъ нуждахъ. Такъ, христіанинъ всякое доброе дѣло долженъ начинать молитвою о благословеніи Божіемъ. Изъ сего не исключается и дѣло самой молитвы; приступить къ нему мы не иначе можемъ, какъ съ благословенія Божія,—почему? Потому что молитва есть бесѣда съ Богомъ. Но если и съ людьми не всегда можно начать разговоръ прямо, не испросивъ или не узнавъ напередъ ихъ соизволенія на то, чтобы не показаться дерзкимъ и неучитивымъ: тѣмъ паче бесѣда съ Богомъ требуетъ предварительнаго благословенія на нее Божія.

2) «О свѣшнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ Господу помолимся». *Миръ свѣшній*—это миръ земли съ небомъ, примиреніе чловѣка съ Богомъ, или полученіе отъ Бога прощенія въ грѣхахъ чрезъ Господа нашего І. Христа, за насъ пострадавшаго. «Оправдавшись вѣрою, говоритъ ап. Павелъ, мы имѣемъ миръ съ Богомъ чрезъ Господа нашего І. Христа» (Рим. 5, 1). И такъ молить Бога о свѣшнемъ мирѣ значитъ молить Его о дарованіи намъ прощенія грѣховъ, пріобрѣтеннаго для насъ крестными заслугами І. Христа. Плодомъ прощенія грѣховъ или примиренія съ Богомъ, служитъ *спасеніе душъ нашихъ*, или вѣчное блаженство.

3) «О мирѣ всего міра, благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ Господу помолимся.»

Всего міра, т. е. всего человѣчества, всѣхъ народовъ (Мар. 16, 15. Мат. 28, 19). Такъ, мы должны молиться за всѣхъ на свѣтѣ людей, не только соотечественниковъ и единоплеменниковъ, но и чуждыхъ намъ по отечеству и народности, не только единовѣрныхъ съ нами, но и разновѣрныхъ и даже невѣрныхъ. Мы должны помнить, что всѣ люди, несмотря на эти и другія разности, происходятъ отъ единой крови (Дѣя. 17, 26), слѣдственно всѣ—дѣти одного Отца небеснаго и между собой братья, что Господь промышляетъ о всѣхъ народахъ, «не переставая (даже не вѣдушимъ Его) свидѣтельствовать о Себѣ благодѣянiями, подавая имъ съ неба дожди и времена плодоносныя» (Дѣя. 14, 17), что самое искупленіе совершено для всѣхъ людей, для всего міра, хотя не всѣ еще увѣровали въ Искупителя: «такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына своего едиnorodнаго, дабы всякій вѣрующій въ него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную» (Іоан. 3, 16). Соотвѣтственно сему мы должны любить всѣхъ людей, къ какому бы народу они ни принадлежали и какую бы вѣру ни исповѣдывали, и эту любовь должны выражать въ молитвѣ за всѣхъ безъ различiя, какъ это заповѣдуетъ св. ап. Павелъ : «молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленiя, прошенiя, благодаренiя за вся челоуѣки» (1 Тим. 2, 1.). О чемъ же, по руководству ектенiи, мы должны молить Бога, молясь за всѣхъ людей, за весь міръ?—О

миръ всего міра. Подъ *миромъ* здѣсь разумѣтся, въ противоположность свѣшнему миру (о которомъ говорится въ предшествующемъ возглашеніи) внѣшнее, земное *мирное*, или благополучное состояніе. Для него требуется, чтобы нигдѣ не было вражды, междоусобныхъ и международныхъ браней, моровыхъ язвъ, голода, землетрясеній, пожаровъ, наводненій и другихъ физическихъ и общественныхъ бѣдствій, разрушающихъ миръ, или спокойное наслажденіе земными благами. Молясь о внѣшнемъ благополучіи всѣхъ людей на свѣтѣ, мы поступаемъ согласно съ намѣреніемъ самого Господа, желающаго чрезъ внѣшнія благодѣянія обратить къ Себѣ невѣдущихъ Его. Мы можемъ надѣяться, что они, взысканные милостіями Божиими, сами наконецъ будутъ искать Того, которымъ живутъ, движутся и существуютъ (Дѣян. 17, 27. 28.).

Но если намъ заповѣдано молиться о всемъ мірѣ, о всемъ человѣчествѣ, то не съ большею ли ревностію мы должны молиться о святой православной церкви? Если близко къ нашему сердцу благоденствіе всѣхъ племенъ и народовъ, то не дороже ли должно быть для насъ благо единовѣрныхъ намъ христіанъ, принадлежащихъ къ одной съ нами истинной Христовой церкви? — Такъ, по наставленію Апостола, мы должны дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ (Гал. 6, 10). Посему за моленіемъ о мирѣ всего міра слѣдуетъ прошеніе о *благодѣяніи святыхъ Бо-*

жизни церквей, т. е. частныхъ церквей, раздѣленныхъ мѣстомъ, но входящихъ въ составъ единой вселенской православной Церкви, каковы церковь греческая, русская, грузинская, болгарская и другія. Что же нужно для *благосостоянія*, т. е. спокойнаго и цвѣтущаго состоянія святыхъ Божіихъ церквей? Та или другая церковь находится въ спокойномъ, цвѣтущемъ состояніи, когда предѣлы ея не только не сокращаются, а еще расширяются присоединеніемъ къ ней невѣрующихъ и иновѣрцевъ, когда она находится въ благотворномъ для ней союзѣ съ государствомъ и пользуется покровительствомъ верховной власти, когда въ сынахъ ея сохраняется непоколебимая преданность ея ученію, ея учрежденіямъ, обычаямъ и правиламъ, когда она не обуревается ересями, расколами и другими враждебными ей ученіями и мнѣніями и легко торжествуетъ надъ ними, когда принадлежащіе къ ней вѣрующіе болѣе и болѣе преуспѣваютъ въ нравственно-христіанской жизни. Дай Господи, чтобы это внѣшнее и внутреннее благосостояніе было достояніемъ всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей, чтобы всѣ онѣ наслаждались внѣшнимъ миромъ и процвѣтали внутреннимъ благоустройствомъ. Кромѣ того для благосостоянія частныхъ православныхъ церквей требуется, чтобы между ними, какъ между членами единой вселенской Церкви, поддерживаемо было живое общеніе если не внѣшнее, то по крайней мѣрѣ общеніе вѣры,

любви, молитвъ, и чтобы возникающія иногда недоразумѣнія и несогласія между ними оканчивались миромъ. Въ настоящее время происходитъ на примѣръ разногласіе между церквами константинопольскою и болгарскою. Болгары тяготятся іерархическою зависимоścią отъ цареградскаго патріарха, недовольны своими епископами греками, не понимающими болгарскаго языка, и домогаются, чтобы ихъ церковь признана была независимою отъ константинопольской и управлялась единоплеменными имъ епископами. Греки противятся требованіямъ болгаръ; отсюда взаимное между ними недовольство. Надобно желать и Бога молить, чтобы оно не обратилось во вражду и кончилось миромъ.

И о соединеніи всѣхъ (*περι της ενωσεως των παντων*), т. е. о единеніи всѣхъ людей. О какомъ же это единеніи всѣхъ людей Церковь научаетъ насъ молиться? — О единеніи во Христѣ Иисусѣ, чрезъ вѣру въ Него. О немъ молилъ Бога Отца самъ Иисусъ Христосъ предъ наступленіемъ своихъ страданій. «Не о нихъ только (*Апостолахъ*) молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ, да будутъ всѣ едино» (Іоан. 17, 20. 21). Вѣра въ Иисуса Христа не уничтожаетъ внѣшняго раздѣленія между вѣрующими, не требуетъ, чтобы они отказались отъ своей народности, отъ преимуществъ общественнаго положенія, отъ богатства; но она такъ сближаетъ ихъ между собою, что всѣ они—одно во Христѣ Иисусѣ, всѣ являются

сынами Божиими и братьями (Гал. 3, 26. 28), такъ что нѣтъ между ними ни Еллина, ни Іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара и Скиѳа, раба, свободнаго, но все и во всемъ Христось (Кол. 3, 10). Это братство, это единство всѣхъ во Христѣ Иисусѣ, обращаетъ къ общему благу церкви Христовой даже общественное и нравственное неравенство между ея членами, — потому что по духу духовнаго братства во Христѣ сильныя должны носить немощи немощныхъ, богатые служить бѣднымъ отъ имѣній своихъ, господа заботиться о спасеніи слугъ, преуспѣвшіе въ разумѣ и благочестіи—руководить и вразумлять невѣдущихъ, заблуждающихъ и упорныхъ въ грѣхѣ братій своихъ, помня, что всѣ едино во Христѣ Иисусѣ. Къ сожалѣнію, это единеніе во Христѣ Иисусѣ еще доселѣ не водворилось повсюду. О немъ не имѣютъ понятія многіе народы, непросвѣщенные свѣтомъ Евангелія. Но и между христіанами нѣтъ единенія въ исповѣданіи вѣры, и между самыми единовѣрными нерѣдко встрѣчается духъ вражды и своекорыстія. Посему св. церковь и научаетъ насъ молить Господа, да благодатію Его водворится повсюду единеніе всѣхъ о Христѣ Иисусѣ. Дай Господи, чтобы оно не только утвердилось во всей его силѣ между христіанами, но и распространилось на все человечество, на всѣ народы. Дай Господи, чтобы всѣ люди на свѣтѣ увѣровали во Христа, составили собою единое стадо единаго Пастыря, и послу-

шныя Его руководству научились единымъ сердцемъ и едиными усты славить Отца и Сына и Святаго Духа, и блюсти братское единодушіе.

4) «О святѣмъ храмѣ семъ, и съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ входящихъ въ онъ Господу помолимся.» Храмъ именуется святымъ по святости, или священному значенію дѣйствій, въ немъ совершаемыхъ, особенно таинствъ, по благодати торжественнаго освященія его для сихъ дѣйствій, по особенному присутствію въ немъ Божию со времени его освященія, открывающемуся преимущественно въ таинствѣ тѣла и крови Христовой. Молиться о святомъ храмѣ значитъ просить Бога, чтобы Онъ никогда не отступалъ отъ храма своею благодатію, хранилъ его отъ оскверненія врагами православной вѣры, отъ пожаровъ, землетрясеній, татей, и чтобы въ немъ не оскудѣвали средства къ поддержанію его въ цвѣтущемъ состояніи снаружи и внутри. Съ моленіемъ о зданіи храма соединяется моленіе о входящихъ въ него, чтобы Господь призрѣлъ на нихъ своею благодатію, просвѣщающею, освящающею, утѣшающею. Но не для всякаго входящаго въ храмъ доступна благодать сія, а только для вступающихъ въ него *съ вѣрою* въ его святость, и, вслѣдствіе такой вѣры, *съ благоговѣніемъ* къ нему, и *страхомъ Божиимъ*. Въ чемъ же должно выражаться сіе благоговѣніе и страхъ Божій? Въ молитвенномъ настроеніи духа, въ отложеніи житейскихъ по-

печеній, въ очищеніи сердца отъ немирныхъ расположеній къ ближнему—вражды, зависти и т. п. Вступающіе въ храмъ должны помнить, что мѣсто, на которое ступила нога ихъ, есть селеніе Царя славы, Бога чистоты, святости и любви, мѣсто братскаго общенія вѣрующихъ въ молитвахъ и таинствахъ; какъ не благоговѣть къ такому мѣсту? Съ внѣшней стороны благоговѣніе вступающихъ въ храмъ должно выражаться въ соблюденіи тѣлесной чистоты, въ благоприличной одеждѣ, въ воздержаніи отъ разговоровъ, отъ нескромныхъ движеній, отъ разсѣяннаго блужданія взоровъ.

5) «О святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ, мѣстномъ архіереѣ, честнѣмъ пресвитерствѣ, во Христѣ діаконствѣ, о всемъ причтѣ и людехъ». Здѣсь моленіе о всѣхъ членахъ церкви. Въ составъ Церкви входятъ два разряда членовъ: одни принадлежатъ къ священноначалію, другіе—міряне, *людіе*, или народъ (*λαος*). Въ главѣ священноначалія грекороссійской церкви стоитъ Синодъ, т. е. постоянный соборъ высшихъ членовъ священноначалія, простирающій власть свою на всю обширную область грекороссійской церкви. По власти и значенію Синодъ равенъ каждому изъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, а потому по примѣру ихъ называется *святѣйшимъ*, т. е. освященнѣйшимъ. Частныя области русской церкви, именуемыя епархіями, управляются архіереями въ зависи-

мости отъ синода; — одни изъ нихъ именуются просто епископами, другимъ или по старшинству епархій, или по личнымъ заслугамъ присвоено наименованіе митрополитовъ и архіепископовъ. Архіереи съ синодомъ составляютъ высшую степень священноначалія. За ними слѣдуетъ, въ порядкѣ священноначалія, сословіе пресвитеровъ (священниковъ), именуемое въ ектеніи *честными*, т.-е. досточтимымъ пресвитерствомъ. Низшую степень священноначалія составляютъ діаконы. Они помогаютъ епископамъ и пресвитерамъ при совершеніи таинствъ и прочихъ церковныхъ службъ. Въ ектеніи они именуются *діаконствомъ во Христѣ*. Этимъ наименованіемъ какъ бы внушается имъ, что они, какими бы высокими личными достоинствами ни были украшены, не должны почитать унижительными для себя ни своей должности, ни своего названія (діаконъ значитъ служитель), — они должны помнить, что они діаконствуютъ во Христѣ, во славу Христа, ради Его. — Какъ необходимо и важно священноначаліе въ церкви, объ этомъ можно судить по тому, что епископы и пресвитеры суть орудія Господа въ раздаяніи вѣрующимъ многоразличныхъ даровъ благодати чрезъ таинства, и кромѣ ихъ никто изъ непосвященныхъ не имѣетъ права совершать священнодѣйствіе таинствъ; и притомъ имъ однимъ принадлежитъ церковное учительство, — и даже въ частныхъ сношеніяхъ съ вѣрующими, на нихъ

преимущественно лежитъ власть и обязанность руководить вѣрующихъ къ спасенію. Такимъ образомъ, не будь священноначалія, вѣрующіе лишены были бы существенно необходимыхъ средствъ спасенія и самое существованіе церкви было бы невозможно; безъ пастырей церкви оскудѣло бы и духовное просвѣщеніе въ церкви и мало по малу затмилось бы знаніе пути ко спасенію. Теперь понятно, чего мы должны просить у Господа, когда насъ приглашаютъ молиться за священноначаліе. На всѣхъ насъ, какъ на сынахъ церкви, лежитъ долгъ усердно молить Господа, да не оскудѣетъ у насъ церковное священноначаліе, да не прекратится до скончанія вѣка рядъ преемниковъ апостольскаго служенія, да не останутся овцы духовнаго стада безъ законныхъ пастырей и безъ благодати, чрезъ нихъ подаемой. Кромѣ того мы должны просить Господа, чтобы Онъ своею благодатію помогъ пастырямъ церкви, при помощи ихъ сослужителей — діаконовъ, достойно проходить великое ихъ служеніе, облегчилъ имъ многочисленныя трудности, неизбѣжныя для нихъ при добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, утѣшалъ ихъ любовію къ нимъ пасомыхъ, усердіемъ ихъ къ вѣрѣ, и даровалъ имъ нескучныя средства жизни для безпрепятственнаго прохожденія духовныхъ обязанностей.—*О всемъ причтѣ и людехъ.* Наименованіе причта, клира (*κληρος*) означаетъ вообще людей, избранныхъ въ особенный жребій, или удѣлъ Господу, по-

добно ветхозавѣтнымъ священникамъ и левитамъ; оно иногда прилагается было ко всему священноначалію въ отличіе отъ мірянъ, иногда же къ священникамъ, діаконамъ и низшимъ служителямъ церкви, — иподіаконамъ, чтецамъ и пѣвцамъ. Въ настоящее время клиромъ или причтомъ называются то священнослужители, священникъ и діаконъ, вмѣстѣ съ чтецами и пѣвцами, или такъ называемыми церковнослужителями, то одни послѣдніе. Въ ектеніи подъ именемъ причта идетъ рѣчь, очевидно, только о церковнослужителяхъ, иначе называемыхъ причетниками, ибо священники и діаконы уже были упомянуты предъ симъ. Такъ, должно молить Господа и о причетникахъ, какъ о лицахъ необходимыхъ при богослуженіи. Дай Господи, чтобы они тщательно исполняли свои обязанности, и внятнымъ, благоговѣйнымъ чтеніемъ и пѣніемъ возбуждали и поддерживали духъ благоговѣнія и молитвы въ присутствующихъ въ храмѣ. — *И людехъ*, т. е. мірянахъ. Дай Господи, чтобы они находились въ близкомъ духовномъ общеніи съ священноначаліемъ, дорожили законными пастырями Церкви, и подъ руководствомъ ихъ успѣшно содѣвали свое спасеніе.

6) «О благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ государѣ нашемъ императорѣ, супругѣ его, наслѣдникѣ, и всемъ Царствующемъ дому, о всей палатѣ и воинствѣ ихъ».

Христіанамъ вѣнено въ обязанность молиться

за всякихъ царей, даже невѣрныхъ (1 Тим. 2, 1—2.); и христіане всегда свято исполняли свой долгъ,—они молились за царей гонителей, невѣрныхъ и иновѣрныхъ. Не съ большею ли ревностію мы должны молиться за царя нашего, царя христіанина, и притомъ *благочестивѣйшаго*, т. е. православнѣйшаго, благовѣрнѣйшаго,—покорнаго сына и покровителя православной Церкви, и единственнаго во всемъ мірѣ православнаго самодержавнаго царя. Какихъ милостей мы должны испрашивать у Бога царю нашему? Мы должны молить Господа, да поможетъ ему проходить его великое служеніе благопоспѣшно ко благу царства и церкви, да укрѣпитъ его, въ трудномъ его служеніи, духомъ владычнимъ, духомъ премудрости царственной, столь потребнымъ ему въ дѣлахъ законодательства, суда и управленія, да окружить престолъ его милостію и истиною, да даруетъ ему мудрыхъ и добросовѣстныхъ совѣтодателей и исполнителей его предначертаній, да утѣшаетъ его любовію къ нему подданныхъ и ревностію ихъ къ исполненію вѣрноподданическихъ обязанностей. Молясь о царѣ, мы должны вмѣстѣ молиться и о его царственномъ домѣ, да будутъ члены царственного дома ближайшею опорою царю въ его трудахъ для народнаго блага, и вмѣстѣ да обрѣтаетъ онъ въ нѣдрахъ своего семейства отдохновеніе среди этихъ многосложныхъ трудовъ. Должны мы молить Бога и о томъ, да не оскудѣетъ царственный

родъ въ числѣ своихъ членовъ, ибо процвѣтаніе его служить залогомъ процвѣтанія царства. Исторія бѣдствій не одного нашего отечества во дни междуцарствій, когда съ пресѣченіемъ царскаго рода, или крайнимъ оскудѣніемъ его, престолъ остается празднымъ, — показываетъ, какъ мы должны дорожить царскимъ родомъ и благословлять Господа, умножающаго сей родъ. Когда некому наследовать престолъ, тогда вопросъ о престолонаслѣдіи порождаетъ обыкновенно въ народѣ несогласія, раздоры, и даже междуусобныя войны, и подаетъ поводъ къ бѣдственному для государства вмѣшательству иностранныхъ державъ. Вспомнимъ времена самозванцевъ, терзавшихъ наше отечество по пресѣченіи Рюрикова рода до воцаренія благословеннаго дома Романовыхъ.—*О всей палатѣ и воинствѣ ихъ.* Палата — это названіе царскаго дворца; кромѣ того палатными (*παλατινοι*) называлась въ грекоримской имперіи чины придворной и гражданской службы (*Suicerus*). Они-то, конечно, и разумѣются въ ектеніи подъ словомъ *палата*. Всѣмъ имъ мы должны испрашивать у Бога помощи къ вѣрному, ревностному и полезному для государства прохожденію ихъ служенія. Тогоже мы должны просить у Бога и для воинства. Чѣмъ труднѣе служба воиновъ низшихъ и высшихъ чиновъ не только въ военное, но и въ мирное время, тѣмъ усерднѣе должна быть наша молитва о нихъ. Они не щадятъ, для нашего

спокойствія и безопасности, своего здоровья и самой жизни; они на свою грудь принимаютъ вражескіе удары, чтобы отвести ихъ отъ насъ; они величайшіе наши благодѣтели;—какъ же не молиться намъ за нихъ? Какъ не просить Господа, да сохранитъ ихъ невредимыми отъ стрѣлъ вражіихъ, да одушевитъ ихъ мужествомъ въ бояхъ, да даруетъ имъ терпѣніе и силы къ перенесенію тягостей военнаго и мирнаго времени?

7) «О пособити и покорити подѣ нозѣ ихъ всякаго врага и супостата.»—Враги и супостаты (супротивъ стоящіе), противъ которыхъ испрашивается помощь у Господа, это внутренніе или домашніе враги, и внѣшніе. Первые опаснѣе послѣднихъ, ибо дѣйствуютъ большею частію тайно, и война междуусобная бѣдственнѣе войны международной, ибо бываетъ ожесточеннѣе послѣдней. Притомъ война международная ограничивается въ большей части случаевъ окраинами государства, а война междуусобная большею частію опустошаетъ внутреннія области его. Дай Господи не испытать бѣдствій войны ни съ внутренними, ни съ внѣшними врагами. Но если, по попущенію Божию, эти бѣдствія неизбежны, то должно молить Господа, да пособитъ во брани (*περι τῆς συμπολεμίας*) царю нашему и всему державному роду его и покорить имъ всѣхъ враговъ и супостатовъ. Помощь Божія въ войнѣ съ какими бы ни было врагами нужна даже тогда,

когда противъ нихъ можно выставить многочисленное и превосходно обученное и вооруженное войско. Безъ помощи и благословенія Божія не спасаютъ отъ пораженія ни многочисленность, ни опытность, ни отличное вооруженіе воиновъ. Напротивъ при помощи и благословеніи Божіемъ можно одерживать побѣды надъ врагами съ незначительными военными средствами. А эта помощь и благословеніе приобретається надеждою на Господа, страхомъ Божіимъ и молитвою. «Иные колесницами, иные конями, а мы именемъ Господа Бога нашего хвалимся. Они шатаются и упадаютъ, а мы стоимъ и не колеблемся» (Псал. 19, 8. 9.). «Господь не силу коня любитъ, не о быстротѣ ногъ человѣческихъ благоволитъ, а благоволитъ Господь о боящихся Его и надѣющихся на милость Его» (— 146, 10. 11.).

8. «О царствующемъ градѣ, всякомъ градѣ и странѣ и вѣрою живущихъ въ нихъ». — Гдѣ бы ни жили люди, въ городахъ ли, или вдали отъ нихъ въ деревняхъ и селахъ (названныхъ общимъ именемъ страны — *χωρα*), вездѣ они нуждаются въ милости Божіей. Кто не живетъ подъ кровомъ Вышняго, для того не найдется нигдѣ мирнаго и безопаснаго пристанища, не только въ селахъ неукрѣпленныхъ, но и въ городахъ, обнесенныхъ твердынями и охраняемыхъ многочисленною стражею. Ибо «если Господь не стережетъ града, напрасно не спитъ стражъ» (Псал. 126, 1.). Посему должно молить Господа, чтобы

покрывалъ щитомъ своей милости и города наши, и селенія наши, избавлялъ ихъ отъ опустошительныхъ пожаровъ, наводненій, землетрясеній, нашествія иноплеменниковъ и т. п., и чтобы сохранялъ отъ этихъ бѣдствій всѣхъ обитающихъ въ городахъ и селеніяхъ съ вѣрою, т.-е. православныхъ и благочестивыхъ градскихъ и сельскихъ жителей. И дай Господи, чтобы въ городахъ и селеніяхъ нашихъ не оскудѣвало число православныхъ обитателей, православныхъ не по имени только, а по жизни, твердыхъ въ православной вѣрѣ, ревностныхъ къ исполненію ея предписаній и установленій, и истинно благочестивыхъ. Въ противномъ случаѣ горе нашимъ городамъ и селеніямъ. Господь грозилъ Израилю: «если не будешь слушать гласа Іегова, Бога твоего, не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія, то проклятъ будешь въ городѣ, и проклятъ будешь на полѣ» (Второз. 28, 15. 16.). И эту угрозу Господь исполнилъ. Во гнѣвѣ своемъ онъ не только предалъ разрушенію и конечному опустошенію нечестивые языческіе города—Вавилонъ, Тиръ и Сидонъ, и всѣ области, отъ нихъ зависѣвшія, но не пощадилъ и самаго Іерусалима, святаго города, хранилища святынь Своихъ, за нечестіе его жителей, и предалъ опустошенію всю страну Израильскую. Подобная участь грозитъ всякому городу и странѣ христіанскимъ, если водворится въ нихъ нечестіе и забвеніе Бога. Во гнѣвѣ Господь не щадитъ самыхъ святынь своихъ.

9. «О благораствореніи воздушныхъ, изобиліи плодовъ земныхъ и временѣхъ мирныхъ».—Воздухъ — величайшее благо для насъ и для всѣхъ животныхъ, безъ воздуха нельзя дышать и жить. Но воздухъ бываетъ и вреденъ для нашей жизни, когда онъ либо слишкомъ сыръ, либо слишкомъ сухъ, когда онъ наполняется смертоносными примѣсями, когда бушуютъ тлетворные вѣтры, распространяющіе на пути своемъ смерть и пагубу на все живущее. Не приведи намъ Господи, Владыка и жизни и смерти, испытать бѣдствія отъ такого вреднаго для насъ воздуха, отъ врати отъ насъ опасность съ каждою струею воздуха впитать въ себя отраву; даруй воздуху благораствореніе и сохрани въ немъ благораствореніе, очисти его отъ всего, что можетъ быть пагубно для нашей жизни, чтобы мы, дыша воздухомъ чистымъ, свѣжимъ и здоровымъ, непрестанно благословляли Твою благость. Кромѣ воздуха, для поддержанія жизни и здоровья нужна еще пища. Пищею челоуѣку служатъ плоды земные. Молить Господа о изобиліи плодовъ земныхъ значитъ призывать Его всемогущее благословеніе на наши поля, сады и огороды, ибо ни труды земледѣльца, ни труды садовника и огородника не могутъ быть успѣшны безъ благословенія Божія; поля, сады и огороды, при самомъ тщательномъ воздѣланіи, или совсѣмъ не дадутъ плодовъ, или дадутъ плоды тонкіе и скудные, если Господь не пошлетъ на землю дождей

благовременныхъ и теплоты солнечной. — Равно и времена мирныя (*καιροι ειρηνικοι*), т.-е. благополучныя обстоятельства въ нашей жизни частной и общественной, суть даръ благости Божіей. Всѣ мы желаемъ этого дара, и потому всѣ должны просить его у Бога, съ надеждою получить просимое по обѣтованію Христову: просите и дастся вамъ.

10. «О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ». Св. Церковь приглашаетъ насъ молиться о *плавающихъ и путешествующихъ*, чтобы тѣ и другіе благополучно совершили свое путешествіе, одни по водамъ, другіе по сухому пути; приглашаетъ молиться о *недугующихъ* (*νοσθυτες*), т.-е. о людяхъ, имѣющихъ постоянно худое здоровье, находящихся въ болѣзненномъ состояніи, которое впрочемъ не отнимаетъ у нихъ возможности заниматься обычными ихъ дѣлами,—и о *страждущихъ* (*καμνοντες* Іак. 5, 15.), т.-е. болѣзнію пригвожденныхъ къ одру, испытывающихъ томительное, жгучее чувство боли, и находящихся въ смертной опасности. Объ однихъ мы должны молиться, чтобы Господь содѣлалъ ихъ совершенно здоровыми, о другихъ, чтобы воздвигнулъ ихъ съ одра болѣзни и удалилъ отъ нихъ смертную опасность, или по крайней мѣрѣ укрѣпилъ ихъ къ благодушному перененію болѣзни. — О *плѣненныхъ* мы должны молить Господа, чтобы Онъ помогъ имъ освободиться изъ плѣна, воз-

вратилъ ихъ къ роднымъ и соотечественникамъ, и чтобы въ самомъ плѣну они не терпѣли отъ своихъ поработителей разныхъ притѣсненій и жестокостей.—*И о спасеніи ихъ*, т.-е. о вѣчномъ спасеніи. Мы должны желать нашимъ ближнимъ избавленія отъ временныхъ бѣдъ, какимъ могутъ подвергаться они на морѣ, на сушѣ, въ плѣну,—отъ временныхъ болѣзней и страданій, но преимущественно мы должны заботиться о спасеніи ихъ отъ вѣчныхъ мукъ. Мы такъ должны молиться за нихъ: Господи! если Тебѣ неугодно услышать наше моленіе объ отвращеніи временныхъ, земныхъ бѣдствій отъ нашихъ ближнихъ—плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ,—то по крайней мѣрѣ не лиши ихъ вѣчнаго спасенія, помоги имъ перенести посланное на нихъ испытаніе безъ ропота, съ христіанскимъ терпѣніемъ и надеждою на Твое милосердіе, съ раскаяніемъ о грѣхахъ, и путемъ временныхъ бѣдствій приведи ихъ къ вѣчному блаженству.

11. «О избавитися намъ отъ всякіи скорби гнѣва и нужды». Пророкъ Софонія, грозя Іудеямъ, за ихъ нечестіе, раззореніемъ и опустошеніемъ ихъ земли, говоритъ, что уже близокъ день наступленія сего бѣдствія, — «день гнѣва, день скорби и нужды» (Соф. 1, 15.). Эта угроза имѣетъ силу и въ отношеніи къ намъ, ибо по грѣхамъ своимъ и мы достойны *всякой скорби* (*ὅλης πένος*), т.-е. всякихъ мукъ, достойны *гнѣва*,

т.-е. гнѣва Божія, праведно на насъ движимаго, или наказанія по закону правосудія Божія (Рим. 4, 15.), достойны *нужды* (*αναγκης*), т.-е. крайняго, невыносимаго стѣсненія и озлобленія (Лук. 25, 23. 2 Кор. 6, 4; 12, 10.). Но праведный во гнѣвѣ Своемъ Господь есть вмѣстѣ милосердый и долготерпѣливый Отецъ нашъ. Посему мы и просимъ Его объ избавленіи насъ (*περι τῆ ρυθηναι ημᾶς, ρω*—исторгаю, извлекаю) отъ всякой скорби, гнѣва и нужды; т.-е. мы просимъ Его, чтобы Онъ и теперь избавилъ насъ отъ бѣдствій, если кто изъ насъ уже терпитъ ихъ по волѣ Его, и впередъ избавлялъ насъ отъ нихъ, если Ему угодно будетъ посылать ихъ на насъ; просимъ, чтобы Онъ не до конца гнѣвался на насъ, и наказавъ насъ, возвращалъ намъ Свое благоволеніе.

12. «Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ Боже, Твоею благодатію». Сими словами мы молимъ Бога, да не отступитъ отъ насъ благодать Его, — *заступающая*, т.-е. защищающая насъ отъ враговъ и обидчиковъ нашихъ; *спасающая* отъ бѣдъ временныхъ и вѣчныхъ; *милующая*, т.-е. не воздающая намъ по грѣхамъ нашимъ и покрывающая наши вины предъ Нимъ прощеніемъ; и *сохраняющая насъ* здоровыми и невредимыми отъ всѣхъ бѣдъ и напастей.

На всѣ сіи возгласенія клиръ отвѣчаетъ: Господи помилуй, т.-е. будь къ намъ милостивъ Господи, и по милости Твоей исполни наше моленіе.

13. Въ заключеніи ектеніи насъ приглашаютъ вспомнать Пресвятую Богородицу со всѣми святыми, т.-е. обратиться къ нимъ съ мольбою о предстательствѣ за насъ предъ Богомъ, и потомъ, съ надеждою на ихъ предстательство, *предать себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу*. Это значитъ, что мы должны исповѣдать себя, предъ лицомъ Христа Бога, по грѣхамъ нашимъ недостойными того, чтобы Отецъ небесный услышалъ наши моленія о самихъ себѣ и о нашихъ ближнихъ, и что всю печаль нашу мы должны возвергнуть на Христа Бога, Его любви и попеченію себя и ближнихъ нашихъ поручить, съ твердою увѣренностію, что ради Его страданій и крестной смерти. Богъ Отецъ готовъ дать все просящимъ у Него во имя Единороднаго Сына Его.

На сіе возглашеніе ликъ, отъ лица народа, отвѣчаетъ: Тебѣ Господи, т.-е. Тебѣ Единому, Господи Иисусе, себя и ближнихъ нашихъ всецѣло предаемъ.

(Окончаніе будетъ).

Свящ. В. Нечаевъ.

ЧИНЪ ПОГРЕБЕНІЯ МЛАДЕНЧЕСКАГО.

ПОУЧЕНІЕ I.

Представляю себя и вамъ, брат. мои, одну изъ прекрасныхъ картинъ семейнаго счастія христіанина: вы сдѣлались родителями; супруга ваша благополучно разрѣшилась отъ бремени и оправилась послѣ родовъ; дитя ваше возрождено въ св. водахъ крещенія, обильно надѣлено дарами св. Духа въ миропомазаніи, — напитано кровію Христовою въ причащеніи. Оно улыбается, цвѣтетъ жизнію и здоровьемъ и возбуждаетъ въ васъ радость и веселіе: какая, бр. мои, прекрасная картина! И нѣтъ для васъ пока выше и святѣе этой радости; нѣтъ пока чище и возвышеннѣе этого веселія!

Но бр. мои, жизнь и взрослого человѣка подобна цвѣтку: утромъ цвѣтетъ и зеленѣетъ; — подула непогда, — и нѣтъ его, и не будетъ, и не узнаешь мѣста его. Жизнь младенца еще болѣе подвержена этимъ переменамъ. Малѣйшая болѣзнь, — и уже смерть грозно стоитъ около колыбельки его. День одинъ, — и онъ во гробѣ. И

горе, тяжелое, жгучее горе поражаетъ вашу душу.

Св. Церковь понимаетъ и уважаетъ ваше горе, бр. мои; она вполне сочувствуетъ вамъ; она, какъ нѣжная и мудрая мать ваша, старается облегчить вамъ это горе, уцѣломудрить васъ въ этомъ горѣ, поставить васъ съ вашимъ горемъ предъ лицомъ Господа премилосердаго и премудраго, предъ лицомъ вѣчности, и надеждою на блаженное безсмертіе вашего младенца пролить отраду и утѣшеніе въ ваше скорбное сердце.

Для этого она составила особый чинъ погребенія младенческаго. Я разберу для васъ, брат. мои, этотъ чинъ, сколько возможно, подробнѣе.

Погребеніе младенческое, равно какъ и погребеніе взрослыхъ, начинается пѣніемъ псалма дѣвностаго: «живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится». Въ семъ псалмѣ Давидъ, движимый Духомъ Святымъ, изобразилъ самыми свѣтлыми чертами блаженное состояніе человѣка благочестиваго и уповающаго на Господа. Обращаясь къ нему, пророкъ говоритъ: «Онъ, т.-е. Господь, избавитъ тебя отъ сѣти птицелова, и отъ губельной язвы. Перьями своими осѣнитъ тебя, и подъ крылами Его укроешься; истина Его есть щитъ и огражденіе. Не убоишься ужасовъ ночи, стрѣлы летящей днемъ, язвы ходящей во мракѣ, заразы опустошающей въ полдень. Близъ тебя падеть тысяча, и тьма по правую руку твою, но тебя не коснется.

Только смотрѣть будешь очами твоими,—и увидишь возмездіе нечестивымъ... Не допустится до тебя зло, и ударъ не достигнетъ до жилища твоего. Ибо Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о тебѣ — сохранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. На рукахъ понесутъ тебя, да непреткнешься о камень ногою твоею. На льва и аспида наступишь, попирашь будешь скимна и дракона». —

Эти слова псалма съ удивительною вѣрностію могутъ быть отнесены къ душѣ всякаго человека, отходящей въ вѣчность съ вѣрою и упованіемъ, также и къ душѣ отшедшаго младенца. Вотъ душа младенца, какъ юный птенецъ, стремится къ горьнымъ обителямъ Отца Небеснаго, мимо мытарствъ князя воздушнаго. Діаволь всячески старается уловить ее; подобно хитрому птицелову разставляетъ силки и петли свои; но Господь избавляетъ ее отъ этихъ сѣтей. Врагъ старается поразить душу ужасами всякаго рода; представляетъ предъ очи ея погибель нечестивыхъ, паденіе во адъ тысячъ и темъ людей нераскаянныхъ и невѣрующихъ; но душа младенца безтрепетно стремится къ своей цѣли, въ горнія обители. Близъ ея падаетъ тысяча и тьма одесную ея; а она — въ безопасности; ея не коснется погибель. Она только смотритъ очами своими, и видитъ праведное возмездіе нечестивымъ. Врагъ старается вредить ей зломъ, старается напасть на нее съ ударами; но зло не допускается до нея, и ударъ не достигаетъ до

жилища ея. Господь заповѣдалъ Ангеламъ своимъ хранить ее на всѣхъ путяхъ ея, и особенно на этомъ пути смертномъ; и вотъ они несутъ ее на рукахъ своихъ,—чтобы она не преткнулась о камень ногою своею. Подъ ихъ охраненіемъ она дерзновенно наступаетъ на льва и аспида, попираетъ скимна и дракона, т.-е. діавола и всѣхъ клеветовъ его, и избѣжавъ всѣхъ опасностей, является лицу Божию.

Какая, бр. мои, свѣтлая и утѣшительная картина! Какое дивно-высокое созерцаніе въ этомъ псалмѣ! Какъ премудро св. Церковь примѣнила его къ тайнамъ загробнымъ, тайнамъ восхожденія души младенца къ Отцу небесному, охраняющему ее отъ всѣхъ козней лукаваго на пути ея въ вѣчныя обители!

Послѣ псалма поется аллилуія со стихами: «блаженъ, егоже избралъ и пріялъ еси, Господи», и: «память его въ родъ и родъ».

Аллилуія — это хвалебная пѣснь Господу отъ небожителей, достигшихъ уже вѣчнаго блаженства и ликующихъ,—сколько нынѣ возможно,—въ вѣчныхъ обителяхъ Отца небеснаго; это вмѣстѣ съ тѣмъ небесный привѣтъ ихъ вашему младенцу, бр. мои, грядущему наслѣдовать вмѣстѣ съ ними вѣчное блаженство. Стихи псалма: блаженъ, егоже избралъ и пріялъ еси Господи... и память его въ родъ и родъ, — это нашъ прощальный голосъ душѣ младенца, отходящей отъ насъ, изъ юдоли плача, борьбы и подвиговъ,—

на родину свою, въ вѣчныя обители Отца небеснаго,—прямо въ эти обители, безъ всякой задержки на мытарствахъ, потому что младенецъ, недавно «возродившійся водою и Духомъ, и въ непорочномъ житіи преставившійся», не содѣлалъ еще ничего такого, за что могъ бы подвергнуться изгнанію на сихъ мытарствахъ. Св. Церковь вѣруетъ, что христіанскіе младенцы безъ предварительнаго частнаго суда наслѣдуютъ уготовиванное имъ отъ Господа царство небесное, и прямо присоединяются къ небожителямъ, радостно сръѣтающимъ душу вашего младенца и принимающимъ ее въ свѣтлый сонмъ свой.

Бр. мои! по не исповѣдимымъ судьбамъ промысла Божія, я больше, нежели кто другой изъ васъ, хоронилъ дѣтей своихъ: семь человѣкъ ихъ въ могилѣ. Да будетъ воля Господня! Благодарю Господа вразумляющаго мя, и раннимъ лишеніемъ дѣтей моихъ указующаго мнѣ на наше вѣчное жилище на небѣ... И всякій разъ, бр. мой, какъ я слушалъ отпѣваніе младенца моего, я мыслію моею и сердцемъ моимъ возносился на небо, къ Господу Іисусу, вмѣстѣ съ душою моего младенца, и благоговѣнно провожалъ ее до самыхъ вратъ райа. Слезы о разлукѣ съ моимъ милымъ сыномъ или дочерью невольно мѣшались съ слезами умиленія и благоговѣнія предъ Господомъ пріемлющимъ моего младенца въ вѣчныя обители. Скорбь о потерѣ его невольно смѣнялась радостною вѣрою, что Господь избралъ

и пріямъ его къ Себѣ, приблизиль къ Себѣ, и упокоилъ для вѣчной блаженной жизни у Себя. Гробикъ младенца мнѣ казался послѣ того священнымъ ковчегомъ, въ которомъ хранятся бранные останки его до радостнаго пробужденія при всеобщемъ воскресеніи.

Думаю, брат. мои, что я не заблуждался: такъ учить св. Церковь, такъ учить Самъ Господь нашъ.

О еслибы всѣ мы вѣрно слѣдовали ученію св. Церкви нашей! Аминь.

ПОУЧЕНІЕ II.

Въ прошедшемъ поученіи мы остановились на пѣніи: *аллилуя*, и соединенныхъ съ нимъ стиховъ, въ началѣ чина погребенія младенческаго. Вслѣдъ за этимъ пѣніемъ положены Трисвятое, пресвятая Троица, Отче нашъ, и слѣдующій стихъ: «Покой Спасе нашъ съ праведными раба Твоего,—взываемъ мы ко Господу—и сего всели во дворы Твоя, якоже есть писано, презирая яко благъ прегрѣшенія его вольная и невольная, и вся, яже въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, Человѣколюбче.»

Да, бр., въ непорочномъ житіи представился вашъ младенецъ, но и онъ не безгрѣшенъ. Есть на немъ невольный грѣхъ,—это грѣхъ первородный, неслѣдственный, ибо всѣ мы въ беззакон-

ніяхъ раждаемся, и въ грѣхахъ зачинаемся; а съ постепеннымъ раскрытіемъ смысла въ младенцѣ, когда онъ начинаетъ понимать различіе добра отъ зла, его душа начинаетъ обременяться грѣхами вольными, которые онъ сознательно совершаетъ, и о прощеніи которыхъ мы должны молиться.

Съ этою молитвою нашею объ усопшемъ младенцѣ мы соединяемъ молитву и о себѣ самихъ. «Отъ Дѣвы возсіявый міру Христе Боже нашъ,—вопіемъ мы къ Господу Іисусу, — сыны свѣта Тою (чрезъ нее) показавый, помилуй насъ.»

Далѣе слѣдуетъ покаянный псаломъ Давидовъ: «помилуй мя Боже»,—и *канонъ покойный*. Весьма умилительны, бр. мои, тропари этаго канона.

Въ тропаряхъ канона св. Церковь отъ лица всѣхъ насъ умоляетъ Господа Іисуса Христа упокоить усопшаго младенца вашего въ вѣчныхъ обителяхъ мира, радости и блаженста а) ради того, что Онъ самъ,—Владыка нашъ и Господь, благоволилъ быть младенцемъ, не переставая быть Богомъ, б) ради того, что усопшій младенецъ вашъ не вкусилъ земныхъ, освященныхъ и дозюлевныхъ Имъ, радостей; в) ради того, что Онъ самъ Владыка и Господь нашъ, неложно обѣщалъ, что младенцамъ принадлежитъ царство небесное, и г) наконецъ ради того, что младенецъ чистъ и непороченъ. Я приведу вамъ, бр. мои, нѣсколько тропарей канона въ подтвержденіе мною сказаннаго.

а) «Плотію обнищавый Слове Божій и младенцемъ быти благоволивый безъ измѣненія (т. е. не переставая въ тоже время быть Богомъ), въ нѣдрѣхъ Авраамлихъ, молимъ, сочetaй младенца, егоже пріялъ еси.» (1-й пѣсн. канон. тр. 1. сн. 6 пѣсн. кан. тр. 1.). «Пресовершенство Слове, младенцемъ явившійся пресовершеннымъ, младенца сего несовершенство возрастомъ къ себѣ представилъ еси: егоже упокой съ праведными всѣми, благоугодившими Тебѣ, едине Человѣколюбче.» (3-й пѣсн. кан. тр. 1.). Такъ св. Церковь указаніемъ на то, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ самъ былъ младенцемъ, умоляетъ Его отъ лица всѣхъ насъ упокоить съ праведными вашего младенца.

б) «Земныхъ лишилъ еси Владыко младенца наслажденій, — небесныхъ благъ его яко правосуденъ сподоби.» (4-й пѣсн. кан. троп. 4. сн. 6 пѣсн. тр. 3.). «Мірскихъ сладостей не вкусивша, — премірныхъ Щедре благъ причастника покажи, — молимся, нерастлѣннаго младенца, егоже преложилъ еси Божественнымъ повелѣніемъ Твоимъ.» (3-й пѣсн. кан. впро. 3.). Такъ св. Церковь отъ лица всѣхъ насъ умоляетъ Господа нашего Иисуса Христа сподобить вашего младенца небесныхъ благъ, ради того, что сей послѣдній не могъ еще насладиться освященными и дозволенными Имъ радостями на землѣ.

в) «Вопіялъ еси Апостоломъ: оставите отрочата ко Мнѣ приходить, Слове; царство бо Мое

таковымъ сущимъ подаваемо бываетъ: младенца убо къ Тебѣ преставленниго, свѣта Твоего сподоби.» (6-й пѣсн. кан. троп. 2.). «Отроча видѣнъ былъ еси прежде всѣхъ вѣковъ сый, и отрочатомъ яко благъ Твое общалъ еси царство: тому настоящаго причти младенца.» (1-й пѣсн. кан. троп. 1.). Такъ св. Церковь пріемлетъ дерзновеніе напомнить Господу премилосердому Его собственное обѣщаніе, что младенцамъ принадлежитъ царство небесное, и во имя этого обѣщанія умоляетъ Его сподобить и вашего младенца сего царствія.

г) Наконецъ св. Церковь, хотя не признаетъ младенца безгрѣшнымъ, но имѣя въ виду то, что и вольные грѣхи его еще не обратились ему въ навѣкъ, не испортили его души,—дерзаетъ указать на непорочность и чистоту вашего младенца, и во имя этой непорочности и чистоты умоляетъ премилосердаго Господа, совокупить душу вашего младенца съ душами праведныхъ. «Пославый съ высоты Всецарю и пріимый блаженнаго младенца, яко чистую Владыко птицу въ гнѣзда небесная, спаслъ еси сего духъ отъ сѣтей многовидныхъ; и съ праведными душами совокупи, сподобляя царствія Твоего.» (9-й пѣсн. кан. троп. 2.). «Небесныхъ чертоговъ и свѣтлаго покоя и священнѣйшаго лика Святыхъ, Господи, причастника сотвори чистѣйшаго младенца, егоже, яко благоволилъ еси Спасе, преставилъ его.» (3-й пѣсн. кан. троп. 2.).

Возсылая эти молитвы отъ лица нашего къ Господу Иисусу, св. Церковь вѣруетъ, бр. мои, что Господь дѣйствительно отверзаетъ вашему младенцу небесныя врата; «якоже младо вѣтвіе мечъ нашедъ смертный ты посѣче, непріимшаго искуса мірскихъ сластей, о блаженне»,—вѣщаетъ она, обращаясь къ вашему младенцу, лежащему во гробѣ; «но се Христосъ тебѣ небесная врата отверзаетъ, избраннымъ сочетавая тя, яко благоутробенъ.» (5 пѣсн. кан. троп. 2.).

Но, бр. мои, какъ ни отрадны, какъ ни высоки по духу своему эти моленія и созерцанія св. Церкви, сердце ваше все-таки скорбитъ и сѣтуетъ о смерти вашего младенца. Св. Церковь, — какъ я говорилъ вамъ, уважаетъ эту скорбь вашу, бр. мои, непрерываетъ вашего сѣтованія, но сколько возможно старается подать вамъ утѣшеніе. Внемлите: она изъ самаго гроба, отъ лица вашего младенца подаетъ вамъ утѣшеніе; другаго голоса быть можетъ вы и непослушали бы.

«Что мя плачете младенца преставившагося, лежай вопіетъ младенецъ, нѣтъ во мнѣ ничего достойнаго плача, младенцамъ бо опредѣлена радость всѣхъ праведныхъ, потому что они не содѣлали ничего достойнаго оплакиванія.» (8-й пѣсн. кан. троп. 3.). «О мнѣ не рыдайте; плача бо ничтоже начинахъ достойное; паче же о самихъ себѣ согрѣшающихъ плачите всегда, сродницы и друзи... яко да искуса не возьмете мученія.» (5 пѣсн. кан. троп. 3.).

Особенно съ полнымъ сочувствіемъ св. Церковь относится къ отцу и матери младенца усопшаго; она плачетъ и рыдаетъ съ ними; она своимъ языкомъ высказываетъ ихъ скорбь,--иногда отъ тяжести ея вовсе безмолвную, и подаетъ имъ утѣшеніе изъ самаго же гроба, гдѣ лежитъ сокровище ихъ.

«Нѣтъ никого болѣзньннѣе сердцемъ и жалостливѣе, какъ мать; нѣтъ никого, кто бы въ скорби былъ глубже умиленъ и тронутъ, какъ отецъ; ихъ внутренности горятъ, когда они провожаютъ отселѣ младенцевъ своихъ; ихъ сердца чувствуютъ величайшую скорбь по случаю кончины дѣтей ихъ, особенно когда дѣти уже хорошо говорили; теперь припоминаютъ они всѣ рѣчи ихъ, всѣ слова ихъ.» (Икосъ 2 по 6-й пѣсн.). «Многократно мать предъ гробомъ терзаетъ грудь свою и вопіетъ: сынъ мой! чадо мое сладчайшее! Неужели ты не слышишь матери своей? Неужели не хочешь понять, что она говорить? Вотъ чрево, которое носило тебя; отъ чегожъ ты ничего не говоришь съ нами, какъ ты бывало говорилъ прежде; но все молчишь, и не воспѣваешь съ нами: аллилуія.» (Икос. 3 по 6-й пѣсн.).

Такъ передаетъ св. Церковь скорбь матери. Какъ естественны эти вопли! Какъ трогательны! Но младенецъ немолчить, — какъ это кажется сѣтующей матери; вы слышали уже тѣ утѣшительныя и поучительныя рѣчи, съ которыми онъ изъ гроба обращался къ плачущимъ о немъ. Но

этого недостаточно кажется ему; онъ возносить свою молитву къ Господу Иисусу, и умоляетъ Его, чтобы Онъ самъ утѣшилъ отца и мать его въ ихъ скорби. «Боже, Боже призвавый мя! утѣшеніе буди дому моему: плачь бо велій случися имъ; на меня бо взираху вси, единородна мя сїи имуща; но Ты рождѣйся отъ Матере-Дѣвы, матери моя утробу прохлади, и ороси сердце отца; имъже аллилуіа.»

Какая умилительная картина эта, бр. мои! Младенецъ вашъ, явившійся лицу Господа Иисуса, возводитъ къ Нему премилосердому молитвенные взоры свои,—вѣщаетъ Ему своими дѣтскими устами молитву за отца и за мать своихъ и за всѣхъ домашнихъ; и шлетъ имъ съ неба привѣтъ и славословіе, которому самъ научился уже у небожителей,—шлетъ *аллилуіа!*

Бр. мои! Вы видите, что св. Церковь затрогиваетъ самыя нѣжныя и чувствительныя струны сердца нашего, и извлекаетъ изъ нихъ звуки самыя трогательныя, самыя возвышенныя и святыя. О, предадимъ себя ея премудрому водительство въ нашей скорби; повѣрьте: она съумѣетъ сдѣлать нашу скорбь достойною христіанскаго названія; съумѣетъ извлечь изъ сердца нашего вопли и стоны, но съумѣетъ и освятить эти вопли и стоны, и подать намъ истинное утѣшеніе. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ III.

Канонъ заупокойный надъ скончавшимся младенцемъ вашимъ, бр. мои, раздѣляется по обычаю на три части, въ честь и славу Пресв. Троицы;—раздѣляется заупокойными ектеніями: по 3-й пѣсни, по 6-й и по 9-й а). Не могу не привести вамъ здѣсь, бр. мои, тѣхъ прошеній, которыя входятъ въ составъ ектеніи заупокойной при погребеніи младенцевъ для сравненія ихъ съ тѣми прошеніями, которыя читаются на заупокойной ектеніи при погребеніи взрослыхъ.

Послѣ общаго воглашенія: «Паки и паки миромъ Господу помолимся»,—вы слышите: «Еще молимся о упокоеніи блаженнаго младенца (*илиарекъ*) и о еже по неложному своему обѣщанію, небесному своему царствію того сподобити»;—такъ молимся мы при погребеніи младенцевъ. Не такъ при погребеніи взрослыхъ: тамъ мы молимся Господу о прощеніи всякаго согрѣшенія ихъ вольнаго же и невольнаго. При погребеніи младенца нашего мысль даже о вольныхъ грѣхахъ его не смущаетъ духа нашего, и не причиняетъ намъ скорби. Зная непорочность его, зная, что въ немъ не утвердилась пагубная привычка ко грѣху, мы молимся дерзновеннѣе предъ Господомъ; мы уповаемъ на неложное обѣ-

а) Къ каждому тропарю канона припѣвъ: Господи упокой младенца.

щаніе Господа, что таковыхъ есть царство небесное; и умоляемъ Господа, чтобы Онъ по неложному Своему обѣщанію сподобилъ и младенца нашего — небеснаго Своего царствія.

«Яко да Господь Богъ нашъ учинить духъ его, идѣже вси праведніи почиваютъ». Это же прошеніе возносимъ мы и при погребеніи взрослыхъ.

«Милости Божія, царства небеснаго и со святыми упокоенія у Христа—безсмертнаго Царя и Бога нашего просимъ». И это прошеніе тоже возносимъ мы при погребеніи взрослыхъ, кромѣ небольшой, но весьма важной перемѣны. При погребеніи взрослыхъ мы просимъ для нихъ у Христа—безсмертнаго Царя и Бога нашего между прочимъ *оставленія грѣховъ*; при погребеніи младенцевъ мы это выраженіе замѣняемъ другимъ выраженіемъ: *со святыми упокоенія*. Это и понятно. Взрослые съ бременемъ грѣховъ и немощей умираютъ; младенцы еще не успѣли накопить ихъ. Въ слѣдъ за ектеніею священникъ возноситъ тайную молитву ко Господу Иисусу: «Господи Иисусе Христе Боже нашъ! породившимся отъ воды и Духа и въ непорочномъ житіи къ Тебѣ представляющимъ царство небесное дати обѣщавый, и рекій: *оставите дѣти приходити ко Мнѣ, таковыхъ бо есть царство небесное*;—смиренно молимся Тебѣ: нынѣ отъ насъ преставленному рабу Твоему непорочному младенцу (*имярекъ*), по Твоему неложному обѣща-

нію, наслѣдіе царствія Твоего даруй: насъ же сподоби безпорочное преити и христіанское скончати житіе, со всѣми святыми Твоими въ небесныхъ чертозѣхъ водворитися».

По окончаніи канона читается экзапостиларій съ особенно-избранными стихами. Въ экзапостиларіи вы слышите, бр. мои, голосъ младенца вашего съ того свѣта; младенецъ вѣщаетъ вамъ, что онъ упокоился, обрѣлъ слабу себѣ, потому что преставился изъ области тлѣнія и переселился къ жизни вѣчной. Въ трехъ стихахъ избранныхъ, соотвѣтствующихъ троекратному чтенію экзапостиларія,—объясняется, въ чемъ состоитъ это упокоеніе младенца вашего. Ст. 1. «Человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный». Ст. 2. «Яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ», Ст. 3. «Истина Господня пребываетъ во вѣкъ». На землѣ только суета и кратковременная жизнь; одна минута,—и мы во гробѣ; а здѣсь на небѣ Господь вѣчный и Его вѣчная истина; она открывается между прочимъ въ неизмѣнности Его обѣтованіи, къ числу которыхъ относится обѣщаніе младенцамъ царства небеснаго,—какъ бы такъ вѣщаютъ намъ стихи эти.

«Нынѣ избрахъ Богоматерь Отроковицу, снова вопіетъ намъ младенецъ, какъ бы указывая намъ средство найти упокоеніе среди тревоженій житейскихъ;—яко родися изъ нея Христосъ—всѣхъ Избавитель: Господи, слава Тебѣ».

Послѣ экзапостиларія поется: *Святый Боже,*

и предлагается чтеніе изъ Апостола, предваряемое слѣдующимъ прокимномъ: «блаженъ путь, въ онѣже идеши днесъ душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія». Это и благожеланіе наше душѣ усопшаго нашего младенца, и вмѣстѣ тайная скорбь наша о томъ, что мы еще остаемся на землѣ, на мѣстѣ подвиговъ и трудовъ, искушеній и бѣдъ. Такъ земные путники прощаются съ своимъ сотоварищемъ, которому посчастливилось раньше ихъ возвратиться на родину съ мѣста заработковъ!...

Прокимень сопровождается стихомъ ветхозавѣтнымъ: «обратися, душе мое, въ покой твой». Это отвѣтъ намъ отъ младенца, удаляющагося отъ насъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное восклицаніе его при видѣ вѣчныхъ обителей райскихъ.

Ваше вниманіе, какъ вы сами видите бр. мои, всецѣло устремлено къ этимъ вѣчнымъ обителямъ. Вы невольно вспоминаете слова Господа Іисуса: *въ дому Отца моего обители многи суть* (Іоан. 14. 2). И о еслибы хотъ которая нибудь изъ этихъ обителей досталась въ вѣчное наслѣдіе нашему милому младенцу, думаете вы.

Достанется, бр. мои; вѣруйте этому; незыблемымъ основаніемъ вашей вѣры служатъ слова Апостала Павла, которыя въ слѣдъ за прокимномъ читаются при погребеніи младенцевскомъ.

Въ этихъ Апостольскихъ словахъ, заимствуемыхъ изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ (15, 39 — 46) указаны различныя степени бла-

женства вѣчнаго, которое предуготовано христіанамъ по мѣрѣ ихъ возраста духовнаго, по мѣрѣ преспѣянія ихъ въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ.

Братіе, говоритъ св. Апостоль Павелъ, незримо присутствуя съ нами и раздѣляя нашу скорбь, — братіе, не всяка плоть также плоть, но ина убо плоть чловѣкомъ, инаже плоть скотомъ, инаже рыбама, инаже птицама. И тѣлеса небесная и тѣлеса земная; но ина убо небеснымъ слава и ина земнымъ, ина слава солнцу, ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу. Такожде и воскресеніе мертвыхъ.

Вотъ основаніе, почему въ дому Отца небеснаго много обитателей; это множество зависитъ и отъ любвеобильной щедрости Отца небеснаго, и отъ различія въ нравственныхъ свойствахъ насъ самихъ. «Какъ въ земныхъ тѣлахъ есть различіе, — говоритъ св. Златоустъ, объясняя слова св. Апостола, — такъ и въ небесныхъ, и различіе не малое, но простирающееся даже до послѣднихъ: есть различіе не только между солнцемъ и луною, между луною и звѣздами; но и между самыми звѣздами; ибо хотя всѣ онѣ на небѣ, но однѣ имѣютъ болѣе славы, другія менѣе. Чему же мы научаемся отсюда?—Тому, что хотя всѣ праведники будутъ въ царствѣ небесномъ, но не всѣ получаютъ одинаковое блаженство». (Златоустъ. Бесѣд. на 1 посл. къ Коринѣ.).

Но во всякомъ случаѣ, — какъ бы ни были различны степени славы въ вѣчныхъ обителяхъ

Отца небеснаго, во всякомъ случаѣ съ нами произойдетъ та великая перемѣна, что тѣло наше тлѣнное преобразится, силою и дѣйствіемъ всемогущества Божія, въ нетлѣнное, облечется славою и силою, и содѣлается духовнымъ, вполне способнымъ къ вѣчной, нескончаемой жизни въ вѣчныхъ обителяхъ Отца небеснаго

Съется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніе: съется не въ честь, востаетъ въ славу; съется въ немощи, востаетъ въ силу: съется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное.

«*Востаетъ*; не сказалъ Апостолъ *произрастаетъ* дабы ты не приписалъ этаго (востанія) дѣйствию земли, но востаетъ силою и всемогуществомъ Божиимъ. Сѣяніемъ же здѣсь называетъ Апостолъ не зачатіе наше во утробѣ матери, но погребеніе мертвыхъ тѣлъ въ землѣ, разрушеніе, прахъ. Не проходить и тридцати дней, какъ все разрушается; плоть не можетъ поддержать сама себя, и продолжить даже на одинъ день». Такъ объясняетъ слова Апостола св. Златоустъ (тамже).

Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное. Душа на языкѣ писанія, въ противоположность разумному духу, иногда означаетъ жизнь только животную (Лук. 6, 9. 1 Сол. 2, 8.). Соотвѣтственно сему духовное тѣло, въ противоположность душевному, означаетъ тѣло, которое не будетъ покорено требованіямъ животной жизни, не будетъ имѣть нужды въ грубой пищѣ, въ движеніяхъ своихъ не будетъ знать преградъ, точно

такъ какъ Спаситель по воскресеніи входилъ къ ученикамъ чрезъ затворенныя двери.

Таково по содержанію своему чтеніе Апостольское, бр. мои. Внимая ему вы—родители усопшаго младенца, а съ вами и всѣ присутствующіе во храмѣ, должны обрѣтать великую отраду и утѣшеніе въ томъ, что хотя младенецъ вашъ и не достигъ на землѣ въ мѣру возраста мужа совершенна о Христѣ, тѣмъ не менѣе получить, за свою чистоту и непорочность, отъ щедродаровитаго Господа достойную себѣ степень блаженства и славы, что тѣло его, лежащее теперь во гробѣ, встанетъ нѣкогда въ нетлѣніи, славѣ и силѣ, встанетъ духовнымъ и безсмертнымъ.

«Блаженъ, егоже избралъ и пріямъ еси Господи; душа его во благихъ водворится», вотъ что произносятъ чтецъ, кончивъ апостольское чтеніе, и вотъ что должны отвѣтить и вы и всѣ присутствующіе во храмѣ на слова св. Апостола.

О еслибы, бр. мои, всѣ мы, возводя по временамъ очи сердца своего къ вѣчнымъ обителямъ райскимъ, возлюбили эти обители всею крѣпостію души нашей, и не искали на землѣ вѣчнаго покоя и радости себѣ. Мало ли тамъ нашихъ родныхъ и близкихъ?! А мы все только и думаемъ о землѣ и о землѣ! Не хорошо это бр. мои! Аминь.

(Окончаніе будетъ).

Свящ. Василій Владиславлевъ.

О ВРЕМЕНИ ПРАЗДНОВАНІЯ ПАСХИ

ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И У ЗАПАДНЫХЪ ХРИСТІАНЪ.

На первомъ вселенскомъ соборѣ было составлено опредѣленіе касательно времени празднованія пасхи. По сему опредѣленію Пасху должно праздновать въ первый воскресный день, слѣдующій за весеннимъ полнолуніемъ, то-есть за полнолуніемъ, которое или приходится въ самый день весенняго равноденствія, или бываетъ первымъ полнолуніемъ, наступающимъ послѣ дня весенняго равноденствія. Это постановленіе служить и въ настоящее время основаніемъ для опредѣленія дня пасхи, какъ въ православной Церкви, такъ и у западныхъ христіанъ. Но между тѣмъ только въ нѣкоторые годы, какъ напримѣръ въ текущій 1865 годъ, празднованіе Пасхи бываетъ въ одинъ день у насъ и на западѣ, а въ другіе годы тамъ празднуютъ пасху иногда одною недѣлею, а иногда четырьмя или пятью недѣлями ранѣе нашего. Объяснить происхожденіе и значеніе разности во времени празднованія пасхи,—это составляетъ предметъ настоящей статьи.

Такъ какъ время празднованія Пасхи зависитъ отъ времени весенняго полнолунія, то, чтобы

можно было напередъ вычислять дни, въ которые, въ томъ или другомъ году, должно праздновать пасху,—для сего нужно умѣть опредѣлять время весенняго полнолунія. Отъ одного полнолунія до слѣдующаго за нимъ проходить, среднимъ числомъ, 29 дней, 12 часовъ, 44 минуты и около 3 секундъ. Понятно, что если извѣстно, въ какой день и часъ бываетъ полнолуніе въ одномъ мѣсяцѣ, то, когда къ числу, показывающему это, приложимъ время, проходящее отъ одного полнолунія до другаго, тогда получимъ день и часъ полнолунія въ слѣдующій мѣсяцъ, и такъ далѣе. Этимъ способомъ можно вычислять время полнолунія на многіе мѣсяцы и годы. Но здѣсь должно обратить вниманіе на одно обстоятельство: если время, проходящее отъ одного полнолунія до другаго, помножимъ на 12, то получимъ 354 дня, 8 часовъ, 48 минутъ и 36 секундъ, а это число почти 11-ю днями менѣе числа, выражающаго собою длину обыкновеннаго солнечнаго года, т. е. 365-ти дней и 6-ти часовъ; изъ сего видно, что полнолунія одного года бываютъ не въ одни и тѣже числа мѣсяцевъ съ полнолуніями предшествовавшаго ему года. Но въ 19-ти солнечныхъ годахъ содержится почти ровно 235 лунныхъ мѣсяцевъ а): потому что если время отъ одного полнолунія до друга-

а) Время, протекшее отъ одного новолунія до другаго, называется луннымъ мѣсяцемъ, и это время равно времени протекшему отъ одного полнолунія до другаго.

го помножить на 235, то получимъ число, которое почти равно 19-ти солнечнымъ годамъ, или, точнѣе говоря, менѣе 19-ти лѣтъ на 1 часъ, 28 минутъ, 15 секундъ; а потому, по прошествіи 19 лѣтъ, полнолунія возвращаются на тѣже самыя времена, только бываютъ приблизительно на полтора часа ранѣе, нежели какъ были за 19 лѣтъ прежде, и одно полнолуніе за другимъ слѣдуетъ въ томъже самомъ порядкѣ. Изъ сего видно, что для опредѣленія того, въ какія числа марта и апрѣля въ разные годы бываетъ весеннее полнолуніе, отъ котораго зависитъ время празднованія пасхи, достаточно вычислить полнолунія на 19 лѣтъ, а по прошествіи 19-ти лѣтъ въ слѣдующія 19 лѣтъ они будутъ слѣдовать въ томъже самомъ порядкѣ. Посему и въ пасхалии для опредѣленія полнолуній принять 19-ти лѣтній періодъ, который и называется кругомъ луны. Но понятно при семъ, что по этимъ кругамъ можно опредѣлять время полнолунія только на 304 года: потому что если въ началѣ этого періода вычисленные полнолунія согласовались съ дѣйствительными, то черезъ каждыя 19 лѣтъ вычисленные бываютъ позже дѣйствительныхъ почти на полтора часа, а въ 304 года успѣетъ пройти 16 лунныхъ круговъ; помноживши это число на $1\frac{1}{2}$, получимъ 24 часа, то-есть цѣлыя сутки; итакъ черезъ 304 года вычисленные полнолунія будутъ почти цѣлымъ днемъ приходиться позже дѣйствительныхъ.

Послѣ всего этого можно объяснить правила, какими руководствуется православная Церковь для вычисленія дня того полнолунія, отъ котораго зависитъ время празднованія пасхи.

Въ 14-мъ столѣтіи вычисляемыя въ пасхалии полнолунія были приведены по возможности въ довольно близкое согласіе съ дѣйствительными⁶⁾; съ того времени утвердился счетъ полнолуній, который соблюдается и до настоящаго времени, хотя эти полнолунія вообще должны приходиться въ настоящее время нѣсколько позже дѣйствительныхъ. Но, какъ замѣчено, въ 14 столѣтіи они были довольно близки къ дѣйствительнымъ. А потому если сравнить ихъ съ полнолуніями временъ перваго вселенскаго собора, бывшаго въ 4-мъ столѣтіи, то поелику отъ 4-го до 14-го столѣтій прошло болѣе девяти столѣтій, то дѣйствительныя полнолунія 14-го столѣтія должны тремя днями приходиться ранѣе полнолуній 4-го столѣтія. Въ православной Церкви принято правиломъ праздновать пасху въ первый воскресный день слѣдующій за днемъ, на какой упало это полнолуніе во времена Никейскаго собора; а такъ какъ тѣ полнолунія приходились тремя днями позднѣе полнолуній вычисляемыхъ въ нашей пасхалии, то принято къ числу означающему день полнолунія прибавлять три дня; и послѣдній изъ сихъ трехъ дней называется пас-

6) Матѣей Властарь. Pandect Bevereg. tom. II.

хальною границею ^{в)}). Пасха празднуется въ первый воскресный день слѣдующій за числомъ, на которое упадетъ пасхальная граница, но если эта граница сама будетъ въ воскресный день, то пасха отлагается до слѣдующаго воскресенья.

По постановленію перваго вселенскаго собора то полнолуніе признается пасхальнымъ, которое бываетъ не ранѣе дня весенняго равноденствія. Хотя съ теченіемъ времени равноденствія бываютъ все ранѣе и ранѣе, ^{г)} такъ что въ настоящее время весеннее равноденствіе бываетъ около 9-го числа марта; но раннимъ днемъ для пасхальной границы церковію положено признавать день, которому соотвѣтствовало равноденствіе во времена Никейскаго собора, то есть 21 марта, и если въ какой либо годъ пасхальная граница приходится 21 марта и этотъ день будетъ въ субботу, то пасху должно праздновать въ слѣдующій день, то-

в) Такъ напримѣръ въ прошедшемъ 1864 году пасхальное полнолуніе падало на 10 число апрѣля; прибавивъ къ сему 3, получимъ 13; посему пасхальная граница была 13 апрѣля. А въ настоящемъ 1865 году пасхальное полнолуніе упадетъ на 30 марта, а пасхальная граница на 2 апрѣля.

г) Это происходитъ отъ того, что дѣйствительный солнечный годъ короче принимаемаго у насъ на 11 минутъ и 14 секундъ. Слѣдовательно каждый годъ мы присчитываемъ 11 м. 14 сек. лишнихъ; въ 400 лѣтъ присчитается три дня лишнихъ. А отъ временъ никейскаго Собора присчитано 12 дней лишнихъ а потому весеннее равноденствіе перешло съ 21-го на 9-е марта.

есть 22 марта. А ранѣе сего числа ни въ какомъ случаѣ пасха не можетъ быть празднуема; такъ напримѣръ если въ какой либо годъ полнолуніе упадетъ на 16 число марта, то это полнолуніе не можетъ быть признано пасхальнымъ: ибо, приложивъ къ 16 число 3, мы видимъ, что соответствующее нашему полнолуніе временъ Никейскаго собора должно бы упасть на 19 марта; но по опредѣленію Церкви только то полнолуніе признается пасхальнымъ, которое бываетъ не ранѣе 21 марта. Въ указанномъ случаѣ слѣдующее полнолуніе, имѣющее быть въ апрѣлѣ, признается пасхальнымъ. Днемъ, позже котораго не можетъ быть празднуема пасха, служитъ 25 апрѣля.

Послѣ сего обзрѣнія правилъ, какими руководствуется православная Церковь въ опредѣленіи времени празднованія пасхи, обратимъ вниманіе на время празднованія пасхи у западныхъ христіанъ.

Измѣненія относительно времени пасхи были сдѣланы на Западѣ папою Григоріемъ XIII въ концѣ 16 столѣтія. Основаніемъ для времени празднованія повидимому было принято тоже самое постановленіе перваго вселенскаго собора. Принято было согласно съ опредѣленіемъ собора праздновать пасху въ первый воскресный день послѣ весенняго полнолунія и удержанъ 19-лѣтній лунный кругъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ кругъ такъ приспособленъ къ полнолуніямъ те-

кущаго времени, что вычисляемыя по нему полнолунія бываютъ ближе къ дѣйствительнымъ, нежели вычисляемыя по нашему лунному кругу. Этими полнолуніями, близкими къ дѣйствительнымъ, прямо и опредѣляется время празднованія пасхи у западныхъ христіанъ; то есть, опредѣливши пасхальное полнолуніе, они не обращаютъ вниманія на то, въ какой день приходилось это полнолуніе во времена никейскаго собора, какъ это дѣлается у насъ, но празднуютъ пасху въ первый воскресный день, непосредственно слѣдующій за вычисленнымъ ими полнолуніемъ. Отъ этого и происходитъ, что на Западѣ нерѣдко празднуютъ пасху недѣлею ранѣе нашего; такъ наприм. въ 1860-мъ году дѣйствительное полнолуніе и вычисляемое на Западѣ упали на 25 марта, а этотъ день былъ въ пятницу, потому въ слѣдующее воскресенье, то есть 27 марта и праздновалась пасха на Западѣ. А у насъ полнолуніе пасхальное, вычисляемое по нашему лунному кругу, упало на 26 марта; прибавивъ къ нему 3, получимъ, что полнолуніе временъ Никейскаго собора, или пасхальная граница должна упасть на 29 марта, которое въ 1860 году было во вторникъ; а въ слѣдующій воскресный день, то есть 3-го апрѣля, и праздновалась пасха.

Другое различіе во времени празднованія пасхи на Западѣ состоитъ въ опредѣленіи дня, ранѣе котораго не должно быть пасхальное полнолуніе. Въ православной Церкви, какъ видѣли мы,

такимъ днемъ признается 21 марта, то есть день, на который упало весеннее равноденствіе во времена Никейскаго собора. А на Западѣ такимъ днемъ считается день, на который упадетъ весеннее равноденствіе въ настоящее время, каковымъ днемъ и служить въ нынѣшнемъ столѣтіи 9-е марта по нашему счету. Мы говоримъ: по нашему счету; потому что на Западѣ числа считаются по новому стилю, 12-ю днями ранѣе нашего, а потому 9-е марта по нашему счету соотвѣтствуетъ 21-му марта по новому стилю. Такимъ образомъ крайніе предѣлы для празднованія пасхи, выраженные въ числахъ новаго стиля, будутъ на Западѣ тѣже какъ и у насъ, то есть пасха на Западѣ не можетъ праздноваться ранѣе 22 марта, и позже 25 апрѣля новаго стиля; но по нашему счисленію эти числа будутъ 9-мъ марта и 13-мъ апрѣля. Итакъ предѣлы пасхи на Западѣ бывають 12-ю днями раньше нашихъ предѣловъ.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на рѣшеніе вопроса: какой способъ опредѣленія дня пасхи болѣе согласенъ съ духомъ постановленія перваго вселенскаго собора.

Отцы Церкви при опредѣленіи времени празднованія пасхи, главнымъ образомъ имѣли въ виду 1) предотвратить совпаденіе ея съ пасхою іудейскою, и 2) установить празднованіе христіанской пасхи послѣ іудейской. Въ томъ и другомъ отношеніи постановленіе церковное постоянно и

неизмѣнно соблюдается въ православной Церкви, и нарушается иногда на Западѣ.

1. Не напрасно православная Церковь, обращая вниманіе на сближеніе полнолуній, вычисляемыхъ при помощи луннаго круга, съ дѣйствительными, празднуетъ пасху въ первый воскресный день не послѣ вычисленнаго полнолунія, но послѣ пасхальной границы, то есть послѣ дня, на который упало это полнолуніе во времена никейскаго собора. А въ томъ случаѣ, когда вычисленные полнолунія приведены въ близкое согласіе съ дѣйствительными, и притомъ такъ, что иное изъ вычисленныхъ придется нѣсколькими часами ранѣе дѣйствительнаго, — представляется опасность совпаденія христіанской пасхи съ іудейскою. Такъ и дѣйствительно пасха совпадала съ іудейскою у западныхъ христіанъ въ 1805 и въ 1825 годахъ; въ эти годы полнолунія вычисленные на Западѣ приходились нѣсколькими часами ранѣе дѣйствительныхъ; то есть вычисленные упали на субботу, а дѣйствительныя на воскресенье. А Евреи празднуютъ пасху въ 14-й день мѣсяца Нисана; этотъ день близко совпадаетъ съ днемъ весенняго полнолунія. Счетъ полнолуній у Евреевъ довольно близокъ къ дѣйствительнымъ, а потому Евреи, праздновали пасху въ тѣ дни, въ которые были дѣйствительныя полнолунія, на которые упали и вычисленные ими полнолунія, то есть въ 1805 году, апрѣля 2-го, а въ 1825 году марта

22-го; эти числа въ тѣ годы упали на воскресные дни, и въ эти же дни праздновали пасху Западные христіане.

2. Если Никейскій соборъ назначилъ для пасхи такіе дни, которые всегда бываютъ послѣ пасхи іудейской, то очевидно, что съ духомъ сего постановленія несогласно было бы праздновать христіанскую пасху прежде іудейской. Но такіе случаи на Западѣ не рѣдки. Въ самомъ дѣлѣ день пасхи іудейской близко совпадаетъ съ днемъ весенняго полнолунія, но это полнолуніе признается у нихъ пасхальнымъ только въ томъ случаѣ, когда приходится не ранѣе 17 марта, по старому стилю; а на Западѣ пасхальнымъ полнолуніемъ признается то, которое бываетъ не ранѣе 9 марта по старому стилю. Итакъ если какъ весеннее полнолуніе, такъ и слѣдующій за нимъ воскресный день случается между 9-мъ и 17-мъ марта, то этотъ воскресный день и будетъ днемъ пасхи западныхъ христіанъ, и Іудеи отложить свою пасху до слѣдующаго полнолунія. Но день пасхи въ православной церкви, какъ открывается изъ всего предыдущаго, согласно съ постановленіемъ соборнымъ, какъ не можетъ совпадать съ пасхою іудейскою, такъ не можетъ быть и прежде ея.

Димитрій Голубинскій.

СУГУБАЯ ЕКТЕНІЯ. ^{а)}

1. «Рцемъ вси отъ всея души и отъ всего помышленія нашего рцемъ». Что же рцемъ, т.-е. скажемъ? Произносящій сіе возгласеніе не договариваетъ его, предоставляя это клиру, который отъ лица всѣхъ и поспѣшаетъ сказать: Господи помилуй.

2. «Господи Вседержителю, Боже отецъ нашихъ, молимся, услыши и помилуй».

3. «Помилуй насъ Боже по величїи милости твоей, услыши и помилуй.»

Сими двумя возгласеніями насъ призываютъ къ молитвѣ покаянія, возбуждаютъ просить у Бога прощенія въ грѣхахъ. Что въ семъ именно смыслъ должно разумѣть то и другое возгласеніе, это видно изъ того, что они выражены словами, заимствованными изъ покаянныхъ молитвъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ Манассіи царю іудейскому, другая царю и пророку Давиду. Манассія, сынъ благочестиваго Езекии, съ престоломъ отца не наследовалъ его благочестія, и

а) Окончаніе статьи объ ектеніяхъ. См. февральскую книжку.

какъ самъ сдѣлался идолопоклонникомъ, такъ и между подданными старался распространить идолопоклонство, такъ что ревностію къ нему превзошелъ язычниковъ. Нечестіе царя не осталось безъ наказанія: онъ отведенъ былъ Ассиріянами въ Вавилонъ. Но здѣсь, связанный оковами, онъ смирился предъ Богомъ, почувствовалъ свою вину предъ Нимъ, и излилъ свое покаяніе въ извѣстной молитвѣ (она читается на великомъ повечеріи): «Господи Вседержителю, Боже отецъ нашихъ, Авраамовъ и Исааковъ и Іаковлевъ, и сѣмене ихъ праведнаго.... согрѣшихъ паче числа песка морскаго, умножишася безаконія моя и нѣсмь достоинъ воззрѣти и видѣти высоту небесную отъ множества неправдъ моихъ» и д. (2 Парал. въ концѣ). Несчастіе заставило Манассію вспомнить Бога отцевъ избраннаго народа, котораго (Бога) онъ такъ долго оскорблялъ своимъ нечестіемъ, и Господь помиловалъ кающагося,—Манассія получилъ свободу и, возвратившись на царство, въ знакъ искренности своего покаянія возстановилъ истинное богослуженіе на мѣсто введеннаго имъ идолопоклонства.—Покаянный псаломъ Давида: «помилуй мя Боже по величій милости твоей», всѣмъ извѣстенъ. Онъ написанъ Давидомъ въ засвидѣтельствованіе его раскаянія въ преступленіи противъ шестой и седьмой заповѣди десятословія.—Святая Церковь, приглашая насъ на ектеніи молиться словами Манассіи и Давида, желаетъ, чтобы мы каялись въ

грѣхахъ своихъ такъже искренно, какъ сіи два царя, и такъже горячо, какъ они, просили у Бога отцевъ нашихъ прощенія въ своихъ беззаконіяхъ.

За тѣмъ слѣдуютъ возглашенія, призывающія къ моленію о ближнихъ нашихъ, живущихъ и умершихъ, — въ такомъ порядкѣ.

4. «Еще молимся о благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ государѣ нашемъ императорѣ, о державѣ, побѣдѣ, пребываніи, мирѣ, здравіи, и спасеніи его и Господу Богу нашему наипаче поспѣшити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата.» При изъясненіи сего возглашенія должно имѣть въ виду то, что уже сказано нами при объясненіи моленій о государѣ въ ектеніи мирной. Но къ сему требуется присовокупить здѣсь слѣдующія дополнительные замѣчанія. Церковь приглашаетъ молить Господа о томъ, чтобы Онъ укрѣпилъ власть царя нашего (о *державѣ — περι κρατης*), о томъ, чтобы содѣлалъ его побѣдоноснымъ и страшнымъ врагамъ царства внѣшнимъ и внутреннимъ (о *побѣдѣ — περι νικης*); о томъ, чтобы продлилъ его жизнь и царствованіе (о *пребываніи — περι διαμονης*); о томъ, чтобы благословилъ царя миромъ, сохранилъ его здоровье, и даровалъ ему вѣчное спасеніе (о *мирѣ, здравіи и спасеніи его*).—А смыслъ словъ: «и Господу Богу нашему наипаче (*επιπλεον*) поспѣшити и пособити ему во всѣхъ», можетъ быть изложенъ такъ: дай Господи, чтобы помощь твоя царю

нашему во всѣхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ ко благу царства не только не сокращалась, но возрастала, чтобы съ умноженіемъ лѣтъ его царствованія паче и паче умножались милости Твои къ нему и его царству. — «И (еще молимся, Господу Богу нашему) покорити подъ нозѣ его (царя) всякаго врага и супостата.» См. о семъ въ изъясненіи мирной ектеніи.

5. Далѣе въ слѣдъ за моленіемъ о супругѣ царя, наслѣдникѣ его и всемъ царственномъ домѣ, діаконовъ возглашаетъ: «Еще молимся о святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ, мѣстномъ преосвященномъ и всей во Христѣ братіи нашей.» Братією во Христѣ здѣсь называются члены церковнаго причта, — священнослужители и церковнослужители. Всѣ они посвящены на служеніе Христу и Его святой Церкви, и потому несмотря на различіе въ степеняхъ служенія и въ общественномъ положеніи, составляютъ братство, или братское общество во Христѣ.

6. «Еще молимся о всемъ ихъ христіанскомъ воинствѣ.» — Воинство христіанское значитъ воинство любящее Христа, вѣрное Ему. Принадлежащіе къ христіанскому воинству въ многотрудной своей службѣ одушевляютъ себя тѣмъ, что они слуги не только царя земнаго, но и Христа царя небеснаго, что призваны защищать отъ враговъ не только царство земное, но и святую Церковь, ибо съ благоденствіемъ государ-

ства соединею благоденствіе Церкви, въ немъ господствующей ⁶⁾).

7. «Еще молимся о блаженныхъ и приснопамятныхъ создателяхъ святаго храма (или обители), и о всѣхъ прежде почившихъ отцѣхъ и браніяхъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ.» Въ семъ моленіи о почившихъ православныхъ упоминаются сперва храмоздатели. Они называются блаженными и приснопамятными, то-есть достойными вѣчнаго ублаженія и вѣчной благодарной памяти преимущественно въ томъ храмѣ, который они воздвигли въ славу имени Божія. Чѣмъ лучше могутъ засвидѣтельствовать благодарность и любовь къ храмоздателямъ молящіеся въ созданомъ ими храмѣ, какъ не усердною молитвою къ Господу, да водворить и упокоить души ихъ въ вѣчныхъ нерукотворенныхъ Своихъ обителяхъ, да причтетъ ихъ къ лику святыхъ, вѣчно славословящихъ Господа на небесахъ,—въ награду за то, что они поревновали о распространеніи славы Божіей на землѣ? — За почившими храмоздателями упоминаются всѣ православные *прежде почившіе отцы и братія наши*, гдѣ бы они ни были погребены, здѣсь ли въ храмѣ, либо при храмѣ, — или въ другихъ мѣстахъ обширнаго Божія міра. Одни изъ нихъ названы *отцами*, —

6) Въ литургіи за сѣмъ слѣдуетъ особое возглашеніе: „еще молимся о братіяхъ нашихъ, священницѣхъ, священно-монасѣхъ, и всемъ во Христѣ братствѣ нашемъ.“

наши предки отдаленные, или близкіе къ намъ по времени; другіе — *братіями*, — это скончавшіеся на нашей памяти современники и сверстники. — Такъ, святая Церковь никого изъ почившихъ чадъ своихъ не забываетъ въ своихъ молитвахъ, и эти молитвы будутъ возноситься до втораго пришествія Христова во всѣхъ православныхъ рамахъ. Пройдутъ вѣка и тысячелѣтія, исчезнутъ съ лица земли народы и царства, но Церковь православная, по обѣтованію ея Основателя, будетъ пребывать вѣчно, до втораго Его пришествія на землю, и вмѣстѣ съ нею сохранится вѣчная память о ея почившихъ чадахъ. Какъ это утѣшительно ^{е)}!

8, «Еще молимся о милости, жизни, мирѣ, здравіи, спасеніи, посѣщеніи, прощеніи и оставленіи грѣховъ рабовъ Божіихъ, братіи святаго храма сего.» Это призывъ къ моленію о прихожанахъ храма, которые здѣсь называются братією храма. Всѣ члены православной Церкви суть братья между собою, ибо всѣ усыновлены Богу въ таинствѣ крещенія, всѣ — сыны одной матари-Церкви, всѣ призваны къ братскому общенію въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, всѣ должны пещись другъ о другѣ, какъ братья родные. Но еще тѣснѣе

в) Въ литургіи это возглашеніе имѣетъ болѣе полный видъ: въ немъ въ числѣ почившихъ прежде всего упоминаются святѣйшіе православные патріархи, православные и благочестивые цари и благовѣрные царицы.

долженъ быть братскій союзъ между прихожанами одного храма. Ихъ сближаетъ сосѣдство по мѣсту жительства, но еще болѣе сближаетъ храмъ, мѣсто общенія ихъ въ молитвахъ и таинствахъ. Въ приходскомъ храмѣ всѣ они вмѣстѣ единымъ сердцемъ и едиными устами славословятъ и молятъ Господа, всѣ отъ единой чаши причащаются.—О чемъ же мы должны, по руководству ектеніи, умолять Бога въ молитвѣ за членовъ приходскаго братства? Мы должны умолять Бога вообще о милости Его къ нимъ, въ частности о жизни, т. е. о сохраненіи ихъ жизни на многія лѣта, о мирѣ, здравіи, т. е. о благополучномъ состояніи ихъ здоровья и дѣлѣ, о спасеніи, т. е. о дарованіи имъ вѣчнаго блаженства, о посѣщеніи (*επισκεψεος*), т. е. о покровеніи или защищеніи ихъ отъ бѣдъ и напастей, враговъ видимыхъ и невидимыхъ,—и наконецъ о прощеніи и оставленіи грѣховъ ихъ.

9. «Еще молимся о плодоносящихъ и добродѣющихъ въ святѣмъ и всечестнѣмъ храмѣ семъ, труждающихся, поющихъ и (о) предстоящихъ людехъ, ожидающихъ отъ Тебе великія и богатая милости». — *Плодоносящіе и добродѣющіе*—это служащіе храму своими пожертвованіями и вкладами; въ частности плодоносящими (*καρποφορῶντες*) называются здѣсь тѣ, которые снабжаютъ храмъ припасами, потребными для богослуженія, наприм. виномъ, елеемъ, ѳиміамомъ, свѣчами, или даютъ деньги для пріобрѣтенія этихъ

вещей. А добродѣющіе (*καλλιεργυντες* украшающіе) — это тѣ, которые жертвуютъ собственно на украшеніе храма, на поддержаніе въ немъ благолѣпія. — Далѣе упоминаются лица, служащія храму личными своими трудами, каковы *τρουζαδουσιες* и *ποιοσιες*. Подъ первыми (*κοπιοντες* — работающіе) разумѣются прислуги при храмѣ, стерегущіе его, наблюдающіе за чистотою храма и вещей къ нему принадлежащихъ ^{а)}. *Поюшіе*, — это принадлежащіе къ чину пѣвцовъ. — Всѣмъ этимъ лицамъ, какъ тѣмъ, которые служатъ храму приношеніями, такъ и тѣмъ, которые служатъ ему личными трудами, мы должны просить у Бога той милости, чтобы Онъ за ихъ жертвы и труды воздалъ имъ вѣчною славою, и чтобы при Его благодатной помощи не ослабѣвало ихъ усердіе къ храму Божию и не оскудѣвали средства быть полезными для него. — *И (о) предстоящихъ людехъ, ожидающихъ отъ Тебе великія и богатая милости (περι τῶ λαῶ, τῶ ἀπεκδεχομένων ..)*. Рѣчь идетъ о всемъ народѣ, пришедшемъ въ храмъ съ надеждою на особенный

а) Другіе толкователи подъ труждающимися (*κοπιοντες*) разумѣютъ тѣ лица, которыя въ древней церкви или добровольно, или по порученію церкви принимали на себя обязанность, подобно Товиту, погребать тѣла усопшихъ мучениковъ, также безродныхъ и убогихъ. Мы не находимъ нужнымъ при объясненіи этого слова отступать отъ общепринятаго значенія его и предпочитать ему исключительное, тѣмъ паче, что чинъ помянутыхъ погребателей давно уничтоженъ.

успѣхъ общей единодушной молитвы. Господи! не посрами сей надежды и излей на молящихся тѣмъ большую милость, чѣмъ больше участвующихъ въ молитвѣ, и чѣмъ крѣпче и единодушнѣе ихъ молитва.

ЕКТЕНІЯ ПРОСИТЕЛЬНАЯ.

Сія ектенія начинается приглашеніемъ: «исполнимъ (*πληρωσωμεν*—дополнимъ) молитву нашу Господеви», т. е. еще помолимся Господу, — и моленіемъ, чтобы Господь заступилъ, спасъ, помиловалъ и сохранилъ насъ Своею благодатію. Затѣмъ слѣдуютъ возгласенія, изъ которыхъ каждое оканчивается словами: «у Господа просимъ» (*παρα τῷ Κυρίῳ αἰτησωμεθα*), т. е. будемъ просить у Господа.

1. «Дне (или вечера) всего совершенна, свята, мирна и безгрѣшна у Господа просимъ». Т. е. сподоби насъ Господи весь наступившій день провести какъ можно лучше во всѣхъ отношеніяхъ (*совершенна*), — именно — свято, безъ грѣха и благополучно, безъ горестныхъ приключеній.

2. «Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ у Господа просимъ». Здѣсь идетъ рѣчь объ ангелѣ хранителѣ, данномъ каждому изъ насъ со времени крещенія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ судьбѣ каждого изъ насъ принимаютъ живое и дѣйственное участіе многіе ангелы, но ангелъ хранитель болѣе всѣхъ

ихъ близокъ къ намъ, и преимущественное въ сравненіи съ ними прилагаетъ попеченіе о насъ; посему и называется онъ въ ектеніи ангеломъ мира (*αγγελος της ειρηνης*), т. е. такимъ ангеломъ, который находится въ особенномъ содружествѣ съ нами. Въ подобномъ смыслѣ Давидъ называетъ человѣкомъ мира своего одного изъ приближенныхъ къ нему, пользовавшагося особымъ довѣріемъ его и трапезою, и потомъ измѣнившаго ему (Ахитофела): «Даже человѣкъ мира моего, на котораго я полагался, который ѣлъ хлѣбъ мой, поднялъ на меня пяду» (Псал. 41, 10.). Далѣе ангелъ хранитель называется *наставникомъ*, потому что тайными внушеніями наставляетъ насъ на путь истины и правды, утверждаетъ въ вѣрѣ и благочестіи,—и притомъ *вѣрнымъ наставникомъ*, т. е. такимъ, на руководство котораго можно безопасно положиться,—почему? потому что онъ, какъ духъ безплотный, и непрестанно озаряемый свѣтомъ лица Божія, имѣетъ возможность знать истину несравненно полнѣе и удовлетворительнѣе, чѣмъ люди, отъ которыхъ нерѣдко она бываетъ сокрыта мракомъ плоти и страстей. Онъ же далѣе именуется *хранителемъ души и тѣлеса нашихъ*. Онъ охраняетъ душу отъ искушеній и соблазновъ грѣховныхъ, и особенно отъ козней сатаны, тѣмъ болѣе для насъ опасныхъ, чѣмъ менѣе примѣчаемыхъ. Такъ напримѣръ не ангелъ ли Господень, во снѣ явившійся Іосифу, мужу Маріину, разсѣялъ его неспра-

вердивыя сомнѣнія о ея дѣвственной чистотѣ и удержалъ его отъ грѣха разлученія съ нею?— Ангелъ хранитель оберегаетъ и тѣлесную нашу жизнь отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, отъ опасностей явныхъ и тайнныхъ. Въ семъ удосто- вѣряетъ cadaго изъ насъ собственный опытъ. Нерѣдко случается намъ избѣгать опасно- стей, о которыхъ узнаемъ уже по минованіи ихъ. Кто какъ не ангелы хранители отвращаютъ сии опасности, для насъ незримыя, а для ихъ прозорливости очевидныя?—Такъ благотворно и спасительно участіе въ нашей судьбѣ ангеловъ хранителей! Къ сожалѣнію мы не всегда доро- жимъ ихъ участіемъ, не стыдимся имѣть ихъ свидѣтелями нашихъ грѣховъ, и грѣхами удаля- емъ ихъ отъ себя. Ибо по словамъ Василія вели- каго, «какъ пчель отгоняетъ дымъ и голубей смрадъ, такъ и хранителя нашей жизни отда- ляетъ многоплачевный и смердящій грѣхъ.» Это не то значить, что ангелъ хранитель, за грѣхи наши, совсѣмъ отъ насъ отъемлется и насъ оставляетъ,—онъ данъ намъ на всю жизнь,—а то, что грѣхи наши заставляютъ его, *нехотяща, стояти издалеча отъ насъ* и издалеча съ глубо- кою скорбію смотрѣть на наше *безуміе и ослѣ- пльніе* (Канон. ангелу хранит. пѣсн. 5 тр. 3). Те- перь понятно, что значить просить у Господа ангела мирна. Насъ приглашаютъ просить Бога не о томъ, чтобъ Онъ каждый день назначалъ намъ ангела хранителя, а о томъ, чтобъ Онъ не

лишалъ насъ ближайшаго общенія съ нами ангела хранителя, однажды навсегда къ намъ представленнаго, чтобы всегда удерживалъ его вблизи насъ, какъ бы ни были тяжки наши грѣхи, и чрезъ него возбуждалъ въ насъ покаяніе и обращалъ насъ на путь спасенія.

3. «Прощенія и оставленія грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ.» Если нужно полагать какое нибудь различіе между грѣхами и прегрѣшеніями, то оно состоитъ здѣсь въ слѣдующемъ: подъ первыми разумѣются грѣхи тяжкіе, подъ послѣдними (*πλημμεληματα*) погрѣшности, проступки, т.-е. грѣхи легкіе, и удобоисправимые, отъ которыхъ не свободны самые праведники; ибо *нѣсть праведенъ на земль, иже сотворитъ благое и не согрѣшитъ* (Еккл. 7, 21). Мы имѣемъ нужду смиренно просить у Бога прощенія не только тяжкихъ, но и легкихъ грѣховъ, ибо и сіи послѣдніе составляютъ преступленіе закона, а преступленіемъ закона наносится оскорбленіе Богу Законодателю и Судіи.

4. «Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира мірови у Господа просимъ.» Т.-е. скажемъ: даруй намъ, Господи, то, что можетъ служить ко благу, или на пользу душамъ нашимъ, что можетъ споспѣшествовать нашему духовному преспѣянію и вѣчному спасенію. Для сего паче всего потребна благодать Духа святаго, просвѣщающая, освящающая, оправдывающая, утѣшающая,—излей на насъ, Господи, благодать сію; но

отъ Тебя же, Господи, зависеть и вѣшнія обстоятельства нашей жизни устроить такъ, чтобы они могли послужить намъ во спасеніе. Посему умоляемъ Тебя, *илиже вси судьбами спаси насъ*. Ты одинъ знаешь, что лучше можетъ споспѣшествовать нашему спасенію, — обладаніе ли благими земными, или скорби и напасти. То и другое мы готовы принять съ благодарностію и смиреніемъ отъ руки Твоей. — *Мира мірови*, т.-е. будемъ просить Господа, чтобы всѣмъ даровалъ мирное и безмятежное житіе.

5. «Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ.» Намъ неизвѣстно, какъ долго остается намъ прожить на этомъ свѣтѣ. Но много ли, мало ли суждено намъ жить, во всякомъ случаѣ мы должны дорожить временемъ, и ни одной минуты недолжны терять безъ пользы для души. Ибо время дано намъ для приготовленія къ вѣчности. Въ сравненіи съ ожидающею насъ вѣчнію время—едва примѣтное мгновеніе, но отъ этого мгновенія, отъ того, какъ мы воспользуемся имъ, зависитъ вѣчная наша судьба. Посему было бы крайне неблаго-разумно съ нашей стороны проводить время, не помышляя о вѣчности, не заботясь о вѣчномъ спасеніи, или отлагая эти заботы до старости. Не попусти намъ, Господи, дойти до столь пагубнаго для насъ неблагоразумія, научи насъ жить для вѣчности и Твоею благодатію помоги намъ остальные дни нашей жизни провести *въ мирѣ и*

покаяніи. Заботы о земномъ, о томъ, что намъ ѣсть и пить, во что одѣться, мѣшаютъ намъ всецѣло посвятить себя дѣлу спасенія души; намъ недостаетъ успокоительной увѣренности, что если мы прежде всего будемъ искать царства Божія и правды Его, то остальное приложится намъ (Мат. 6, 33). Вдохни въ насъ, Господи эту увѣренность и помоги намъ утвердиться въ ней, чтобы мы, успокоенные надеждою на Твой промыселъ, не слишкомъ тревожились заботами о земномъ и остальное время жизни могли *въ мирѣ*, съ душевнымъ миромъ употребить на дѣла покаянія и исправленія своей жизни.

6. «Христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны и добраго отвѣта на страшнѣмъ судищи Христовѣ просимъ.» — Въ чемъ состоитъ *кончина христіанская*? Въ томъ, чтобы умереть такъ, какъ свойственно истинному христіанину, съ вѣрою во Христа, съ любовію къ Нему, съ упованіемъ на Него, и съ тѣми благодатными утѣшеніями, какія почерпаетъ умирающій въ святыхъ таинствахъ исповѣди и причащенія. Впрочемъ исповѣдаться и причаститься передъ смертію не всегда успѣваютъ многіе истинные христіане, когда наприм. умираютъ нечаянно, или вдали отъ церкви и т. п. Этого не должно почитать худымъ признакомъ. Кто умираетъ въ добромъ христіанскомъ расположеніи, того кончина — истинно христіанская, хотябы онъ по независящимъ отъ него причи-

намъ и не былъ напутствованъ святыми тайнами. — Въ чемъ состоитъ *кончина безболѣзненная*? Въ томъ, чтобы не испытать мучительной предсмертной боли ^{в)}. Желать такой кончины нужно потому, что мучительныя предсмертныя страданія могутъ лишить умирающаго того добраго христіанскаго настроенія духа, какое потребно при переходѣ въ загробную жизнь, могутъ убить въ умирающемъ духъ молитвы, покаянія, породить въ немъ ропотъ, уныніе, досаду на всѣхъ и на все. Нѣтъ, Господи, не дай намъ испытать предъ смертію столь невыносимыя для нашей немощи страданія тѣлесныя, посѣти насъ предсмертною болѣзнію, но такою, которая не лишила бы насъ присутствія духа; если же Тебѣ угодно ввергнуть насъ въ тяжкую и мучительную предсмертную болѣзнь, то помоги намъ Твоею всемогущею благодатію перенести ее съ терпѣніемъ, благодушіемъ, смиреніемъ. — Что значить просить у Господа *кончины непостыдной*? Значить просить Его, чтобы не допустилъ насъ умереть смертію позорною. Позорна бываетъ наприм. смерть злодѣевъ, умирающихъ по приговору человѣческаго правосудія; позорна бываетъ смерть, когда застигаетъ кого среди рас-

в) Это именно значеніе имѣетъ греческое выраженіе *τηλ ανωδινα* — кончина безболѣзненная. Собственно оно означаетъ смерть безъ мучительныхъ болей, подобныхъ мукамъ жены, егда родить отрока.

путства, пьянства и разгула; позорна бываетъ смерть всѣхъ тѣхъ грѣшниковъ, которые всю жизнь заглушали въ себѣ голосъ совѣсти, и у которыхъ только предъ смертію она пробуждается для того, чтобы исполнить душу ихъ неизъяснимаго стыда и отчаянія; позорна бываетъ смерть, когда возбуждаетъ не сожалѣніе въ ближнихъ, а радость и насмѣшки: «посмѣятельна нечетивыхъ пагуба.» (Прит. 11, 3). Избави насъ, Господи, отъ всѣхъ видовъ подобной позорной смерти, сподоби насъ кончины непостыдной, неукоризненной предъ Тобою, предъ нашей совѣстію, и передъ ближними. — Что значитъ *кончина мирная*? Это кончина людей, которымъ не тяжело и даже пріятно разстаться съ жизнію, или потому, что они всю жизнь помышляли и вздыхали о вѣчности, не имѣя пристрастія ни къ чему земному, или потому, что они достигли цѣли своихъ непротивныхъ волѣ Божій надеждъ и желаній на землѣ, успѣли пристроить дѣтей, имѣли утѣшеніе видѣть плоды своихъ трудовъ въ жизни семейной и общественной. Сподоби и насъ, Господи, подобной мирной кончины. — Въ слѣдъ за кончиною слѣдуетъ судъ надъ каждою душою (Евр. 9, 27), а при концѣ вѣковъ откроется судъ надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ. Будемъ просить Господа, да сподобитъ насъ на томъ и другомъ судѣ, страшномъ не только для грѣшниковъ, но и для праведниковъ, дать добрый отвѣтъ предъ престоломъ Судіи Христа (*επι τῷ φοβερῷ βηματος*),

представить Ему въ оправданіе себя Егоже испушительныя за насъ заслуги, объятія и усвоенныя нашею вѣрою.

Малая ектенія (паки и паки миромъ Господу помолимся) не трбуетъ особыхъ объясненій, ибо она есть сокращеніе великой.

Свящ. В. Нечасевъ

ЧИНЪ ПОГРЕБЕНІЯ МЛАДЕНЧЕСКАГО ^(а).

ПОУЧЕНІЕ IV.

Апостоль Павелъ показалъ намъ, бр. мои, все разнообразіе и красоту вѣчныхъ обителей Отца небеснаго; онъ какъ бы провелъ насъ по всему ряду этихъ дивныхъ, свѣтозарныхъ, полныхъ радости и блаженства обителей. Здѣсь обитаютъ тѣ, которые просіяли на землѣ, какъ солнце; здѣсь—тѣ, которые свѣтили, какъ луна; тамъ—тѣ, которые блистали подобно звѣздамъ; вотъ большія звѣзды, вотъ меныше, меныше до безконечности. Здѣсь водворится и вашъ младенецъ,—какъ бы такъ говорилъ намъ св. Апостоль. Но кто же водворить его здѣсь? Кто дастъ ему право вѣчно обитать въ этихъ обителяхъ, безъ боязни быть когда нибудь изгнаннымъ вонъ?

Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Его слово

а) См. феврал. книжку.

теперь мы и слышимъ во святомъ Евангеліи,— слово увѣряющее насъ, что Онъ, Господь и Владыка нашъ, не изгонитъ вонъ изъ вѣчныхъ обителей души усопшаго, что Онъ для того и сходилъ на землю, для того страдалъ и умеръ, чтобы даровать всѣмъ вѣрующимъ въ Него жизнь вѣчную и блаженство вѣчное; и что слѣдственно, если только младенецъ нашъ присовокупился къ числу вѣрующихъ въ Него въ таинствѣ крещенія — онъ будетъ вѣчно наслаждаться блаженствомъ во обителяхъ Отца небеснаго.—Прислушаемся повнимательнѣе, бр. мои, къ словамъ Евангельскаго чтенія (Іоан. 6, 35—39.).

Азъ есмь хлѣбъ животный (жизни): ирядый ко Мнѣ не умать възалкаться и въруай въ Мя не умать възаждастися никогдаже, — такъ говорилъ Господь Іисусъ Христосъ къ Іудеямъ, пять тысячъ которыхъ Онъ дивнымъ образомъ насытилъ пятью хлѣбами въ пустыни, и которые, вслѣдствіе этого чуда переплыли море Галилейское, чтобы найти Его; ибо Господь скрылся отъ нихъ по совершеніи чуда (Іоан. 6, 1—35.). Слова Господа имѣютъ такой смыслъ: Я — Богъ истинный, пришедшій къ вамъ съ неба, какъ манна, и содержащій въ себѣ источникъ вѣчной жизни и вѣчнаго блаженства; Я — податель безсмертія. Кто приближается ко Мнѣ душою своею, тотъ во вѣкъ не почувствуетъ голода душевнаго; и кто вѣруетъ въ Меня, какъ въ истиннаго Бога, тотъ никогда не почувствуетъ

жажды духовной, тотъ и въ сей жизни найдетъ во Мнѣ отраду и успокоеніе для своей совѣсти, смущаемой грѣхами, и въ жизни вѣчной обрѣтетъ блаженство въ общеніи со Мною.

Но рѣхъ вамъ, яко и видѣсте Мя и невѣруете. Господь очевидно обличаетъ этими словами невѣріе и ожесточеніе большей части Иудеевъ, особенно фарисеевъ и книжниковъ.

Все еже дастъ Мнѣ Отецъ, ко мнѣ приидетъ, и ирядущаго ко Мнѣ не изгнени вонъ. Вы невѣруете въ Меня, — какъ бы такъ говорить Господь, — очень жаль; вѣровать въ Меня, какъ въ Единороднаго Сына Божія, какъ въ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, — это величайшее счастье, это великій даръ Божій. Онъ не всѣмъ дается, но тому, кто способенъ воспріять этотъ даръ. За то, — кто вѣруетъ въ Меня, кому Отецъ небесный далъ этотъ великій даръ, всѣхъ тѣхъ Я приближу къ Себѣ; они со Мною будутъ; съ отверстыми объятіями, съ безграничною любовію Я пріиму ихъ; не изгоню ихъ вонъ изъ Моихъ обителей.

Яко снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца. Се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все, еже дастъ Ми, не поублю отъ Него, но воскрешу е въ послѣдній день. Я для того и оставилъ славу, принадлежащую Мнѣ отъ вѣка на небѣ, для того и сошелъ съ небесъ, чтобы выполнить великій планъ Отца Моего небеснаго, — сотворить волю пославшаго

Меня Отца; а эта воля въ томъ и состоятъ, чтобы Мнѣ не погубить тѣхъ, кто приближается ко Мнѣ вѣрою и любовію, но чтобы даровать имъ блаженное безсмертіе въ вѣчной жизни. Подъ словами: *спидохъ съ небесе* Господь разумѣлъ не только то, что Онъ оставилъ ради насъ вѣчную славу Свою,—но и то, что Онъ на землѣ ради насъ претерпѣлъ, и имѣлъ еще претерпѣть послѣ того, какъ говорилъ эти слова. Онъ разумѣлъ и страданія Свои, и крестную смерть, и погребеніе.

Внимая, бр., этимъ словамъ премилосердаго Господа нашего, вы смѣло можете взывать къ Нему: «вѣруемъ, Господи и Владыко нашъ, Твоему неложному обѣтованію; вѣруемъ, что Ты не изженешь вонъ нашего милаго младенца; и ради насъ, и ради его Ты сошелъ съ небесъ, претерпѣлъ крестныя страданія и смерть; Ты совершилъ всю волю Отца Твоего, чтобы даровать и намъ и ему блаженное безсмертіе въ вѣчныхъ обителяхъ на небѣ. Пріими же духъ его съ миромъ; а надъ нами твори Твою Святую волю».

Такъ, бр. мои, св. Церковь, поставляя васъ съ вашимъ горемъ предъ лицомъ Господа премилосердаго и предъ лицомъ вѣчности, проливаетъ отраду и утѣшеніе въ удрученное скорбію сердце ваше. Въ дивно-высокомъ созерцаніи она возноситъ васъ отъ земли на небо, къ вѣчнымъ обителямъ Отца небеснаго, уготованнымъ для

всѣхъ любящихъ Его, — и неложнымъ словомъ Господа Іисуса увѣряетъ васъ, что душа вашего младенца будетъ благопривѣтливо принята въ эти небесныя обители.

Бр. мои! А мы иногда ничего не видимъ, въ нашемъ горѣ и слезахъ, кромѣ могилы и гроба; мы упорно не хотимъ внимать ни чтенію Апостольскому, ни чтенію Евангельскому; мы неразумно стараемся заглушить эти чтенія нашими воплями и причитаніями. Горе намъ! Мы сами себя лишаемъ такого вѣрнаго и дѣйствительнаго утѣшенія, лучше котораго никто и ничто на землѣ намъ не можетъ доставить. Вразумимся; подчинимъ нашу скорбь премудрому руководству Матери нашей Церкви, — и несомнѣнно обрѣтемъ источникъ утѣшенія. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ V.

Только послѣ того, какъ св. Церковь словомъ самаго Господа Іисуса удостовѣритъ васъ, бр. мои, въ томъ, что душа вашего младенца не будетъ изгнана вонъ изъ вѣчныхъ обителей Отца небеснаго, — только послѣ этого она позволяетъ вамъ отдать послѣднее цѣлованіе вашему младенцу, — цѣлованіе надолго, надолго, до радостнаго свиданія въ вѣчности. Безъ этого удостовѣренія невыразимо-тяжело было бы вамъ

отдавать ваше послѣднее цѣлованіе, а теперь послѣ этого увѣренія прощальное цѣлованіе ваше носить на себѣ высокій, святой характеръ. Св. Церковь не желаетъ при этомъ, чтобы вы молча, безмолвно прощались на вѣки съ вашимъ младенцемъ; нѣтъ, она дозволяетъ вамъ излить при этомъ всю вашу душу, всю вашу скорбь и сама даетъ вамъ руководство, какъ вамъ должно прощаться съ вашимъ младенцемъ, сама отъ лица вашего произносить слова и причеты, соотвѣтствующіе этому случаю. Въ ея прощальныхъ стихирахъ сколько самой трогательной нѣжности, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣломудреннаго размышленія о судьбѣ младенца вашего, о вашей жизни временной и вѣчной, — сколько теплоты молитвенной!

Вы, матери, желаете излить вашу скорбь при послѣднемъ прощаньи съ вашимъ милымъ младенцемъ—желаете высказать вашу душу въ послѣдній разъ предъ нимъ. Подождите; св. Церковь сейчасъ научить васъ, какъ вамъ выразить вашу скорбь, какъ высказать въ послѣдній разъ вашу душу.

«О, кто невосплачетъ, чадо мое, о твоёмъ горестномъ преставленіи—отъ жизни сей? Ты—младенецъ незрѣлый, какъ птенецъ, быстро отлетѣлъ отъ матернихъ объятій, и къ Создателю всѣхъ устремился... О чадо мое? Кто невосплачетъ, видя, какъ увяло твое ясное лицо, которое прежде было прекрасно, подобно лиліи?

О, кто не возстанетъ, чадо мое, и съ плачемъ не возопіетъ, вспоминая, какъ ты былъ милъ и хорошъ, какъ прекрасна была жизнь твоя? Вотъ подобно легкой лодочкѣ, которая не оставляетъ за собою слѣдовъ, ты быстро сокрылся отъ очей моихъ. Приидите, друзья мои, сродники и ближніе, вмѣстѣ со мною станемъ-те цѣловать его, провожая въ могилу». Такъ св. Церковь влагаетъ въ уста матери прощальное слово къ милому младенцу.

Вы принадлежите, бр. мои, къ числу друзей, сродниковъ и ближнихъ матери, сѣтующей о потерѣ своего младенца; вамъ нельзя не сочувствовать ея горю, нельзя не подойти и непроститься съ младенцемъ. Идите,—и васъ св. Церковь научитъ, что вы можете сказать и матери въ утѣшеніе, и младенцу на прощанье, и самимъ себѣ въ назиданіе.

«Смерть для младенцевъ—отрада; они не успѣли еще пріобщиться житейскимъ скорбямъ; и вотъ уже достигли мѣста покоя, и вкушаютъ радость небесную въ нѣдрахъ Авраамовыхъ, и ликуютъ нынѣ съ божественнымъ сонмомъ святыхъ младенцевъ; и воистину блаженствуютъ, потому что они перешли отъ насъ чистыми, безъ губительной заразы грѣхомъ». Такъ вы можете, бр. мои, говорить матери младенца въ ея утѣшеніе.

«Древле во Едемѣ вкушеніе Адамомъ съ древа,—когда змій извергнулъ ядъ свой, содѣлалось источникомъ болѣзней; отъ этого вкушенія во-

шла во весь родъ человѣческій смерть, пожирающая людей; но пришелъ Владыка, низложилъ змія, и даровалъ намъ упокоеніе. Къ Нему возопіемъ: пощади, Спасе, и упокой со избранными Твоими младенца сего, котораго Ты пріямъ къ Себѣ отъ насъ». Такъ вы можете, бр. мои, и себя назидать при послѣднемъ разставаніи съ усопшимъ младенцемъ, и объ немъ молить Господа. А сопровождать ваше прощанье и послѣднее цѣлованье безчинными воплями, безумными терзаніями, несмысленными причетами, — это не христіанскій обычай и не должно быть терпимо въ обществѣ вѣрующихъ въ Того, Кто называетъ Себя воскресеніемъ и животомъ. Не только сродники и друзья, но и родители пусть помнятъ, что всѣ подобныя изъясненія сожалѣнія о младенцѣ — грѣхъ передъ Богомъ, и нигдѣ неумѣстны, особенно въ храмѣ Божіемъ.

Когда же дадите послѣднее цѣлованіе вашему младенцу, и скажете ему послѣднее *прости*, тогда возведите молитвенныя очи ваши къ Той, которая успокоиваетъ всѣхъ скорбящихъ, цѣлитъ всѣ скорби и недуги наши, къ Пресвятой Богородицѣ. Св. Церковь и въ этомъ случаѣ даетъ образецъ, какъ вамъ умолять въ эти минуты Царицу небесную. «Богородице Дѣво, — такъ научаетъ она васъ молиться Пресв. Дѣвѣ, — спасай градъ и людей. Ты — миръ для находящихся въ бѣдахъ, Ты — тишина для обуреваемыхъ скорбію; Ты — единственная предстательница вѣрныхъ».

Но вотъ кончилось послѣднее цѣлованіе и послѣдняя бесѣда ваша съ усопшимъ младенцемъ. Читается Трисвятое, и потомъ слухъ вашъ снова оглашается молитвою ко Господу, да упокоитъ со духи праведныхъ скончавшихся душу раба своего,—упокоитъ въ покоищи Его, гдѣ всѣ святыя Его упокоются. И бываетъ отпустъ. По отпустѣ священникъ, прощаясь съ младенцемъ, говоритъ: вѣчная твоя память достоуважаемое и приснопоминаемый младенецъ (имярекъ). И поется трижды: вѣчная память!

Въ заключеніе всего священникъ, какъ бы окончательно передавая душу младенца вашего въ руки Господа Иисуса, читаетъ слѣдующую молитву: «Храняй младенцы въ нынѣшней жизни, а въ будущемъ вѣкѣ уготовавый имъ въ жилище лоно Авраамово, и по чистотѣ ихъ Ангельскія свѣтообразныя мѣста, въ нихъже водворяются праведныхъ души, — Ты самъ Владыко Христе, душу раба Твоего младенца имярекъ пріими съ миромъ. Ты бо рекъ сїи: оставите дѣти пріити ко Мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное.»

И относится гробикъ младенца на могилу съ пѣніемъ Трисвятаго. Когда гробикъ опустится въ могилу, священникъ, взявши лопату, сыплеть земли во гробъ, и говоритъ: Господня есть земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущіи на ней. То есть священникъ какъ бы приводитъ въ исполненіе приговоръ Господа Бога падшему прародителю и всѣмъ потомкамъ его: *земля еси*

и въ землю отидеши! Всѣ мы, потомки праотца нашего Адама, созданнаго изъ земли и согрѣшившаго, должны, по опредѣленію правосуднаго Бога, возвратиться до извѣстнаго времени въ землю, должны содѣлаться прахомъ, и этимъ прахомъ какъ бы восполнить то, что она уступила намъ, когда Творецъ созидалъ насъ.

„И отходятъ благодаряще Бога.“

Такъ св. Церковь совершаетъ погребеніе младенцевъ. Все, что только можетъ утѣшить насъ въ эти минуты, облегчить нашу скорбь, утѣломудрить душу нашу, возвысить ее до созерцанія райскихъ обителей, до несомнѣнной увѣренности, что Господь принялъ къ Себѣ душу нашего младенца и упокоилъ ее, все это собрала св. Церковь и сокупила вмѣстѣ. Она по возможности столько потребно для настоящаго случая, сняла предъ нами покровъ съ жизни загробной, и открыла намъ тайны неба. О если бы мы, разставаясь съ нашими малютками—дѣтьми, вняли вполнѣ голосу матери нашей Церкви, и выучились такъ разставаться съ ними, какъ она желаетъ. Аминь.

Священникъ В. Владиславлевъ.

О Т В Ъ Т Ы

НА НѢКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О ПОЧИВШИХЪ МЛАДЕНЦАХЪ. а)

Господь нашъ Иисусъ Христосъ во время земной Своей жизни показывалъ особенное благоволеніе къ дѣтямъ,—бралъ ихъ на Свой руки, благословлялъ ихъ и вѣсмъ указывалъ на нихъ, какъ на образецъ чистоты и незлобія: *оставите дѣтей приходить ко Мнѣ*, говорилъ Онъ ученикамъ, не допускавшихъ къ Нему дѣтей, *и не браните ихъ: тацѣхъ бо есть царствіе Божіе. Аминь глаголю вамъ, иже аще не примѣтъ царствія Божія яко отроча, не имать внити въ не. И обземъ ихъ, возложъ руцѣ на нихъ, благословляше ихъ* (Марк. 10, 14—16.). На основаніи сихъ словъ святая Церковь признаетъ младенцевъ,—за немногими, какъ увидимъ, исключеніями,—невинными, не вмѣняетъ имъ никакихъ преступленій и, если кто изъ нихъ почіетъ, она, какъ видно изъ чина погребенія младенческаго,

а) Предлагаемая статья служитъ дополненіемъ къ поученіямъ о чинѣ младенч. погребенія. Она представляетъ опытъ рѣшенія вопросовъ, которыхъ не касался авторъ поученій. *Ред.*

молится не о прощеніи согрѣшеній почившаго, а прямо о причтеніи его «къ священнѣйшему лику святыхъ.»

И нѣтъ сомнѣнія, что это моленіе Церкви о невинныхъ младенцахъ не тщетно бываетъ; ибо непреложно обѣтованіе Христа Спасителя о младенцахъ: *таульхъ бо есть царствіе Божіе*. Дверь въ царствіе небесное имъ отверзается чрезъ крещеніе (Іоан. 3, 3.). Благодать Св. Духа, силою заслугъ Христовыхъ, омывшая ихъ въ купели крещенія, украсившая праведностію и святостію, запечатлѣвшая печатію сыноположенія, сія благодать ярко блистаетъ въ нихъ, не бывъ помрачена произвольными грѣхами. Ихъ души, омытыя, освященныя, оправданныя въ крещеніи и до самой смерти оставшіяся чуждыми грѣховныхъ страстей и навыковъ, любезны Господу Іисусу Христу, какъ чистые сосуды Его благодати, какъ нѣжные члены Его таинственного тѣла.

Но скажутъ: «младенцы развѣ не грѣшатъ? А что значатъ дѣтскія прихоти, капризы, зависть къ сверстникамъ, ненависть и злопамятство къ своимъ оскорбителямъ, желаніе поставить на своемъ, идти на перекоръ запрещеніямъ и приказаніямъ,—какъ не грѣхи? Не всѣ же младенцы чисты и невинны.» Дѣйствительно, дѣтская чистота и невинность не есть совершенная, ангельская чистота. «Святое крещеніе возраждаетъ человека въ новую жизнь, скажемъ словами одного изъ учителей нашей Церкви, но не уничто-

жаеть тотчасъ жизни ветхаго человѣка; ибо вседѣйствующая благодать Божія даетъ мѣсто дѣйствию вѣры и подвигу человѣка, дабы милость была не безъ правды, и дабы мы добровольно приняли спасеніе. Такимъ образомъ и возрожденный не устыдился признаться, что *еще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ* (1 Іоан. 1, 8.), обманываемъ себя» (Слов. Митр. Фил. въ д. св. Алек., говор. 12 февраля 1854 г.). Слѣдствія первороднаго грѣха остаются въ человѣкѣ и послѣ крещенія; грѣховныя склонности обнаруживаются въ немъ еще очень рано; но до раскрытія сознанія грѣхи ему не вмѣняются. До сознанія грѣхъ лежитъ въ душѣ нашей, какъ бы въ мертвомъ и бездѣйственномъ состояніи, но едва раскроется нравственное сознаніе, грѣхъ оживаетъ и дѣлается свободнымъ проявленіемъ нашей дѣятельности, — послѣ чего онъ и подлежитъ уже осужденію. А младенецъ, какъ извѣстно, не понимаетъ, что добро и что зло, что горячіе уголья и что золото, кто царь и кто простой воинъ. Какъ же требовать отъ него отчета въ томъ, или другомъ поступкѣ? Поэтому св. Церковь вѣруетъ, «что всѣ младенцы, умершіе послѣ крещенія, несомнѣнно получаютъ спасеніе, по силѣ смерти Іисуса Христа. Ибо, если они чисты отъ грѣха, какъ отъ общаго,—потому что очищаются Божественнымъ крещеніемъ, такъ и своего собственнаго,—ибо, какъ дѣти, не имѣютъ еще своего произвола, и

потому не грѣшати: то безъ всякаго сомнѣнія они спасаются». (Грам. Вселен. патр. стр. 65). Такъ точно учили и св. отцы Церкви. «Дѣти тогда начинаютъ подлежать отвѣтственности за жизнь, говоритъ св Григорій Богословъ, когда разумъ придетъ въ зрѣлость, и уразумѣютъ они таинство (крещенія): потому что за грѣхи невѣденія не взыскивается съ нихъ по причинѣ возраста» (Твор. св. отц. ч. III, стр. 301). Подобное говоритъ и св. Димитрій митрополитъ Ростовскій: «во младенцѣхъ незлобіе есть не яко добродѣтель, но яко естество: естественнѣ бо не могутъ, ниже вѣдять творити коего зла, яко ниже добра» (Част. III. стр. 299. Москв. 1842 г.). Если же не вмѣняются имъ никакія уклоненія отъ закона нравственнаго, никакіе грѣховные порывы поврежденной нашей природы, то, значитъ, они остаются въ той чистотѣ и невинности, съ какою вышли изъ купели крещенія и слѣдовательно—переходятъ въ жизнь вѣчную невиннѣе всѣхъ праведниковъ. Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ о младенцахъ: «выше и прекраснѣе степень ихъ, нежели дѣвственниковъ и святыхъ: они—чада Божіи, питомцы Духа Святаго» (Твор. св. отц. ч. VI стр. 107). Душа младенца, говоритъ одинъ изъ учителей нашей Церкви, крещеніемъ очищенная, произвольными грѣхами не оскверненная, своею невинностію, простотою, незлобіемъ представляетъ нѣкоторую содружность естеству ангельскому.» (Слов. Митр. Фи-

лар. ч. II стр. 230 изд. 1844 г.). Св. Іоаннъ Златоустый въ уста почившихъ младенцевъ влагаетъ такую молитву къ Богу: «Праведный Судіе, Господи, помилуй ны, лишилъ бо еси насъ земныхъ, но не лиши насъ небесныхъ; отлучилъ еси насъ отцевъ и матерей, но не отлучилъ отъ святыхъ; цѣла имамы знаменія крещенія; чисто тебѣ имамы принести тѣло, младенства ради.» (Маргар. слово II-е Моск. 1773 г. стр. 549). А что дѣйствительно младенцы пребываютъ въ обителяхъ небесныхъ, это подтверждали сами небожители. Такъ Преподобный Сергій одной болящей возвѣстилъ объ участи ея умершихъ братьевъ младенцевъ: «Имъ тамъ хорошо, сказалъ онъ, а ты съ ними быть не можешь; они, какъ младенцы, безгрѣшны, а ты, несмотря на то, что мала (11-ти лѣтъ), грѣхи уже имѣешь, хотя и не великіе. Напрасно мать твоя жалѣла объ ихъ смерти: оставшись въ живыхъ, они того не получили бы.» (Приб. къ твор. св. отц. 1861 г. стр. 403).

Но говорятъ: «если уже несомнѣнно младенцы въ царствіи небесномъ, то для чего же и молиться о упокоеніи ихъ?» Но мы обязаны молиться безъ исключенія о всѣхъ почившихъ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія; по заповѣди Апостола обязаны молиться и *о всѣхъ святыхъ* (Еф. 6, 18). Наши молитвы о тѣхъ, которые находятся на небеси и блаженствуютъ, если не полезны имъ, за то и не вредны. Но во всякомъ случаѣ онѣ

полезны для насъ молящихся. Любовь наша къ почившимъ братіямъ не останется безъ награды, да и они, какъ уже близкіе къ Богу, слышать наши молитвы и взаимно ходатайствуютъ о насъ. А молитвы о почившихъ младенцахъ положительно необходимы. Младенецъ, живя на землѣ, сознательно не дѣлалъ ни добра, ни зла. Извѣстно, что душа, соединенная съ тѣломъ, необходимо подчиняется условіямъ существованія тѣла. Страдаетъ тѣло, страдаетъ душа; являются поврежденія въ мозгу, душа теряетъ сознаніе. Душа младенца, заключенная въ слабое, немощное тѣло, не могла развиваться, не имѣла сознанія. Но какъ скоро это зависимое состояніе кончается, какъ скоро сообщеніе съ тѣломъ разрывается, душа необходимо получаетъ сознаніе и начинаетъ мыслить независимо отъ условій тѣла. По этому св. Церковь говоритъ: *«вѣдомо буди, яко познають тамо другъ друга вси, яже знаютъ же и яже никогдаже видѣша; обаче, не тѣлеснымъ нѣкимъ образомъ: единъ бо возрастъ вси, и яже отъ бытія познанія пріимуть зрительнымъ же окомъ душевнымъ»* (Тріод. пост. Синак. суб. мяс.-соп.). Такимъ образомъ развитіе души младенца начинается тотчасъ же по разлученіи съ тѣломъ. Куда же будетъ обращено это развитіе—къ добру, или злу? Духъ человѣческій сотворенъ съ способностію нескончаемаго развитія, возрастанія и преуспѣянія, и эту способность нескончаемаго развитія можетъ обращать какъ къ добру,

такъ и къ злу. Если душа принимаетъ доброе направленіе, то въ ней открывается возможность нескончаемаго усовершенія въ добрѣ; если—злое, въ ней открывается возможность безъостановочнаго стремленія по пути зла. Доказательство сему добрые и злые ангелы. Первые навсегда утвердились въ добрѣ, послѣдніе ничего не могутъ дѣлать, кромѣ зла. Невинному младенцу грѣхи невмѣняются, но и сознательно—добрыхъ дѣлъ онъ еще не имѣетъ; въ душѣ его есть только, такъ сказать, сѣмя добра,—это-то сѣмя и должно развиваться въ немъ въ будущей жизни. Но чтобы сѣмя прозябло и возросло, для сего необходимы: влага, воздухъ, свѣтъ и теплота. Чтобы могло развиваться сѣмя добра, для сего необходимы молитвы церкви. Церковь приносить безкровную жертву,—жертву всемірную (1 Іоан. 2, 2.), жертву любви;—и ангельскіе чины со страхомъ приникаютъ къ сей жертвѣ, могутъ ли не сочувствовать ей люди, за которыхъ собственно она и приносится? Младенцы тамъ уже сознательны, знаютъ, когда возносятся о нихъ молитвы церкви; съ этими молитвами они соединяютъ свои молитвы и, конечно, желаютъ, чтобы при совершеніи безкровной жертвы на землѣ и на прснебесномъ жертвенникѣ сколько возможно чаще воспоминались имена ихъ. Съ другой стороны, какъ чистые и близкіе къ Богу, они и сами предстательствуютъ за людей, особенно за тѣхъ, которые молятся о нихъ. Св. Іоаннъ

Златоустый отъ лица почившихъ младенцевъ, говоритъ: «неплачитесь насъ, яко отъ горшаго на лучшее преидохомъ, и вмѣсто тлѣнныхъ, нетлѣнная пріяхомъ; Мы со Ангелы поемъ, и со святыми ликуемъ, и о васъ *иръшнихъ* молился *Владыцѣ*». (Маргар. слов. 11-е Москв. 1773 г. стр. 449.). Вотъ сколько дѣятельности для души ихъ въ будущей жизни! И все это развитіе и возрастаніе ихъ по пути добра совершается подъ вліяніемъ нашихъ молитвъ объ упокоеніи ихъ. Поэтому св. Церковь никогда не отказывала почившимъ младенцамъ въ молитвахъ своихъ; при совершеніи безкровной жертвы и при другихъ священнодѣйствіяхъ она воспоминаетъ безъ исключенія *всѣхъ усопшихъ о надеждѣ воскресенія живота вѣчнаго* и всѣмъ вѣрующимъ безъ различія пола и возраста просить у Бога блаженнаго упокоенія. «Всякій возрастъ, взываетъ она, старцы и юныя, *младенцы и дѣти и ссуція млеко*, мужское естество и женское, упокой Боже, яже пріялъ еси вѣрныя». (Кан. суб. мясоп. пѣсн. 9. ст. 3.). Руководясь симъ ученіемъ церкви, имена почившихъ младенцевъ мы вписываемъ въ свои помянники и возносимъ на молитвахъ вмѣстѣ съ возрастными.

Прибавимъ: молитвы церковныя о почившихъ младенцахъ неизлишни особенно въ отношеніи къ тѣмъ изъ нихъ, которымъ, вслѣдствіе ранняго развитія смысла, немогутъ не вмѣняться воль-

ные грѣхи. Положимъ, таковыхъ младенцевъ не много въ сравненіи съ большинствомъ невинныхъ, но если упоминаемый въ притчѣ Спасителя пастырь, имѣющій на своихъ рукахъ сто овецъ, не желаетъ, чтобы погибла одна изъ нихъ, отбившаяся отъ стада, и оставляетъ 99 овецъ, чтобы отыскать одну, то менѣ ли можетъ быть озабочена св. церковь судьбою тѣхъ не многихъ младенцевъ, которые отходятъ на тотъ свѣтъ не безвинными, и не о нихъ ли преимущественно она должна молиться? — Св. Григорій Двоесловъ вотъ что рассказываетъ объ одномъ изъ таковыхъ несчастныхъ младенцевъ, преимущественно нуждающихся въ церковныхъ молитвахъ: «Назадъ тому три года, говоритъ св. Григорій, былъ здѣсь мужъ всѣмъ извѣстный, имѣвшій пятилѣтняго сына. Отецъ горячо любилъ сына, воспитывалъ безъ наказанія, ни въ чемъ никогда не удерживалъ. Младенецъ говорилъ скверныя слова, злословилъ людей, хулилъ святыхъ и даже самаго Бога. Отецъ молчалъ. Была тогда моровая язва. Младенецъ заболѣлъ смертельно. Во время самой кончины отецъ держалъ его на рукахъ (какъ свидѣлствуютъ бывшіе тутъ), младенецъ трепеталъ, прятался въ пазуху отца, страшно кричалъ: «отъими меня отъ нихъ, отче, отъими!» Отецъ спросилъ: «что ты видишь?» «Черные люди пришли и хотятъ взять меня», отвѣчалъ младенецъ. Сказавъ послѣ сего еще нѣсколько скверныхъ и хульныхъ словъ, онъ

умеръ» (Гр. Дв. Бесѣд. съ діак. Петр. кн. 4, гл. 18.). Очевидно, младенцу сему вмѣнились его грѣхи и онъ осужденъ на мученія. И по установленію Церкви исповѣдь грѣховъ, слѣдовательно и отвѣтственность за нихъ хотя и начинается съ семи-лѣтняго возраста, но раскрытіе сознанія можетъ быть и ранѣе этого возраста и позднѣе. Семилѣтній возрастъ принять Церковію, какъ средина. Въ правилахъ св. Отецъ, принятыхъ всею вселенскою церковію, есть вопросъ: «съ котораго возраста грѣхи человека—судятся отъ Бога?» съ такимъ отвѣтомъ: «*по мѣрѣ разума и смысла каждаго*; иные судятся съ десятилѣтняго возраста, а иные съ послѣдующихъ лѣтъ». (Тим. Алекс. пр. 10-е.). Злой римскій младенецъ развился рано, изрыгалъ хулы на Бога сознательно, вслѣдствіе чего и подлежитъ суду за свой грѣхъ. Такимъ образомъ не только по мѣрѣ возраста, но и по мѣрѣ сознанія каждаго судятся грѣхи отъ Бога. Посему въ чинѣ погребенія младенческаго есть одно пѣснопѣніе, въ которомъ церковъ умоляетъ Господа презрѣть *вольная* и *невольная* прегрѣшенія младенца (См. въ началѣ чина).

Но обратимся къ младенцамъ невиннымъ. Спрашиваютъ еще: «Что же? Неужели одни христіанскіе младенцы будутъ въ царствіи небесномъ? За чтоже сего будутъ лишены невинные младенцы языческіе? Быть можетъ они, придя въ возрастъ, познали бы Христа и угодили бы Богу.»

Отвѣчаемъ: невинность любезна Богу всегда и вездѣ. Ради невинныхъ младенцевъ Господь пощадилъ цѣлый городъ. *Азъ не пощажу ли Ниневій града великаго, въ немже живутъ многыиши, неже дванадесять темъ чловѣкъ, иже не познаша десницы своя, ниже шуйцы своя, говоритъ Онъ пророку Іонѣ (Іон. 4, 11.).* Правда Господь и во время потопа и потомъ при погубленіи городовъ Содома и Гоморры не пощадилъ невинныхъ дѣтей, еще не сдѣлавшихъ никакого зла. «Но несть се не правосудіе, говоритъ св. Димитрій, но паче милосердіе Господа Бога на пользу вся строящаго. Того бо ради съ повинными отцы неповинные младенцы истребилъ есть отъ земли, да не како тыи, егда въ возрастъ приидуть, сотворятся наслѣдники и подражатели злыхъ дѣлъ отецъ своихъ, и будутъ таковыя же скерныи беззаконники, яко и отцы ихъ, и вѣчнымъ потомъ предадутся мукамъ. Милосердую убо о нихъ, Господь пресѣче имъ временную жизнь временною казнію, *души же ихъ соблюде свободны отъ вѣчныхъ мукъ, въ няже отцы ихъ впадоша*» (Лѣт. св. Дим. М. Ростов. стр. 422.). *Въ дому Отца Небеснаго обители мнози суть* (Іоан. 14, 2.). «Есть и такія, въ которыхъ будутъ жить, какъ говоритъ св. Григорій Богословъ, и не прославленные и не наказанные. Ибо не всякій, недостойный наказанія, достоинъ уже и чести; равно какъ не всякій, недостойный чести, достоинъ уже наказанія» (Твор.

св. Отц. ч. VIII, стр. 294.). Поэтому св. наша Церковь говоритъ: «вѣдати подобаетъ, яко крещенніи младенцы пищи (*родости*) наслаждаются, непросвѣщенніи же и язычестіи, ниже въ пищу, ниже въ геену пойдутъ» (Син. въ суб. мяс.)

Говорятъ еще: «чѣмъ счастливѣе дѣти, что умерли рано и блаженствуютъ и чѣмъ несчастнѣе возрастные, что оставлены жить и грѣшить?» Отъ вѣчности Богъ видитъ и знаетъ время рожденія и жизнь каждаго человѣка. Въ творческомъ планѣ Его каждому изъ насъ назначено определенное время жизни, и никто не можетъ прибавить себѣ ни одного лишняго дня (Сир. 17, 1. 2.). Каждому свое время,—*раздастся и умира-ти* (Ек. 3, 2.). Почему неопредѣлена одна общая мѣра человѣческой жизни, почему одинъ доживаетъ до глубокой старости, другой умираетъ въ цвѣтѣ юности, иной—едва только увидитъ свѣтъ, —мы незнаемъ и не имѣемъ права испытывать судьбы Божіи, но должны знать только, что все это дѣлается не безъ мудрой воли Промысла. Ибо *праведенъ Господь во всѣхъ путехъ Своихъ*, говоритъ слово Божіе (Псал. 144, 17.). Если Господь восхитилъ младенца изъ среды лукавствія (Прем. 4, 11), преселилъ въ Свои небесныя обители,—не завидовать, а радоваться, благодарить Его должны мы за то, что Онъ хотя нѣкоторыхъ изъ людей беретъ къ Себѣ въ совершенной чистотѣ, тогда какъ небылъ бы несправедливымъ, еслибы и не дѣлалъ

сего. Желать всѣмъ ранней смерти—смерти младенческой и особенно роптать на Бога за то, что Онъ опредѣляетъ людямъ столь различные жребіи, несогласно съ здравымъ разумомъ и грѣшно. Еслибы всѣ умирали младенцами, тогда, по естественной причинѣ, небыло бы на землѣ и насъ самихъ, да и никого, кромѣ первыхъ людей, сотворенныхъ Богомъ, что, конечно, безумно и воображать. Далѣе если бытіе и жизнь наша въ рукахъ Божіихъ, то развѣ можно указывать Творцу, чтобы Онъ поступалъ съ нами такъ, а не иначе? *Или не имать власти скудельникъ на брени, отъ тогожде слышенія сотворити овъ убо сосудъ въ чесишь, овъ же не въ честь* (Римл. 9, 21.)? Вѣрно слово Апостола: *Господь еяже хочетъ, милуетъ. Тъмже убо, о человекче, ты кто еси противъ отвѣщай Боюви?* (Римл. 9, 18. 20.). Съ другой стороны,—жизнь развѣ не даръ Божій? Развѣ охотно мы расстаемся съ нею? Развѣ не плачемъ, когда опускаемъ въ могилу и младенца? Кто желаетъ царствія небеснаго (а кто не желаетъ?), тотъ можетъ достигнуть его во всякомъ возрастѣ, если будетъ жить похристіански. Жизнь намъ для того и дана, чтобы приготовить себя къ вѣчному блаженству; указаны и средства для достиженія сей цѣли. Такимъ образомъ отъ свободной воли каждаго изъ насъ зависитъ получить спасеніе и соединенное съ нимъ блаженство, или отказаться отъ него.

Діаконъ Василій Рудневъ.

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХЪ УВЕСЕЛЕНІЯХЪ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ а).

Когда мнѣ приходилось въ устныхъ бесѣдахъ высказывать тѣ мысли о благотворительныхъ увеселеніяхъ, которыя я изложилъ вамъ въ предыдущихъ моихъ письмахъ, собесѣдники мои въ концѣ разсужденій обыкновенно дѣлали такое замѣчаніе: «что вы ни говорите, а все же бѣднымъ остаются отъ благотворительныхъ увеселеній деньги-большія или малыя. Эти деньги хотя на время удовлетворяютъ ихъ нуждамъ; онѣ не попали бы въ руки бѣдныхъ, если бы не было устроено въ ихъ пользу тѣхъ, или другихъ увеселеній. Положимъ, что это добро матеріальное; но все-же добро, котораго отрицать нельзя. Если охраненіе и поддержаніе нашей тѣлесной жизни есть добро, то и средства, которыя поддерживаютъ нашу жизнь и внѣшнее благосостояніе,—нельзя назвать зломъ».

Ученые проповѣдники матеріализма возводятъ эти простыя мысли на степень новыхъ и важ-

а) Предшествоющія нисѣма см. въ апрѣльской, іюльской и декабрской книжкахъ 1864 года.

ныхъ истинъ, добытыхъ современною наукою. Не признавая ни души человѣческой, ни духовной жизни, ни чисто духовныхъ отношеній между людьми, они говорятъ: «намъ нѣтъ дѣла до вашихъ христіанскихъ добродѣтелей, мы называемъ ихъ мечтами празднаго воображенія. Мы знаемъ одно, что бѣдность (павперизмъ) вездѣ съ каждымъ годомъ увеличивается, что обязанность каждаго частнаго человѣка и цѣлыхъ обществъ отыскивать средства для уменьшенія или совершеннаго искорененія этаго зла. Тутъ всякое средство хорошо, лишь бы оно достигало цѣли. Широкая и роскошная жизнь есть обязанность людей богатыхъ. Нарушеніе этой обязанности богатыми, т.-е жизнь скромная и простая будетъ ничѣмъ инымъ, какъ себялюбивымъ похищеніемъ достоянія, принадлежащаго бѣднымъ. Только проживая нажитое, богатые люди могутъ спастись отъ позорнаго имени сребролюбцевъ и скрягъ. Пусть они строятъ великолѣпные дома и украшаютъ ихъ, они чрезъ это даютъ хлѣбъ художникамъ и рабочимъ. Пусть они носятъ дорогія одежды и какъ можно чаще перемѣняютъ ихъ по требованіямъ моды,—этимъ они поддерживаютъ промышленность, кормятъ многочисленный классъ портныхъ и модистокъ. Точно также пусть они веселятся, сколько могутъ, и сколько душѣ угодно; и чрезъ увеселенія идутъ ихъ деньги въ оборотъ и достигаютъ низшихъ классовъ общества. Но если отъ увесе-

лений часть денегъ прямо назначается въ пользу бѣдныхъ, это дважды хорошо. Въ этомъ мы видимъ прочный залогъ для уничтоженія павперизма. Склонность къ благороднымъ увеселеніямъ растеть и разширяется прогрессивно; эти увеселенія скоро сдѣлаются достояніемъ и простаго народа, цѣлыхъ массъ, и надобно стараться, чтобы это было скорѣе; надобно спѣшить устроениемъ по крайпей мѣрѣ театровъ для простаго народа. Если съ законной склонности къ удовольствіямъ, постоянно возрастающей, будутъ собираться пошрины въ пользу бѣдныхъ, какъ это дѣлается въ благотворительныхъ увеселеніяхъ,—какая обильная жатва для бѣдныхъ предстоитъ въ будущемъ!»—Видите, что простое замѣчаніе моихъ собесѣдниковъ совпадаетъ съ понятіями о благотворительности, излагаемыми въ нравственномъ ученіи современнаго матеріализма. Тамъ и здѣсь сущность одна: смотри на человѣка просто какъ на живое существо, или на животное. Если ты помогъ этому животному въ сохраненіи жизни и удовлетвореніи его естественныхъ потребностей,—ты исполнилъ свой долгъ.

Въ сущности этого оспаривать нельзя. Человѣкъ, и по христіанскому ученію, въ своей тѣлесной природѣ есть животное, которое надобно и кормить, и лѣчить, и защищать отъ непогоды. Но не чувствуете ли вы въ своемъ сердцѣ стѣсненія и жалости къ человѣку, когда взгляды на него упадаютъ до униженія его человѣческаго

достоинства и суживается до совершеннаго забвенія его великихъ преимуществъ передъ безсловесными? Еще болѣе чувствуютъ это люди, которые подвергаются такому униженію. Горькое чувство униженія, испытываемое бѣднякомъ, когда помогающіе ему забываютъ его человѣческое достоинство, матеріалисты называютъ пустою гордостію, капризомъ, но душа христіанина, носящая въ себѣ положительные начатки высшей жизни, понимаетъ, что это не капризь, не пустая гордость, а лишеніе законныхъ правъ, похищеніе у человѣка его природныхъ существенныхъ принадлежностей. Ваша комнатная собачка не обижается, когда вы бросаете ей на полъ кусокъ сахара, или кость съ своего стола; ей все равно, на тарелкѣ ли ей подана подачка, или брошена,—лишь бы имѣть, что съѣсть. Но и вы сами на рѣшитесь такъ бросить кость бѣдному человѣку, и онъ этимъ глубоко оскорбится. Онъ согласится съ вами, что и такимъ образомъ дается ему пища, но онъ обидится тѣмъ, что вы равняте его съ собакой. Капризь ли это будетъ? Нѣтъ; этимъ справедливо обидится и самый истый матеріалистъ, который со всѣмъ не признаетъ въ себѣ души, который со всею любовію относится къ безсловеснымъ, какъ къ своей собственной, родной семьѣ. Можно строить всякаго рода системы, запутывать учение о человѣкѣ всякими софизмами, но нельзя вырвать изъ сердца человѣческаго никакими силами прирожден-

наго ему чувства собственного достоинства и неизмѣримаго превосходства его природы предъ чисто животною природою.

Если это такъ, то благотворить человѣку надобно почеловѣчески, т. е., чтобы и благотворители не почитали себя совершенно исполнившими свой долгъ, когда такъ, или иначе бросятъ бѣдному кусокъ хлѣба, да чтобы и бѣдные чувствовали, что ихъ, при всей ихъ бѣдности, не перестаютъ почитать людьми, что и къ нимъ не теряютъ уваженія. Поэтому, когда слышишь въ оправданіе благотворительныхъ увеселеній такія выраженія: «мы веселимся, но и бѣднымъ отъ насъ достается кусокъ хлѣба,» — невольно чувствуешь въ этихъ словахъ пренебреженіе къ бѣдному, униженіе его человѣческаго достоинства. Это все равно, что сказать: «мы пируемъ, но и бѣднымъ бросаемъ кости съ нашего роскошнаго стола!» Еслибы мы довольствовались только такими дѣлами благотворенія и утѣшались только этимъ добромъ, дѣлаемымъ ближнему, не заботясь въ самыхъ способахъ благотворенія ни о чемъ болѣе достойномъ человѣка: то всѣ наши челоѣколюбивыя учрежденія были бы по своей задачѣ и цѣли ниже «обществъ кроткаго обращенія съ животными.» Члены этихъ обществъ внушаютъ владѣльцамъ домашнихъ животныхъ, чтобы они относились къ нимъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ и заботливостію, чтобы ласковымъ обращеніемъ пріучали ихъ къ себѣ и заставляли

ихъ усердно работать не изъ страха побоевъ, — а по привязанности къ хозяину. Не замѣчаете ли, что современное просвѣщеніе хочетъ установить между нами и животными нѣкоторую дружественность и своего рода сочувствіе и любовь? Какъ же послѣ этого въ отношеніяхъ къ бѣднымъ людямъ мы можемъ довольствоваться только одною мыслию, что и бѣднымъ отъ нашихъ увеселеній перепадетъ кусокъ хлѣба, бѣднымъ, которыхъ мы посѣтители благотворительныхъ увеселеній не видимъ и знать не хотимъ, которыхъ не хотимъ даже приласкать такъ, какъ ласкаемъ животное. Снести бѣднымъ остатокъ отъ увеселеній, приласкать, утѣшить ихъ предоставляется только учредителямъ увеселеній, а всѣ посѣтители ихъ лишены возможности исполнить этотъ долгъ каждаго истиннаго благотворителя, желающаго благотворить почеловѣчески. Не видали ли вы новаго, замѣчательнаго рода благотворительности, существующаго у насъ въ Москвѣ, на Лубянской площади? Нѣсколько старухъ сидягъ тамъ на мостовой съ лукошками, наполненными моченымъ горохомъ, окруженныя тысячами голубей. Любители голубей подходятъ къ этимъ старухамъ, даютъ имъ — кто пять, кто три копейки и просятъ бросить голубямъ соответствующую суммѣ порцію гороху и любуются, какъ веселыя птицы перепархиваютъ, кружатся, и скучиваются около лакомаго корма. Видите, и любители голубей, рѣшившись угостить ихъ

горохомъ на пятачекъ, отдають имъ весь пятачекъ, и ищутъ себѣ вознагражденія только въ удовольствіи полюбоваться на радость и быстрыя движенія любимыхъ птицъ; а мы, назначая три рубля за билетъ на благотворительныя увеселенія, двѣ трети этой суммы, или даже больше истрачиваемъ на себя; а того и видѣть не хотимъ, какое доставляетъ бѣднымъ людямъ утѣшеніе малый остатокъ нашей суммы, повидимому изъ любви къ нимъ, для нихъ предназначенный. Такимъ образомъ, и матеріальное добро бѣднымъ путемъ благотворительныхъ увеселеній мы дѣлаемъ хуже, чѣмъ тоже добро дѣлается животнымъ, когда человѣкъ обращается съ ними ласково и съ любовію.

Ложный взглядъ на человѣка, какъ на животное высшаго разбора, заставляетъ матеріалистовъ искать средствъ для уничтоженія павперизма, или, по нашему для благотворительности, только въ порядкѣ жизни матеріальной: «проживай нажитое, собирай пошрины съ страсти къ увеселеніямъ.» Опытъ скоро докажетъ ненадежность этихъ средствъ и тѣмъ самымъ дастъ неопровержимыя доказательства и на то, какъ съ отверженіемъ высшихъ началъ для благоустроенія нашей внѣшней жизни, заключающихся въ духѣ человѣка, непрочно всѣ усилія устроить благосостояніе обществъ только животнымъ порядкомъ. Человѣкъ—мудреное животное. Погрузившись въ животную жизнь, онъ удивитъ безпо-

рядками, а за тѣмъ и своими бѣдствіями самихъ настоящихъ животныхъ, если только они когда нибудь въ состояніи будутъ чему-нибудь удивляться. Проживая нажитое безъ осторожности и безъ ограниченія своихъ прихотей, люди богатые и достаточные, правда, нѣкоторое время покормятъ около себя другихъ, даже ловкимъ людямъ дадутъ возможность и нажиться, но они сами стремглавъ полетятъ внизъ, въ область тѣхъ пролетаріевъ, которымъ хотятъ помочь своею роскошною жизнію. И нѣтъ столь несчастныхъ, столь беспомощныхъ людей, какъ раззорившіеся отъ роскошной жизни. Они такъ изнѣжены, потребности ихъ такъ разнообразны, черный трудъ, на который обрекаетъ человѣка бѣдность, такъ для нихъ непривыченъ и тяжелъ, что облегчить ихъ участь, успокоить ихъ можно не иначе, какъ давши имъ приличное содержаніе, то есть употребляя на нихъ вдесятеро болѣе, чѣмъ на обыкновенныхъ бѣдныхъ б). Привычка къ удовольствіямъ жизни, стѣсняемая нуждою, заставляетъ ихъ перемѣнять утонченныя наслажденія на бо-

б) Недавно приходила ко мнѣ одна такого рода бѣдная. На вопросъ мой: что вамъ угодно? она отвѣчала: „помогите мнѣ, батюшка, чѣмъ можете: мнѣ неначто чаю и сахару купить!“ И такъ недостатокъ чаю и сахару вынуждаетъ обдѣлывшую чиновницу, привыкшую когда-то къ приличной жизни, идти просить милостыню, чтобы купить ихъ. Такъ-то роскошь уничтожаетъ пролетаріатъ!

лѣе грубыя и многихъ изъ нихъ доводитъ до пьянства и открытаго разврата. Они обыкновенно жалуются на мнимую несправедливость судьбы, на равнодушіе старыхъ друзей; въ ихъ сердцахъ зараждается зависть и озлобленіе противъ прежнихъ знакомыхъ, тщательно сохраняющихъ свое состояніе и соединенныя съ нимъ преимущества. Тяжесть пренебреженія, часто оказываемаго бѣднымъ, увеличивается для этихъ несчастныхъ по мѣрѣ полученнаго ими образованія;—они постепенно ожесточаются, теряютъ благородство сердца и чувствительность совѣсти и нерѣдко прибѣгаютъ къ безчестнымъ средствамъ для облегченія своего горькаго положенія. Кто видалъ близко такихъ бѣдныхъ, тотъ не входя въ ученые соображенія, на основаніи одного опыта скажетъ, и скажетъ справедливо, что умѣренность и осторожность въ жизни и благоразумное удѣленіе избытка въ пользу бѣдныхъ гораздо вѣрнѣе поведутъ къ уменьшенію павперизма, чѣмъ готовность прожиться и разоряться въ видахъ челоуѣколюбія.

Если трудно бороться съ привычкою къ удобствамъ жизни и къ роскоши, если люди, какъ показываетъ опытъ, иногда не въ силахъ отстать отъ этой привычки даже въ виду собственнаго раззоренія и нищеты: то еще труднѣе бороться, когда привычка, прогрессивно возрастающая, получаетъ силу страсти и совершенно поработщаетъ насъ себѣ. Если привычка къ роскоши застав-

ляетъ насъ проживать изъ своихъ доходовъ больше, нежели слѣдуетъ, и дѣлаетъ для насъ труднымъ удѣленіе чего нибудь въ пользу бѣдныхъ: то страсть къ наслажденіямъ затруднитъ насъ еще больше. Законъ страстей таковъ, что онѣ не только пожираютъ все наше собственное, но всегда готовы прихватить и чужаго. Человѣкъ, пристрастившійся къ веселымъ пирушкамъ, никогда не заботится объ уплатѣ долговъ; пристрастившійся къ игрѣ въ карты не задумается ограбить ближняго, и когда дѣйствительно ограбить, успокоиваетъ свою совѣсть только тѣмъ, что замѣнить грубое выраженіе болѣе мягкимъ: «я не ограбилъ, а обыгралъ его». Можно ли, послѣ этого, на какія либо страсти разчитывать, какъ на вѣрный источникъ доходовъ въ пользу бѣдныхъ? Онѣ скоро свергнуть опеку, которую наложить на нихъ благотворительность. И теперь иногда очень мало остается отъ благотворительныхъ увеселеній въ пользу бѣдныхъ; но когда страсть къ увеселеніямъ разовьется больше, будетъ оставаться еще меньше. Теперь еще слышится въ обществѣ не заглушій голосъ христіанской совѣсти; теперь, когда на примѣръ спектакль въ пользу бѣдныхъ несовсѣмъ удался, встрѣчаемъ въ газетахъ снисходительныя и успокоительныя замѣчанія: «что дѣлать? Не будемъ очень взыскательны; вѣдь, спектакль давали любители съ благотворительною цѣлю». Но когда страсть къ увеселеніямъ заглушитъ эти внуше-

нія совѣсти, тогда любители увеселеній заговорятъ другое: «что это за спектакль? что за концертъ? Таковы ли они должны быть? Искусству ничто не должно мѣшать и вредить. Къ чему тутъ вмѣшивать благотворительность? Пусть она идетъ своею дорогою!» А когда страсть къ удовольствіямъ проникнетъ въ массы народа (чего такъ желаютъ поборники народныхъ театровъ): тогда и бѣдные не будутъ, какъ нынѣ, терпѣливо дожидаться, что перепадетъ имъ отъ удовольствій, которыми наслаждаются богатые; тогда мы услышимъ голоса бѣдныхъ, которыхъ доселѣ не слыхали, которыми оглашались площади древняго Рима во время упадка его могущества: «хлѣба и зрѣлищъ!»

Тяжело становится на душѣ, когда подумаешь о повсемѣстномъ размноженіи бѣдныхъ, особенно, когда своими глазами посмотришь на ихъ безпомощность и разнообразныя страданія. Но къ этой естественной скорби, которой не можетъ не чувствовать всякое неочерствѣвшее сердце, примѣшивается еще какая-то особенная горечь, когда видишь такіа средства врачеванія одной изъ самыхъ глубокихъ язвъ человѣчества, какъ-вы благотворенія посредствомъ роскошной жизни, или увеселеній. Такъ и кажется, что стоишь у постели больного, за котораго страдаешь всею душою. Хотѣлось бы ему помочь, но, къ сожалѣнію, онъ въ рукахъ плохаго и самонадѣяннаго врача, увеличивающаго его страданія и истощаю-

щаго послѣднія его силы своими неумѣстными лѣкарствами. Единый, всевѣдущій и всемогущій врачъ всѣхъ недуговъ человѣческихъ Господь Иисусъ Христосъ указалъ намъ вѣрныя средства къ уменьшенію бѣдности, которыхъ благотворная сила доказана уже опытомъ многихъ вѣковъ,—такъ нѣтъ, они намъ не по вкусу. Почему? Потому что примѣненіе ихъ къ дѣлу требуетъ труда и лишеній съ нашей стороны, а мы такъ облѣнились, такъ изнѣжены, такъ втянулись въ комфортъ и наслажденія жизни, что намъ трудно для какого либо подвига оставить мягкія кресла, лишить себя сладкаго утренняго сна, переменить часъ обѣда, отказаться отъ благовонной сигары, или отъ модной шляпки и итальянской оперы. Вотъ, еслибы можно было уничтожить павперизмъ однимъ празднымъ сочувствіемъ сердца къ бѣднымъ, одною витіеватою рѣчью, или нѣсколькими слезами, выступающими на глаза въ приливѣ состраданія,—и потомъ опять приняться за свои удовольствія,—какъ бы это было хорошо! Мы все хотимъ благотворить какъ нибудь полегче для себя, повыгоднѣе для нашей плоти и ея страстей: потому ученіе Христово о милосердіи намъ и кажется слишкомъ строгимъ и суровымъ. Мы ищемъ другихъ путей и изобрѣтаемъ ихъ. Вотъ гдѣ одна изъ сокровенныхъ причинъ, изъ заднихъ мыслей, по которымъ мы такъ отстаиваемъ благотворительныя увеселенія.

Но вы, моя добрая собесѣдница, ищите для

своей жизни и дѣятельности правыхъ путей Господнихъ. Васъ не устрашаютъ труды и жертвы, которыя подлежатъ на этихъ путяхъ истиннымъ послѣдователямъ Христа Спасителя нашего. Вы по опыту знаете цѣну того воздаянiя, которое получаетъ за труды свои христiанинъ, усердно работающій Господу своему—не самочинно, не съ человѣческими измышленiями, искаженiями и послабленiями, а по духу и смыслу Его святыхъ заповѣдей. Это воздаянiе—въ развитiи и нравственномъ преуспѣянiи вашего собственнаго духа, въ мирѣ и радости сердца, въ чистомъ наслажденiи добромъ, которое по заповѣди Господней сѣется, подъ Его промышленiемъ и благодатию зеленѣетъ, возрастаетъ и приноситъ плодъ—на глазахъ вашихъ. Вы наконецъ вѣруете и въ непреложность божественныхъ обѣтованiй о временномъ и вѣчномъ воздаянiи отъ Господа за труды и жертвы, приносимыя въ славу Его вѣрными Его рабами: «давайте — и дастся вамъ; мѣрою доброю, утрясенною и переполненною отсыплютъ вамъ въ лоно ваше; ибо какою мѣрою мѣрите, такою же и отмѣрится вамъ» (Лук. 6, 38.).

Взглянемъ еще разъ на тотъ путь благотворительности, который указываетъ намъ божественное откровенiе. Какъ свѣтель и какъ отраденъ онъ сравнительно съ тѣми распутиями, на которыя увлекаютъ насъ человѣческiя ученiя! Современные ученiя унижаютъ, убиваютъ благо-

творительность. Они смотрятъ на нее, какъ на отрасль политической экономіи, какъ на денежный оборотъ, въ которомъ солнце современнаго міра, называемое золотомъ, обтекая вселенную и озаряя полнымъ своимъ свѣтомъ высоты, занимаемыя людьми богатыми, должно бросать нѣсколько косвенныхъ лучей и въ мрачныя ущелья, гдѣ страдаютъ бѣдные, чтобы эти бѣдные своими жалобами не мѣшали богатымъ спокойно наслаждаться удовольствіями жизни, на которыя такъ изобрѣтателенъ нашъ вѣкъ. Но христіанство видитъ въ благотворительности не простой способъ кормленія бѣдныхъ, а прежде всего сильное средство для нравственнаго усовершенствованія какъ бѣдныхъ, такъ и самихъ богатыхъ, и особенно по этому такъ настоятельно требуетъ отъ насъ упражненія въ дѣлахъ милосердія.

По христіанскому ученію всѣ люди равны передъ Богомъ. Онъ равно любитъ и богатыхъ и бѣдныхъ,—но и тѣ и другіе равно передъ Нимъ грѣшны и немощны и одинаково нуждаются въ средствахъ спасенія, дарованныхъ Сыномъ Божиимъ роду человѣческому. Искупивши міръ крестною смертію, Господь Іисусъ указалъ намъ и путь спасенія въ крестоношеніи, т. е. въ самоотверженіи, въ борьбѣ со страстями плоти, со влеченіями нашего грѣхолобиваго сердца, въ отреченіи отъ нашей своенравной воли, въ подчиненіи всѣхъ нашихъ силъ и всей жизни Его закону и водительству Его благодати. Св. апосто-

столя Павелъ повелѣваетъ епископу Тимоѳею, чтобы онъ внушалъ богатымъ *не высокоумствовати* (Тим. 6, 17.). Богатство подвергаетъ людей опасностямъ самообольщенія, превозношенія, разсѣянности, разлѣненія, порождения прихотямъ и страстямъ, однимъ словомъ — опасностямъ уклоненія съ того крестнаго пути, по которому богатые, также какъ и бѣдные, должны идти къ вѣчному спасенію. Божественное ученіе внушаетъ имъ, чтобы они не высокоумствовали, не почитали себя исключеніемъ изъ рода человѣческаго, высшею породою людей, избранниками, освобожденными отъ бѣдствій жизни человѣческой,—а заповѣдь о милосердіи даетъ имъ практическіе уроки *смиренномудрія*. Посмотри, говоритъ богатому эта заповѣдь, на многіе миліоны людей, стоящихъ ниже тебя по внѣшнему состоянію, на такъ называемыхъ *небогатыхъ*: всѣ они несутъ трудъ жизни, всѣ они просыпаются съ заботою о своихъ дѣлахъ, всѣхъ застигаетъ ночь утомленными отъ дневной работы. Найти трудъ, успѣшно окончить его, имѣть плодъ отъ труда для удовлетворенія своимъ нуждамъ—вотъ предметъ ихъ постоянныхъ помышленій, сердечныхъ волненій и страданій: все—трудъ и трудъ! Надъ ними съ совершенною очевидностію исполняется приговоръ правды Божіей, изреченный первому грѣшнику: *въ потъ лица твоего съси хлѣбъ твой*. Ты, богатый человѣкъ, такой же грѣшникъ;

почему и за что ты освобожденъ отъ этого тяжкаго труда для добыванія насущнаго хлѣба? Но посмотри еще ниже, на такъ называемыхъ *блѣдныхъ*: имъ уже и трудъ не помогаетъ. Многіе изъ нихъ разстроены нравственно и физически и къ труду неспособны, — но Господь еще даетъ имъ жизнь, ожидая ихъ покаянія и спасенія отъ вѣчной гибели. Во многихъ семействахъ трудъ одного отца не удовлетворяетъ всѣмъ вопіющимъ ихъ нуждамъ. Вдовы съ малолѣтними дѣтьми, дѣти безъ отцевъ и матерей, дряхлые старики, оставшіеся безъ опоры, больные и увѣчные—безъ роду и племени,—все это люди, все твои братья. Многіе изъ нихъ лучше тебя предъ очами Божиими; на многихъ изъ нихъ Господь взираетъ съ благоволеніемъ, какъ на терпѣливыхъ крестоносцевъ; многіе изъ нихъ съ большею любовію къ Богу несутъ свой крестъ, нежели съ какою ты принимаешь отъ Него благодѣянія и милости. Побывай зимою въ ихъ дырявыхъ хижинахъ и въ сырыхъ подвалахъ, гдѣ они живутъ, и посмотри, какъ они блѣдны отъ сырости, какъ перетрескались у нихъ руки отъ холода. Послушай, какъ маленькія дѣти вопятъ около матери, прося хлѣба, и посмотри какъ она обливается слезами отъ материнской жалости, не имѣя чѣмъ накормить ихъ. Слыхалъ ли ты, какъ молодыя дѣвицы, которыя вянутъ и изсыхаютъ согнувшись надъ работою, оставляя на минуту трудъ и прерывая свои тяжелыя

думы, сообщаютъ другъ другу старую новость: «а все еще не выработали мѣсячной платы за квартиру, и все еще не во что одѣться, чтобы выйти въ праздникъ въ церковь Божию». Видалъ ли ты больныхъ, лежащихъ въ заплеснѣвѣломъ углу, около окна промерзшаго, и на цѣлую четверть покрытаго льдомъ, дрожащихъ отъ лихорадки подъ кучею лохмотьевъ, и кротко умоляющихъ Создателя: «Господи! когда пройдутъ эти морозы?» Видалъ ли ты родильницъ, честныхъ женъ бѣдныхъ поденщиковъ, послѣ мукъ рожденія, лежащихъ въ подземныхъ каморкахъ, куда едва проникаетъ свѣтъ дневной, на земляномъ полу и на рогожкѣ, противъ дверей, въ которыя свищетъ вѣтеръ? Новорожденное дитя, завернутое въ тряпицы, мать согрѣваетъ своимъ дыханіемъ, а нѣсколько другихъ, кудрявыхъ малютокъ, вопятъ и теребятъ бѣдную страдалицу, прося — кто пить, кто ѣсть? Вотъ гдѣ въ полной мѣрѣ чувствуется вся сила приговора вѣчной правды, изреченнаго первой грѣшницѣ: *въ болѣзняхъ родилии чада!* А ты не знаешь, не испытываешь ничего подобнаго! У тебя свѣтлый, теплый, роскошно убранный домъ, благорастворенный воздухъ, вкусная пища, нарядное платье, чистая и мягкая постель! Или ты праведникъ? Или ты имѣешь передъ Богомъ заслуги, за которыя Онъ избавилъ тебя отъ тягостей и страданій жизни человѣческой? Нѣтъ? Совѣсть твоя упрекаетъ тебя во многомъ? Смирись же и

подумай, — за что такъ милостивъ къ тебѣ Господь?

Кто такимъ образомъ войдетъ въ христіанское настроеніе духа, взглянувши своими глазами на многотрудную и страдальческую жизнь большинства рода человѣческаго: тотъ почувствуетъ, какъ согласна съ голосомъ нашей совѣсти и какъ легко принимается нашимъ сердцемъ заповѣдь Христа Спасителя о самоотверженіи, котораго Онъ требуетъ со стороны богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Я слыхалъ отъ богатыхъ и истинныхъ благотворителей, что когда они возвращались домой изъ хижинъ бѣдныхъ, имъ совѣстно было садиться за свой роскошный, богато убранный столъ, что имъ становилось стыдно той утонченной роскоши, въ которой они живутъ. Совѣсть громко начинала говорить имъ, что это можно бы сдѣлать проще, этого можно бы уба-вить, безъ этого легко можно бы обойтись. Прихотныя вещи, дорогія бездѣлушки становились имъ противны при мысли: сколькоимъ бѣднымъ можно было бы помочь тѣми деньгами, которыя за нихъ заплачены! Я имѣлъ счастье своими глазами видѣть, какъ такіе благородные люди, руководимые благодатию Божіею, съ радостию начинали отказывать себѣ, чтобы больше сберечь для бѣдныхъ, какъ постепенно упрощали они свою жизнь, какъ наконецъ, воспламеняясь святымъ огнемъ любви къ ближнему, спѣшили отдать бѣднымъ лишнее, чтобы избавить себя отъ искушенія истратить

деньги на что нибудь не необходимое, прихотное. Смотря на ихъ лица, сіяющія чистою радостію, я думалъ: вотъ счастье! Могутъ ли съ нимъ сравниться какія либо чувствєнныя удовольствія?—Тутъ самъ собою рѣшался для меня и вопросъ, который нынѣ всѣхъ такъ затрудняетъ: гдѣ взять денегъ для бѣдныхъ?—Такъ-то, думалъ я, каждый изъ насъ можетъ найти ихъ у себя. Вспомни ученіе Христа Спасителя о тѣсномъ пути въ царствіе Божіе, борись со страстями, не дѣлай ничего по прихоти, изъ тщеславія и изъ слѣпаго подражанія міру, приучай свое семейство къ христіанской простотѣ жизни,—и всегда найдется у тебя, что удѣлить бѣдному. Въ этомъ-то самоотверженіи и смиренномудріи богатыхъ и достаточныхъ людей, въ чувствѣ ихъ любви и братства по отношенію къ бѣднымъ Господь и указалъ обильный запасъ средствъ для облегченія участи бѣдныхъ. Кто этого источника благотворительности не признаетъ, кто все свое хочетъ прожить самъ и всѣмъ, что Господь посылаетъ ему, хочетъ наслаждаться одинъ, тотъ напрасно будетъ проповѣдывать о благотворительности. Его слово не найдетъ нигдѣ истиннаго сочувствія, въ его словѣ не будетъ души, потому что въ немъ самомъ нѣтъ истинной любви, которая одна сообщаетъ силу слову и даетъ жизнь всякому доброму начинанію. Онъ напрасно будетъ сочинять проекты благотворительныхъ дѣлъ, напрасно будетъ метаться во всѣ

стороны для сбора пожертвованій; на всѣхъ дѣлахъ его будетъ печать мертвенности и бесплодія. Кто употребляетъ для бѣдныхъ по совѣсти все, что можетъ изъ своего, къ тому сама приходитъ чужая помощь; а кто рассчитываетъ на чужую жертву, сохраняя свое для собственныхъ наслажденій и только для вида, или для успокоенія своей совѣсти, удѣляя на благотворенія какую нибудь малость: отъ того и участники его предпріятій всегда постараются только какъ можно подешевле и полегче отдѣлаться. Неискренность и внутренняя ложь его отношеній къ бѣднымъ и къ дѣлу благотворительности легко будетъ понята всѣми, только онъ одинъ останется въ самообольщеніи.

Иисусъ Христосъ на добрыя дѣла, заповѣдуемая Его ученіемъ, никогда не посылаетъ насъ однихъ. Онъ обѣщаетъ Самъ быть съ нами вездѣ: *безъ Меня не можете творити ничего*. Это внутреннее содѣйствіе благодати Христовой, этотъ внутренній союзъ съ Господомъ чувствуетъ непрестанно каждый усердно подвизающійся христіанинъ; его чувствуетъ и истинно христіанскій благотворитель. Онъ видитъ въ своей собственной дѣятельности на каждомъ шагу, что онъ только орудіе божественной любви и пекущейся о страждущемъ человечествѣ, что въ его заботы и начинанія въ пользу бѣдныхъ постоянно входитъ само Божественное Промышленіе. Онъ начинаетъ дѣло трудное, но начинаетъ его съ мыслию о всесиль-

ной помощи Божіей,—и съ изумленіемъ видитъ, какъ отодвигаются препятствія, какъ благопріятно располагаются обстоятельства, какъ противъ всѣхъ человѣческихъ вѣроятностей дѣло бѣднаго оканчивается съ такимъ успѣхомъ, какимъ рѣдко сопровождаются его собственныя дѣла. Онъ часто видитъ, что дѣло превышаетъ его собственныя средства, онъ колеблется и раздумываетъ, браться ли за него,—но внутренній голосъ говоритъ ему: «зачѣмъ сомнѣваться? — «Начинай съ Богомъ,» — и съ первыхъ пріемовъ въ дѣлѣ онъ уже замѣчаетъ, какъ притекаютъ средства, откуда онъ и не ожидалъ, какъ являются силы, гдѣ онъ найти ихъ не чаялъ. И здѣсь, какъ во всякомъ подвигѣ, имъ иногда овладѣваютъ сомнѣнія, опасенія, — уже не увлекается ли онъ, не разстроить бы ему собственнаго состоянія отъ щедрой благотворительности,—но не успѣваетъ еще онъ побѣдить своего внутренняго смущенія, какъ внезапно блистательный успѣхъ его собственныхъ дѣлъ какъ будто говоритъ ему: *маловъре! почто усумнился еси?—Давущая рука не оскудѣетъ.* А благосостояніе и внутреннее счастье его семейства, благонравіе дѣтей, счастливыя ихъ супружества, взаимная ихъ любовь и согласіе, довѣріе и уваженіе къ нему общества каждый день даютъ ему чувствовать, что съ нимъ Господь, что на немъ самомъ и на всемъ домѣ его почиваетъ благословеніе Божіе. Все это поселяетъ въ его сердцѣ ту *живую вѣру*, то глубокое убѣжденіе, что

нашими слабыми руками Самъ Господь совершаетъ чудныя дѣла Своего промысленія о бѣдныхъ, что Онъ отъ насъ ждетъ только готовности и усердія къ дѣлу, а поведетъ насъ всюду Самъ и Самъ все сдѣлаетъ чрезъ насъ, что на дѣлахъ благотворенія раззориться нельзя, что въ рукахъ бѣдныхъ деньги сохраняются вѣрнѣе и приносятъ несравненно большіе проценты, чѣмъ въ банкахъ и коммерческихъ оборотахъ. Мнѣ рассказывали объ одномъ купцѣ, благотворившемъ, по общему сужденію его знакомыхъ, не по средствамъ, что однажды въ его собственныхъ дѣлахъ постигъ его кризисъ. Близорукіе совѣтники сейчасъ заговорили ему о томъ, что надобно ему сократить раздачу милостыни, пріемъ странниковъ, выдачу бѣдныхъ невѣсть въ замужество и пр., что онъ отъ этого и раззоряется. «Нѣтъ, отвѣчалъ истинный подвижникъ милосердія,—это знакъ, что я гдѣ нибудь поспешилъ. Онъ усилилъ раздачу бѣднымъ и дѣла обонлись. Никто изъ займодавцевъ не посмѣлъ потревожить его, при одномъ слухѣ объ опасности, ему угрожающей, кредитъ его возросъ. Даже и самые скупые порицатели его щедрости заговорили въ одинъ голосъ: «какъ можно не поддержать такого честнаго и почтеннаго человека? Сколько ему нужно денегъ?»—И страшный для другихъ кризисъ послужилъ къ большому развитію его торговыхъ дѣлъ. Другой почтенный благотворитель тоже изъ купечества мнѣ

лично говорилъ: «уже много лѣтъ я раздаю бѣднымъ безъ оглядки и вотъ что замѣтилъ: когда я раздаю спокойно, съ любовью и вѣрою въ промыслъ Божій, дѣла мои идутъ прекрасно, но какъ скоро овладѣетъ мною духъ сомнѣнія и я начинаю остерегаться и скупиться, — непременно гдѣ нибудь понесу убытокъ.» Вотъ эта мужественная вѣра, и эти-то внутренніе опыты производятъ настоящихъ благотворителей, которые являются къ бѣднымъ истинными посланниками Божественной любви, промысляющей о сирыхъ и убогихъ, истинными ангелами — утѣшителями страждущихъ. И самый наружный видъ ихъ и все ихъ поведеніе имѣютъ въ себѣ нѣчто умиротворяющее, утѣшающее бѣднаго и печальнаго чловѣка. Внутреннее сознаніе, что они дѣлаютъ дѣло Божіе, выражается на ихъ лицахъ тихою задумчивостію и кроткою важностію; искренняя любовь, наполняющая ихъ сердце, дышетъ въ каждомъ ихъ словѣ, въ каждомъ движеніи. Изъ ихъ устъ слово надежды и утѣшенія, сопровождаемое силою ихъ собственной вѣры, глубоко проникаетъ въ сердце страждущаго, каждое изъ ихъ посѣщеній оставляетъ по себѣ радость въ жилищахъ скорби. Помощь изъ рукъ ихъ, — о, это не то, что кость, бросаемаѧ съ роскошнаго стола веселящихся и поющихъ благотворителей!

Какъ помощь дается, такъ она и принимается: если небрежно шутя ее даютъ, небрежно и безъ уваженія ее и принимаютъ. Защитники благо-

рительныхъ увеселеній думаютъ, что бѣдные съ голоду рады всему, что имъ ни бросать, что они оглушѣли отъ бѣдности, что ничего не понимаютъ и не обсуживаютъ тѣхъ дѣлъ, которыя принимаютъ въ ихъ пользу. Нѣтъ, они очень хорошо понимаютъ цѣну жертвъ, приносимыхъ имъ отъ увеселеній и называютъ ихъ «обѣдками» людей богатыхъ. Они знаютъ, что безъ музыки и спектаклей легко можно прожить на свѣтѣ, что еслибы богатые понимали, какъ слѣдуетъ, ихъ нужды и страданія, еслибы они уководились истинною любовію къ человѣчеству,—они забыли бы свои увеселенія и не обѣдки, а все, что они считаютъ возможнымъ употребить на свои удовольствія, все отдали бы бѣднымъ; бѣдные по крайней мѣрѣ думаютъ, что они такъ поступили бы на ихъ мѣстѣ. Бѣдные видятъ великолѣпно освѣщенные залы, гдѣ даютъ въ ихъ пользу увеселеніе, сѣздь экипажей, разряженныхъ дамъ, выпархивающихъ изъ каретъ,—и только покачиваютъ головами. Они знаютъ, чего стоятъ эти увеселенія богатымъ; они знаютъ, сколько процентовъ достанется имъ съ многихъ сотенъ рублей, истраченныхъ на наряды и на всѣ принадлежности увеселеній, и въ то время, когда богатые съ самодовольствіемъ рассказываютъ другъ другу: «вотъ сколько осталось отъ спектакля!» въ это время гораздо больше горечи и негодованія на ихъ безразсудство скопляется въ сердцахъ бѣдныхъ. Худшіе изъ нихъ доставшееся имъ отъ увеселеній сами

употребляютъ на свои увеселенія. «Тамъ веселились», говорятъ они: «отъ чего же и намъ не повеселиться!» Но въ массахъ бѣдныхъ есть прекраснѣйшіе люди, честные, здравомыслящіе и хорошіе христіане: ихъ глубоко оскорбляетъ такая милостыня. Они сами благотворятъ бѣднѣйшимъ себя, и знаютъ, какъ надобно благотворить похристіански. Въ одномъ губернскомъ городѣ живетъ бѣдная, престарѣлая вдова, дворянка, добрая и благочестивая, весьма уважаемая въ сосѣдствѣ. Помѣщики и богатые граждане города, зная ея бѣдность и христіанскую жизнь, охотно помогаютъ ей въ ея нуждахъ. Во одно время пріѣзжаетъ къ ней молодая дама, и, вошедши съ веселымъ лицомъ въ ея маленькую комнату, говоритъ: «вотъ мнѣ поручили передать вамъ пособіе; здѣсь 15 р. серебромъ». Она подала ей пакетъ съ деньгами. Отъ кого это, сударыня? спросила бѣдная; — кому я обязана благодарностію? Это отъ цѣлаго общества благотворителей. Третьяго дня былъ у насъ спектакль въ пользу бѣдныхъ, — онъ далъ намъ значительный сборъ, и вотъ я передаю вамъ, какъ и другимъ бѣднымъ, часть изъ вырученныхъ денегъ». Благодарю васъ сударыня; я не могу ихъ принять. «Отъ чего?» Правда, что я ничего неимѣю и живу помощію добрыхъ людей; но я привыкла благодарить моихъ благодѣтелей молитвою за нихъ къ Господу. Я молюсь, чтобы Господь благословилъ ихъ честные труды, отъ которыхъ

они меня питають и далѣ имъ успѣхъ въ дѣлахъ. А эти деньги—какимъ трудомъ пріобрѣтены? Я буду за васъ молиться, а у меня будетъ вертѣться въ головѣ, что вы играли, да какъ вы играли. Я не могу просить благословенія Божія на такія дѣла. Нѣтъ, благодарю васъ, сударыня.» Выслушавши этотъ урокъ, дама уѣхала. Добрая старушка простымъ христіанскимъ чувствомъ поняла, что между дѣлами бѣдныхъ и ихъ благотворителей должна быть тѣсная связь и нравственное единство; что христіане, помогающіе другъ другу во имя своего Спасителя, должны равно возноситься къ Нему мыслію и благодарить Его—одни за то, что Онъ удостоилъ ихъ совершить святое дѣло любви, а другіе за то, что Онъ посылаетъ имъ благовременную помощь.

Въ христіанской благотворительности эта связь богатыхъ и бѣдныхъ обнаруживается прежде всего глубокимъ нравственнымъ вліяніемъ на послѣднихъ. Искренняя и щедрая благотворительность богатыхъ христіанъ всегда служитъ для бѣдныхъ очевиднымъ доказательствомъ того, что и богатые среди роскоши и удовольствій жизни, которымъ легко могутъ предаваться, не забываютъ крестнаго пути, указанная для спасенія всѣхъ Іисусомъ Христомъ. Они понимаютъ бѣдствія жизни человѣческой, они не забываютъ о страданіяхъ бѣдныхъ, они не увлекаются ни корыстолюбіемъ, ни страстію къ наслажденіямъ, они раздѣляютъ съ бѣдными свой избытокъ, они

принимають на себя трудъ посѣщать бѣдныхъ и входить въ ихъ положеніе: все это хорошо понимаютъ и живо чувствуютъ люди бѣдные. Этимъ они утверждаютъ въ терпѣніи, благодущіи, покорности волѣ Божіей; для нихъ легче становится ихъ крестъ невольный, когда они видятъ, что его тяжесть добровольно раздѣляютъ съ ними люди, свободные отъ него. Но тѣ подвижники милосердія, которые при богатствѣ подвергаютъ себя особннымъ лишеніямъ и трудамъ въ пользу бѣдныхъ, дѣлаются для нихъ высокими учителями христіанской нравственности. Одинъ примѣръ ихъ уже воодушевляетъ бѣдныхъ къ мужественной борьбѣ съ трудностями и скорбями жизни и становится для нихъ живою проповѣдію христіанской добродѣтели. «Вотъ истинные христіане», говорятъ бѣдные, смотря на ихъ жизнь; «вотъ какъ достигаютъ царствія Божія! Спаси ихъ, Господи». Такіе благодотворители никогда не ограничиваются только раздаяніемъ одного хлѣба, или денегъ бѣднымъ, нравственное состояніе бѣднаго озабочиваетъ ихъ еще болѣе, нежели вещественныя его нужды. И въ устахъ ихъ всякое слово, всякій совѣтъ и вразумленіе бѣдному человѣку получаетъ особенную силу. Заговарятъ ли они съ бѣднымъ объ упованіи на милосердіе Божіе, о молитвѣ и посѣщеніи храма Божія, о трезвости, о трудолюбіи, о честности, и цѣломудріи въ словѣ, о вниманіи къ семейству, о чистотѣ и опрятности,—

бѣдный чувствуетъ въ словахъ ихъ голосъ истины и убѣжденія; чувствуетъ, что они имѣютъ полное право говорить ему все это: они сами представляютъ въ себѣ живые образцы всѣхъ этихъ добродѣтелей и готовы всѣми средствами помочь и ему въ достиженіи ихъ. Такимъ образомъ, вещественная помощь становится въ рукахъ истинныхъ благотворителей сильныхъ средствомъ для исправленія и нравственнаго усовершенствованія бѣдныхъ. Одушевляясь одною вѣрою въ Бога, о всѣхъ промышляющаго, соединяясь въ духѣ любви и братства о Христѣ путемъ крестнымъ, указаннымъ для всѣхъ Христомъ Спасителемъ, богатые и бѣдные благотворители и пріемлющіе благотворенія идутъ вмѣстѣ, помогая другъ другу, къ царствію Божію, подъ покровомъ и руководствомъ Самаго Господа, молившагося за всѣхъ Отцу Своему небесному: «Отче праведный! и міръ Тебя не позналъ, а Я позналъ Тебя; и сіи познали, что Ты послалъ Меня. И Я открылъ имъ имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ и Я въ нихъ» (Іоан. 17, 25. 26.).

Духъ времени, вѣчно враждующій противъ нашего Господа и Его истинныхъ послѣдователей, давно знаетъ, какой вѣрный путь спасенія открыть намъ въ христіанской добродѣтели милосердія,—и вотъ онъ старается низвести ее съ ея священной высоты на степень кормленія животныхъ. Онъ также знаетъ, какой прямой путь

погибели представляетъ для насъ страсть къ чувственнымъ удовольствіямъ, которыя нашъ вѣкъ такъ плодитъ и разнообразить,—и примааниваетъ насъ на этотъ путь святымъ именемъ благотворительности, и старается удержать насъ на немъ, успокоивая нашу ропщущую совѣсть убѣжденіемъ, что и здѣсь мы можемъ дѣлать и дѣлаемъ добро. Добро останется въ нашемъ воображеніи, а нравственное растлѣніе будетъ нашимъ дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ и погубить насъ. *Искушайте духи, аще отъ Бога суть.*

Протоіерей Алексій Ключаревъ.

ОЧЕРКИ БЫТА

НАРОДА БОЖІЯ ^{а).}

21. Сосуды.

Евреи не имѣли для переноски жидкостей стеклянныхъ сосудовъ, какіе въ употребленіи у насъ; имъ служили вмѣсто такихъ сосудовъ кожаные мѣхи. До изобрѣтенія стекла въ древности повсюду употреблялись кожаные мѣхи, похожіе на тѣ, какіе доселѣ дѣлаются на востокѣ. «Герба, говоритъ Брунъ, описывая способъ, которымъ Арабы приготавливаютъ родъ большого кожаного мѣха, — герба есть ничто иное, какъ четырехугольная кожа быка; края этой кожи съ большимъ искусствомъ сшиваются вмѣстѣ двойными ровными швами, которые не позволяютъ водѣ или вину вытекать. На одной изъ сторонъ мѣха дѣлаютъ отверстіе, похожее на отверстіе въ боченкѣ. Когда герба бываетъ наполнена водою, ее крѣпко стягиваютъ древесной веревкой

*) См. февр. книжку.

близъ отверстія. Подобнаго рода мѣхи обыкновенно вмѣщаютъ въ себѣ до 250 литровъ, и двухъ такихъ мѣховъ достаточно для навьюченія одного верблюда. Они тщательно бываютъ обмазаны снаружи, какъ для того, чтобы воспрепятствовать водѣ просачиваться сквозь кожу, такъ и для того, чтобы не дать ей возможности испаряться отъ дѣйствія палящаго солнечнаго зноя. Во время путешествія у насъ два раза испарялась вода изъ мѣховъ и мы видѣли себя въ опасности погибнуть отъ мучительной жажды».

Для домашняго употребленія мѣхи дѣлаютъ изъ козлиной кожи. Когда кожа бываетъ совсѣмъ приготовлена, ее крѣпко спиваютъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя занимали ноги животнаго, а мѣсто, гдѣ была шея, служитъ отверстіемъ для подобнаго мѣха.

Въ 19 ст. 32 гл. книги Іова Еліусъ для выраженія усилія, которое онъ долженъ былъ дѣлать надъ собою, чтобы не отвѣчать на рѣчи трехъ друзей Іова, сравнивается съ мѣхомъ вина, готовымъ прорваться отъ броженія въ немъ напитка. Извѣстно, что кожа имѣетъ свойство разширяться до извѣстной степени, но если давленіе жидкости на нее сдѣлается довольно сильнымъ, то она прорывается; потому-то мѣхи остаются незавязанными на то время, пока налитое въ нихъ новое вино еще находится въ броженіи. «Во время нашего пребыванія на Тенедосѣ (греческомъ островѣ), говоритъ докторъ

Вальшъ въ разсказѣ о своемъ путешествіи по берегамъ этого острова,—мы видѣли судно, нагруженное виномъ. Это вино было налито въ мѣхи, сшитые изъ козлиныхъ кожъ, и здѣсь въ первый разъ я могъ наблюдать это восточное обыкновеніе. Одинъ изъ мѣховъ прорвался вслѣдствіе броженія въ немъ молодого вина. Такимъ образомъ и въ настоящее время случается тоже самое, что бывало и прежде, когда вливають молодое вино въ мѣхи старые» (Лук. 5, 38.).

Извѣстно, что послы гаваонитскіе взяли «мѣхи вина ветхіи, изорванные и заплаченные» (Ис. Нав. 9, 4) для увѣренія Іисуса Навина, что они пришли издалека заключить съ нимъ мирный договоръ и тѣмъ обезопасить себя.

Всѣ путешественники на востокъ, переѣзжая безплодныя песчаныя равнины или такія страны, которыя лишены водныхъ источниковъ, запасаются мѣхами, наполненными водою. Во всякомъ арабскомъ шатрѣ находится по нѣскольку такихъ сосудовъ. Для путешественниковъ имѣется всегда на случай небольшой мѣхъ съ молокомъ, какъ это было въ то время, когда Іаиль, жена Хавера Кенеева, развязала «мѣхъ съ молокомъ», чтобы напоить изъ него Сисару (Суд. 4, 19.).

Арабы рѣдко ставятъ свои шатры близъ колодезей; потому-то ихъ жены часто принуждены бываютъ приносить воду въ большихъ мѣхахъ; онѣ ходятъ за нею каждый вечеръ, если не мо-

гутъ привозить ее на ослахъ (Burchardt). Жители города Багдада пьютъ воду изъ р. Тигра, ее привозятъ къ нимъ въ козлиныхъ мѣхахъ (Bukkingam).

Чтобы сдѣлать масло, употребляютъ также мѣхъ, въ который наливаютъ свѣжее молоко, стараясь при этомъ не наполнять его до самаго верха. Этотъ мѣхъ вѣшаютъ на гвоздь, вбитый въ стѣну, или на три кола, которые ставятъ на открытомъ мѣстѣ, и потомъ качаютъ его до тѣхъ поръ, пока въ немъ не собьется масло; затѣмъ водянистую часть выбрасываютъ, а масло сдавливаютъ дотолѣ, пока оно довольно сгустится. Восточные обычаи вообще слишкомъ мало измѣнились въ теченіе весьма продолжительнаго времени; потому-то надобно думать, что масло, поднесенное Авраамомъ явившемуся ему въ видѣ трехъ странниковъ Господу съ ангелами, приготовлено было такимъ же способомъ.

«Я сталъ какъ мѣхъ въ дыму» (по слав. быхъ яко мѣхъ на сланѣ Псал. 118, 83), говоритъ пророкъ Давидъ. Въ то время онъ очень много терпѣлъ отъ своихъ враговъ. Поэтому приведенными словами онъ какъ бы хотѣлъ выразить слѣдующую мысль: какъ мѣхъ, повѣшенный въ дыму или положенный въ огонь, сжуживается и дѣлается морщинистымъ, такъ и все мое тѣло изнурено и обезображено скорбями и заботами; онѣ какъ бы изсушили его, такъ что моя кожа покрылась морщинами и я сдѣлался блѣденъ и безсиленъ.

Но и въ такомъ несчастіи псалмопѣвецъ ищетъ помощи въ единомъ Богѣ: «исчезаютъ очи мои, устремленныя въ слово Твое, я говорю: когда Ты утѣшишь меня?» «Я сталъ какъ мѣхъ въ дыму,—но уставовъ Твоихъ не забылъ», присо-вокупляетъ онъ. Такимъ образомъ его изнеможеніе и тяжкія испытанія не могли заставить его забыть свои обязанности въ отношеніи къ Богу.

Когда Давидъ говоритъ: «слезы мои хранятся въ сосудѣ у Тебя» (Псал. 55, 9.), то онъ вѣроятно имѣлъ въ виду обычай, подобный тому, какой существовалъ, какъ извѣстно, у Римлянъ: они наполняли слезами небольшія урны, то-есть глиняные или стеклянные сосуды, различныхъ формъ и различныхъ цвѣтовъ, и ставили ихъ на могилахъ въ знакъ скорби. Сказавши: «слезы мои хранятся у Тебя въ сосудѣ», Давидъ далѣе прибавляетъ: «онѣ въ книгѣ Твоей». Смыслъ этихъ словъ такой: всѣ мои огорченія, какъ бы такъ говорилъ скорбящій царь, всѣ мои несчастія извѣстны Тебѣ, Боже! Я прошу Тебя о томъ, чтобы слезы мои всегда были предъ Тобою и возбуждали ко мнѣ Твое милосердіе; храни ихъ въ Твоей памяти, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминать и о томъ облегченіи и утѣшеніяхъ, въ которыхъ я имѣю нужду.

ОБИТАТЕЛИ ПАЛЕСТИНЫ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

I. Языческіе народы древнѣйшаго времени.

А. ХАНААНСКІЯ ПЛЕМЕНА.

Потомки одиннадцати сыновъ Ханаана, сына Хамова, заняли страну, границы которой простираются отъ Сидона до Газы, отсюда къ южной оконечности Мертваго моря до города Лассы (въ послѣдствіи Каллирое), лежащаго на восточномъ берегу этого моря (Быт. 10, 15—19. I Парал. 1, 13—16.). Въ послѣдствіи шесть изъ этихъ племенъ, извѣстныхъ у Грековъ подъ именемъ Финикіянъ, переселились къ сѣверу. Сидоняне поселились въ самомъ Сидонѣ, Арадяне на островѣ Арадѣ (Руадъ) и на Антарадѣ (Тортоза) (4 Цар. 19, 13; Іезек. 27, 8. 11); Арукеи въ Аркѣ (Іос. Фл. Ant. 1, 6, 2) на Ливанѣ къ сѣверо-востоку отъ Триполиса (Hieron. in Genes.); Асеннеи, вѣроятно, обитали вблизи Арки въ городѣ Сини, который по свидѣтельству Иеронима (ibid.), былъ совершенно разрушенъ вслѣдствіе войны; Самареи, вѣроятно, въ Симиры (Plin hist. nat. V, 17. Strabo XVI, 2, 12) вблизи Антарата, — Амаеи — въ Амаѣ (въ послѣдствіи Епи-

фанія). Что касается до потомковъ остальныхъ пяти сыновъ Ханаана, то есть, Хеттеевъ, Іевусеевъ, Аморреевъ, Гергесеевъ и Евеевъ,—объ этихъ племенахъ часто упоминается въ Св. писаніи, какъ объ обитателяхъ Ханаанской земли до занятія ея Евреями при Іисусѣ Навинѣ,—кромя того упоминаются еще Хананеи и Фerezеи (Быт. 12, 6; 13, 7; 15, 20. 21; Второз. 7, 1. Ис. Нав. 3, 10 и сл. ср. Дѣян. 13, 19).

1. *Хеттеи*. Они жили въ горахъ Іудиныхъ (Числ. 13, 30) у Хеврона, гдѣ Авраамъ купилъ у Ефрона Хеттея пещеру для погребенія (Быт. 23, 3—20; 25, 9. 10 и сл.). Исавъ женился на двухъ Хеттеянкахъ (Быт. 26, 34). Урія, сражавшійся въ войскѣ Давида и убитый по его распоряженію, былъ Хеттей (2 Цар. 11, 3. 6). Въ одномъ мѣстѣ книги І. Навина землею Хеттеевъ называется весь Ханаанъ. «Я даю вамъ, какъ Я сказалъ Моисею, отъ пустыни и Ливана сего до рѣки великой, рѣки Евфрата всю землю Хеттеевъ» (І. Нав. 1, 3. 4.).

2. *Іевусеи*. Они жили въ Іерусалимѣ (Іевусѣ) и его окрестностяхъ (Ис. Нав. 15, 8. 63; 18, 28; Суд. 19, 11) на горахъ (Числ. 13, 30. І. Нав. 11, 3) вмѣстѣ съ Аморреями, Фerezеями и Хеттеями, а въ послѣдствіи съ потомками Веніамина (Суд. 1, 21). Давидъ при посредствѣ Іоава завоевалъ у Іевусеевъ крѣпость Сіонъ (2 Цар. 5, 6—8; 1 Парал. 11, 4—6); впрочемъ Іевусеи

оставались тамъ, напр. Орна (2 Цар. 24, 16; 1 Парал. 22, 18 и сл.).

3. *Аморреи*. Иногда этимъ именемъ назывались всѣ народы Ханаанскіе (Быт. 15, 16; I. Нав. 24, 18; Суд. 6, 10; 3 Цар. 21, 26; Амос. 2, 10 и сл.). Во время Авраама Аморреи жили у Хеврона и въ Асасанѳамарѣ (Энгедди) (Быт. 14, 7. 15), потомъ на горахъ къ западу отъ Мертваго моря (Числ. 13, 30; I. Нав. 11, 3; Суд. 1, 35. 36), которыя поѣтому назывались горами Аморреевъ а) (Втор. 1, 7. 19. 20); къ сѣверу отсюда Аморреевъ мы находимъ у Сихема (Быт. 48, 22. Ср. Иоан. 4, 5).

Два Аморрейскія царства были на востокѣ отъ Иордана, одно къ югу между Арнономъ, Иорданомъ и Иавокомъ (Числ. 21, 13. 26), имѣвшее главнымъ городомъ Есевонъ, другое—къ сѣверу отъ Иавока, въ Васанѣ, съ главнымъ городомъ—Астаровомъ (Числ. 32, 33. 39; Втор. 4, 47. 49; I. Нав. 9, 10). Земля южнаго Аморрейскаго царства была отнята Аморреями у Аммонитянъ и Моавитянъ (Суд. 11, 13—26; Втор. 21, 26).

4. *Гересей*. О нихъ упоминается Втор. 7, 1; I. Нав. 24, 11; Неем. 9, 8; но мѣсто жительства ихъ не опредѣляется съ точностію.

5. *Езеи*. Жили въ Сихемѣ (Быт. 34, 2); кромѣ того у горы Ермона въ землѣ Массифа (I. Нав. 11, 3; ср. Суд. 3, 3) и въ Гаваонѣ (I. Нав. 11, 19).

а) Тоже, что горы Иудины, преимущественно южная часть ихъ.

6. *Хананеи*. Въ обширномъ смыслѣ это слово означаетъ всѣ народы Ханаана (Быт. 10, 18; 12, 6; 24, 3; Исх. 13, 11 и проч.), въ тѣсномъ смыслѣ—племя, жившее при морѣ и при Иорданѣ (Числ. 13, 30; ср. Втор. 11, 30; I. Нав. 5, 1); вѣроятно оно же разумѣется подъ «Хананеями жившими къ востоку и морю (средиземному)» (I. Нав. 11, 3). Они жили въ Газерѣ (I. Нав. 16, 10; 1 Цар. 9, 16).

7. *Ферезеи* не принадлежать къ потомкамъ Ханаана. Во время Авраама они жили съ Хананеями между Веѣилемъ и Агге (Быт. 13, 3. 7), можетъ быть, около Сихема (Быт. 34, 30), кромѣ того на горахъ (I. Нав. 11, 3; Суд 1, 4. 5).

По свидѣтельству Второзаконія (6, 10. 11) и книги Иисуса Навина (24, 13), эти народы имѣли города, занимались земледѣліемъ, и управляемы были множествомъ царей. Подъ предводительствомъ Иисуса Навина Евреи истребили 31 царя (I. Нав. 12-я глава). При покупкѣ могилы Авраамомъ Хеттеи были благорасположены къ нему (Быт. 23, 2). Между этими народами жилъ Мильхиседекъ, священникъ Бога вышняго (Быт. 14, 18—20). Но къ тому же времени относятся и мерзости Содома.

Господь часто предостерегаетъ Евреевъ, чтобы они не впадали въ грѣхи Ханаанскихъ родовъ. «Когда Иегова Богъ Твой истребитъ отъ лица твоего народы, которыхъ землю ты идешь взять въ наслѣдіе и ты возьмешь ихъ въ наслѣ-

діе, и поселишься въ землѣ ихъ: тогда берегись, чтобы ты не попалъ въ сѣть, послѣдуя имъ, когда они будутъ истреблены отъ лица Твоего; нищи боговъ ихъ, говоря: какъ почитали боговъ своихъ народы сіи, буду и я дѣлать также. Не дѣлай такъ Іеговѣ Богу твоему, поелику все, чего гнушается Іегова, что ненавидитъ Онъ, они дѣлаютъ богамъ своимъ; они и сыновъ своихъ и дочерей своихъ сожигаютъ на огнѣ богамъ своимъ» (Вторз. 12, 29—31). Подобнымъ образомъ въ другомъ мѣстѣ говорится: «когда ты войдешь въ землю, которую даетъ тебѣ Іегова, Богъ твой: тогда не научись дѣлать мерзости, какія дѣлали народы сіи: не долженъ находиться у тебя проводящій сына своего или дочь свою чрезъ огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародѣй, обаятель, призывающій духовъ, волшебникъ и вопрошающій мертвыхъ; ибо мерзокъ предъ Іеговою, Богомъ твоимъ, всякій дѣлающій сіе, и за сіи-то мерзости Іегова, Богъ твой, изгоняетъ ихъ отъ лица твоего» (Втор. 18, 9—12). Около времени Іисуса Навина грѣхи Амореевъ исполнились (Быт. 15, 16); истребленіе ихъ является праведнымъ дѣломъ суда Божія, если обратить вниманіе на изчисленные сейчасъ грѣхи Ханаанскихъ племенъ. Для нашего времени, которое ничего не хочетъ знать о возмездіи за злодѣяніе, покажется жестокимъ, что потомки Іудины, схвативши Адонивезека, отрубили ему пальцы рукъ и ногъ. Но не такъ смотрѣлъ на это

самъ Адонивезекъ: «сѣмьдесятъ царей съ отсѣченными пальцами рукъ ихъ и ногъ ихъ—сказалъ онъ — собирали (крохи) подъ столомъ моимъ. Какъ сдѣлалъ я, такъ и мнѣ заплатилъ Богъ» (Суд. 1, 6. 7).

Евреи не послушали повелѣнія Божія: «несмѣшивайся и не заключай союза ни съ ними (Ханаанскими племенами), ни съ ихъ богами. «Не должны они жить въ землѣ твоей, чтобы они не ввели тебя въ грѣхъ противъ Меня» (Исх. 23, 32. 33). «Жертвенники ихъ разрушьте, столпы ихъ сокрушите, вырубите священныя рощи ихъ, и изваянія боговъ ихъ сожгите огнемъ» (Исх. 34, 13). Въ первой главѣ книги Судей поименованы города, изъ которыхъ Израильтяне не выгнали Хананеевъ, но жили вмѣстѣ съ ними. Во второй главѣ ангелъ Господень обличаетъ Израильтянъ за это непослушаніе; въ третьей главѣ повѣствуется, что они женились на дочеряхъ хананеевъ и отдавали за нихъ сыновъ своихъ дочерей (ст. 6), и какъ они были наказаны за это.

И послѣ временъ Судей имена Ханаанскихъ народовъ не вдругъ исчезаютъ изъ исторіи Израильтянъ. Во дни Самуила у Израиля былъ миръ съ Аморреемъ (1 Цар. 7, 14); Гаваонитяне во время Давида называются остаткомъ Аморреевъ (2 Цар. 21, 2); Іоавъ, когда считалъ народъ, посѣщалъ города Хананеевъ и Евеевъ (2 Цар. 24, 7). О Соломонѣ повѣствуется: «всѣхъ людей ос-

ставшихся отъ Аморрея и Хеттеа, и Ферезеа, и Хананеа, и Евеа, и Іевусеа, и Гергесеа, не сущихъ отъ сыновъ Израилевыхъ, сыновъ ихъ, оставшихся по нихъ на земли, ихже невозможно сынове Израилевы потребити ихъ, царь Соломонъ поработи ихъ, даяти дань даже до дне сего» (3 Цар. 9, 20. 21). По видимому угроза: «не изгоню ихъ отъ васъ, и будутъ они вамъ врагами, и боги ихъ будутъ для васъ сѣтью», (Суд. 2, 3) уже перестала исполняться. Но даже во время пророка Елисея Хеттеи являются врагами Іудеевъ; и гораздо позднѣе, по возвращеніи Іудеевъ изъ Вавилонекаго плѣна, князья приступили къ Ездру и сказали: «не отлучишася людѣ Израилевы и священницы и Левити отъ людей земныхъ въ мерзостехъ ихъ, иже суть Хананеи, Еѳѳеи, Ферезеи, Іевусеи, Аммонитяне, Моавитяне и Мосеритяне (Египтяне) и Аморреане. Понеже пояша отъ дочерей ихъ себѣ и сыномъ своимъ: и смѣсися сѣмя святое съ людьми земными» (1 Ездр. 9, 1. 2). Ездра принесъ покаянную молитву, народъ плакалъ и исповѣдывалъ грѣхи свои, и тѣ, которые имѣли иноплеменныхъ женъ, развелись съ ними (гл. 9 и 10). Послѣ этого не упоминается ни объ одномъ Ханаанскомъ народѣ.

Б. КЕНЕИ.

Въ книгѣ Бытія (15, 19) упоминаются въ числѣ обитателей Ханаана Кенезеи, Кедмонеи и Кенеи. Послѣдніе встрѣчаются чаще въ исторіи

израильскаго народа. Они происходили отъ Хо-вава, тестя Моисеева (Суд. 4, 11; 1, 16; Числ. 10, 29). Къ нимъ между прочимъ обращается Валаамъ съ пророчествомъ (Числ. 24, 21). Они обитали вмѣстѣ съ Іудинымъ колѣномъ въ пусты-нѣ Іудиной (Суд. 1, 16); Кеней Хаверъ, мужъ Іаили, которая убила Сисару, жилъ у Кедеса въ Нефеалимовомъ колѣнѣ; во время Саула Кенеи были среди Амаликитянъ (1 Цар. 15, 6).

Б.) ИСПОЛИНСКІЕ НАРОДЫ.

Прежде Ханаанскихъ племенъ и при нихъ жи-ли въ Палестинѣ исполины. Къ нимъ принадле-жать сыны Енаковы, жившіе у Хеврона (Числ. 13, 23. 29. 34; Втор. 9, 2; I. Нав. 14, 15), ко-торые были истреблены I. Навиномъ (I. Нав. 11, 21. 22). На востокъ отъ Іордана находились Емимы, «великій, крѣпкій и высокій народъ,» ко-торые прежде жили въ странѣ, занятой Моавитя-нами къ югу отъ Арнона, и Зоммины, которые жи-ли въ странѣ, отнятой потомъ у нихъ Аммонитяна-ми, около Іавока (Втор. 2, 9. 10, 19—21). Кромѣ того, были исполины въ Васанѣ—«странѣ испо-линовъ» (Втор. 3, 13) и въ его городѣ — Аста-роеъ—Карнаимѣ (Быт. 14, 15). Во время Мои-сея царь Огъ Васанскій одинъ оставался изъ исполиновъ (Втор. 3, 11).

Г.) ФИЛИСТИМЛЯНЕ.

Въ книгѣ Бытія (10, 13. 14) говорится, что

Мицраимъ, сынъ Хама, родилъ Каслугима, отъ котораго произошли Филистимляне,—и Кафторима. По свидѣтельству пророковъ Іереміи (47, 4) и Амоса (9, 7) Филистимляне пришли съ острова Кафтора, вѣроятно Крита. Съ этимъ согласны слова книги Второзаконія (2, 23), что Кафторыне вышли изъ Кафтора, истребили Евеевъ, которые жили до Газы (въ послѣдствіи называвшейся городомъ Филистимлянъ), и поселились на мѣсто ихъ въ этомъ городѣ. Они назывались также Палестинами, а у 70 толковниковъ — иноплеменниками (*αλλοφυλα*). Еще во время Авраама и Исаака Филистимляне жили у Вирсавіи и Герара (Быт. 21, 34; 26, 1); во время исхода Израильтянъ изъ Египта они находились между Египтомъ и обѣтованною землею (Исх. 13, 17, 18). Въ пѣсни Моисея по переходѣ чрезъ Чермное море говорится: «ужась объялъ Филистимлянъ» (Исх. 15, 14). Они занимали южный приморскій берегъ Палестины, который по преимуществу назывался Палестиною. Здѣсь было пять Филистимскихъ городовъ: Азотъ и Газа, гдѣ поклонялись Дагону (Суд. 16, 23), Аккаронъ, въ которомъ боготворимъ былъ Веель-зевулъ (богъ мухъ) (4 Цар. 1, 6. Матѳ. 12, 24), наконецъ Геоъ и Аскалонъ. Филистимляне поклонялись также Астартѣ (1 Цар. 31, 10). Они были воинственны; между ними были хорошіе стрѣлки (1 Цар. 31, 3); въ книгѣ Судей они причислены къ тѣмъ изъ язычниковъ, которыхъ Господь ос-

тавилъ въ обѣтованной землѣ для того, чтобы Израильтяне научились воевать (3, 1—3). Со времени Судей, когда Самгаръ поразилъ ихъ воловьимъ раломъ, Самсонъ—ослиною челюстью, а Филистимляне съ своей стороны нѣсколько разъ подчиняли себѣ Израильтянъ (Суд. 3, 31; 10, 7; 13, 1. 5 и пр.),—до позднѣйшихъ царей Іудейскихъ, напр. до Езекии (4 Цар. 18, 8), они почти безпрестанно вели войну съ Израильтянами. Такъ напр. при Иліѣ и Самуилѣ они побѣждали (1 Цар. 4—7), были побѣждены Самуиломъ (1 Цар. 7, 11), Сауломъ, Іонафаномъ и Давидомъ (1 Цар. 13. 14. 17. 18. 19. 23), побѣдили Саула (1 Цар. 28, 31), но были поражены Давидомъ (2 Цар. 5, 17—25; 8, 21. 23). Соломомъ господствовалъ до Газы (3 Цар. 4, 24); Іосафату Филистимляне платили дань (2 Парал. 17, 11), но побѣдили Іорама (21, 16. 17), потомъ были побѣждены Осією (26, 6. 7); завоевали Израильскіе города во время Ахаза (28, 18); Езекиа поразилъ ихъ (4 Цар. 18, 8). Нѣсколько позднѣе Ассиріяне взяли Азотъ, Филистимскій городъ (Иса. 20, 1). Пророки предсказывали погибель Филистимлянъ (Ис. 14, 29—31; Іер. 47; Іезек. 25, 15—17; Амос. 1, 6—8; Соф. 2, 4—7; Зах. 9, 5—7), и послѣ временъ пророковъ имя ихъ совершенно исчезаетъ изъ исторіи. Ненависть Іудеевъ къ Филистимлянамъ высказывается въ словахъ Іисуса сына Сирахова: «два языка омерзѣста души моей: сѣдѣющіи на горѣ Самарійской, и Филистимляне (50, 27. 28).

II. Іудеи.

I.) ОТЪ АВРААМА ДО АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

За 2000 лѣтъ до Р. Х. Авраамъ по повелѣнію Божию вышелъ на 75-мъ году своей жизни изъ Харрана въ Месопотаміи въ землю Ханаанскую; здѣсь отъ Агари родился у него Измаиль, родоначальникъ части Арабовъ,—отъ Сары—обѣщанный ему Богомъ Исаакъ, отъ Хеттуры—Мадіамъ, родоначальникъ Мадіанитянъ.—Аврааму сказано было, что въ немъ благословятся всѣ племена земныя (Быт. 12, 3). Въ его время погибли Содомъ и Гоморра; вскорѣ послѣ того дочери Лота, племянника Авраамова, родили Аммона и Моаву, родоначальниковъ Аммонитянъ и Моавитянъ.

У Исаака родились отъ Ревекки близнецы: Исавъ, родоначальникъ Едомлянъ, и Іаковъ. Этотъ послѣдній родилъ 12 сыновей, родоначальниковъ 12 колѣнъ Израилевыхъ. Съ семействомъ, состоящихъ изъ 66 душъ, онъ переселился въ Египетъ, гдѣ еще прежде жилъ предпослѣдній сынъ его Іосифъ съ женою и двумя сыновьями, такъ что въ это время весь домъ Іакова состоялъ изъ 70 душъ.

Спустя 215 лѣтъ (около 1600 г. до Р. Х.)

Моисей повелъ потомковъ этихъ 70 человекъ (въ числѣ которыхъ было однихъ мужчинъ 20 лѣтъ и старше—625550) изъ Египта чрезъ Черное море къ Синаю, горѣ законодательства, и чрезъ пустыню до Иордана, восточной границы Ханаана. Иисусъ Навинъ повелъ ихъ дальше за Иорданъ, завоевалъ страну и раздѣлилъ ее между колѣнами: колѣно Левіино было поселено въ особенныхъ городахъ среди другихъ колѣнъ; колѣно Рувимово, Гадово и половина Манассіина еще при Моисеѣ получили мѣсто жительства на восточной сторонѣ Иордана.

Отъ смерти І. Навина до Самуила Израильтяне находились въ продолженіе 450 лѣтъ подъ управленіемъ Судей (Дѣян. 12, 20); много разъ вели они войны съ сосѣдними народами, иногда побѣждали ихъ при знаменитыхъ судіяхъ (напр. при Гедeonъ, Іефѳаѣ и пр.), иногда, въ наказаніе за нечестіе, были побѣждаемы. Скинія свидѣнія въ этотъ періодъ времени находилась по большей части въ Силомѣ; она была соединительнымъ звѣномъ народа.

Отъ Самуила, послѣдняго изъ судей, Израильтяне, по ихъ желанію, получили царя, Саула. За нимъ слѣдовалъ Давидъ, человекъ Божій, который сдѣлалъ Іерусалимъ мѣстопребываніемъ ковчега завѣта и царей. Сынъ его Соломонъ, князь мира, построилъ храмъ (за 1000 лѣтъ до Р. Х.). Время его царствованія есть самое блестящее въ Израильской исторіи; Соломонъ го-

сподствовалъ отъ Евфрата до Эланитскаго залива (одного изъ рукавовъ Чермнаго моря).

При сынѣ Соломона, Ровоамѣ (за 975 лѣтъ до Р. Х.) царство его распалось на два: Иудейское, къ которому принадлежали колѣна Иудино и Веніаминово, и Израильское, состоявшее изъ остальныхъ 10 колѣнъ. Въ обоихъ царствахъ безбожіе и идолослуженіе усиливалось; пророки Господни вотще проповѣдывали покаяніе. Поэтому Израильское царство погибло спустя около 253 лѣтъ послѣ его основанія, когда Салманассаръ царь Ассирійскій (въ 722 г. до Р. Х.) отвелъ въ плѣнъ Израильскаго царя Осію съ его народомъ; Иудейское царство просуществовало еще 134 года, до тѣхъ поръ, пока (въ 588-мъ г. до Р. Х.) Навуходоносоръ царь Вавилонскій разрушилъ Іерусалимъ, и отвелъ плѣнными колѣна Иудино и Веніаминово въ Вавилонъ. Киръ царь Персидскій разрушилъ Вавилонское царство (въ 536 г. до Р. Х.) и возвратилъ плѣнныхъ раскаявшихся Іудеевъ въ Палестину, чтобы они построили новый храмъ Господу въ Іерусалимѣ. Но уже въ царствованіе Дарія Гистаспа (въ 515 г. до Р. Х.) было окончено построеніе храма и восстановлено богослуженіе Заровавелемъ. Спустя 60 лѣтъ (въ 455 г. до Р. Х.) Неемія построилъ стѣны Іерусалима, и въ продолженіе своего двухлѣтняго управленія привелъ въ порядокъ гражданскія и церковныя дѣла тамошнихъ Іудеевъ.

Доселѣ простирается повѣствованіе канониче-

скихъ книгъ Ветхаго завета; во время Нееміи жилъ Малахія, послѣдній ветхозавѣтный пророкъ.

2 При Александрѣ Великомъ.

Послѣ втораго правленія Нееміи Іудеи оставались около 70 лѣтъ подъ Персидскимъ владычествомъ. Почти 150 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда Ксерксъ повелъ чрезъ Геллеспонтъ безчисленныя азіатскія полчища противъ Греціи, до того времени, когда Александръ (въ 334 г. до Р. Х.) съ 45000 Грековъ чрезъ тотъже проливъ отправился противъ Персидскаго царства. Онъ поразилъ Персовъ при Граникѣ, при Иссъ, завоевалъ Дамаскъ, Тиръ и Газу (въ 332 г. до Р. Х.), и отсюда пошелъ на Іерусалимъ (Іосифа Флавія *Antiquitates* XI, 8). Онъ хотѣлъ строго наказать этотъ городъ за то, что первосвященникъ Іаддуй, будучи вѣренъ присягѣ, данной Персидскимъ царямъ, не исполнилъ его просьбы о томъ, чтобы прислать ему подкрѣпленіе и съѣстные припасы въ то время, когда онъ осаждалъ Тиръ (Іос. Фл. *Ant.* XI, 8, 3). Іаддуй велѣлъ народу молить Бога о помощи въ столь великой опасности, и молитва эта была услышана; по свидѣтельству І. Флавія, Іаддуй получилъ во снѣ повелѣніе, идти на встрѣчу Александру вмѣстѣ съ священниками въ присвоенномъ ихъ са-

ну облаченіи, и съ народомъ, въ бѣлыхъ одеждахъ. Пробудившись отъ сна, онъ съ радостію распорядился такъ, какъ было повелѣно; священники и народъ отправились на встрѣчу Александру въ Сафу, мѣсто, откуда впервые открывается видъ на Іерусалимъ. Финикіяне и Халдеи, находившіеся въ свитѣ царя, думали, что онъ отдастъ имъ на разграбленіе прогнѣвавшій его городъ, а первосвященника позволить убить: но случилось совершенно напротивъ. Александръ, увидѣвъ издалека множество людей въ бѣлыхъ одеждахъ, а первосвященника въ одеждѣ гіацинтоваго цвѣта, отдѣланной золотомъ, съ кидаромъ (митрою) на головѣ, украшеннымъ золотою дощечкою, на которой изображено имя Божіе, — подошелъ одинъ къ первосвященнику, привѣтствовалъ его и поклонился имени Божію. За тѣмъ всѣ Іудеи привѣтствовали Александра въ одинъ голосъ и обступили его кругомъ. Все это привело въ изумленіе царей Сиріи и прочую свиту Александра, такъ что они подумали, не сошелъ ли съ ума ихъ царь. Парменіонъ приблизился къ Александру и спросилъ: какъ это случилось, что онъ поклонился Іудейскому первосвященнику, тогда какъ самъ принимаетъ отъ всѣхъ поклоненіе? Царь отвѣчалъ: «не первосвященнику я поклонился, но Богу, которому онъ служитъ; когда я былъ въ Діумѣ въ Македоніи, я видѣлъ во снѣ этого самаго человѣка въ этой самой одеждѣ. Такъ какъ я въ то время размышлялъ самъ съ

собою, какимъ бы образомъ мнѣ покорить Азію; то онъ убѣждалъ меня не медлить, а смѣло переправляться чрезъ море, и обѣщалъ повести мое войско и предать мнѣ Персидское царство. Такъ какъ я никого другаго, кромѣ этого первосвященника, не видалъ въ такомъ убранствѣ, а увидѣвши его, припомнилъ видѣніе и внушеніе, которое я получилъ во снѣ: то я вѣрю, что мой походъ предпринять по соизволенію Божію, и надѣюсь побѣдить Дарія, разрушить господство Персовъ и привести въ исполненіе все, что имѣю въ мысли». Сказавши это, Александръ подалъ первосвященнику правую руку, вошелъ въ сопровожденіи священниковъ въ городъ, потомъ въ храмъ, принесть Богу жертву по указанію первосвященника и почтилъ его и священниковъ. Когда ему показали книгу пророка Даніила, въ которой предсказано, что Грекъ разрушитъ царство Персидское (Дан. 8, 21), то онъ отнесъ это пророчество къ себѣ и весело отпустилъ собраніе. На слѣдующій день онъ велѣлъ священникамъ опять собраться и предложилъ имъ—просить у него какой нибудь милости. Первосвященникъ просилъ у него позволенія—жить Іудеямъ по отеческимъ законамъ и въ седьмой годъ не платить подати. Александръ согласился (I. Фл. Ant. XI, 8, 5). Тѣже права онъ далъ Іудеямъ, жившимъ въ Вавилонѣ и Мидіи, но самарянамъ не далъ, потому что они на вопросъ его: Іудеи ли они? отвѣчали отрицательно. Многіе изъ Іудеевъ поступили въ его войско.

3. Отъ Александра до Ирода Великаго.

(323 — 334 г. предъ Р. Х.)

По смерти Александра (въ 323 г. до Р. Х.) великая Македонская монархія распалась на четыре царства; въ числѣ ихъ были Сирійское царство Селевкидовъ, и Египетское — Птолмеевъ; къ послѣднему отошла Палестина. При одномъ изъ Египетскихъ царей, Птолмеевъ Филадельфѣ, вошедшемъ на престолъ (въ 285 г. до Р. Х.), библиотекарь его, Димитрій Фалерей, собравши 200000 книгъ, захотѣлъ пріобрѣсти и священныя книги Иудеевъ. По его внушенію, Птолмей написалъ въ Іерусалимъ первосвященнику Елеазару, чтобы онъ прислалъ ему по шести переводчиковъ изъ каждаго колѣна, для перевода священныхъ книгъ Иудейскихъ на Гречскій языкъ. Елеазаръ послалъ слѣдъ за этимъ 70 переводчиковъ (толковниковъ), которые въ уединенномъ домѣ на берегу Египта въ 72 дня кончили переводъ, послѣ чего Птолмей Филадельфъ, щедро одаривъ ихъ, отпустилъ. (Antiq. XII, 2). Такимъ образомъ язычники получили возможность читать Св. писаніе Ветхаго Завѣта на понятномъ имъ языкѣ: такъ какъ Греческій языкъ, вслѣдствіе завоеваній Александра Македонскаго сдѣлался весьма распространеннымъ. По этому и Новозавѣтныя книги напи-

саны на томъже языкѣ. По причинѣ такого вліянія Александра Македонскаго на судьбы царства Божія, онъ принадлежитъ къ числу немногихъ, пришествіе которыхъ предсказано пророками.

Антиохъ Великій, Селевкидъ, завоевалъ Іудею у Птолемея Евпатора (Antiq. XII, 3, 3); за нимъ слѣдовалъ Селевкъ Сотеръ, потомъ Антиохъ Епифанъ (въ 175 г. до Р. Х.), который овладѣлъ Египтомъ, но принужденъ былъ Римлянами удалиться изъ него, и на возвратномъ пути занялъ Іерусалимъ. Онъ вошелъ въ святилище храма, похитилъ священные сосуды, запретилъ ежедневную жертву, сожегъ часть города, построилъ укрѣпленіе Арку въ нижнемъ городѣ и помѣстилъ въ ней Македонскій гарнизонъ. Потомъ онъ поставилъ на жертвенникѣ храма другой жертвенникъ, приносилъ на немъ въ жертву свиней, и принуждалъ Іудеевъ, жившихъ въ различныхъ мѣстахъ, приносить въ жертву свиней, поклоняться языческимъ богамъ и оставлять необрѣзанными своихъ сыновей; священныя книги велѣлъ онъ разрывать и сжигать (1 Макк. гл. 1. Antiq. V, 4). Маккавейскія книги и Іосифъ Флавій съ негодованіемъ повѣствуютъ объ этихъ дѣйствіяхъ Епифана, направленныхъ къ совершенному уничтоженію Іудейскаго богослуженія, и предсказанныхъ пророкомъ Дانیломъ (гл. 11). Но какъ легкомысленно смотрѣли на нихъ язычники, это видно напр. изъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ Тацитъ передаетъ рассказанныя сейчасъ событія.

«Когда Македоняне получили господство, говорить онъ, то царь Антиохъ старался освободить Іудеевъ отъ ихъ суевѣрія, и водворить у нихъ Греческіе нравы; война съ Парѣянами помѣшала ему исправить этотъ въ высшей степени гнусный народъ» (Tacit. Hist. V, 8).

На горѣ Модинѣ жилъ около этого времени священникъ Маттаѳіа, происходившій отъ Асмонея. Онъ имѣлъ пять сыновей, именно: Іоанна Гаддиса, Симона Ѡассиса, Іуду Маккавея, Елеазара Аварана и Іонаѳана Апфуса. Они рѣшились остаться вѣрными закону Божию и не повиноваться Антиоху. Они и ихъ потомки называются Маккавеями, также Асмонеями по ихъ предку.

Маттаѳіа умеръ, и Іуда Маккавей по его завѣщанію сдѣлался начальникомъ войска, собраннаго противъ Антиоха; онъ вошелъ въ Іерусалимъ, очистилъ оскверненное святилище, и установилъ праздникъ Обновленія храма (1 Макк. 4, 43—49. Іоан. 10, 22). Этотъ праздникъ назывался *свѣты* (φωτα), потому что въ продолженіи восьми дней его въ домахъ горѣлъ огонь (Antiq. XII, 7, 7). Іуда заключилъ съ Римлянами оборонительный и наступательный союзъ (1 Макк. 8. Antiq. XII, 10, 6), и вскорѣ послѣ того умеръ. Послѣ него сдѣлался военначальникомъ братъ его Іонаѳанъ, который возобновилъ союзъ съ Римлянами; по смерти Іонаѳана военначальникомъ и вмѣстѣ первосвященникомъ былъ братъ его Симонъ; когда онъ послѣ восьмилѣтняго правленія былъ убитъ (1.

Макк. 16. Antiq XIII, 7, 4), ему наследовалъ (въ 135 г. до Р. Х.) сынъ его Іоаннъ Гирканъ. Онъ заключилъ миръ съ Селевкидомъ Антиохомъ Евпаторомъ (Ant. XIII, 8, 3), разрушилъ существовавшій 200 лѣтъ Самарянскій храмъ на горѣ Гаризинѣ у Сихема (Antiq IX, I), принудилъ Идумеевъ обрѣзаться и принять Іудейскій законъ, возобновилъ союзъ съ Римлянами, разрушилъ Самарію до основанія и перешелъ отъ Фарисеевъ къ Саддукеямъ. Онъ умеръ, бывши 31 годъ правителемъ Іудеи и первосвященникомъ (въ 106 г. до Р. Х.). Іосифъ Флавій приписываетъ ему даръ пророчества (Ant. XIII, 9, 7.).

По смерти Гиркана исторія Асмонеевъ представляетъ почти непрерывный рядъ жестокостей. Аристовулъ, сынъ Гиркана, возложилъ на себя корону, велѣлъ убить брата своего Антигона, а мать и другихъ братьевъ заключилъ въ темницу (Antiq. XIII, 11, 1, 2). Вскорѣ ему наследовалъ (въ 104 г. до. Р. Х.) сынъ его Александръ Іанней (Ant. XIII, 12, 1). Шестъ лѣтъ воевалъ онъ съ непокорными Іудеями и убилъ ихъ 50000 человекъ (Ant. XIII, 5. Bell. Iud. 1, 4, 4). Въ городѣ Бетомѣ (Bethoma) взялъ онъ въ плѣнъ 800 Іудеевъ, привелъ ихъ съ собою въ Іерусалимъ, и здѣсь велѣлъ распять ихъ въ виду стола, за которымъ онъ пировалъ съ своими наложницами, и въ то время, когда распятые боролись со смертію, убить ихъ женъ и дѣтей (Ant. XIII, 13, 5. XIV, 1, 2),

Іанней умеръ на 27-мъ году своего царствованія (въ 77 г. до Р. Х.). Онъ оставилъ двухъ сыновей, Гиркана и Аристовула; за нихъ 9 лѣтъ правила мать ихъ Александра въ качествѣ опекуниши (до 68 г. передъ Р. Х.).

Около этого времени царь Арменіи Тигранъ напалъ на Іудею, но долженъ былъ удалиться, потому что Лукуллъ вторгнулся въ его собственное царство (Ant. XIII, 16).

Отважный Аристовулъ началъ войну съ своимъ братомъ Гирканомъ и поразилъ его при Іерихонѣ. Гирканъ, будучи по своей природѣ кротокъ и расположенъ къ спокойствію, отказался отъ царствованія. Антипатръ, богатый и хитрый Идумеянинъ, родоначальникъ Иродіанъ, поставленный отъ Александра Іаннея правителемъ Идумеи, ненавидѣлъ самостоятельнаго по своему характеру Аристовула и вступился за Гиркана, чтобы подъ именемъ его царствовать. Онъ склонилъ его бѣжать въ Петру къ Аретѣ Арабскому царю, и этотъ послѣдній нанесъ пораженіе Аристовулу и осадилъ его въ Іерусалимскомъ храмѣ (Ant. XIV, 1 и 2).

Въ это время (въ 65 г. до Р. Х.) въ Арменіи былъ Помпей; онъ послалъ въ Сирію Скавра, который, будучи подкупленъ Аристовуломъ, принялъ его сторону. По удаленіи Скавра Аристовулъ поразилъ Гиркана и Арету. Въ слѣдующемъ году Помпей самъ пришелъ въ Дамаскъ (Ant. XIV, 3), принялъ подъ свое покровительство Гиркана

и отправился къ Іерихону. Аристовуль обѣщалъ отдать ему Іерусалимъ, но подчиненный ему гарнизонъ храма не согласился на это. Тогда Помпей осадилъ храмъ. Эта осада продолжалась три мѣсяца, во время консульства Цицерона. Последнее нападеніе было сдѣлано съ сѣверной стороны; Фавстъ, сынъ Силлы, первый взоспелъ на стѣну; 12000 Іудеевъ погибло при взятіи храма. Помпей съ своими спутниками вошелъ въ Святое святыхъ, но по благогоовѣнію къ святынь не коснулся сокровищъ храма, простиравшихся до 2000 талантовъ; ⁶⁾ Аристовула связаннаго онъ отвелъ въ Римъ (Ant. XIV, 4). Такимъ образомъ, въ слѣдствіе раздора двухъ братьевъ, Аристовула и Гиркана, Іерусалимъ былъ опустошенъ и Іудеи потеряли свободу. Въ теченіи короткаго времени они должны были уплатить Римлянамъ свыше 1000 талантовъ, и вскорѣ получили иноплеменныхъ царей, именно Иродіанъ (Antiq. XIV, 4, 5. Tacit. Hist. V, 9).

Въ 54 г. до Р. Х. въ Сирію пришелъ Римскій полководецъ Габиній, съ подчиненнымъ ему Маркомъ Антоніемъ; по возвращеніи Габинія въ Римъ получилъ эту провинцію Крассъ (въ 53 г. до Р. Х.). Онъ похитилъ 2000 талантовъ денегъ принадлежавшихъ храму и кромѣ того все золото храма, стоившее 8000 талантовъ (Ant. XIV, 7, 1), которое составилось изъ вкладовъ Іудеевъ

6) Талантъ вѣсилъ около 105 фунтовъ.

всѣхъ странъ. Послѣ того Крассъ отправился противъ Парейнъ и погибъ при Каррѣ.

Когда Помпей бѣжалъ изъ Рима отъ Цезаря, то этотъ послѣдній освободилъ Аристовула, но приверженцы Помпея отравили его. Трупъ его, сохраненный въ меду, былъ посланъ Антоніемъ въ Іудею и тамъ погребенъ въ царскихъ гробницахъ. (*Βασιλικαὶς θήκαις* Antiq. XIV, 7, 4).

Антипатръ Идумеянинъ управлялъ Іудеею именемъ Гиркана. Онъ оказалъ Цезарю въ Александрійской войнѣ значительныя услуги, и за это Цезарь поставилъ его прокураторомъ надъ всею Іудеею (Ant. XIV, 8), а Гиркана утвердилъ первосвященникомъ и позволилъ ему возобновить стѣны Іерусалимскія, которыя со времени Помпея завоеванія лежали въ развалинахъ.

Іудеи еще со времени Александра Македонскаго, Селевкидовъ и Птолмеевъ распространились къ востоку до Вавилона, къ западу по Египту и Киринеѣ. Теперь многіе изъ нихъ покупали у Римлянъ римское гражданство, и въ значительной мѣрѣ пользовались ихъ покровительствомъ, особенно въ малой Азіи. I. Флавій приводитъ относящіяся сюда официальные посланія Римлянъ, напр. одно къ жителямъ острова Пароса, чтобы они не препятствовали Іудеямъ собираться для богослуженія, другое къ Лаодикіянамъ, чтобы Іудеямъ позволено было праздновать субботу по отеческимъ постановленіямъ, третье къ Ефесіанамъ, чтобы Іудеи не несли военной повинно-

сти, потому что въ субботу они не могутъ ни носить оружія, ни идти въ дорогу, не могутъ также въ воинской службѣ готовить приличную имъ пищу (Ant. XIV, 10). При Августѣ, когда Іудеи въ Киринеѣ и малой Азіи принесли ему жалобу на Грековъ, онъ похвалилъ Іудеевъ за ихъ вѣрность и благодарность къ Римскому народу, позволилъ имъ оставаться при отеческихъ законахъ и обычаяхъ, и постановилъ, чтобы похищающій у нихъ священныя книги или деньги былъ считаемъ за святотатца, и чтобы имъ не препятствовали посылать вклады въ Іерусалимъ (Antiq. XVI, 6). При такомъ покровительствѣ Римлянъ Іудейскому народу неудивительно, что еще до разрушенія Іерусалима въ Римской имперіи не было почти ни одного мѣста, въ которомъ не жили бы Іудеи, какъ объ этомъ свидѣтельствуесть Страбонъ (у I. Фл. Ant. XIV, 7. 2); это весьма способствовало распорстраненію Евангелія. Этимъ же объясняется, что Ап. Павелъ имѣлъ Римское гражданство, и что онъ проповѣдывалъ во многихъ синагогахъ Малой Азіи.

4. ПРИ ИРОДѢ ВЕЛИКОМЪ.

Время, наступающее съ царствованіемъ Ирода, съ одной стороны ознаменовано крайнимъ нечестіемъ, съ другой оно — самое священное въ исторіи іудейскаго народа. Иродъ, въ послѣдствіи названный великимъ, былъ одинъ изъ четырехъ

сыновей Антипатра, которыхъ онъ имѣлъ отъ Арабянки Кипроны. Антипатръ назначилъ Ирода еще на 15-мъ году его жизни правителемъ надъ Галилеею; и уже въ этомъ раннемъ возрастѣ онъ обнаружилъ необыкновенную дерзость; такъ напр. онъ безъ всякаго суда умертвилъ пойманнаго имъ разбойничьяго атамана Езекию, и когда Иерусалимскій синедріонъ потребовалъ Ирода къ отвѣту за это нарушеніе формы, онъ явился въ засѣданіе въ сопровожденіи вооруженныхъ людей и этимъ заставилъ синедріонъ отказаться отъ его притязаній (*Antiq.* XIV, 9, 2—4).

Послѣ умерщвленія Цезаря (въ 44-мъ г. до Р. Х.) Кассій пришелъ въ Сирію и наложилъ на Іудею контрибуцію въ 700 талантовъ серебра; Иродъ заслужилъ его благоволеніе, поспѣшно заплативши деньги, приходившіяся на долю Галилеи. Многихъ Іудеевъ Кассій продалъ въ невольники; удаляясь, онъ поставилъ Ирода надъ Целесиріею, и обѣщалъ сдѣлать его царемъ Іудеи, какъ скоро одержитъ побѣду надъ Антоніемъ и Октавіаномъ. Около этого времени былъ отравленъ Антипатръ (*Ant.* XIV, 11).

Когда Брутъ и Кассій потерпѣли пораженіе при Филиппахъ, Антоній пришелъ въ Внѣицію, и здѣсь Іудеи принесли ему жалобу на Ирода, что онъ именемъ Гиркана присвоилъ себѣ всю власть; но Иродъ своими подарками добился того, что его обвинители недостигли цѣли. Антоній велѣлъ освободить іудеевъ, проданныхъ

Кассіемъ. «Враги наши и Римскаго народа,—писалъ онъ Гиркану, — опустошили всю Азію, не пощадили ни городовъ, ни храмовъ, не сдержали клятвъ, данныхъ ими. Мы, которые сражаемся не только за себя, но и за общее благо, преслѣдовали ихъ мщеніемъ за всю неправду, оказанную ими людямъ, и за преступленія ихъ противъ боговъ. Само солнце неблагосклонно отворотилось, когда убитъ былъ цезарь.» Послѣ того, какъ Брутъ и Кассій пали при Филиппахъ,—продолжаетъ онъ, Азія впредь будетъ наслаждаться миромъ. Антоній сдѣлалъ Ирода и его брата Фасаила четвертовластниками (Ant. XIV, 12, 3—5).

Антигонъ, сынъ отравленнаго въ Римѣ Аристовула и племянникъ Гиркана, обѣщалъ парѣянину Пакору 1000 талантовъ и 500 дѣвицъ, если онъ возвратитъ ему власть, отнятую у него Гирканомъ (Ant. XIV, 13). Вслѣдствіе этого парѣяне пришли въ Іерусалимъ и предали во власть Антигона этотъ городъ (въ 40 г. до Р. Х.); Гиркану были отрѣзаны уши, что сдѣлало его неспособнымъ къ первосвященству, по правиламъ закона; Фасайлъ, братъ Ирода, умертвилъ самъ себя; Иродъ убѣждалъ сначала въ Петру, потомъ въ Египетъ къ Клеопатрѣ, и отсюда отправился въ Римъ. За деньги Антоній и Октавіанъ приняли его сторону и принудили сенатъ, объявить Антигона врагомъ Римскаго народа, а Ирода—царемъ Іудеи (Ant. XIV, 14). Иродъ возвратился въ Палестину и женился въ Самаріи на Маріамнѣ,

дочери Асмонея Александра, внучкѣ Гиркана и Аристовула (Ant. XIV, 15). Спустя три года послѣ назначенія царемъ онъ завоевалъ Іерусалимъ въ 55 дней (въ 37 г. до Р. Х.). При этомъ погибло безчисленное множество народа: Антигонъ взятъ былъ въ плѣнъ. Это завоеваніе случилось спустя 27 лѣтъ послѣ завоеванія Помпеева, и притомъ въ тотъ же самый день года (Ant. XIV, 16 и XV, 1, 2).

Антигонъ въ оковахъ былъ отправленъ въ Антиохію къ Антонію, который, получивъ отъ Ирода большую сумму денегъ, казнилъ Антигона смертію. Онъ былъ послѣднимъ изъ царствовавшихъ Асмонеевъ; 126 лѣтъ принадлежала власть этой первосвященнической фамиліи, ознаменовавшей себя воинскими подвигами. Она пала въ слѣдствіе внутреннего раздора, и власть перешла къ Идумеянину по отцу и Арабу по матери Ироду и его потомкамъ. Тогда скипетръ былъ отнятъ у Иуды, и приближалось пришествіе Примири-теля, которому должны покориться народы (Быт. 49, 10).

Въ это время оставалось немного лицъ, принадлежавшихъ къ фамиліи Асмонеевъ, и всѣ они были погублены Иродомъ. Онъ началъ съ Аристовула младшаго, внука враждовавшихъ между собою братьевъ—Гиркана и Аристовула. По повелѣнію Ирода, онъ былъ утопленъ близъ Іерихона, потомъ великолѣпно погребенъ (Ant. XV, 3, 3. 4). За нимъ слѣдовалъ 80—лѣтній дѣдъ

Аристовула, Гирканъ (Ant. XV, 6, 4), за нимъ Александра, дочь Гиркана и мать утопленнаго Аристовула и Маріамны, жены Ирода. Наконецъ и ее казнилъ онъ смертію, хотя онъ любилъ ее такъ страстно, что по ея смерти на нѣсколько времени впалъ въ помѣшательство и сдѣлался тяжело боленъ (Ant. XV, 7, 4. 8). Изъ 16 членовъ фамиліи Асмонеевъ только четверо умерли естественною смертію, двое погибли на войнѣ, 10 насильственно лишены жизни, въ числѣ ихъ пять— по волѣ Ирода.

Во время битвы при Акціумѣ (въ 31 г. до Р. Х.) Іудея опустошена была ужаснымъ землетрясеніемъ, при которомъ погибло 10,000 человекъ (Ant. XV, 6, 4). Послѣ этой битвы, Иродъ ѣздилъ въ Римъ и откровенно признался Августу, какъ сильно онъ любилъ Антонію. Августъ снова возложилъ на него царскій вѣнецъ, и выразилъ желаніе, чтобы онъ такъ же былъ дружественъ съ нимъ, какъ и съ Антоніемъ; Иродъ съ своей стороны подарилъ ему 800 талантовъ (Ant. XV, 6, 7), и сталъ тѣснѣе сближаться съ Римлянами и Римскими нравами, чѣмъ навлекъ на себя сильную ненависть Іудеевъ. Онъ построилъ въ Іерусалимѣ театръ, въ которомъ каждые пять лѣтъ давалъ фехтовальныя игры въ честь Августа, собралъ львовъ и другихъ звѣрей, которое боролись между собою и съ преступниками. Онъ назначалъ большія преміи ристателямъ и музыкантамъ; театръ, по его повелѣнію, былъ укра-

шенъ картинами, изображавшими дѣянiя Августа (Ant. XV, 8, 1), и это происходило въ священномъ городѣ, на мѣстѣ, которое Господь избралъ для обнаруженiя Его славы.

Иродъ имѣлъ сильную страсть къ постройкамъ. Такъ онъ совершенно вновь выстроилъ Кесарiю Палестину — пристань и городъ съ храмами и театрами, возобновилъ разрушенную Самарiю и наименовалъ ее Севастою, построилъ Есевонъ, храмъ Августа близъ Панiума при источникахъ Иордана и т. д.; наконецъ онъ произвелъ перестройку Иерусалимскаго храма съ неслыханною роскошью (Ant. XVI, 5, 4). Такимъ образомъ тому же Господу, котораго онъ хотѣлъ погубить вмѣстѣ съ Виолеемскими младенцами, онъ строилъ храмъ.—Иродъ расточалъ богатства не только въ Иудеѣ, но и въ другихъ земляхъ, конечно, на счетъ его подданныхъ, съ которыхъ онъ собиралъ много денегъ. Въ Сидонѣ и Дамаскѣ построилъ онъ театръ, въ Лаодикии водопроводы, въ Родосѣ храмъ Пиѳии и т. д.; онъ возстановилъ олимпiйскiя игры, прекращенныя было по недостатку денегъ (Bell. Jud. 1, 21, 11, 12). Царство Ирода расширилось, когда Августъ подарилъ ему Трахонитиду, Ватанею и Авранииду (Ant. XV, 10, 1, 3); благоволенiе къ нему императора возрастало болѣе и болѣе. Одинъ только разъ Августъ разгнѣвался на него и писалъ ему, что до сихъ поръ онъ былъ ему другомъ, а теперь будетъ относиться къ нему, какъ къ подданному. — Иродъ былъ любимцемъ и Марка

Агриппы, который посѣтилъ его въ Іерусалимѣ, принесъ здѣсь жертву и угостилъ народъ (Ant XVI, 2, 1).

Наслаждаясь могуществомъ, славою и богатствомъ, Иродъ не былъ однако счастливъ; въ особенности въ его семейной жизни ужасы слѣдовали одинъ за другимъ. Два сына отъ казненной жены его Маріамны—Александръ и Аристовулъ были оклеветаны своднымъ братомъ ихъ Антипатромъ и сестрами Ирода Феророю и Саломеею, такъ что Иродъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока Августъ не далъ ему позволенія позвать ихъ къ суду. Самъ отецъ былъ гнѣвнымъ обвинителемъ сыновей; оба они были казнены въ Самаріи. Впрочемъ они не были совершенно безвинны; напр. Александръ обольщалъ любимыхъ наложницъ своего отца (Ant. XVI, 3).

За годъ до смерти Ирода наступило новое время: родился Христосъ. Состарѣвшійся въ грѣхахъ подозрительный царь велѣлъ погубить невинныхъ Виолеемскихъ младенцевъ (Матѣ. 2, 1—19), а за пять дней до своей смерти—своего собственнаго многопреступнаго сына Антипатра (Ant. XVII, 7). I. Флавій такъ описываетъ предсмертную болѣзнь Ирода: внутренній огонь медленно сжигалъ его; сильному желанію—принять что нибудь внутрь онъ не могъ удовлетворить по причинѣ нестерпимой боли во внутренностяхъ: въ ногахъ и груди накопилась вода. Стоя не могъ онъ дышать; дыханіе было зловонное; су-

дороги во всѣхъ членахъ сообщили ему неестественную силу. Благочестивые люди говорили, что Богъ наказываетъ царя за его многіе грѣхи. Безуспѣшно пользовался онъ водами Каллиройскими; больной онъ отправленъ былъ оттуда назадъ въ Іерихонъ. Когда онъ, 70 лѣтній старикъ, почувствовалъ, что уже не встанетъ отъ своей болѣзни, то его начала мучить мысль, что всѣ обрадуются его смерти. Чтобы при его смерти не было недостатка въ плачущихъ, онъ велѣлъ собраться въ Іерихонскомъ амфитеатрѣ знатнѣйшимъ людямъ, окружилъ его солдатами, и отдалъ приказъ своей сестрѣ Саломѣ и ея мужу Алексасу, чтобы солдаты перебили собранныхъ въ амфитеатрѣ людей тотчасъ по его смерти. Соломея впрочемъ не исполнила этого приказанія (Ant. XVII, 6, 1, 5). Такъ какъ страданія его возрастали и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изнемогалъ отъ голода, то онъ хотѣлъ кончить жизнь свою ножемъ, но ему помѣшали въ этомъ. Наконецъ онъ умеръ на 37-мъ году царствованія. На золотыхъ носилкахъ отнесли его изъ Іерихона въ его гробницу въ Иродіонѣ, покрытаго пурпуровою мантиею, съ діадимою и золотымъ вѣнцемъ на головѣ, съ скипетромъ въ рукѣ. За гробомъ его шли его родные, Оракіяне, Германцы, Галлы, наконецъ 500 слугъ, несшіе благовонныя вещества (Ant. XVII, 8).

Иродъ былъ сладострастенъ и жестокъ, чело-вѣкъ съ неукротимымъ гнѣвомъ, съ подозритель-

ностью, доходившею до помѣшательства, и вмѣстѣ съ тѣмъ пронырливый и лукавый. Жадный и властолюбивый въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, онъ былъ ползающимъ и расточительнымъ льстецомъ и рабомъ Римлянъ всѣхъ оттѣнковъ, въ рукахъ которыхъ была власть, — Кассія и Антонія и Августа. Депутаты, посланные отъ Іудеевъ къ Августу по смерти Ирода, говорили ему, что они такъ много терпѣли отъ Ирода, что никакой дикій звѣрь не могъ бы причинить имъ больше зла, если бы получилъ власть надъ людьми (Ant. XVII, 1, 2).

Вообще, тяжелое впечатлѣніе производится чтеніемъ исторіи Іудейскаго народа отъ времени Асмонеевъ до разрушенія Іерусалима. Идешь какъ будто ужасною пустынею, въ которой разнужданные люди, подобно дикимъ звѣрямъ, безумно скитаются и убиваютъ другъ друга. Адскій мракъ тяготѣетъ надъ несчастнымъ народомъ, ни малѣйшаго свѣта не видать въ зломъ мірѣ. Когда же наконецъ восходитъ Солнце правды, тьма не принимаетъ Свѣта, беззаконный народъ убиваетъ Начальника жизни, который пришелъ въ свое владѣніе. Но впечатлѣніе этой мрачной картины умѣряется, когда мы останавливаемъ вниманіе на лицѣ Спасителя и Его послѣдователей. Почти невѣроятно, что Господь и Его Апостолы жили одновременно съ Иродомъ, Тиверіемъ, Калигулою. Онъ былъ отъ вышнихъ, а они отъ нижнихъ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ БЫТА

НАРОДА БОЖІЯ ^{а)}

22 Синагоги.

Съ какого времени Іудеи начали собираться въ синагоги для совершенія общественнаго богослуженія, т. е. для общественныхъ молитвъ и для слушанія писанія и поученій, точно неизвѣстно. Въ Ветхомъ Завѣтѣ о нихъ говорится только въ 73 пс. 8 ст: «сожгли всѣ мѣста собраній твоихъ» (разумѣются синагоги),—воскликаетъ псалмопѣвецъ, говоря о разрушеніяхъ, произведенныхъ Антиохомъ Епифаномъ. Полагають, что синагоги появились не раньше окончанія вавилонскаго плѣна. Онѣ устрояемы были на мѣстахъ высокихъ, на общественныя издержки, и иногда на счетъ частныхъ лицъ по ихъ усердію (Лук. 7, 5). Отъ синагогъ должно отличать молитвенные дома (по нашему часовни), которые назначаемы были для однихъ молитвъ и устроились большею частію внѣ города,

а) См. март. книжку.

на берегахъ рѣкъ; такъ мы читаемъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, что ап. Павелъ и его спутники, «вышедши изъ города Филиппы въ день субботній, пошли къ рѣкѣ, гдѣ по обыкновенію былъ молитвенный домъ» (16 гл. 13). Путешественники въ послѣдствіи находили иногда слѣды подобныхъ зданій.

Слово синагога означаетъ *соединеніе* или *собраніе*. При жизни Спасителя Іудеи имѣли обыкновеніе въ опредѣленное время каждаго субботняго дня собираться вмѣстѣ для совершенія богослуженія. Въ настоящее время они имѣютъ такія собранія вездѣ, гдѣ находится не менѣе десяти іудеевъ мужескаго пола, имѣющихъ болѣе тридцати лѣтъ. Въ Палестинѣ, гдѣ за ними наблюдаютъ очень строго, они имѣютъ для поклоненія Богу только очень бѣдныя комнаты, которыя довольно похожи на подвалы; впрочемъ это обстоятельство не препятствуетъ имъ имѣть къ этимъ мѣстамъ большое уваженіе. Мы сошли въ одну синагогу, говорить г. Іоветь, съ сыномъ нашего хозяина и многими другими. У входа въ нее насъ заставили снять съ себя не только сандаліи (обувь), но и верхнюю теплую одежду.

Во всѣхъ частяхъ свѣта іудеи совершаютъ свое богослуженіе почти также, какъ они совершали его во времена Спасителя. Они доселѣ еще имѣютъ начальниковъ для наблюденія за порядкомъ (архисинагоговъ) и раввиновъ, которые обязаны учить другихъ. Вотъ что рассказываетъ

объ ихъ проповѣди одинъ обращенный въ христіанство іудей. «Главный раввинъ, рассказываетъ Marks, ежедневно остается въ синагогѣ около шести часовъ. Когда онъ говоритъ, то почти всѣ іудеи слушаютъ его стоя; около трехъ часовъ онъ объясняетъ имъ правила о томъ, что они должны «наблюдать омовеніе чашъ, кружекъ, котловъ и скамей» (Марк. 7, 4), и другіе обряды, относящіеся къ приготовленію пици. При этомъ мои читатели вспомнятъ, какъ Господь Іисусъ Христосъ укорялъ іудеевъ, говоря имъ: «вы, оставивъ заповѣдь Божию, держитесь преданія человѣческаго, омовенія кружекъ и чашъ, и дѣлаете многое другое сему подобное» (Марк. 7, 8). Я слышалъ много прекрасныхъ христіанскихъ поученій на этотъ текстъ, но одни іудеи могутъ понять вполнѣ все его содержаніе; потому что эти преданія они соблюдаютъ во всѣхъ мелочахъ съ такою строгостію, какъ едва ли какія другія». *)

Когда іудей, достигшій тридцатилѣтняго возраста, начинаетъ молиться, публично ли въ си-

*) Подробное описаніе религіозныхъ обрядовъ *нынѣшнихъ* Евреевъ, не входившее въ планъ предлагаемыхъ очерковъ, желающіе могутъ прочитать въ книгѣ: „Религіозныя секты Евреевъ“ и проч. по *Юсту*, изд. Манухина, М. 1864 г., и въ очень обстоятельномъ оригинальномъ русскомъ сочиненіи обращеннаго изъ Евреевъ, г. *Алексѣева*: „О богослуженіи и обрядахъ нынѣшнихъ Евреевъ“, Новгородъ, 1863 г.—Н. 3—*вв.*

нагогѣ, или у себя дома, онъ сначала долженъ положить на себя *филактеріи*. Даже равнодушный къ другимъ обрядамъ Іудей считаетъ долгомъ употреблять ихъ; если онъ забудетъ ихъ гдѣ-нибудь во время путешествія, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко, или уронить по неосторожности, то долженъ поститься въ теченіе цѣлаго дня, чтобы загладить свой грѣхъ нерадѣнія.

Филактеріи (хранилища) суть особенной формы футляры, прикрытые красивою кожею волосомъ наружу; въ нихъ кладутъ небольшіе лоскутки выдѣланной кожи (пергамена), на которыхъ бываютъ написаны слѣдующія мѣста изъ священнаго Писанія: Втор. 6, 4—9; 11, 13—21; Исх. 13, 1; 16, 1—10. Ручной филактеріей сначала держать на лѣвой рукѣ противъ сердца; потомъ послѣ непродолжительной молитвы его привязываютъ къ рукѣ посредствомъ ремня, который проходитъ чрезъ футляръ. Головной филактеріей полагаютъ на той части лба, гдѣ начинаютъ расти волосы, или между глазами; послѣ краткой молитвы его привязываютъ къ головѣ также, какъ первый. Основаніемъ для этого суевѣрія у Іудеевъ служатъ слѣдующія слова книги Второзаконія: «навяжеши я въ знаменіе на руку твою и да будутъ непоколеблена предъ очима твоима» (6 гл. 8 ст.); но эти слова очевидно значать только то, что законъ Божій всегда долженъ быть памятенъ нашей душѣ; а отнюдь не то, чтобы само писанное слово Божіе было для насъ

чѣмъ-то въ родѣ талисмана, предметомъ суевѣрія.—При общественной молитвѣ Іудеи надѣваютъ на голову длинное покрывало, украшенное кистями, а при частной домашней молитвѣ они кладутъ себѣ на шею болѣе короткое покрывало (шарфъ). Они дѣлаютъ это въ подражаніе Моисею, который закрылъ свое лицо, сходя съ горы Синайской (Исх. 34, 33). Въ продолженіе самой молитвы они съ большею набожностію цѣлуютъ кисти своихъ покрываль.

Спаситель дѣлалъ намекъ на эти обычаи, когда онъ укорялъ фарисеевъ за то, что они носятъ «повязки на лбу и на рукахъ съ словами закона и имѣютъ длинныя воскрилія у одеждъ своихъ» (Мат. 23, 5.). Какова бы ни была жизнь Іудея, но если онъ соблюдаетъ нѣкоторые изъ внѣшнихъ обрядовъ своей вѣры и особенно если онъ носитъ филактеріи, то раввины считаютъ его человѣкомъ неукоризненной жизни. «Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе». (Мат. 23, 24). Къ чему послужить ношеніе закона Божія на рукѣ, если онъ не напечатлѣнъ въ глубинѣ сердца? Къ чему поведетъ—должны мы при этомъ помыслить для себя самихъ—соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ и христіанской вѣры, если міръ и мірскіе предметы занимаютъ еще главное мѣсто въ нашемъ сердцѣ?

Въ субботніе, праздничные и дни поста въ синагогахъ читаютъ какую-нибудь часть Моисе-

ева пятокнижія. Начальникъ синагоги приглашаетъ каждаго Іудея въ свою очередь взойти на кафедру, для чтенія закона. Это обыкновеніе существовало и при жизни Іисуса Христа; потому-то мы видимъ въ евангеліи, какъ Спаситель, вошедши въ синагогу въ одинъ изъ субботнихъ дней, *всталъ читать* (Лук. 6, 16).

Пятокнижіе Моисея написано на свиткѣ изъ пергамена; этотъ свитокъ обернуть прекрасною матерією, украшенною колокольчиками для напоминанія верхней одежды первосвященника. Въ нѣкоторыхъ синагогахъ находится по нѣсколько такихъ свитковъ, которые очень цѣнны или по великолѣпію своихъ украшеній, или по своей древности. Они хранятся въ одномъ шкафѣ, называемомъ святымъ ковчегомъ, который помещается въ восточной части синагоги за богатою завѣсою. Ихъ выносятъ изъ этаго шкафа и обратно относятъ въ него съ большею церемонією. При этомъ каждый изъ предстоящихъ старается поцѣловать край матеріи, что считается за большое счастье.

Какъ во время молитвъ, такъ и во время чтенія Закона Іудеи полагали себѣ на голову покрывало. Св. ап. Павелъ, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ намекъ на этотъ обычай, когда говоритъ: «донынѣ, когда они читаютъ Моисея, покрывало лежитъ на сердцахъ ихъ» (2 Кор. 3, 15.). Тотъ-же апостолъ въ посланіи къ Коринѳянамъ повелѣваетъ христіанамъ не покрывать себѣ голову,

когда они молятся или проповѣдуютъ (1 Кор. 11, 4.), по всей вѣроятности потому, что обращенные въ христіанство Іудеи пытались ввести въ церковь этотъ древній обычай. Ихъ разумъ, еще не совсѣмъ отрѣшившійся отъ внѣшности, не могъ понять, что обрядовые законы были «тѣнію грядущихъ благъ», «покровомъ», который долженствовалъ быть снятъ Іисусомъ Христомъ. Спаситель умираетъ — и завѣса храма, скрывавшая *Святое святыхъ*, раздирается, какъ бы въ знакъ того, что съ того времени Господь является своей твари во всей полнотѣ своихъ совершенствъ; умирая на крестѣ, Онъ исполнилъ законъ Моисеевъ, и съ тѣхъ поръ пути Божіи въ великомъ дѣлѣ искупленія человѣческаго рода болѣе не оставались покрыты такою тайною, какъ въ ветхомъ Завѣтѣ. Богъ соединилъ судъ съ милостію; Онъ праведенъ и однако оправдываетъ тѣхъ, кто увѣруетъ въ Іисуса Христа.

Богослуженіе въ синагогѣ совершается на еврейскомъ языкѣ; хотя большая часть Іудеевъ не понимаетъ его, однако они научаются произносить свои молитвы на этомъ непонятномъ для нихъ языкѣ. Въ семъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, они похожи на римскихъ католиковъ. Молитву они обыкновенно совершаютъ сидя. Въ одной изъ своихъ молитвъ они обращаются на востокъ, къ тому мѣсту, гдѣ былъ построенъ ихъ храмъ, и ударяя себя два раза въ грудь, восклицаютъ: «мы грѣшны! мы очень грѣшны!»

Съ великимъ торжествомъ между прочимъ совершается у Іудеевъ праздникъ *очищенія*. Они собираются вечеромъ въ синагоги одѣтые въ бѣлыя одежды, нарочно приготовленныя на этотъ случай;—эти же одежды служатъ для нихъ саваномъ послѣ смерти. Праздникъ очищенія имѣетъ для нихъ большую важность; ибо они воображаютъ, что въ теченіе его Богъ судитъ ихъ поступки, сдѣланные ими въ прошедшемъ году и опредѣляетъ дѣйствія каждаго изъ нихъ въ будущемъ. Они совершенно ничего не ѣдятъ и не пьютъ до самаго вечера втораго дня, или точнѣе до появленія на горизонтѣ первыхъ звѣздъ. Торжество въ эти два дня продолжается до десяти часовъ вечера. По окончаніи обрядовъ дается знакъ бараньимъ рогомъ и тогда всѣ расходятся въ полной увѣренности, что изглажены всѣ грѣхи ихъ предъ Богомъ ^{в)}.

в) Впрочемъ они увѣрены, что грѣхи, содѣланные ими противъ ближняго своего, могутъ быть прощены имъ только тогда, когда они загладили бы свои проступки или испросили прощенье у тѣхъ, кого они оскорбили. Если оскорбленный отказывается простить имъ, то они берутъ съ собою трехъ друзей и до трехъ разъ пытаются склонить его къ миру; послѣ чего общее осужденіе произносится на того, кто хотѣлъ сохранить чувство вражды и непріязни. Этотъ обычай самымъ разительнымъ образомъ напоминаетъ намъ слѣдующія слова Спасителя: „если согрѣшишь противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя,

Народъ удивлялся ученію Іисуса Христа, ибо Онъ училъ какъ власть имѣющій, а не говорилъ какъ книжники (Матѹ. 7, 28—29.). Слѣдующее извлеченіе изъ богослужебнаго чина въ синагогахъ можетъ уяснить намъ это мѣсто, показывая, какимъ образомъ книжники, вмѣсто того, чтобы возвѣщать Іудеямъ живаго Бога, постоянно приводятъ свидѣтельства изъ разныхъ писателей и проводятъ среди богослуженія большую часть времени въ бесѣдѣ о самыхъ мелочныхъ и не стоящихъ вниманія предметахъ.

Изъ вечерней службы въ субботный день. — «Какого рода свѣтильники должно употреблять въ лампахъ и чѣмъ не слѣдуетъ зажигать ихъ?... Наумъ Медскій такого мнѣнія объ этомъ, что должно зажигать ихъ сальнымъ огаркомъ, но мудрые не говорятъ этого. Раввинъ Измаиль требуетъ, чтобы въ маслѣ для лампъ не было примѣси кипяченой смолы, изъ уваженія къ субботному дню; но мудрецы говорятъ, что можно употреблять елей всякаго рода. Раввинъ Тарпонъ утверждаетъ, что въ лампахъ должно горѣть только оливковое масло». Эти мелочи за-

то приобрѣлъ ты брата своего“ (Мат. 18, 15). Можно ли не сожалѣть, что христіане такъ мало слѣдуютъ этому повелѣнію своего божественнаго Учителя? Еслибы мы всегда съ полною искренностію и любовью старались объясняться съ оскорбляющими насъ, то сколько ненависти и вражды уничтожалось бы въ самомъ зародышѣ!

нимають до двухъ страницъ рукописи. Народъ, привыкшій слышать въ синагогахъ лишь о подобныхъ вещахъ, какое глубокое впечатлѣніе долженъ былъ получать отъ словъ Спасителя, который говорилъ о самыхъ важныхъ предметахъ—о законѣ и вѣрѣ, о судѣ и милосердіи, и говорилъ только отъ своего лица!

Праздникъ пасхи Іудеи совершаютъ съ большимъ торжествомъ; но послѣ того какъ разрушенъ Іерусалимскій храмъ, они не закаляютъ пасхальнаго агнца,—и такимъ образомъ невольно, незамѣтно для самихъ себя признаютъ, что «Христосъ, наша Пасха, пожренъ бысть». Въ самый день праздника предъ восходомъ солнца они собираются въ синагогу, а вечеромъ каждый Израилѣтянинъ, возвратившись къ себѣ домой, садится съ своимъ семействомъ и слугами за столъ или стоитъ, какъ заповѣдано въ книгѣ Исходъ, препоясавши чресла и съ дорожнымъ посохомъ въ рукѣ. Предъ нимъ лежатъ жареное мясо, опрѣсноки и горькія травы; обмочивши травы въ уксусъ, онъ раздаетъ ихъ своимъ домашнимъ; потомъ они берутъ чашу, въ которой лежитъ хлѣбъ, и травы, говоря: «это хлѣбъ скорби, который отцы наши ѣли въ землѣ египетской». Маленькихъ дѣтей они сами возбуждаютъ къ вопросамъ, почему эта ночь такъ отлична отъ другихъ, и рассказываютъ имъ исторію о своихъ предкахъ, о рабствѣ ихъ въ Египтѣ и освобожденіи ихъ десницею Божіею. Послѣ ужина наливаютъ виномъ двѣ большія чаши. Глава

сѣмѣйства беретъ одну изъ нихъ, благословляетъ ее и молится о пришествіи Мессіи; потомъ онъ подаетъ эту чашу каждому присутствующему. Другая, называемая «чашею Іліи», ставится тогда на переднемъ концѣ; за тѣмъ отворяется дверь и всѣ въ торжественномъ молчаніи какъ будто ожидаютъ чьего-то пришествія. Они надѣются, что пророкъ Ілія придетъ къ нимъ и возвѣститъ о пришествіи Спасителя. «Я живо припоминаю себѣ то трепетное ожиданіе, говоритъ одинъ обращенный Іудей (Herschel), съ какимъ я, будучи еще дитятею, смотрѣлъ къ двери, думая, что вотъ-вотъ придетъ Пророкъ. И не смотря на множество всякаго рода бѣдствій, Іудеи все еще ожидаютъ его пришествія. Изъ чаши Іліи никто не пьетъ, ибо она считается священною. Весь этотъ обрядъ оканчивается пѣніемъ гимна, послѣ котораго хозяинъ дома громко произноситъ: «теперь мы еще здѣсь, а въ слѣдующемъ году быть можетъ будемъ въ Іерусалимѣ».

Вотъ уже осмнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Іудеи были изгнаны изъ Палестины, но они все еще любятъ ту землю, гдѣ покоятся кости ихъ предковъ. Радость ихъ была бы безпредѣльна, когда бы они могли вступить на эту землю, столь богатую воспоминаніями. Ихъ сильное—желаніе хотя разъ увидѣть ханаанскую землю или имѣть, по крайней мѣрѣ, въ своемъ гробѣ хотя частичку праха изъ этой дорогой земли,

чтобы почтить съ нею въ могилѣ. Въ день воспоминанія о послѣднемъ взятіи врагами Іерусалима и о разрушеніи храма Іудеи снимаютъ съ себя всѣ наряды, надѣваютъ трауръ какъ будто по смерти близкаго родственника и собираются въ синагоги; тамъ они садятся на землю и горько обливаются слезами при чтеніи книги «Плачь пророка Іереміи». Такой трауръ продолжается три недѣли; въ продолженіе этого времени они часто постятся и вмѣстѣ оплакиваютъ разсѣяніе своихъ единоплеменниковъ и гнѣвъ Бога Аврамова, Который отъ нихъ удался. Въ слѣдующій за этимъ постомъ субботній день въ синагогахъ читается 40 гл. кн. пророка Исаи.

Любопытно наблюдать, говорить тотъ же обращенный Іудей, о которомъ мы выше упоминали, за выраженіемъ лицъ благочестивыхъ Израильтянъ во время этого чтенія; можно подумать, что предъ ними находится пророкъ и утѣшаетъ ихъ. О, скоро ли Господу угодно будетъ снять завѣсу съ ихъ глазъ, чтобы они искали своего утѣшенія и радости въ Іисусѣ Назарянинѣ? Какое сердце христіанское не отзовется полнымъ сочувствіемъ на эти благожелательныя слова?

Тотъ же писатель прибавляетъ, что Іудеи выставляютъ противъ христіанства два великія обвиненія: это безпечная жизнь, которую проводятъ столь многіе изъ носящихъ имя христіанъ, и жестокій образъ дѣйствій съ ними, евреями,

со стороны тѣхъ, которые считаютъ себя учениками и послѣдователями Того, Кто былъ «кротокъ и смиренъ сердцемъ». Да послужатъ эти упреки къ нашему назиданію! Будемъ остерегаться презирать тотъ несчастный народъ, которому ввѣрено было слово Божіе, среди котораго благоволилъ родиться любвеобильный Господь нашъ. Онъ былъ нѣкогда предметомъ особеннаго благоволенія Божія, и вѣрнымъ хранителемъ Его обѣтованій. И если они, то-есть нѣкоторые изъ предковъ нынѣшнихъ Іудеевъ—распяли Обѣтованнаго Господа славы, и доселѣ большая часть ихъ не пріемлютъ Его, коснѣя въ суетныхъ человѣческихъ преданіяхъ своихъ лжеучителей,—то не всѣ по ожесточенію сердца, а многіе главнымъ образомъ по невѣденію, по непониманію смысла самаго Вѣтхаго Завѣта, закрытаго отъ нихъ этими лжеучителями, и божественнаго смысла Завѣта Новаго, нерѣдко затемняемаго жизнію самихъ христіанъ!... Но придетъ время, когда откроются ихъ духовныя очи и они соберутся вмѣстѣ съ нами подъ благотворными лучами Солнца правды. Нашъ же долгъ споспѣшествовать скорѣйшему наступленію этого вождѣннаго дня своими молитвами и христіанскимъ образомъ дѣйствій!

МОЛЕБНОЕ ПѢНІЕ

ПРИ НАЧАТІИ УЧЕНІЯ ОТРОКОВЪ.

ПОУЧЕНІЕ I.

Св. Церковь, какъ заботливая мать, прилагаетъ все свое попеченіе о томъ, чтобы содѣлать дѣтей нашихъ истинными христіанами, истинными чадами Божиими; употребляетъ все свое стараніе о томъ, чтобы они жили на утѣшеніе вамъ, — родители, на пользу общую, и на прославленіе имени Божія. И какъ мудро въ этомъ случаѣ она дѣйствуетъ! Она не отнимаетъ отъ васъ, родители, сокровища вашего, — вашего сына или дочь; нѣтъ, она поручаетъ ихъ вашей же заботливости, вашей же любви, вполне зная, что для вашего сердца всякая забота, всякое попеченіе объ нихъ составляютъ источникъ несказанной радости, величайшаго блаженства. Она только старается указать вашей любви и заботливости самые главные предметы, на которые онѣ должны быть вами обращены.

Доколѣ вашъ сынъ или дочь — еще въ младенчествѣ, святая Церковь внушаетъ вамъ, чтобы

вы, питая ихъ тѣлесною пицсю, сколько возможно чаще питали ихъ пищею духовною, пречистою кровію Хрястовою. Эта Божественная пища будетъ поддерживать въ нихъ тѣсную ихъ связь съ Господомъ Исусомъ, будетъ освящать ихъ и укрѣплять въ духовной жизни. И когда, бр. мои, приносите вы въ храмъ вашего младенца для причащенія, усугубьте вашу вѣру въ Господа Исуса, вашу любовь къ Нему, вашу молитву къ Нему: въ лицѣ вашего младенца вы сами дѣлаетесь ближе къ Господу.

За тѣмъ, когда вашъ сынъ или дочь начнетъ ходить и лепетать, начнетъ хоть немножко понимать, Св. Церковь возлагаетъ на васъ, вмѣстѣ съ предыдущею заботою—новую; именно—заботу обучить вашего сына или дочь первоначальнымъ молитвамъ. Особенно мать должна заботится объ этомъ; она найдетъ въ этомъ обученіи одно изъ самыхъ высшихъ наслажденій для себя; только пусть она передаетъ слова и понятія молитвы не какъ только урокъ или наставленіе, но вмѣстѣ въ живомъ примѣрѣ своемъ, съ теплотою сердца своего. Представляю вамъ, бр. мои, и себѣ прекрасную картину: вотъ мать на колѣнахъ молится въ домѣ своемъ предъ св. иконами, озаренными тихимъ свѣтомъ лампы. Возлѣ нея четырехъ, или пятилѣтній сынъ ея или дочь, тоже на колѣнахъ, по подражанію ей; младенецъ, смотря на примѣръ матери, также благоговѣнно взираетъ на св. иконы, также осѣняетъ себя

крестнымъ знаменіемъ также кланяются въ землю, и лепечетъ молитву. Безъ сомнѣнія, бр. мои, Самъ Господь, и св. Ангелы Божіи съ любовію и благоговѣніемъ взираютъ на эту святую картину. А между тѣмъ все это глубоко западаетъ въ душу младенца, сильно развиваетъ въ немъ чувство религіозное, чувство благоговѣнія къ Господу и потребность молитвы.

Какую же твердитъ молитву дитя ваше? — Ту, которую вы его научили, — твердитъ «Богородицу»: *«Богородице Дѣво, радуйся благодатная Маріе! Господь съ Тобою! Благословена ты въ женахъ и проч. И замѣчательно, бр. мои: если только сама мать учить своего сына или дочь молитвамъ, она непременно начнетъ учить съ этой молитвы; тутъ невольно высказывается стремленіе сердца материнскаго: мать приучаетъ малютку — сына обращаться съ молитвою прежде всего къ Той, которая сама содѣлалась матерію по плоти единокровному Сыну Божію, — сердце которой испытало всю теплоту любви материнской, всю заботливость о Сынѣ.*

А между тѣмъ эта молитва, по существу своему, такъ прекраено согласуется съ внутреннимъ настроеніемъ и чувствами вашего малютки!... У него больше всего теперь развито чувство любви и благоговѣнія къ родной матери своей, которую онъ ежеминутно ласкаетъ, въ которой онъ находитъ ежечасно и кормилицу, и охранительницу и защитницу. И вотъ сама же мать, во имя

таго святаго чувства, указываетъ ему на небѣ Ту, которая содѣлалась матерію, заступницею и покровительницею для всѣхъ людей, для всего рода человѣческаго. Сердцу малютки вашего легко и удобно усвоить это указаніе матери; а между тѣмъ и сама мать въ очахъ его принимаетъ высшее, священное значеніе: она для него служитъ образомъ нашей небесной Матери-Царицы неба и земли.

Послѣ молитвы къ Богородицѣ малютка въ слѣдъ за матерію твердить: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ;» — твердить молитву Господню, исповѣдуя въ ней Бога отцемъ всѣхъ человѣковъ. И эта молитва, бр. мои, прекрасно согласуется съ чувствомъ особенно развитымъ у дитяти, съ чувствомъ любви, благоговѣнія и преданности къ отцу своему родному, — съ чувствомъ полной зависимости отъ него и всецѣлой преданности ему. Чрезъ молитву Господню мать легко и естественно пріучаетъ дитя вѣровать, что у него, кромѣ отца роднаго есть еще отецъ, — Отецъ небесный, который любитъ его больше, чѣмъ отецъ родной, который печется о немъ, промышляетъ о немъ, даетъ ему и пищу, и дыханіе и все.

«Спаси Господи и помилуй папашу, мамашу бабушку, няню и пр. — твердить далѣе дитя. Вотъ первое, благоговѣйное проявленіе чувства любви дитяти въ отношеніи къ земнымъ существамъ, его окружающимъ. Его любовь благоговѣйно об-

нимаетъ всѣхъ и все, начиная отъ родителей и родныхъ, и оканчивая прислугою, а иногда даже тѣми животными, которыхъ оно видитъ въ своемъ домѣ. Мнѣ нерѣдко случалось слышать, какъ дитя своимъ тоненькимъ голоскомъ лепечетъ: «Спаси Господи и помилуй папашу, мамашу, бабушку, сестрицу Надю, братца Сашу, папашу крестнаго, мамашу крестную, няню, кормилицу, лошадку», и проч.,—и признаюсь вамъ, бр. мои, я немогъ слышать безъ особеннаго умиленія этаго безыскусственнаго, дѣтскаго лепета. Въ этомъ лепетѣ я слышалъ урокъ Господа Иисуса: *уже аще не приметъ царствія Божія, яко отроча, не имать внити въ не* (Марк. 10 15.). Кто неимѣетъ сердца способнаго любить всѣхъ и все, кто не имѣетъ дѣтской готовности молиться о спасеніи и помилованіи всѣхъ, кто не чувствуетъ въ себѣ готовности жить и дѣйствовать для блага всѣхъ и каждаго;—въ томъ нѣтъ способности быть наслѣдникомъ царствія Божія; надобно любить всѣхъ и все, надобно молиться за всѣхъ и за все,—за самыхъ животныхъ, которыя намъ служатъ: потому что и мы всѣ, и они, всѣ зависимъ отъ милости и воли Господа, всѣ ожидаемъ отъ Него богатыхъ щедротъ Его.

То, что я вамъ говорилъ теперь, бр. мои, быть можетъ, и вы сами, какъ родители, видали у себя дома; о, дай Богъ, чтобы это была правда! Наши дѣти росли бы истинными христіанами; наша семейная жизнь точно отражала бы въ себѣ царство Христово. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ II.

Молитвенный лепетъ дитяти естественъ, прекрасенъ, и какъ нельзя болѣе приличенъ дитяти. Но дальнѣйшій возрастъ сына или дочери вашей потребуетъ отъ нихъ большей опытности и совершенства въ молитвѣ, большаго развитія всѣхъ силъ ихъ и способностей; а отъ васъ, родители, потребуетъ большей заботы и вниманія. Настанетъ время, когда вы должны будете посадить вашего сына или дочь за книгу и начать съ ними ученіе систематическимъ порядкомъ. Великое дѣло предстоить вамъ, бр. мои! Ваша задача будетъ состоять въ томъ преимущественно, чтобы вашъ сынъ или дочь научились не тому одному, въ чемъ проявляется наружный блескъ житейской изворотливости и ловкости, не модному только образованію, «которое, скажемъ словами одного писателя (Амфитеатров. бесѣд. стр. 39), можетъ быть и умно, но которое дѣтей добродушныхъ по природѣ часто превращаетъ въ людей искусственныхъ, въ людей съ подложными чувствами къ отцамъ и матерямъ, въ мудрователей съ неподобающимъ мудрованіемъ, съ неприличными притязаніями на права и преимущества, которыхъ они не должны имѣть,» съ несчастнымъ отрицаніемъ всего святаго;—но тому, въ чемъ вѣетъ духъ Господа Бога, умудряющій во спа-

сеніе, оживляющій на цѣлую вѣчность, дающій дѣтямъ вашимъ не-временный, но постоянный, не искусственный, а подлинный характеръ истиннаго человѣка, или вѣрнѣе, истиннаго христіанина и чада Божія. Вы по преимуществу должны будете озаботиться о томъ, чтобы на дѣтяхъ вашихъ почилъ не громкая слава свѣта за умѣнье жить въ обществѣ, — не похвала людская; но — благословеніе Отца небеснаго; — чтобы почилъ благоволительный взоръ Господа Иисуса за добрыя дѣла, за святыя мысли и чувства, за чистоту и непорочность жизни; — чтобы почилъ благодать Духа святаго. Въ развитіи и образованіи дѣтей вашихъ вамъ прежде и больше всего нужно думать о томъ, чтобы надъ вами исполнилось слово Господа: *наложу духъ Мой на сѣмя твое, и благословенія Моя на чада твоя* (Иса. 44, 3). Тогда только дѣти ваши *прозябнутъ*, какъ выражается пророкъ, *яко трава посреда воды, и яко верба при водѣ текущей* (— 5), то-есть будутъ полны той свѣжести и силы, той жизни и красоты духовной, которыя сообщаются благодатию Духа Святаго. Тогда только избавить ихъ Господь той сухости сердечной, той холодности, вялости и бесплодности нравственной, которыя такъ нерѣдко замѣчаются въ людяхъ, даже очень по видимому образованныхъ и ученыхъ.

Нелегкая задача,—надобно сознаться, бр. мои! Чтобы сколько возможно облегчить ее вамъ, св. Церковь, какъ нѣжная и заботливая мать, спѣ-

ШИТЬ КЪ ВАМЪ НА ПОМОЩЬ СЪ МОЛИТВОЮ И БЛАГОСЛОВЕНІЕМЪ И НА ВАСЪ, И НА ЧАДЪ ВАШИХЪ;—ТОЛЬКО ПОЗОВИТЕ СЛУЖИТЕЛЕЙ ЕЯ, ИЛИ ПРИДИТЕ САМИ ВО ХРАМЪ. НА ТАКІЕ СЛУЧАИ ПОЛОЖЕНО МОЛЕБНОЕ ПѢНІЕ, КОТОРОЕ СОВЕРШАЕТСЯ СЛѢДУЮЩИМЪ ОБРАЗОМЪ.

Оно начинается, послѣ благословенія отъ священника, пѣніемъ: «Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины... пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша». Эта молитва къ святому Духу всегда умѣстна, но въ настоящемъ случаѣ она имѣетъ особенное значеніе. Духъ Святый — Утѣшитель и Наставникъ небесный; Онъ—Духъ истины;—Онъ сокровищница всѣхъ благъ духовныхъ; Онъ—податель жизни не земной только и естественной, но и духовной, благодатной, вѣчной; Онъ—Господь животворящій и просвѣщающій свѣтомъ богопознанія, и согрѣвающій теплотою любви всякаго христіанина. Онъ разчищаетъ ниву сердець нашихъ и истребляетъ всѣ нечистоты грѣховныя, всѣ плевелы и тернія. — И потому какихъ великихъ успѣховъ не общаетъ вамъ и дѣтямъ вашимъ Св. Церковь отъ этаго небеснаго Утѣшителя и Наставника? Вы желаете, чтобы вашъ сынъ сдѣлался художникомъ и артистомъ? Св. Церковь увѣряетъ васъ истиннымъ словомъ Господнимъ, что великими художниками творить людей Духъ Божій. О Веселеимѣ и Эліавѣ, созидавшихъ Скинію Божию, сказано: *и наполни ихъ Духа Божія, премудрости и разу-*

ма, и улыный въспѣхъ. (Исход. 31, 1—6; 35, 30—36. 37 1. 2). Вы желаете, чтобы сынъ вашъ былъ истиннымъ естествоиспытателемъ и уразумѣлъ правильно тайны и законы природы? Св. Церковь указываетъ вамъ на Соломона, который такъ умудренъ былъ Духомъ Божіимъ, что зналъ все отъ кедра до иссопа. Желаете, чтобы вашъ сынъ былъ истиннымъ поэтомъ? Св. Церковь указываетъ вамъ на Давида и его богодухновенные псалмы, и поясняетъ вамъ, что Духъ святой содѣлалъ его величайшихъ изъ всѣхъ поэтовъ міра, и псалмы его—святыми и боговѣщанными. Вы желаете, чтобы сынъ вашъ постигъ величайшую и важнѣйшую изъ наукъ, науку боговѣдѣнія, не холоднаго и теоретическаго, но дѣятельнаго и жизненнаго? Здѣсь во всей полнотѣ и обиліи открываются сокровища Духа Святаго. *Дары Духа различны*,—говоритъ св. Апостоль Павелъ, *одному дается Духомъ слово премудрости, другому слово знанія тѣмъже Духомъ; иному — въра тѣмъже Духомъ; иному дары исцѣленій тѣмъже Духомъ; иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ* (1 Кор. 12, 4—11.). «Вся подаетъ Духъ Святой,—говоритъ св. Церковь, точить пророчества, священники совершаетъ, не книжныя мудрости научи, рыбаи богословцы показа. Ибо Онъ есть свѣтъ и животъ, и живыи источникъ умный,—Духъ премудрости, Духъ разума;—благій, правый, умный;—обладай,

очищаяй прегрѣшенія; — Богъ и боготворяй; — огонь отъ огня исходяй, — глаголяй, дѣяй, раздѣляяй дарованія». в) Безъ Духа Святаго въ этой великой жизненной наукѣ вашему сыну или дочери шагу нельзя сдѣлать. Апостолъ Павелъ ясно и рѣшительно говоритъ, что никто не можетъ назвать Иисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ (1 Кор. 12 3).

За молитвою: Царю Небесный, — послѣ Три-святаго и Отче нашъ, читается въ молебномъ пѣніи псаломъ тридцать третій. Весьма мудро и прилично св. Церковь полагаетъ теперь этотъ псаломъ: въ немъ она указываетъ намъ и дѣтямъ нашимъ — главный источникъ истинной премудрости, и излагаетъ устами царя и пророка характеръ этой премудрости. Слова псалма: *приступите къ Нему и просвѣтитесь, — и лица ваши не постыдятся. . . Вкусите, и увидите, яко благъ Господь* — прямо указываютъ на Господа, какъ на единственный источникъ истиннаго просвѣщенія нашего, и соединеннаго съ нимъ сердечнаго услажденія и насыщенія. При этихъ словахъ мнѣ нисколько представляется: вотъ богодухновенный пророкъ, царь и псалмопѣвецъ, Давидъ беретъ за руку вашего сына или дочь, желающихъ учиться, — и ведетъ ихъ прямо къ самому Господу; «вотъ Онъ, — единственный источникъ истиннаго просвѣщенія и соединеннаго съ этимъ

в) Служба на Пятидесятницу.

просвѣщеніемъ блаженства духовнаго; кромѣ Его нигдѣ и ни въ чемъ не найдете вы этихъ сокровищъ; приступите же къ Нему,—приблизьтесь вѣрою, любовію, молитвою, упованіемъ,—и вы не ошибетесь въ вашихъ чаяніяхъ; Онъ просвѣтитъ васъ свѣтомъ своего божественнаго ученія; Онъ сниметъ съ васъ стыдѣніе не предъ людьми только, но и предъ Отцемъ небеснымъ; не будьте только сами лѣнны и недѣятельны; вкусите Его ученія, и вы сами испытаете такое неизреченное блаженство, какого никто и ничто въ мірѣ дать не можетъ, кромѣ Его—одного.»

Чтобы излишняя осторожность ваша, или робость сына вашего или дочери, съ какою они обыкновенно смотрятъ на учителей, не остановила васъ и ихъ идти за великимъ руководителемъ, который ведетъ и васъ и ихъ къ Господу, какъ единственному источнику истинной премудрости и блаженства, псалмопѣвецъ отечески обращается къ вамъ и дѣтямъ вашимъ съ сими кроткими словами: «Придите чада, послушайте мене: „страху Господню научу васъ,» т. е. «не бойтесь ничего; какъ дѣти къ отцу, идите ко мнѣ,—въ мои объятія; съ любовію и кротостію я приму васъ, обниму васъ, благословлю васъ и научу важнѣйшей изъ всѣхъ наукъ—наукъ проводить жизнь въ страхѣ Божіемъ.»

Послѣ псалма слѣдуетъ великая ектенія, въ которой мы,—уже предъ лицомъ самого Господа или какъ бы у самыхъ ногъ Его, высказываемъ

наши задушевные нужды. Къ обычнымъ ꙗмоленіямъ нашимъ св. церковію прилагаются еще слѣдующія, весьма для насъ благопотребныя прошенія.

а) О еже ниспослати на отрока сего или на отроковицу сію Духа премудрости и разума, и отверсти умъ и уста, и просвѣтити сердце его или ея къ пріятію наставленій въ добромъ ученіи—Господу помолимся.

б) О еже всадити въ сердце его или ея начало премудрости — страхъ Свой божественный, и тѣмъ буеть юности отгнати отъ сердца его или ея, и просвѣтити умъ его или ея, еже уклонитися отъ зла и творити благо,—Господу помолимся.

в) О еже отверсти умъ его или ея, еже пріяти и разумѣти и памятовати вся добрая и душеполезная ученія, Господу помолимся.

г) О еже подати ему или ей присѣдающую престолу Его премудрость, и вселити и въ сердце его или ея, яко да научитъ его или ее, чтб есть благоугодное предъ Нимъ,—Господу помолимся.

д) О еже преспѣяти ему или ей премудростію и возрастомъ въ славу Божию, Господу помолимся.

е) О еже быти ему или ей ради премудрости и добродѣтельнаго житія, и благостоянія въ православной вѣрѣ—радостію и утѣшеніемъ для родителей своихъ, а для церкви православно-каѳолической утвержденіемъ, Господу помолимся.

Видите, бр мои, какъ полно и хорошо понимаетъ св. церковь задушевныя желанія ваши и передаетъ ихъ Господу. О, внимайте всѣмъ сердцемъ вашимъ ея материнскимъ наставленіямъ. Она подастъ вамъ истинное утѣшеніе, истинную радость въ дѣтяхъ вашихъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ III.

Вслѣдъ за ектеніею въ молебномъ пѣніи при начатіи ученія отроковъ, священникъ читаетъ слѣдующіе стихи:

«Яко посредѣ учениковъ твоихъ пришелъ еси, Спасе, міръ дая имъ,—прійди и къ намъ и спаси насъ.» — Священникъ отъ лица св. церкви дерзаетъ напомнить премилосердому Господу Иисусу то время, когда Онъ по воскресеніи своемъ являлся ученикамъ своимъ, давалъ имъ осязать себя и свои язвы, преподавалъ имъ миръ свой, отверзъ ихъ умъ—уразумѣвать писанія, и ниспосылалъ благодать Духа Святаго. «Прійди и къ намъ, и спаси насъ», вопіетъ священникъ отъ лица нашего къ Господу.

За тѣмъ священникъ предъ лицемъ Господа, пришедшаго къ намъ, исповѣдуетъ спасительные плоды всесильной благодати Духа Святаго, ниспосланнаго Господомъ на Апостоловъ. «Безкнижныя ученики Духъ Твой Святыи явилъ наставниками, Христе Боже, и многовѣщанною проповѣдію ихъ упразднилъ прелесть идолопоклон-

никовъ, яко всесиленъ.» — Здѣсь въ примѣрѣ святыхъ Апостоловъ вы видите во всей силѣ божественное могущество и силу единого учителя нашего Господа Иисуса Христа, къ которому вы привели теперь вашего сына или дочь. Апостолы сначала были люди простые и безкнижные, т. е. неученые; и между тѣмъ они, получивши отъ Господа благодать Духа Святаго, сдѣлались наставниками и учителями всемірными для всѣхъ народовъ и вѣковъ, и своею проповѣдію посрамили и убили все обольщеніе языческой учености. Вотъ какова сила ученія божественнаго нашего Учителя! «Благословенъ еси, взываетъ далѣ священникъ, прославляя Его, «благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей, низпославъ имъ Духа Святаго, и тѣми уловлей вселенную; Человѣколюбче, слава тебѣ.»

Наконецъ священникъ отъ лица всѣхъ насъ обращается съ молитвою къ непостыдной предстательницѣ христіанъ, къ неизмѣнной ходатаицѣ нашей предъ Творцемъ, — Пресвятой Богородицѣ. «Непрезри молитвенныхъ воплей насъ грѣшныхъ, — но поспѣши яко благая на помощь намъ.»

Послѣ этихъ стиховъ слѣдуетъ чтеніе Апостола и Евангелія. И то и другое чтеніе, какъ увидимъ, прекрасно примѣнено св. церковію ко времени и обстоятельствамъ, въ какихъ вы находитесь, бр. мои. Я разберу для васъ, нѣсколько подробнѣе эти чтенія.

Предъ апостольскимъ чтеніемъ полагается, по обычаю, прокимень. Въ настоящемъ случаѣ прокимень состоитъ изъ слѣдующаго псаломскаго стиха: *изъ устъ младенцевъ и ссушихъ (врудныхъ) совершилъ еси хвалу* (Псал. 8, 3). Въ этомъ стихѣ содержится для васъ, родители, и утѣшеніе и вразумленіе, и отчасти обличеніе. *Утѣшеніе*: вашъ сынъ или дочь въ настоящіе годы свои принадлежатъ къ тѣмъ счастливымъ существамъ, устами которыхъ нерѣдко двигаетъ самъ Богъ. Вспомните при этомъ дѣтскій лепетъ отроковъ еврейскихъ, взывавшихъ, по внушенію Божию, во храмѣ Іерусалимскомъ: осанна сыну Давидову! Вспомните,—и порадауйтесь, если и вашъ сынъ или дочь умѣютъ уже прославлять Господа Іисуса. *Вразумленіе*: дорожите же образованіемъ ума и сердца вашего сына или дочери; слѣдите внимательно за словами устъ ихъ: *отъ избытка сердца уста глаголютъ*. — *Обличеніе*: подумайте и о томъ, какъ нерѣдко у насъ взрослыхъ слово бываетъ и гнило, и праздно, и вредоносно.

При прокимнѣ положенъ слѣдующій стихъ: *взрадуется сердце мое о спасеніи Твоемъ*. Это радость о спасеніи или о спасительномъ ученіи, которое преподаетъ намъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ,— прежде всего ваша радость, родители христіане: сыну вашему или дочери Господь указываетъ путь спасенія въ истинномъ образованіи; потомъ—радость дѣтей вашихъ, которыхъ Господь призываетъ на путь спасенія; наконецъ—

это радость всей святой церкви и за васъ и за чадъ вашихъ.

Апостольское чтеніе заимствуется изъ посланія къ Ефесеямъ (1, 16—20; 3, 18—21).

Братіе, непрестаяю благодаря о васъ (Бога), поминаніе о васъ творя въ молитвахъ моихъ: да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія въ познаніе Его. Т. е. за вашу вѣру въ Господа Іисуса Христа и за любовь вашу ко всѣмъ святымъ (Еф. 1. 15), непрестанно благодарю Бога, и вмѣстѣ съ тѣмъ молюсь за васъ, чтобы Отецъ небесный даровалъ вамъ Духа премудрости и откровенія къ познанію возлюбленнаго Спасителя нашего Господа Іисуса Христа. Для васъ, родители христіане, безъ сомнѣнія, утѣшительно слышать, что вашу молитву разделяетъ съ вами и восполняетъ своею молитвою св. Апостолъ Павелъ; — и что его и ваша молитва обращена къ Богу щедродаровитому, у котораго нѣтъ конца милостямъ, нѣтъ и предѣла сокровищамъ и благамъ. Онъ — Отецъ славы. Да дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія, т. е. да возвыситъ и воскреситъ вашъ умъ благодатию Духа Св., и чрезъ Него да изліетъ на васъ свои божественныя откровенія. Душевенъ чловѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть (1 Кор. 2, 14). Чтобы понимать духовное, видѣть сокровенное, для этаго нужна и мудрость духовная. Духъ от-

крываетъ все и разъясняетъ самыя тайны Божіи. Вѣдѣніе тайнъ Божіихъ принадлежитъ именно одному Духу, который испытуетъ и глубины Божіи (1 Кор. 2, 10), и ни Ангелъ, ни Архангелъ, ни иная какая сотворенная сила не подастъ, т. е. не доставитъ вамъ этаго дарованія. (Златоут. на посл. къ Еф.). *Да дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія въ познаніе Ею*, т. е. Господа нашего Иисуса Христа. Познать и возлюбить Господа нашего Иисуса Христа, Единороднаго Сына Божія, насъ ради воплотившагося и вочеловѣчившагося, насъ ради распятаго и погребеннаго, насъ ради воскресшаго и вознесшагося на небеса, и сѣдящаго одесную Бога Отца: — вотъ главная цѣль нашего обученія, нашего образованія.

Родители—христіане! Слово св. Апостола не заключаетъ ли обличенія нашимъ желаніямъ и стремленіемъ при образованіи нашихъ дѣтей? Одинъ изъ насъ прежде всего желаетъ, чтобы сынъ его былъ богатымъ купцомъ, другой—чиновникомъ, тотъ—военнымъ и проч. А объ томъ, чтобы прежде всего сынъ нашъ позналъ и возлюбилъ Господа нашего Иисуса Христа, — мало, очень мало заботы. Горе намъ! Строгій отвѣтъ дадимъ мы за это Господу Богу!...

До дастъ вамъ, — продолжаетъ свою молитву св. Апостолъ, — *просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія вашего, и кое богатство славы достоянія Ею во Святыхъ, и кое преспѣющее величество*

силы Его въ насъ вѣрующихъ по дѣйству державы крѣпости Его. Апостолъ Павелъ раскрываетъ намъ, что познаніе Господа нашего Іисуса Христа для насъ должно быть чрезвычайно отрадно и вожделѣнно. Если бы Господь нашъ Іисусъ Христосъ, совершивши наше спасеніе своими крестными страданіями и смертію, одинъ вошелъ въ славу, намъ, быть можетъ, не такъ отрадно и утѣшительно было бы познавать Его; но Онъ своими страданіями и смертію отверзъ и намъ всѣ сокровища благодати Отца небеснаго; Онъ, восшедши превыше всѣхъ небесъ, вознесъ съ собою въ лицѣ своемъ и насъ, и спосади на престолѣ славы вѣчной, и каждому изъ насъ лично, по мѣрѣ силъ и трудовъ нашихъ, уготовалъ мѣсто въ дому Отца Своего Небеснаго. И вотъ св. Апостолъ молить за насъ, да дастъ намъ Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, просвѣщенныя очи сердца нашего, чтобы намъ понять, въ чемъ состоитъ надежда призванія Его, и какъ богато славное наслѣдіе Его для святыхъ, и какъ превосходно величіе могущества Его въ насъ вѣрующихъ по дѣйству державной силы Его.

Замѣчательны, бр. мои, въ этой молитвѣ св. Апостола нѣкоторыя выраженія; именно: Апостолъ молить Отца небеснаго, да дастъ намъ *просвѣщенна очеса сердца*, — не ума, который пожалуй можетъ представить и возраженія и недоумѣнія, — а очеса сердца, которое принимаетъ

божественное откровеніе на вѣру. И не просто сказалъ опять Апостолъ: *да дастъ вамъ очеса сердца*, но *просвѣщенна очеса сердца*. Пусть сердце ваше, возносясь на небо къ Господу Иисусу, сѣдѣющему одесную Бога Отца, взираетъ ясно и разумно на тѣ блага, которыя Отецъ небесный уготовалъ и вамъ и чадамъ вашимъ и всѣмъ вѣрующимъ. Какъ для того, чтобы видѣть и понимать всю красоту и величіе обыкновеннаго, видимаго нами неба, потребно не просто зрѣніе, но просвѣщенное зрѣніе; такъ и тамъ. Очи сердца должны быть просвѣщены вѣрою. И тогда вы узнаете, въ чемъ состоитъ надежда призванія нашего отъ Отца небеснаго, и какое богатство славнаго наслѣдія Его для святыхъ, и какъ безмѣрно величіе могущества Его въ насъ вѣрующихъ по дѣйствию державной силы Его.

Увѣдѣти вамъ... богатство славы, т. е. славу неизреченную. «Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ св. Златоустъ (Бесѣд. на посл. къ Еф.), чье слово въ состояніи представить ту славу, которой сподобятся нѣкогда святые? Конечно ничье. Чтобы уразумѣть это, для сего человѣческому уму поистинѣ нужна благодать, нужно, чтобы онъ воспринялъ хоть малый лучъ духовнаго свѣта.»

Да возможете разумѣти преслыщую разумъ любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполненіе Божіе. Апостолъ молить Отца небеснаго, чтобы Онъ даровалъ вамъ и вашему сыну возможность и силу уразумѣть, — какою безгра-

ничною, превышающею всякое разумѣніе любвию возлюбилъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. «Хотя любовь Христова, — говоритъ св. Златоустъ, объясняя слова Апостола, — и выше всякаго человѣческаго уразумѣнія; однако вы познаете ее, если въ васъ будетъ обитать Духъ Святый; и не только познаете, но и *исполнитесь во всяко исполненіе Божіе*. Подъ исполненіемъ же Божіимъ (полнотою Божіею) Апостолъ или разумѣетъ познаніе того, какъ во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ воздается поклоненіе Богу, или побуждаетъ къ тѣмъ подвигамъ, чрезъ которые можно было бы исполниться такихъ добродѣтелей, какихъ исполненъ Богъ» (тамъ же).

Моущему же паче вся творити по преизбыточествію изъже просимъ или разумѣемъ, по силъ дѣйствующей въ насъ, Тому слава въ церкви о Христѣ Іисусѣ, во вся роды вѣка вѣковъ. Аминь. Апостолъ какъ бы такъ говоритъ: видите: я за васъ и съ вами вмѣстѣ возношу молитву къ Отцу небесному, чтобы Онъ ниспослалъ вамъ Духа премудрости и откровенія, даровалъ просвѣщенныя очи сердца, да возможете разумѣть безграничную любовь Господа Іисуса Христа. И не думайте, что мы возносимъ молитву нашу къ существу такому, которое или не внемлетъ молитвѣ нашей, или не можетъ исполнить ее, или скупится на дары свои; нѣтъ, премилосердъ и щедръ Отецъ нашъ небесный, къ которому мы возносимъ молитву нашу. Онъ самъ по

неизреченной любви своей и благодати готовъ сдѣлать для насъ несравненно больше того, чего мы у Него просимъ, или о чемъ помышляемъ. Намъ остается только вѣчно славословить Его за Его безграничную благодать, за Его неизреченныя милости къ намъ.

Таково, бр. мои, по содержанію своему апостольское чтеніе на молебнѣ при начатіи ученія отроковъ. Вы, родители, въ немъ слышите увѣреніе, что Апостолъ Павелъ непрестанно творить поминовеніе о васъ въ молитвѣ къ Господу Богу, да дастъ Онъ вамъ Духа премудрости и откровенія въ познаніе Единороднаго Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа,—да даруетъ Онъ вамъ просвѣщенныя очи сердца, чтобы уразумѣть безграничную любовь Христову къ намъ. Вотъ, бр. мои, главная задача нашего образованія и развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ св. Апостолъ удостоверяетъ васъ, что Отецъ небесный всегда готовъ дать вамъ, по неизреченной любви своей, гораздо больше, нежели сколько вы просите или желаете для вашихъ чадъ.

О, просите только, просите съ вѣрою и упованіемъ, — и Отецъ небесный услышитъ вашу молитву и подастъ вамъ больше, нежели сколько вы просите или желаете. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ IV.

Отрадно, бр. мои, слышать вамъ въ апостольскомъ чтеніи, что св. Апостолъ Павелъ молит-

венно воспоминаетъ предъ Богомъ и васъ и сына вашего, желающаго начать ученіе; отрадно узнать, какую высокую цѣль указываетъ вамъ и вашему сыну св. Апостолъ, при развитіи его способностей; утѣшительно вамъ быть увѣренными, что вы и сынъ вашъ молитесь предъ Отцемъ щедродаровитымъ, готовымъ подать вамъ больше, нежели сколько вы просите; но еще отраднѣе и возжеленнѣе для васъ должна быть та радостная вѣсть, которую вы слышите въ Евангеліи, читаемомъ на молебномъ пѣніи при началіи ученія отроковъ. Вамъ Св. Церковь прямо говоритъ въ этомъ Евангельскомъ чтеніи: не смущайтесь духомъ, ведите смѣло дѣтей вашихъ къ Господу Иисусу Христу: Онъ принимаетъ дѣтей съ особенною пѣжностію и любовію; Онъ обнимаетъ ихъ и благословляетъ на подлежащія имъ труды въ образованіи; Онъ даже негодуетъ на тѣхъ, кто какимъ бы то ни было образомъ препятствуетъ имъ приходить къ Нему; Онъ ясно увѣряетъ, что дѣтямъ-то и принадлежитъ царство небесное.

Во время оно приношаху ко Иисусови дѣти, да коснется ихъ, — такъ начинается Евангельское чтеніе. Понятно, бр. мои, кто это приносилъ къ Господу Иисусу дѣтей; — это родители и особенно матери, движимыя чувствомъ благоговѣнія къ Нему и любовію къ своимъ дѣтямъ. Имъ желательно было, чтобы Господь только коснулся ихъ дѣтей; онѣ считали для себя и для

дѣтей своихъ особенною милостію это прикосновеніе, и вѣровали, что Отецъ небесный, по молитвѣ Его (Мѡ. 19, 14), даруетъ дѣтямъ ихъ всѣ потребныя блага.

Ученицы же прещаху приносящимъ. Св. Златоустъ замѣчаетъ, что ученики дѣлали это изъ уваженія къ Іисусу Христу (Бесѣд. на Ев. Мѡ.). Они безъ сомнѣнія думали: время ли Ему, пришедшему устроить на землѣ царство Божіе, заниматься съ дѣтьми, прикасаться къ нимъ, оставившись съ ними? Что они понимаютъ въ этомъ царствѣ Божіемъ!... Проповѣдь, ученіе, чудотворенія — вотъ чѣмъ занимается Онъ, — нашъ божественный учитель. — Такъ могли думать ученики, — и страшно ошибались.

Видѣвъ же Іисусъ негодова, и рече имъ: оставите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не браните (невозбраняйте) имъ: тацѣхъ (таковыхъ) бо есть царствіе Божіе. Премилосердый и всевѣдущій Господь совсѣмъ не такъ смотрѣлъ на дѣтей, какъ ученики Его. Въ дѣтяхъ-то, въ молодомъ, свѣжемъ поколѣніи Онъ и видѣлъ истинныхъ наслѣдниковъ царствія Божія. Старцы и люди взрослые, современные Господу, большею частію уже окрѣпли въ тѣхъ предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ, которыми были наполнены сердца ихъ; новое божественное ученіе трудно улеглось въ ихъ умъ и сердца: оно не скоро препробѣждало тѣ мечты, которыя они лелѣяли цѣлую жизнь. Для вина новаго, — какъ образно

выражался Господь Иисусъ Христосъ объ ученіи своемъ, потребны были и мѣхи новые; для Его ученія потребно было новое, свѣжее, и возродившееся благодатию Св. Духа поколѣніе: оно скорѣе могло усвоить себѣ это ученіе, скорѣе могло вступить на путь къ царствію небесному. Вмѣстѣ съ тѣмъ душа дитяти и вообще болѣе способна ко всему доброму и святому. «Душа дитяти, — говоритъ св. Златоустъ, чиста отъ всѣхъ страстей; дитя непомнитъ обидъ, и къ обидѣвшимъ подбѣгаетъ, какъ къ друзьямъ, какъ будто ничего не бывало. Сколько бы мать ни наказывала свое дитя, оно всегда однакожъ ищетъ ее, и болѣе всѣхъ любить ее. Представь ему царицу въ діадимѣ; оно не предпочтетъ ее матери, облеченной въ рубище; но еще болѣе будетъ желать видѣть сію въ рубищѣ, нежели царицу въ богатой одеждѣ. Дитя ничего болѣе не требуетъ, кромѣ необходимаго, и какъ скоро насытится молокомъ, оставляетъ сосцы. Дитя не печалится о потерѣ денегъ, и о прочемъ, подобно намъ; и подобно намъ не радуется о вещахъ скорогиблющихъ; дитя не пристрастно къ красотѣ тѣлесной. Посему-то Иисусъ Христосъ и сказалъ: *таковыхъ бо есть царствіе небесное.*» (Бесѣд. на Ев. Мѣ.)

Аминь малою вамъ, — продолжалъ Господь, — уже аще не прииметъ царствія Божія, яко отроча, не имать внити въ не. Кто не прииметъ царствія Божія съ такою же простою, искренностію, теплотою и ревностію, съ ка-

кою принимаютъ дѣти всякую радостную вѣсть, кто будетъ имѣть сердце закрытое для любви къ Богу и ближнему, и одичавшее въ страстяхъ и порокахъ; тотъ не внидетъ въ царствіе Божіе. Господь сказалъ это для того,—замѣчаетъ св. Златоустъ, чтобы мы произвольно дѣлали то, что дѣти дѣлаютъ по природѣ (тамъ же); чтобы мы, не давая власти надъ собою никакимъ, нажитымъ нами въ теченіи жизни нашей, предразсудкамъ, со всѣмъ жаромъ любви и вѣры внимали божественному ученію Его и слѣдовали заповѣдямъ Его;—чтобы душа наша была чиста отъ страстей; — чтобы мы непомнили обидъ, и съ охотою прощали обидѣвшимъ насъ; чтобы не были алчны и жадны, не увлекались пристрастіемъ ни къ деньгамъ, ни къ почестямъ, ни къ красотѣ тѣлесной; словомъ: чтобы были чисты, невинны, готовы на всякое добро, какъ дѣти.

И объеми ихъ, возложь руку на нихъ, благословляше ихъ. Премилосердый Господь дѣлалъ больше, нежели чего желали отъ Него матери для своихъ дѣтей: онѣ желали, чтобы Онъ только *коснулся* дѣтей ихъ. Господь обнималъ ихъ, возлагалъ руки свои на нихъ и благословлялъ ихъ.

Видите, бр. мои, съ какою неизреченною любовью Господь принимаетъ дѣтей, приводимыхъ къ Нему; ведите же смѣло,—повторю вамъ, вашего сына или дочь къ Нему; вы тѣмъ доставляете радость Господу, блажество—дѣтямъ и утѣшеніе самимъ себѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поймите-

бр. мои, какъ неблагопріятно смотритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ на тѣхъ людей, которые мѣшаютъ дѣтямъ получить истинное, христіанское образованіе, мѣшаютъ имъ вѣрою и любовію приблизиться къ Нему: Онъ негодуетъ на такихъ людей, и гнѣвается. Помните это, особенно вы—родители и воспитатели. Если вы—родители—неучите дома вашихъ дѣтей молитвамъ, закону Божию и другимъ предметамъ, необходимо нужнымъ въ жизни христіанской,—и не отдаете ихъ въ школу, гдѣ они всему этому могутъ научиться; смотрите, вы этимъ возбуждаете негодованіе къ себѣ Господа Іисуса; вы *запрещаете* дѣтямъ приходить къ Господу, приближаться къ Нему вѣрою, любовію, молитвою. Если вы, воспитатели и учителя, такъ располагаете предметы занятій вашихъ, что въ образованіи дѣтей главнымъ образомъ гонитесь за свѣтскою ловкостію, за новомодными ученіями, за новоизмышленными системами отрицанія, и забываете развивать въ дѣтяхъ, вамъ довѣренныхъ родителями христіанами, вѣру въ Господа и любовь къ Нему, тогда какъ дѣти сами, по влеченію собственнаго сердца, ищутъ Его, стремятся къ Нему, готовы вѣровать въ Него и любить Его: смотрите,—вы возбуждаете негодованіе и гнѣвъ на себя Господа нашего; вы отстраняете дѣтей отъ Него; вы возбраняете имъ приходить къ Нему, приближаться къ Нему вѣрою, любовію, молитвою!

Послѣ Евангельаго чтенія слѣдуетъ сугубая ек-тенія. Представляя мысленно, что и нашего сына или дочь Господь Иисусъ Христосъ обнимаетъ и благословляетъ, мы повергаемся въ прахъ предъ Нимъ, и въ умиленіи сердца возсылаемъ къ Нему усиленную молитву нашу; и между другими прошеніями возносимъ слѣдующее, для насъ и для нашего сына или дочери особенно важное моленіе:

«Еще молимся Господу Богу нашему, о еже призрѣти милостивно на отрока сего или отроковицу сію, и послати въ сердце, во умъ и во уста его или ея Духа премудрости, разума и благочестія и страха своего, и просвѣтити его или ее свѣтомъ Своего благоразумія, и подати ему или ей силу и крѣпость во еже скоро пріяти, и успѣшно навикнути наставленію въ Божественномъ законѣ Его, и всему благому и полезному ученію, еже преуспѣвати ему или ей премудростию и разумомъ и всѣми благими дѣлами во славу пресвятаго Его имени, и даровати ему или ей здравіе, и долголѣтнимъ его или ее сотворити къ созиданію и славѣ Церкви Своея,—рцемъ вси: Господи услыши и милостивно помилуй.»

И поется «Господи помилуй» двѣнадцать разъ.

Желательно, чтобы каждый изъ родителей внималъ этимъ моленіямъ на колѣнахъ, со слезами и умиленіемъ, — и всѣмъ сердцемъ сочувствовалъ имъ.

Вслѣдъ за тѣмъ священникъ произноситъ *веле-млено, со всякимъ вниманіемъ и умиленіемъ*:

«Господи Боже и Создателю нашъ, образомъ Своимъ почтивый насъ человѣковъ, научивый избранныхъ твоихъ, яко дивитися внемлющимъ ученію Твоему, открывый премудрость младенцемъ, — иже Соломона и всѣхъ взыскующихъ премудрости Твоей научивый, — отверзи сердце, умъ и уста раба твоего сего (или рабы твоея сея) во еже пріяти силу закона Твоего, и со успѣхомъ познати преподаемая ему или ей полезная ученія, во славу пресвятаго имени Твоего, въ пользу и созидацію Святѣй Твоей Церкви, — и разумѣти благую и совершенную волю Твою. Избави его или ее отъ всякаго налога вражія, соблюди его или ее въ православіи и вѣрѣ и во всякомъ благочестіи и чистотѣ во вся дни живота его или ея; да преуспѣетъ въ разумѣ и во исполненіи заповѣдей Твоихъ; — да тако предуготованъ прославить пресвятое имя Твое и будетъ наслѣдникъ царствія Твоего.» Въ этой молитвѣ священникъ сосредоточилъ, всѣ ваши благожеланія восполнилъ ихъ своею молитвою, и какъ ходатай и молитвенникъ за васъ и за чадъ вашихъ, — вознесъ ихъ къ лицу самаго Господа.

Молебное пѣніе оканчивается обычнымъ отпustomъ; и послѣ отпуста священникъ, осѣняя крестомъ сына вашего или дочь вашу въ знаменіе дѣйствительнаго благословенія ихъ отъ самаго распятаго Господа, говоритъ: «благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и щедротами и человѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.»

И даетъ вашему сыну или дочери цѣловать Св. крестъ,—опять въ ознаменованіе того, что дѣйствительно самъ Господь обнимаетъ вашего сына или дочь и лобзаетъ святымъ лобзаніемъ Своимъ. И окропляетъ священникъ вашего сына или дочь освященною водою, въ ознаменованіе благодати Духа Святаго, орошающей душу вашего сына или дочери и освящающей силы и способности ихъ.

Идите съ Богомъ теперь; сажайте вашего сына или дочь за книгу, или отдавайте въ школу; науки дадутся имъ; успѣхи будутъ быстрые и хорошіе; Самъ Господь будетъ съ ними, будетъ помогать имъ въ ученіи.

Такъ св. Церковь, какъ нѣжная мать, высказываетъ желаніе сердца вашего Господу при началіи ученія вашихъ дѣтей, и увѣряетъ васъ и словомъ Божиимъ и своими священнодѣйствіями, что Господь благословляетъ вашихъ чадъ, обнимаетъ и освящаетъ. Она готова вмѣстѣ съ вами повторять это молебствіе всякій разъ при началіи ученія вашими дѣтьми, послѣ всякаго ихъ отдыха,—при переводѣ въ новый классъ, при занятіи новою наукою. Лишь только вы пожелайте; а она,—мать наша,—всегда готова удовлетворить вашимъ желаніямъ. Аминь.

Священникъ Василій Владиславлевъ.

О ПОДРАЖАНІИ СВЯТЫМЪ.

„Желаемъ, да не лѣнны будете, но подражатели наслѣдствующихъ обѣтованія вѣрою и долготерпѣніемъ“
(Евр. 6, 12).

Въ древности на жизнь праведниковъ и великіе мудрецы взирали какъ на лучезарное свѣтило, которое можетъ предохранить всякаго отъ уклоненія съ пути добродѣтели. *Путіе праведныхъ*, говоритъ Соломонъ, *подобно свѣту свѣтятся, предходятъ и просвѣщаютъ, дондеже исправится день*. Въ новомъ Завѣтѣ яснѣе раскрыто нравственное ученіе, данное Моисеемъ, и утверждено высочайшимъ примѣромъ нашего Искупителя и Господа; но при всемъ этомъ чрезъ св. Апостоловъ дана заповѣдь о подражаніи праведникамъ, стяжавшимъ царствіе небесное *вѣрою и долготерпѣніемъ*, также о подражаніи вѣрѣ скончавшихся святыхъ наставниковъ. Первенствующіе христіане съ полною ревностію исполняли сію заповѣдь: въ самыя тяжкія времена гоненій примѣръ пастырей церкви и первыхъ мучениковъ возбуждалъ тысячи христіанъ всякаго званія, пола и возраста къ мужественному исповѣданію вѣры Христовой предъ самыми жестокими

мучителями. Съ этою цѣлію при совершеніи памяти сихъ страдальцевъ, въ церковныхъ собраніяхъ читались записки о страдальческой кончинѣ мучениковъ и о чудесахъ, совершавшихся при мощахъ ихъ. По прекращеніи гоненій, примѣръ мучениковъ подкрѣпленъ былъ еще примѣромъ подвижниковъ, проводившихъ жизнь въ мирномъ уединеніи. Тѣ изъ ревнителей благочестія, которые заботились облегчить и для другихъ спасительное дѣло подражанія святымъ, съ особенною тщательностію собирали сказанія о жизни святыхъ, предавали ихъ письмени, и такъ составились, по превосходному выраженію одного учителя церкви, врачебно-вспомогательныя средства противъ забвенія добрыхъ примѣровъ: различные Патерики, Лавсаикъ, Исторія Боголюбцевъ и отдѣльныя житія многихъ святыхъ. Великое уваженіе, съ какимъ приняты были сіи писанія въ древней церкви, ясно показываетъ, что немало было лицъ, которыхъ сіи сказанія руководили и утверждали на пути благочестія.

Благодать Божія во святыхъ проявлялась въ такихъ высокихъ и разнообразныхъ подвигахъ, сообщала имъ такое величіе, такъ возвышала и укрѣпляла ихъ естественныя силы, озаряла ихъ такимъ свѣтомъ, что даже и краткія, но вѣрныя сказанія объ ихъ жизни не могутъ не возбуждать къ болѣе точному исполненію обязанностей всякаго, кто только умѣетъ цѣнить высокіе нравственные подвиги. Повѣствованія о святыхъ,

взятыя въ ихъ цѣлости, обилуютъ самыми разнообразными наставленіями, примѣнительно къ различнымъ обстоятельствамъ и состояніямъ нравственной жизни; посему это—какъ бы открытое училище, къ которомъ всегда можно найти полезное вразумленіе и наставленіе при всякомъ случаѣ жизни, при всякой нравственной нуждѣ. Благотворность такихъ повѣствованій на душу очень ясно живописуетъ Преп. Исаакъ Сиринъ, когда сравниваетъ ихъ съ орошеніемъ для растений. «Сказанія о праведныхъ, говоритъ онъ, также вождельбны слуху кроткихъ, какъ постоянное орошеніе недавно насажденному растенію.» (6-е сл. о милос. Владыкѣ). Растеніе, безъ своевременнаго орошенія, обыкновенно засыхаетъ, и потерявъ листья, въ ряду другихъ цвѣтущихъ произрастеній тяжело поражаетъ взоръ своимъ безобразіемъ; но когда чрезъ корни мало по малу напитается влагою, вновь возвращается къ жизни и начинаетъ утѣшать если не плодами, то свѣжестію зеленѣющихъ своихъ листьевъ. Нѣчто подобное сему бываетъ и съ человѣкомъ. Привычка къ грѣховнымъ дѣйствіямъ при равнодушіи къ дѣлу спасенія доводитъ его часто до жалкаго безобразія; но нѣсколько примѣровъ нравственнаго исправленія, рассказанныхъ ему въ минуты душевной тревоги и безпокойства, нѣсколько образцовъ духовнаго совершенства, вспомнутыхъ въ подобномъ состояніи чтеніемъ или размышленіемъ о жизни святыхъ угодниковъ Бо-

жіихъ, подобно орошенію водою, даютъ другое настроеніе его расположеніямъ; онъ заботливѣе соображается въ своихъ дѣйствіяхъ съ требованіями нравственнаго закона и мало по малу возстановляетъ въ себѣ красоту образа Божія. Такимъ образомъ сказанія о праведникахъ поистиннѣ дѣйствуютъ на душу, какъ орошеніе на растеніе; они поддерживаютъ и усиливаютъ въ ней тѣ желанія, чувства и мысли, которыя составляютъ истинную жизнь богоподобной души, и безъ которыхъ невозможны для ней ни радость, ни миръ о Дусѣ Святѣ. Но еще благотворнѣе дѣйствуютъ сказанія о жизни святыхъ на душу, если человѣкъ уже вкусилъ, *яко благъ Господь*, и испыталъ чувства довольства и радости, поражаемая дѣйствіями истинной любви къ Богу. Тогда, возбуждая соревнованіе къ самымъ высокимъ добродѣтелямъ св. угодниковъ Божіихъ, они также възгрѣваютъ пламень любви Божественной въ сердцѣ, какъ тихое вѣяніе воздуха при соприкосновеніи съ горящимъ углемъ воспламеняетъ огонь въ кадильницѣ. Посему и Св. Златоустъ говоритъ: «Когда кто живетъ духовно, тогда его свойства, слова и дѣла полезно знать чадамъ церкви; ибо если видя неодушевленные мѣста, гдѣ сидѣли и были связаны св. Апостолы, мы уносимся умомъ и сердцемъ къ ихъ добродѣтелямъ, ободраемся и дѣлаемся живѣе, то, если услышимъ ихъ слова и дѣла, гораздо больше можемъ имѣть усердія къ подражанію ихъ дѣйствіямъ.»

(16. на посл. къ Филим.). Такъ, въ какомъ бы нравственномъ состояніи мы ни находились, сказаніе о жизни Святыхъ Божіихъ можетъ ослабить узы пристрастій нашихъ къ земному и чувственному, разоблачить суетность и пустоту наслажденій праздности безъ труда для блага общаго, возбудить сознаніе о пагубныхъ дѣйствіяхъ духовнаго усыпленія и нерадѣнія, а затѣмъ мало по малу окрилитъ нашъ духъ для молитвеннаго возношенія къ Богу и для исканія горькихъ благъ царства небеснаго.

Къ сожалѣнію съ распространеніемъ свѣтскаго образованія ревность къ чтенію житій святыхъ, замѣтно охлаждѣваетъ въ нашемъ обществѣ, а вмѣстѣ съ этимъ оскудѣваетъ и ревность къ подражанію святымъ. Между нами немало такихъ, которые не знаютъ ничего о жизни даже тѣхъ святыхъ, которыхъ имена носятъ со дня своего рожденія. Знаютъ ли многіе хотя то, что сообщается къ церковныхъ службахъ, когда восхваляются и прославляются здѣсь въ общихъ выраженіяхъ болѣе высокіе ихъ подвиги и чудеса? Должно признаться, что многіе нерадятъ пріобрѣсть свѣденія о жизни и тѣхъ святыхъ, которые совершали свое земное служеніе и св. мощами почиваютъ въ однихъ съ нами городахъ и селеніяхъ. Спросите напр. многихъ жителей Москвы, что знаютъ о жизни почивающихъ здѣсь Петра, Алексія, Іоны, Филиппа, какъ располагали они свою жизнь и какъ служили спасенію другихъ, чѣмъ возгрѣвали свою ревность о бла-

гочестіи, какъ приготовлялись къ своему высокому служенію въ лѣта юности,—и отъ многихъ не услышите удовлетворительнаго отвѣта. Какъ же ожидать отъ нихъ подражанія симъ наставникамъ? Безъ знанія житій святыхъ даже церковныя пѣснопѣнія, содержащія въ себѣ указанія на ихъ подвиги и дѣянія, не могутъ производить полного благотворнаго дѣйствія на нашу душу. Такъ крайняя скудость свѣдѣній о жизни святыхъ, которую нехотятъ восполнить чтеніемъ предлагаемыхъ церковію писаній о семъ, это одна изъ главныхъ причинъ оскуднѣнія ревности къ подражанію Святымъ Божиимъ.

Но нельзя забыть, что многіе и знаютъ, или по крайней мѣрѣ читаютъ житія святыхъ, но не отличаются соревнованіемъ ихъ добродѣтелямъ. Что же въ нихъ охлаждаетъ ревность къ подражанію святымъ? Однихъ удерживаетъ отъ сего святаго дѣла малодушное представленіе о чрезвычайной трудности подражанія имъ, а другихъ дерзостная надежда на возможность нравственнаго препѣянія безъ подражанія древнему благочестію, какъ несовѣстимуому съ духомъ новѣйшаго времени. Есть ли что либо основательное въ такомъ образѣ мыслей? Малодушіе, уклоняющееся отъ подражанія святымъ только по причинѣ трудности, явно недостойно христіанина, призваннаго къ святости: *яко святъ Господь Богъ нашъ*. Для вразумленія и успокоенія такихъ достаточно напоминаніе о томъ, что благодать

Божія никогда неоставляетъ своею помощію тѣхъ ревнителей благочестія, которые искренно признають свои немощи и просятъ о высшей помощи. Если же кто жалуется на трудность подражанія святымъ, не пытавшись взойти и на первыя ступени духовнаго совершенства, съ которыхъ начиналъ свое нравственное преспѣваніе каждый святой, то таковой самъ обличаетъ себя и въ лѣнности и въ равнодушіи ко всему закону Божию.

Но не менѣе достойно осужденія отреченіе отъ подражанія святымъ по непримѣнимости будтобы древняго благочестія къ нашему времени. Неоспоримо, что не все сохранившееся до насъ въ сказаніяхъ о жизни и дѣяніяхъ святыхъ должно служить для насъ примѣромъ подражанія; но главныя требованія Евангельскаго закона для всѣхъ временъ одинаковы, и посему все то, что одобрялось и сохранялось, какъ согласное съ ученіемъ Христовымъ въ первенствующей церкви, должно быть предметомъ попеченія и въ наше время. Слова Спасителя, сказанныя Апостоламъ: *не вѣсте, коего духа есте*, ясно показали, что не всѣ выраженія ревности пророка Іліи примѣнимы къ духу ученія Христова, но въ писаніяхъ Апостольскихъ пророкъ Ілія все-же указывается намъ въ примѣръ для увѣренія въ дѣйственности предъ Богомъ и обязательности для всѣхъ молитвы за нашихъ ближнихъ (Іак. 5, 17. Евр. XI). Въ другомъ случаѣ Самъ Господь

нашъ Іисусъ Христосъ защитилъ Апостоловъ, растиравшихъ колосья въ субботу примѣромъ Давида. Отсюда необходимо извлекается наставленіе, что при сомнѣніи о томъ, дозволительно ли извѣстное дѣйствіе неуказанное ясно въ законѣ, рѣшеніе на подобные вопросы съ увѣренностію можно искать въ жизни святыхъ, которые извѣстны своею ревностію о точномъ соблюденіи Закона Божія, не только по буквѣ, но и по духу его. Случается слышать смѣлыя сужденія о непримѣнимости жизни древнихъ мучениковъ и подвижниковъ къ нашему времени. Но отличите жестокія мученія, на которыя обрекали мучениковъ и исповѣдниковъ ихъ древніе гонители,—отъ мужества и неустрашимости, которыя воодушевляли ихъ къ терпѣнію, и ту твердость убѣжденія, съ какою мученики и исповѣдники защищали истины христіанскаго ученія предъ язычниками, іудеями, магометанами, еретиками, особенно иконоборцами, и тогда ясно откроется, чему можно подражать. Не преслѣдуешь ли и теперь боговраждебный міръ стрѣлами острыхъ насмѣшекъ и колкихъ порицаній ревнителей благочестія и за соблюденіе тѣхъ святыхъ обычаевъ, которые какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ духу ученія Христова, но не нравятся современной образованности (напр. обычай совершать краткую молитву при входѣ въ чужой домъ, и украшать долгъ святыми иконами), и за отступленіе отъ тѣхъ правилъ свѣтлости, кото-

рыя не представляютъ никакой пищи для нравственнаго чувства, и которыя напротивъ ведутъ къ ослабленію добрыхъ нравовъ. Вооружитесь же мужественно противъ такихъ насмѣшекъ и порицаній, и вы явитесь подражателями древнихъ мучениковъ. Вслушайтесь внимательнѣе въ бесѣды исповѣдниковъ Христовыхъ съ язычниками, іудеями и еретиками, и вы не только яснѣ поймете многія истины христіанскаго ученія, но сближаясь болѣе и болѣе съ мучениками въ чувствахъ св. вѣры, не уклонитесь по ихъ примѣру и отъ защищенія ея предъ тѣми, которые подъ предлогомъ свободы совѣсти готовы дозволить всякое вольномысліе. Жизнь древнихъ иноковъ и особенно отшельниковъ представляетъ дѣйствительно много особенностей въ сравненіи съ семейной жизнію членовъ нынѣшняго гражданскаго общества, при различныхъ ихъ званіяхъ и положеніяхъ; но усиленные заботы иноковъ о побѣжденіи грѣховныхъ наклонностей, о приобрѣтеніи общихъ христіанскихъ добродѣтелей, могутъ ли быть чужды христіанину, къ какому бы званію ни принадлежалъ онъ въ гражданскомъ обществѣ? При изученіи жизни древнихъ подвижниковъ можно найти поучительныя сказанія, какъ приучали себя они къ воздержанію, какъ отрѣвали нечистыя грѣховныя желанія, какъ укрощали движенія гнѣва, чѣмъ охраняли себя отъ разсѣянности мыслей при молитвѣ, чѣмъ подкрѣпляли въ себѣ духъ смиренномудрія

и кротости. Кто дерзнетъ сказать, что подобныя повѣтствованія не содержать въ себѣ ничего достойнаго подражанія для нынѣшнихъ христіанъ, озабоченныхъ дѣломъ спасенія своей души и нравственнымъ усовершенствованіемъ?

Но въ ликѣ святыхъ прославленныхъ Церковію есть столпники и юродивые. Ужели и имъ долженъ подражать всякій христіанинъ? Отъ знакомыхъ съ церковными сказаніями о жизни и подвигахъ сихъ угодниковъ нельзя ожидать такого вопроса, для нихъ должно быть извѣстно, что Юродство и Столпничество суть такіе чрезвычайныя подвиги, на которые и изъ древнихъ святыхъ обрекали себя не многіе, притомъ по особенному призванію Божію, и послѣ рѣшительнаго удостовѣренія въ благословеніи Божіемъ къ такимъ добровольнымъ ихъ страданіямъ. Во всякомъ случаѣ нельзя сказать, что эти подвиги имѣли нравственное значеніе только въ древнія времена, а теперь никакъ не могутъ быть названы богоугодными дѣйствіями. Еще менѣе можно допустить, чтобы повѣствованія о сихъ подвижникахъ не заключали ничего поучительнаго и достойнаго подражанія для христіанъ нашего вѣка. Можно ли напр. почувствовать осужденія за обыкновенную нашу нетерпѣливость при неисполненіи нашихъ желаній, за малодушіе и ропотъ въ болѣзняхъ, когда придется услышать о подвигахъ и добровольныхъ страданіяхъ Свмеона Столпника, которыя воззвали къ покая-

нію, исправленію жизни и къ вѣрѣ во Христа тысячи заблудшихъ? Юродство особенно не совмѣстимо съ званіемъ начальниковъ и родителей, обязанныхъ служить для другихъ добрымъ примѣромъ; но пренебреженіе юродивыми къ человѣческой славѣ не можетъ ли быть поучительнымъ и въ наше время для всѣхъ тѣхъ, которые ищутъ награды за каждое доброе дѣло, которые сѣтуютъ, когда ихъ обходятъ чинами и почестями, и которые любятъ разглашать о своихъ заслугахъ и подвигахъ, съ явнымъ забвеніемъ о заповѣди Спасителя, совершать дѣла благочестія въ тайнѣ, и безъ расчетовъ на человѣческое воздаяніе? Такъ, боголюбезный читатель, въ жизни каждаго святаго всякій вѣрующій можетъ найти много поучительнаго и наставительнаго. Кромѣ пути вѣры, любви и самоотверженія, которымъ шли всѣ святые, другаго пути къ блаженству нѣтъ; итакъ, кто вздумалъ бы увѣрять, что онъ можетъ указать другой кратчайшій, или не столь тѣсный и узкій путь, тотъ въ самонадѣянности своей, только погубилъ бы себя и другихъ, а не научилъ бы истинной христіанской добродѣтели. Во времена св. Златоуста нечестіе прикрывали благовидными именами, несправедливость называли мужествомъ, славолубіе—великодушіемъ, расточительность—человѣколюбіемъ, дерзость—откровенностію, а скромность наоборотъ—необразованностію, кротость—робостію, смиреніе—рабодѣльствомъ и справедливость слабостію. Но на такой образъ мыслей

св. Златоустъ по справедливости указывалъ, какъ на крайнюю степень развращенія нравовъ. А кто подъ разными предлогами будетъ уклоняться отъ подраженія святымъ, тотъ въ опасности заблудиться именно на этомъ пути нечестія и погибели: ибо, отказываясь подражать святымъ, такіе люди только мечтаютъ объ изобрѣтеніи новыхъ средствъ къ развитію высокихъ характеровъ, на самомъ же дѣлѣ увлекаются подражаніемъ примѣрмамъ современной роскоши, моды дерзкаго невѣрія, льстивой любезности въ обращеніи, и пристрастія къ увеселеніямъ, не имѣютъ предъ своими взорами никакихъ примѣровъ нравственнаго величія и духовнаго мужества, и потому надолго остаются при своемъ равнодушіи ко всему святому и къ самымъ главнымъ обязанностямъ христіанскимъ. Правда для возвышенія и облагороженія духа часто обращаются въ подобныхъ случаяхъ къ произведеніямъ, такъ называемой, изящной словесности, которыя читаются легко и не требуютъ напряженнаго размышленія; но при семъ чтеніи пріучаются прежде всего къ легкомыслію, ослабляютъ память, дѣлаются неспособными судить о предметахъ съ надлежащею основательностію и вмѣсто того чтобы узнать отсюда, какъ постепенно развиваются высокіе и благородные характеры, мало помалу усвояютъ себѣ такіа чувства и расположенія, отъ которыхъ еще болѣе ослабляются нравственныя силы,—или увлекаясь живостію разказа, забываютъ что многіе писатели сами не

имѣють твердыхъ и чистыхъ нравственныхъ убѣжденіи.

Такъ, слишкомъ неосновательны предлоги, по которымъ мечтають уволить себя отъ подражанія святымъ, и не усомнимся сказать, что и при малодушіи и при самонадѣянности ревность къ подражанію святымъ ослабляется главнымъ образомъ отъ назначенія Богоугодной ихъ жизни. Приложимъ посему усердіе къ пріобрѣтенію болѣе полныхъ и основательныхъ свѣденій о св. угодникахъ Божіихъ. Въ древности жизнь и подвиги ихъ, по свидѣтельству Златоуста, были предметомъ обыкновенныхъ домашнихъ разговоровъ особенно по выходѣ изъ церкви во дни посвященныхъ памяти святыхъ; объ этомъ же за лучшее почитали говорить и при посѣщеніи постороннихъ лицъ. Такъ нѣкогда посѣтилъ св. Василія Ефрема Сириня. О чемъ, думаете, бесѣдовали святые при первой встрѣчѣ между собою? Предложивъ скромную трапезу, Архіепископъ Кесарійскій разсуждалъ съ своимъ посѣтителемъ о томъ, какими добрыми дѣлами можно умиливать Господа, какъ пріобрѣсти Апостольскія добродѣтели; за тѣмъ разсказалъ ему о мученичествѣ четырехдесяти Севастійскихъ мучениковъ и повѣдалъ все прочее объ ихъ благочестіи. ^{г)} Что если бы и въ наше время при взаимныхъ посѣщеніяхъ, вмѣсто толковъ о погодѣ, объ увеселеніяхъ прошедшихъ и приготавливаемыхъ, о приключе-

г) Пох. сл. Вас. Великому св. Ефр. Сирина.

ніяхъ съ знакомыми и сосѣдами, почаще бесѣдоvalи о жизни воспоминаемыхъ Церковію святыхъ, или тѣхъ, которыхъ каждый изъ насъ носитъ имена отъ рожденія, или тѣхъ, которые ближе къ намъ по мѣсту своихъ земныхъ подвиговъ, и по особенной нашей къ нимъ вѣрѣ? Какъ многое къ лучшему измѣнилось бы въ нашей жизни! И какъ много бы не могло содѣйствовать распространенію полезныхъ свѣдѣній о святыхъ, а лучший образецъ того, какъ свѣдѣнія о жизни святыхъ можемъ мы прилагать къ своей жизни, св. Аѳанасій Александрійскій указываетъ въ сказаніи объ Антоніи Великомъ. Собирая свѣденія о рачителяхъ добродѣтели. Антоній, по словамъ св. Аѳанасія, въ каждомъ изъ нихъ изучалъ, въ чемъ преимуществовалъ онъ предъ другими, въ одномъ наблюдалъ его привѣтливость, въ другомъ неутомимость въ молитвахъ, въ одномъ замѣчалъ безгнѣвіе его, въ другомъ челоvѣколюбіе, въ одномъ обращалъ вниманіе на его неусыпность, въ другомъ на его любовь къ ученію, кому удивлялся за его терпѣніе, кому за посты, и такъ сочетавая во едино, что заимствовалъ у другихъ, старался въ себѣ одномъ явить преимущества всѣхъ.

Читатель! Позаботимся же, чтобы въ насъ возбуждали соревнованіе образцы только истинной добродѣтели.

Архимандритъ Порфирій.

ЛОЖНЫЙ СТЫДЪ.

Нынѣ много говорятъ объ общественномъ мнѣніи. Отъ общества требуютъ, чтобы оно составляло и имѣло свое мнѣніе обо всемъ, и отъ частныхъ лицъ—чтобы они съ этимъ мнѣніемъ сообразовались. Все это очень хорошо, но требуетъ большихъ ограниченій и предосторожностей, особенно въ отношеніи къ нравственной жизни. Христіанское ученіе и исторія свидѣтельствуютъ, что люди могутъ заблуждаться и принимать ложное направленіе—повторимъ особенно по отношенію къ нравственной жизни—цѣлыми массами, цѣлыми народами. Въ какое положеніе долженъ становиться частный человѣкъ при ложномъ направленіи цѣлаго общества и его мнѣній? Божественное откровеніе въ этомъ случаѣ говоритъ христіанину: сообразуйся прежде всего съ волею Божіею, а людскаго мнѣнія не бойся и не стыдись. Того, кто при исполненіи воли Божіей стѣсняется и затрудняется людскимъ мнѣніемъ, оно называетъ малодушнымъ, а стыдъ его въ этомъ случаѣ признаетъ ложнымъ. Въ нашемъ обще-

ствѣ, гдѣ общественное мнѣніе, какъ всѣ говорятъ, еще не сложилось, и отношенія къ нему частныхъ лицъ еще не опредѣлились, мало видно крѣпкой борьбы частныхъ людей съ ошибочными приговорами этого мнѣнія, а ложный стыдъ встрѣчается на каждомъ шагу. Онъ уже производитъ большія опустошенія въ вѣрованіяхъ, добрыхъ нравахъ и обычаяхъ православныхъ христіанъ. Посему полезно, на основаніи слова Божія, разъяснить неясныя о немъ понятія, встрѣчающіяся между нами и указать его гибельное вліяніе на жизнь нашу.

Чтобы имѣть вѣрное понятіе о ложномъ стыдѣ, для сего нужно знать христіанское ученіе о стыдѣ истинномъ. Въ ученіи о христіанской нравственности различаются два явленія, составляющія то состояніе духа, которое мы вообще называемъ стыдомъ. Первое—въ собственномъ смыслѣ стыдъ. Онъ есть страданіе души въ слѣдствіе содѣланнаго грѣха, происходящее отъ сознанія ся виновности передъ Богомъ и нравственнаго униженія, при которомъ душа становится противною самой себѣ и страшится открытія своего внутренняго разстройства и оскверненія предъ другими. Присутствіе сильнаго стыда въ душѣ есть знакъ чувствительной и бдительной совѣсти, ослабленіе стыда—знакъ нравственного упадка и усиливающагося развращенія; отсутствіе стыда, или рѣдкое и слабое его проявленіе—есть знакъ ожесточенія души во злѣ и близкой гибели.

Второе явленіе есть стыдливость. Это есть страхъ и смущеніе души, производимые въ ней чистою совѣстію, когда приближается къ ней порокъ и зло, какъ нравственная опасность, въ видѣ ли нечистаго помысла, или соблазнительнаго дѣла и слова, или наконенъ въ видѣ какого-либо поступка, оскорбляющаго нравственное приличіе. Это есть свойство благоустроенныхъ душъ, цвѣтъ невинности и украшеніе цѣломудрія.

Итакъ стыдъ есть голосъ суда и правды Божіей въ духѣ человека, обличающій его во злѣ, или предостерегающій отъ зла; содержащій его въ страхѣ Божіемъ и побуждающій къ сохраненію нравственной цѣлости, чистоты и благообразія. Слѣдовательно; ничто не можетъ повергнуть душу въ сдыдъ, кромѣ грѣха, соблазна и нравственнаго неприличія; и ничто не можетъ спасти душу отъ постигнаго ее стыда, кромѣ внутренняго исправленія съ помощію благодати Божіей. Такъ какъ назначеніе души напей внутренно предстоять и всею жизнію служить единому Богу, ея Создателю и Судіи, сообразовать свои дѣйствія единственно съ Его закономъ и понятіями объ Его высочайшей чистотѣ и святости, достигать общенія, содружества и вѣчной жизни съ истинными служителями Божіими ангелами и святыми людьми; то ея внутреннее спокойствіе, безопасность, довольство, бодрость не должны зависѣть ни отъ чего въ мірѣ, кромѣ ея преуспѣянія въ семъ приготовленіи къ общенію съ Бо-

гомъ и блаженной жизни съ Нимъ въ его небесномъ царствѣ. Если душа, служащая Богу, чувствуетъ въ себѣ грѣховную нечистоту, то, при мысли о Богѣ, которымъ она создана и облагодѣтельствована, и о небесной жизни, къ которой предназначается, внутренно стыдится самой себя и скорбитъ и плачетъ и молить Господа объ очищеніи отъ грѣховной скверны и осуждая сама себя, взываетъ къ Богу: *тебѣ Господи правда, намъ же стыдныя лица* (Дан. 9, 7). Если же свидѣтельствомъ совѣсти удостовѣряется, что она подвигается за истину и имѣетъ въ сердцѣ своемъ залогъ благодати помилованія и духовнаго утѣшенія: то взирая спокойно на все и на всѣхъ, съ твердостію восклицаетъ: *на Тя Господи уповахъ, да не постыжуся во вѣкъ!* (Пс. 70, 1.).

Послѣ сего трудно было бы и представить себѣ, что такое стыдъ ложный, еслибы онъ не существовалъ на самомъ дѣлѣ. Но такъ какъ человѣкъ, по своему поврежденію, всегда склоненъ утратить непрестанное памятованіе о Богѣ и живое стремленіе къ вѣчной жизни, предаться единственно исканію благъ жизни временной и ея удовольствій и затмить грѣхами свою совѣсть: то посему легко можетъ потерять изъ виду истинныя основанія для своего внутренняго спокойствія и затмить здравыя понятія о своемъ истинномъ благосостояніи. Идя въ слѣдъ за большинствомъ людей, не провѣряющихъ своей жизни по закону Божию, онъ привыкаетъ почитать своимъ

благомъ и зломъ то, что всѣ почитаютъ такимъ, располагать свою жизнь по утвердившимся въ мірѣ правиламъ, обычаямъ и приличіямъ, и остерегаться ихъ нарушенія подлѣ опасеніемъ лишенія сопряженныхъ съ ними выгодъ. Отсюда происходитъ страхъ — оказаться виновнымъ передъ обществомъ, пересиливающей внутренній страхъ — оказаться виновнымъ передъ Богомъ и своею совѣстію; отсюда происходитъ стыдъ — оказаться нарушителемъ обычаевъ свѣта, страннымъ и смѣшнымъ въ его глазахъ, борющійся со стыдомъ грѣха и порока. Такимъ образомъ на ряду со стыдомъ законнымъ и справедливымъ является стыдъ несогласный съ природою человѣка, — стыдъ ложный. Итакъ, ложный стыдъ есть такое расположеніе духа, въ которомъ человѣкъ, привыкшій сообразовать свою жизнь съ мнѣніями и примѣрами другихъ, до такой степени смущается, когда по здравому убѣжденію бываетъ вынужденъ имъ противорѣчить, что какъ будто нарушаетъ законъ и совершаетъ преступленіе.

Для христіанина этотъ ложный стыдъ представляетъ постоянную опасность и искушеніе. Міръ, въ томъ смыслѣ, какъ изображаетъ намъ его слово Божіе, ученію Христову не покаряется; своей жизни по заповѣдямъ Евангелія не располагаетъ; достоинства и высоты христіанскихъ добродѣтелей не понимаетъ; благотворности и спасительной силы христіанскихъ подвиговъ не признаетъ; истиннаго благородства вѣшняго

христіанскаго поведенія—не цѣнить. Съ симъ міромъ истинный христіанинъ встрѣчается вездѣ, гдѣ онъ ни живетъ, и подвергается его суду точно такъ же, какъ подвергался Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ св. Апостолы и всѣ истинные послѣдователи Христовы. Жизнь истинно христіанская всегда бываетъ укоризною и обличеніемъ пороковъ міра, но и *сынове вѣка сего*, всегда по изреченію Господа, *мудрѣйши сыновъ свѣта въ родъ своеѣ суть* (Лук. XVI; 8.). На ихъ сторонѣ большею частію остаются преимущества внѣшней образованности, искусства обогащенія и пріобрѣтенія власти, обиліе и разнообразіе наслажденій жизни, роскошь и блескъ;—и христіанинъ истинный всегда будетъ предъ ними казаться и *бѣднымъ* и *немощнымъ* и *худороднымъ* и *уничиженнымъ*, какъ казались въ свое время міру Св. Апостолы (1. Кор. I, 27. 28). Симъ міромъ всегда будутъ направляемы на христіанина ложныя сужденія, клеветы, насмѣшки, и повидимому земная участь послѣдователя Христова часто будетъ въ его рукахъ. Если христіанинъ при исполненіи правилъ вѣры и заповѣдей Христовыхъ, при стремленіи выражать свои чистыя убѣжденія словомъ и дѣломъ, будетъ стѣсняться сужденіями міра, бояться его обличеній и насмѣшекъ, онъ впадетъ въ стыдъ ложный, стыдъ напрасный, стыдъ постыждающій его самаго.

Ложный стыдъ составляетъ порокъ и въ человѣкѣ невозрожденномъ благодатію Божіею, и

въ язычникѣ, поелику обличаетъ отсутствіе главнѣйшаго человѣческаго достоинства—нравственной твердости, силы дѣйствовать по убѣжденіямъ ума и внушеніямъ совѣсти, а не по внѣшнимъ побужденіямъ, или случайнымъ впечатлѣніямъ и обстоятельствамъ. Очевидно, здѣсь мѣсто совѣсти занимаетъ самолюбіе и своекорыстіе и мѣсто законнаго страха—нарушить ея священныя велѣнія, заступаетъ малодушный страхъ — оказаться въ положеніи невыгодномъ, или непріятномъ. Но ложный стыдъ въ христіанинѣ получаетъ несравненно болѣе важное значеніе. Христіанинъ не можетъ, какъ язычникъ, сомнѣваться въ своихъ сужденіяхъ о добрѣ и злѣ и оправдывать себя незнаніемъ истиннаго своего блага: у него есть всегда открытый свѣтильникъ Слова Божія и вѣры, при которомъ онъ можетъ повѣрить и исправить всякое свое сужденіе о томъ, что хорошо или худо, честно, или безчестно. Онъ не можетъ сомнѣваться во внушеніяхъ своей совѣсти при различеніи добра и зла: потому что всегда можетъ озарить ее откровеннымъ закономъ Божиимъ, свѣтомъ молитвы и благодати Божіей. Онъ не долженъ думать, что, когда міръ его осудить, для него все потеряно: потому что имѣетъ столько непреложныхъ обѣтованій объ особенномъ промышленіи Божіемъ о немъ, о внутреннемъ мирѣ, о благодатныхъ утѣшеніяхъ, о воздаяніи на небесахъ. Онъ не долженъ забывать, что путь самоотверженія, терпѣнія, поно-

шеній аа вѣру есть прямой его путь, указанный ему ученіемъ и примѣромъ его Господа и Спасителя; что первѣйшею его добродѣтелию должно быть смиреніе; что перенесеніе укоризнъ, нареканій и клеветъ есть только начало его истиннаго подвига; что онъ призванъ къ лишеніямъ, страданіямъ и, въ случаѣ нужды, даже къ самой смерти завѣруи вѣрность закону Христову. Посему, если, имѣя столько средствъ для утвержденія въ умѣ своемъ истинныхъ убѣжденій, столько залоговъ своей безопасности, своего внутренняго спокойствія и благополучія, христіанинъ останавливается въ исполненіи своего долга страхомъ молвы мірской,—это значить, что онъ при первыхъ легкихъ ударахъ міра, наносимыхъ его сердцу, измѣняетъ Иисусу Христу и христіанству. Посему Господь, предвидя сей стыдъ въ слабыхъ своихъ послѣдователяхъ, угрожаетъ имъ за него вѣчнымъ посрамленіемъ: *уже еще постыдится Мене и Моихъ словеса въ родъ семъ прелюбодѣйныхъ и грѣшныхъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда придетъ во славу Отца Своего предъ Ангелы Святыми.* (Мар. 8, 38). Такіе христіане похожи на робкихъ воиновъ, которые въ началѣ сраженія, при первой опасности, перебѣгаютъ, или готовы перебѣжать на сторону врага. Можетъ ли не стыдиться ихъ военачальникъ и не назвать ихъ презрѣннымъ именемъ трусовъ? Св. Макарій Египетскій говоритъ: «когда человѣкъ начинаетъ бояться людей болѣе, чѣмъ Бога и

стыдиться мнѣнія человѣческаго болѣе, чѣмъ порока: тогда и все доброе, сдѣланное имъ подѣліемъ такихъ расположеній, теряетъ свою цѣну предъ очами Божиими, и въ его добрыхъ повидимому дѣлахъ лукавый видитъ себѣ услугу» (а).

Если Господь угрожаетъ вѣчнымъ отчужденіемъ и лишеніемъ своего блаженнаго царствія тѣмъ, которые стыдятся Его и ученія Его предъ людьми: то, безъ сомнѣнія, Онъ предвидѣлъ, что сей стыдъ будетъ имѣть пагубное вліяніе на всю нравственную жизнь ихъ и дѣлать ихъ недостойными царствія Божія. Дѣйствительно, ложный стыдъ весьма часто бываетъ причиною опущенія важныхъ обязанностей, вѣрою возлагаемыхъ на насъ, и препятствіемъ къ удовлетворенію благочестивымъ расположеніямъ нашего сердца, даруемымъ благодатію Божіею. Стыдъ показаться въ глазахъ свѣта человекомъ, твердо рѣшившимся вести строгую христіанскую жизнь и принять отъ него оскорбительныя названія богомола, ханжи и т. под. заставляеть многихъ робко скрывать свои добрыя расположенія и тѣмъ затруднять для себя удовлетвореніе и дѣятельное утвержденіе ихъ и чуждаться людей способныхъ этому содѣйствовать; мѣшаетъ начать напр. благочестивую бесѣду, какъ что-то не принятое и запрещенное. Тотъ

(а) Слова преп. Мак. Египет. бес. 5 стр. 63.

же стыдъ измѣнить принятому въ нѣкоторыхъ классахъ общества порядку жизни и тѣмъ привлечь на себя насмѣшливые взоры удерживаетъ многихъ отъ строгаго препровожденія времени св. постовъ, отъ неоднократнаго въ теченіи года и тщательнаго говѣнія, отъ молитвы предъ столомъ и послѣ стола, отъ неопустительнаго посѣщенія богослуженія, отъ участія въ обрядахъ православной церкви, такъ поддерживающихъ жизнь духа и столь утѣшительныхъ для благочестиваго сердца.

Ложный стыдъ бываетъ причиною коснѣнія въ заблужденіяхъ и порокахъ и умноженія преступленій. Нерѣдко христіанина, имѣющаго добрыя расположенія, но неполучившаго въ юности должнаго наставленія въ Законѣ Божіемъ, онъ удерживаетъ отъ изученія его въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Онъ препятствуетъ человѣку, убѣждающемуся въ своемъ заблужденіи, сознаться въ немъ передъ другими и заставляетъ поддерживать заблужденія другихъ по напрасному опасенію твердо противостать имъ. Онъ препятствуетъ душамъ страждущимъ отъ страстей и пороковъ открывать свое бѣдственное состояніе мужамъ опытнымъ и просить духовной помощи; даже закрываетъ уста людей робкихъ при исповѣданіи грѣховъ ихъ. Онъ часто вынуждаетъ принимать участіе въ бесѣдѣ, полной злословія и осужденія, или молчаніемъ подтверждать то, что надлежабо бы съ силою опровергнуть. Онъ поддерживаетъ въ хри-

стіанинѣ робость, по которой тотъ не рѣшается идти противъ ложныхъ понятій міра о чести и велеть къ кровавому отмщенію обиды. Онъ губить невиннаго юношу, укоряемаго развращенными сверстниками за самую его дѣтскую простоту и невинность и тѣмъ вынуждаемаго принимать участіе въ преступныхъ удовольствіяхъ.

Ложный стыдъ есть широкій путь въ благоустроенное христіанское общество господствующему духу времени, ложнымъ мнѣніямъ и чуждымъ обычаямъ. Онъ заставляетъ родителей воспитывать дѣтей не по указаніямъ вѣчно вѣрныхъ и благотворныхъ правилъ христіанскихъ, но (чтобы неотстать отъ людей) по измѣнчивымъ правиламъ моды, часто противнымъ духу христіанства, и тѣмъ губить цѣлыя поколѣнія. Онъ побуждаетъ допускать въ семейства новыя мнимоневинныя удовольствія и тѣмъ умножать излишнія и часто вредныя привычки и содѣйствовать общественному упадку добрыхъ нравовъ. Онъ предаетъ забвенію древніе заветы отцовъ, ихъ добрыя обычаи и отдаетъ христіанъ на поруганіе духу времени, который часто измѣняетъ ихъ навыки и, какъ малыхъ дѣтей, непрестанно перодеваетъ ихъ въ новыя, часто странныя одежды.

Ложный стыдъ бываетъ не послѣднею причиною разстройства нашего внѣшняго состоянія, заставляя насъ жить не по своимъ средствамъ, а по примѣру другихъ и тѣмъ ведетъ или къ раззоренію, или къ несправедливымъ способамъ пріобрѣ-

тенія; препятствуетъ сближенію людей достойныхъ, но разнаго состоянія; ослабляетъ родственныя узы, заставляя богатыхъ стыдиться бѣдныхъ сродниковъ; бываетъ причиною измѣнъ многолѣтнимъ союзамъ дружбы и незаслуженнаго невниманія къ друзьямъ испытаннымъ. Но нѣтъ возможности изчислить всѣхъ случаевъ и обстоятельствъ, гдѣ ложный стыдъ лишаетъ христіанина духовной твердости и постоянства въ дѣлахъ, научая его руководствоваться не волею Божіею—единою и неизмѣнною, а всякимъ вѣтромъ ученій человѣческихъ и нескончаемыми перемѣнами въ преходящемъ образѣ міра сего. (1. Кор. 7, 31.)

Христіанинъ! Стыдись грѣха, а не того что твое внѣшнее положеніе бываетъ несогласно съ обычаями свѣта; стыдись оскорбить твоего Господа и Спасителя, а не людское мнѣніе; стыдись грѣхами и пороками сдѣлаться недостойнымъ высокаго благородства твоего христіанскаго званія, а не похвалъ человѣческихъ. «Для чего намъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, имѣя всевидящаго судію Господа, искать (для нашихъ дѣлъ) другигъ зрителей, которые не окажутъ намъ пользы, а могутъ только сдѣлать вредъ своимъ зрѣніемъ и весь трудъ нашъ обратить въ ничто?» (На Ев. Іоан. бес. 2.). «Возлюбленные!» увѣщаваетъ насъ св. Апостоль Петръ, «огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ стран-

наго. Но какъ вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь, да и въ явленіе славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны, ибо Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ. Тѣми онъ хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое; а если какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь.» (1 Пет. 4, 12—16.).

И. А. К.

Поправки:

На стран. 265-й строка вторая напечатано:
334, должно читать: 34.

Въ мартовской книжкѣ на стран. 189, строка 29-я,
напечатано: родить; должно читать: раждаетъ.

На стран. 335-й строка 8 напечатано назначенія; должно
читать: незначія.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВОСПИТАТЕЛЬ БЛАГОРОДНАГО ЮНОШЕСТВА ВЪ ДУХѢ ВѢРЫ И БЛАГОЧЕСТІЯ.

Минуло уже 16 лѣтъ, какъ покоится въ могилѣ почтенный ректоръ московскаго университета и директоръ благороднаго при немъ пансіона Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій. Но могильный его покой потревоженъ вызовомъ его на судъ предъ потомствомъ. Въ замѣчательной статьѣ Душеполезнаго Чтенія за мартъ 1864 г. приведены между прочимъ обвинительныя свидѣтельства противъ воспитателя юношества, нашего Песталлоци; они набрасываютъ обидную тѣнь сомнѣнія на его религіозныя и нравственныя убѣжденія. Замѣтимъ, что такія свидѣтельства не принадлежатъ собственно благонамѣренному сочинителю статьи, но приводятся имъ, какъ личныя мнѣнія покойнаго протопресвитера Полубенскаго, вызванныя особеннымъ случаемъ. Не приписываемъ ихъ враждебному чувству Полубенскаго противъ Антонскаго, но особенной ревности по благочестію, какою отличался первый.

Усопшіе безъотвѣтны предъ судомъ людскимъ; но ихъ современники, еще живые, ихъ воспитанники и сослуживцы не должны оставаться безмолвными и равнодушными при отзывахъ, оскорбительныхъ для памяти усопшихъ наставниковъ и начальниковъ, чтобы самое молчаніе не пошло за согласіе. Поставимъ на видъ чи-

тателямъ самое обвиненіе, возводимое на покойнаго Антона Антоновича.

„Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ умре прежде бывшій Донской архимандритъ (нѣкогда законоучитель въ московскомъ университетѣ) Викторъ (Прокоповичъ-Антонскій), братъ родной ректору московскаго университета и другому (оберъ-секретарю въ сенатѣ Михайлѣ). Многіе священники *изъ любопытства* были на погребеніи. Одинъ передъ тѣмъ сказалъ, что ректоръ Антонскій надсядется съ печали и въ землю будетъ молиться, а другой возразилъ: „а я объ закладъ быюсь, что ни разу не перекрестится; ибо его превосходительство не очень это жалуется“.—Какъ, говоритъ первый, что вы говорите, ужь по братѣ родномъ не станетъ молиться? увидите, что станетъ.“—Начался выносъ: ни тутъ-то было, ни разу не перекрестился. Началась литургія — тоже. Херувимскую пропѣли — тоже. Началось и кончилось отиваніе — тоже. Наконецъ, какъ тѣло понесли къ могилѣ, Антонскій слабо по брюху перекрестился нисъ *отъ радости*, нисъ *отъ печали*.“

Таковъ былъ приговоръ одного изъ любопытствовавшихъ священниковъ при гробѣ усопшаго архимандрита родному его брату. Не подвергаетъ ли онъ сомнѣнію не только благочестіе воспитателя благороднаго юношества, но даже и братскую его любовь? Но посмотримъ, справедливо ли такое сомнѣніе.

Конечно, молитва въ храмѣ должна сопровождаться крестнымъ знаменіемъ, какъ явнымъ свидѣтельствомъ о нашемъ вѣрованіи въ распятаго на крестѣ Іисуса Христа. Это только внѣшняя молитва. Но истинная молитва не ограничивается крестнымъ изображеніемъ, поклонами и колѣнопреклоненіями; она преимущественно состоитъ въ

обращеніи ума, сердца и воли къ вездѣсущему и вся исполняющему Богу. Сокрушеніе духа и глубокая скорбь погруженнаго въ молитву, не всегда сопровождается внѣшними знаками благочестія; случаются и такія минуты къ жизни, что человѣкъ, убитый горестью, не въ состояніи молиться. Примѣръ тому видимъ въ лицѣ безчадной Анны, матери Самуила; ея молитва о дарованіи Ей сына была безъ словъ, и однакожь услышана была отъ Бога.

Обратимся къ подсудимому. Антонъ Антоновичъ, потерявъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ, въ безбрачной жизни, любимаго своего брата, друга, втораго отца, безъ совѣта и благословенія котораго не предпринималъ никакого важнаго дѣла, глубокою скорбію приведенъ былъ въ такое состояніе, когда душа цѣпенѣтъ, не высказываетъ себя ни вздохами, ни рыданіями, ни слезами, даже коснѣтъ въ самой молитвѣ. А что онъ былъ истинно религіозный и благочестивый человѣкъ, объ этомъ свидѣлствуетъ вся жизнь и долготѣнная служба его.

Антонъ Антоновичъ былъ питомецъ Кіевской духовной академіи, потомъ Дружескаго ученаго общества, гдѣ товарищами своими имѣлъ Десницкаго и Глаголевскаго, въ послѣдствіи С.-Петербургскихъ митрополитовъ Михаила и Серафима. Въ званіи ценсора книгъ, директора благороднаго университетскаго пансіона и ректора московскаго университета, онъ постоянно показывалъ себя строгимъ блюстителемъ православія и примѣромъ благочестія. Его сочиненіе о воспитаніи проникнуто духомъ вѣры, благочестія и любви къ отечеству, которыя онъ всегда внушалъ питомцамъ университетскаго пансіона, воспитавшаго многихъ знаменитыхъ мужей на гражданскомъ, военномъ и литературномъ поприщахъ.

Въ изданномъ отъ него наставленіи возрастному воспитаннику „для всегдашняго памятованія“ онъ говоритъ: „Источникъ небесныхъ даровъ есть Богъ. Да сіяетъ непрестанно въ умъ вашемъ, какъ свѣтильникъ, озаряющій все ваше существо, высокая мысль о Его величествѣ, всемогуществѣ, благости, правосудіи, вездѣсущности (вездѣсутствіи?), всевѣдніи; исполняйте всѣ чувствованія способнаго къ тому сердца вашего глубочайшимъ благоговѣніемъ, страхомъ и живѣйшею къ Нему любовію и благодарностію! Безъ сего, все воспитаніе ваше ничто и мнимое просвѣщеніе тщетно, или болѣе зловредно.“ Къ этому присоединимъ слова, сказанныя архимандритомъ Митрофаномъ при отпѣваніи Антонскаго: „любимымъ завѣтнымъ правиломъ его ума и сердца была всегда сія святая истина: Да не хвалится премудрый премудростію своею и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти Господа и творити судъ и правду посреди земли. И какъ вѣровалъ, такъ всегда и глаголалъ сію истину; какъ глаголалъ, такъ тщился и творить оную къ славѣ Божіей, ко благу ближнихъ, къ утѣшенію церкви и отечества, къ спасенію души своей“.

Одинъ изъ благодарныхъ и почтенныхъ питомцевъ университетскаго благороднаго пансіона Н. В. Сушковъ такъ отзывается въ любопытномъ сочиненіи своемъ ^{а)} о духѣ воспитанія подъ руководствомъ Антон-

а) См. М. Б. благородный пансіонъ и воспитанники университета, гимназій, Бл. П. и Дружеск. общества. М. 1858 г. въ 4. Книгу сію, достойную вниманія начальниковъ духовныхъ и свѣтскихъ училищъ, можно купить въ Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ.

скаго: "Дѣятельно сѣялись сѣмена вѣры въ дѣтскихъ сердцахъ, не однимъ преподаваніемъ Богословія питомцамъ, но утвержденіемъ ихъ въ благочестивой привычкѣ творить утреннія и вечернія молитвы, посѣщать Божию церковь, пѣть на клиросѣ, соблюдать посты, слушать внимательно св. Евангеліе, читать дѣянія Апостольскія и назидательныя ихъ посланія». Классы начинались молитвой "Царю небесный", и оканчивались "Достойно». Таковъ порядокъ заведенъ и поддерживаемъ былъ Антонскимъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ! Для употребленія въ классахъ, по совету Антонскаго, товарищъ его М. М. Снегиревъ, преподававшій тамъ Законъ Божій и Священную Исторію, составилъ и приготовилъ къ изданію: 1) Краткую Грамматику Славяно-церковнаго языка, 2) Избранныя мѣста изъ св. Писанія Ветхаго и Новаго Завета и 3) Объяснительный къ нимъ словарь. Но учебникъ этотъ, разсмотрѣнный духовною ценсурою, не вышелъ въ свѣтъ за кончиною составителя. Попеченія Антона Антоновича о распространеніи и виѣдреніи христіанскаго блачества въ питомцахъ наставленіемъ и примѣромъ ознаменовали все теченіе педагогической его дѣятельности.

Бывшіе питомцы университетскаго пансіона конечно помнятъ, съ какимъ благоговѣніемъ ихъ начальникъ слушалъ божественную литургію и присутствовалъ при чтеніи ими утреннихъ и вечернихъ молитвъ; они видали его колѣнопреклоненнымъ въ часы богослуженія и ограждавшимъ себя знаменіемъ крестнымъ. Антонскимъ сооружены церкви въ пансіонѣ и въ подмосковномъ селѣ его. Въ своей приходской церкви св. Николая въ Хлыновѣ онъ, нѣсколько лѣтъ сряду, исправлялъ должность старосты, самъ въ генеральскомъ чинѣ сби-

ралъ съ блюдомъ на церковное строеніе и за усердное служеніе награжденъ золотою медалью на Аннинской лентѣ.

Почти девятиностолѣстная жизнь его свидѣтельствовала о воздержности его и благоразуміи въ жизни, а мирная и непостыдная смерть, о которой молить православная Церковь, о вѣрѣ и благочестіи; къ этой смерти онъ давно готовился съ спокойствіемъ христіанскаго мудреца. За нѣсколько дней до кончины своей онъ сказалъ: „Мнѣ такъ хорошо, что хотѣлось бы умереть“. Постоянную его любовь къ брату своему Виктору доказываетъ, между прочимъ, и то, что не желая разлучиться съ нимъ и послѣ смерти, онъ завѣщалъ себя положить въ одной съ нимъ могилѣ, которая находится въ трапезѣ Сергіевской церкви въ Донскомъ монастырѣ.

Столько фактовъ не свидѣлствуютъ ли намъ какъ о вѣншнемъ и внутреннемъ благочестіи, такъ и о примѣрной братской любви Антонскаго?

И. Снегиревъ.

ИЗЪ ВЫТА КРЕСТЬЯНЪ. (а)

IV.

Недавно мнѣ пришлось, часу въ пятомъ вечера, ѣхать изъ Твери съ своею женою, съ старушкою матушкою, и съ тещею моею Т—ою Ал—ною въ Желтиковъ монастырь, для совершенія панихиды надъ умер-

шимъ настоятелемъ этого монастыря, достопочтеннымъ старцемъ, архимандритомъ Платономъ, который любилъ насъ, какъ самыхъ близкихъ родныхъ своихъ. Мы съ женою поѣхали на биржевомъ извозникѣ, а матушка съ Т—ною Ал—ной на такъ называемой у насъ лубянкѣ, т. е. на простыхъ санияхъ, обложенныхъ внутри лубомъ, или корою съ деревь. Извозникомъ былъ у нихъ, какъ видно, отставной солдатъ. Мы съ женою поѣхали поскорѣе; а онѣ отъ насъ поотстали.

Желтиковъ монастырь стоитъ отъ города Твери верстахъ въ пяти. Дорога идетъ къ нему по Затьмацкой части города, потомъ полемъ, довольно обширнымъ, и наконецъ прекрасною сосновою рощею. Городомъ намъ всѣмъ нужно было проѣзжать недалеко отъ того дома, гдѣ недавно, именно въ ночь съ 25 на 26-е декабря прошедшаго 1864 года, совершено было страшное преступленіе. Часовъ въ 11-ть или 12-ть ночи на старика, отставнаго жандармскаго вахмистра, который владѣлъ небольшимъ огородомъ и торговалъ иногда коровами, напали злодѣи, какіе-то солдаты; его самого ударили гирею, или обухомъ по головѣ, и потомъ рѣзали ему горло ножомъ, но къ счастію до смерти его не зарѣзали; а жену и дочь его зарѣзали совершенно. Вахмистръ одного изъ преступниковъ уже уличилъ, и тотъ сознался во всемъ; двое другихъ уличаются, но еще не сознаются въ преступленіи. Въ городѣ это страшное событіе произвело большую тревогу.

Проѣжая недалеко отъ этого дома Т—на Ал—на указала на него матушкѣ. “Вонъ-домъ-то, гдѣ убили.”

— Ахъ, какіе злодѣи, какіе лиходѣи! сказала матушка, огораждаясь крестнымъ знаменіемъ, и молясь во глубинѣ души за убитыхъ.

— А неужли не найдуть убійць-то? сказалъ имъ извозчикъ ихъ.

— Да, вѣдь ты, чай, знаешь что ужъ одинъ во всемъ сознался, сказала ему въ отвѣтъ Т—на Ал—вна.

— Да, слышалъ.

— Другіе-то только не сознаются.

— Сознаются, сказалъ извозчикъ съ увѣренностію; сколько ни будутъ заператься, а ужъ непременно сознаются. Много, пожалуй, пройдетъ времени; а ужъ сознаются, кровь христіанская замучить ихъ.

Всѣ замолчали.

— Сознаются, непременно сознаются, сказалъ снова извозчикъ, какъ бы вызывая у своихъ спутницъ вниманіе къ словамъ своимъ.

— Да ты почему это знаешь? спросила его Т—на Ал—вна.

— Да это ужъ будетъ такъ. Вотъ у насъ былъ случай, началъ извозчикъ; я родомъ-го издалёка, съ тѣхъ сторонъ, изъ-за Чернигова. Извозчикъ указалъ при этомъ на полдень. Его рѣчь и физіономія ясно показывали, что онъ дѣйствительно не нашъ уроженецъ.

— У насъ мѣста глухія; дороги дальнія, лѣса непроходимые; много бываетъ грѣха. А все кровь христіанская не пропадаетъ даромъ; все Господь обнаруживаетъ убійцу, какъ онъ ни кройся.

— Это правда: Господь караетъ убійцу мученіями его собственной совѣсти, сказала одна изъ старушекъ.

— Да такія мученія терпитъ убійца отъ совѣсти, что они тысячу разъ хуже кнута, которымъ бывало наказывали каторжниковъ. Былъ у насъ молодецъ, такой рослый и статный, собою красивый, звали Иваномъ. Онъ еще

у меня въ работникахъ жилъ, когда я былъ крестьяниномъ. Работалъ онъ хорошо; и вина пилъ мало, только часто говаривалъ: „Эхъ кабы деньги у меня, вотъ зажилъ бы!“ Поживши у меня, онъ и самъ завелъ свое хозяйство; и пошло оно у него порядкомъ. И двухъ лошадокъ завелъ, и коровки были; ну какъ слѣдуетъ хозяину. Отца съ матерью у него небыло; а жилъ онъ съ теткою, да съ работницею. Дорога мимо насъ шла изъ дальнихъ городовъ съ большихъ ярмарокъ. Проѣзжали и прикащики, и хозяева, и богатые купцы, кто на парѣ, кто на тройкѣ, а кто и попроще. Мы подражались воевать ихъ.

Разъ пріѣхалъ къ Ивану какой-то проѣзжій, должно быть, купецъ и нанялъ его довести до другой деревни. Иванъ тотчасъ снарядилъ лошадокъ, и пустился въ дорогу. Проѣзжать нужно было дремучимъ лѣсомъ; купецъ-то, когда еще рассчитывалъ прежняго извозчика, вынулъ изъ-за пазухи большой бумажникъ, набитый туго бумажками и бѣленькими, и красненькими, и синенькими; тогда онъ еще ходили. Разгорѣлись глаза у Ивана на деньги. А лукавый-то шепчетъ: „вѣдь одинъ поѣдетъ; повезешь лѣсомъ... Кто увидить? кто услышитъ? Работай!“ Иванъ самъ не свой сѣлъ на телегу, тронулъ лошадокъ, и помчалъ проѣзжаго. Какого лихаго ямщика Богъ послалъ мнѣ,-чай думалъ купецъ-то, дамъ же я ему на водку побольше. И не пришлось давать-то. Иванъ самъ взялъ все изъ его кармана, да и его-то самого уходилъ.

Подѣхали къ рощѣ.

— Какая роща-то!.. сказалъ извозчикъ. Видишь, она стоитъ голубушка, какая тихая и молчаливая; ни словечка не вымолвить, ни вѣсточки не дастъ. Дѣлай въ ней, что хочешь.

— Ну чтожь ты, продолжай, сказала Т...на А...на.

— А вотъ сей-часъ.

— Ну повезъ нашъ Иванъ купца. Нужно было ѣхать лѣсомъ, и мѣстами пустынными. Ужь правда, сколько ни кричи, никто не услышитъ. Ёдутъ лѣсомъ; а врагъ-то Ивану такъ и дуетъ въ уши: „чегожь ты смотришь? Ну! Въдь, проѣдешь лѣсъ, будетъ поздно.“ Иванъ вспомнилъ о бумажникѣ; у него зарыбило въ глазахъ; бѣленькія, красненькія и синенькія бумажки такъ и запрыгали предъ нимъ. Онъ круто свернулъ лошадей въ лѣсъ; а была ночь; сѣдокъ не успѣлъ образумиться, какъ Иванъ ударилъ его обухомъ по головѣ — разъ, два, три... и дѣлу конецъ. Бѣдняжка не успѣлъ и крикнуть, не успѣлъ и перекреститься, и покаяться въ грѣхахъ своихъ. Иванъ свалилъ тѣло съ телеги, вырылъ подъ сосною яму, зарылъ покойника; — и поѣхалъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Лѣсъ-то вотъ какъ эта роща, стоялъ себѣ, да молчалъ; только покачивалъ своими верхушками.

Деньги всѣ достались Ивану. И пошелъ нашъ Иванъ жить, да поживать; откуда что берется. Завелъ онъ и лошадей хорошихъ и дорогія телѣги и сани, и самъ одѣлся, какъ купецъ; избу построилъ такую, что хотъ головѣ въ ней жить. — Когда всѣмъ обзавелся Иванъ да обстроился, задумалъ жениться. Наши невѣсты ему ужъ были — не пара; та не хороша, другая не умна, третья не богата. И правду надобно сказать, жилъ онъ степенно и женихъ былъ завидный.

Всѣ только дивились, откуда это у него богатство. Бывало, на праздникахъ иногда шутя и скажутъ ему: „Иванъ, поучи насъ, гдѣ клады-то находить?“ А онъ поблѣднѣетъ, да такъ отвѣтитъ, что не знаетъ, куда и

спрятаться, тотъ, кто его объ этомъ спросить. Одно было для всѣхъ удивительно, что онъ лѣсу боялся. Бывало, когда въ лѣсѣ нужно идти особенно одному, — бѣда ему; ужъ непремѣнно возьметъ кого-нибудь съ собою. И за это часто смѣялись надъ нимъ. Прошли такъ лѣтъ пять, или больше. Распросовъ и слуховъ о протѣжемъ купцѣ у насъ никакихъ не было;—кто онъ и откуда,—куда и зачѣмъ ѣхалъ, это только одинъ Господь вѣдалъ.

Иванъ сосваталъ себѣ невѣсту на сторонѣ, дѣвушку такую славную, смирную, къ работѣ усердную, въ домѣ хозяйку, и собой хорошую. Бывало на нее взглянешь, такъ сердце и радуется, словно она дочь тебѣ родная. Свадьба была веселая и богатая. Тесть Ивановъ былъ мужикъ зажиточный; дочь у него одна только и была. И любилъ ее отецъ и мать, — берегли, словно глазъ свой. Настя, — такъ звали жену Иванову, поплакала, прощаясь съ отцемъ съ матерью и съ родимымъ домомъ; не хотѣлось ей на чужую сторону, а дѣлать нечего, отправилась въ нашу деревню къ Ивану. Взошла въ домъ, какъ царица какая; всего много; домъ хорошій; только и оставалось благословлять Господа Бога. А кровь-то христіанская не пропадетъ даромъ.

Настя зажила въ домѣ барыней; всего вдоволь; мужъ не налюбуется на нее; чего не попросить, все готово; а ужъ нарядовъ-то столько накупилъ, что и на возу не увезешь. По временамъ только, вдругъ ни съ того, ни съ сего, нападала на Ивана какая-то страшная тоска: кажется, бѣжалъ бы онъ съ блага свѣта. Настя приписывала это порчѣ, ходила къ знахаркамъ и знахарямъ. Тѣ—про себя посмѣивались надъ нею, какъ

надъ ребенкомъ простодушнымъ, и говорили: „дай ему попить такой-то водицы, или спрысни его съ уголька; пройдетъ, голубушка, ничего“; а сами обирали ее бѣдняжку, какъ хотѣли. Правда, тоска и проходила у Ивана такъ, сама собою; и онъ опять становился веселъ и здоровъ.

И Настя тоже узнала, что мужъ ея боится лѣсу, и иногда подшучивала надъ нимъ. Разъ, въ первый же годъ послѣ свадьбы, надо было Ивану съ Настей ѣхать къ отцу ея въ гости, и ѣхать именно мимо того мѣста, гдѣ Иванъ убилъ купца проѣзжаго, и гдѣ лежали косточки его подъ сосною. Настя была весела, какъ птичка, что весной поетъ въ лѣсу; Иванъ—угрюмъ и какъ-то дикъ. Настя не знала, какъ дожидаться минуты, когда они выѣдутъ изъ дома; а Ивану—хоть бы и вовсе не выѣзжать.

— Да ну скорѣе, говорила Настя, торопя мужа собираться въ дорогу.

— Поспѣешь... отвѣчалъ Иванъ угрюмо.

— „Поспѣешь“... Сколько времени я не видалась со своими. Ты вѣдь дома; тебѣ ничего.

— А ты въ гостяхъ чтоль? И ты—дома. А хочешь, совсѣмъ не поѣду?

Иванъ началъ раздѣваться.

— Что ты, Богъ съ тобой, голубчикъ; поѣдемъ; ради Бога; поѣдемъ. А то мы убьемъ ихъ...

У Насти слезы навернулись на глазахъ. Иванъ стоялъ въ раздумьи.

— Да какъ же не ѣхать? На что это похоже?... Что объ насъ скажутъ? Въ первый годъ, да не хотятъ ѣхать къ своимъ; знать побранились. Что ты? Одумайся, поѣдемъ,—толковала Настя.

— Аль ужъ ѣхать? Что ни будетъ!

Иванъ махнулъ рукою, и пошелъ запрягать лошадей.

— Что съ нимъ такое сдѣлалось? подумала Настя; но скоро эта дума вышла у нея изъ головы; Настя занялась приготовленіемъ къ дорогѣ, увязывала свои наряды, укладывала гостинцы; ей хотѣлось щегольнуть предъ отцемъ съ матерью и предъ цѣлою деревнею своею; хотѣлось показать, что она живетъ хорошо и въ довольствѣ. Надѣла хорошую душегрѣйку, повязала хорошій платокъ, нарядилась барыней. Ей ужъ видалось: вотъ она пріѣхала въ свою деревню; вотъ ихъ домъ родительскій стоитъ краше всѣхъ и выше всѣхъ; вотъ мать ея бѣжитъ къ ней навстрѣчу, вся въ слезахъ отъ радости. Вонъ отецъ выпрягалъ лошадь, да такъ и бросилъ ее, не выпрягши, увидавши ихъ, и бѣжитъ къ нимъ. Вонъ деревенскія молодицы выглядываютъ изъ воротъ и дивятся на нее.

— Ну, готово, сказалъ грубо Иванъ, входя въ избу. Одѣвайся.

— Я ужъ давно одѣлась, радостно сказала Настя, схватила узелокъ и другой, и сѣла на лавку.

Присѣли, помолились Богу, простились съ домашними, и отправились.

— Когда ждать-то? спросили домашнія.

— Ну погостимъ.

Лошадки весело бѣжали дорогой. Настя радостно поглядывала въ даль; она такъ птичкой и полетѣла бы къ матери. А Иванъ былъ суровъ и угрюмъ. Настя нехотѣла его и трогать.

— Ну, что нибудь у него свое на умѣ, — думала она; пріѣдемъ къ нашимъ, пройдетъ.

Стали подъѣзжать къ тому мѣсту, гдѣ совершенно убій-

ство. Иванъ былъ мраченъ какъ черная туча. Ему такъ и видѣлось, что вотъ встаетъ изъ—подъ сосны убитый имъ купецъ, весь въ крови, съ раздробленною головою, и зоветъ его на судъ Божій. У него волосы становились дыбомъ; зубъ на зубъ не попадалъ, его трясла лихорадка.

Чтобы не поддаться окончательно страху, и неизмѣнить какъ нибудь себѣ, Иванъ началъ, безъ всякой причины, громко смѣяться.

Настю это удивило. Не было никакой причины къ смѣху. Да Иванъ до сихъ поръ совсѣмъ не таковъ и былъ, чтобъ ему смѣяться.

— Что съ тобой? спросила Настя. Чему ты смѣешься?

Иванъ не отвѣчалъ, а опять захохоталъ пуще прежняго. Но хохотъ его былъ дикъ и неестественъ. Видно было, что это какой-то непростой смѣхъ.

— Да что ты такъ смѣешься? спросила снова Настя, нѣсколько испуганная. Чему ты хохочешь?

Иванъ пріутихъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ снова разразился смѣхомъ.

— Скажи, чему?

— Такъ, ничему.

— Что это „ничему...“ Вѣрно на меня, что нибудь.

Она оправилась, осмотрѣлась; но ничего не нашла въ себѣ смѣшнаго. А Иванъ между тѣмъ опять захохоталъ.

— Ну такъ я добьюсь же отъ тебя, чему ты смѣешься, сказала Настя.

И начала ласкать его и играть съ нимъ.

Лошади пошли шагомъ.

Иванъ отбивался; но молчалъ. Настя замѣтила, что онъ весь въ поту.

— А! знаю, знаю, чего ты боишься? лѣсу? да?

Иванъ вздрогнулъ, но молчалъ.

— Ну скажи, голубчикъ,... Иванъ Ѳомичъ! а?

— Что пристала? Не скажу... Никому не скажу.

— Знать ты меня нелюбишь; знать ты надо мною потѣшаешься, какъ надъ глупой. Не скажешь пустяковъ какихъ нибудь! Чтожь я тебѣ, не жена чтоль?..

— Нескажу, ни за что не скажу..

— Ну, ради Христа, начала молить его Настя, видя, что тутъ кроется что-нибудь не шуточное. — Дай, я тебя перекрещу. Что ты, — Христось съ тобою!

Настя перекрестила Ивана.

— Аль сказать? промолвилъ онъ.

— Скажи, голубчикъ...

— Видишь ты вонъ эту сосну?

— Вижу; ну чтожь?

— Да такъ;... на ней зарубинка есть.

— Какъ, зарубинка?

— Да такъ. Подъ ней кладъ есть.

— Какой кладъ?

— Да такой, что колъ выроешь, такъ не опомнишься.

— Какому кладу тутъ быть, что ты? здоровъ ли? въ умѣ ли ты?

— Въ умѣ, и вотъ что тебѣ скажу: я убилъ тутъ купца, да и положилъ его подъ этой сосенкой.

— Что ты, шутишь?

— Нѣтъ не шучу. Вотъ, передъ Богомъ.

Иванъ перекрестился.

— А чѣмъ же я разжился? Вѣдь его деньгами. Ухъ! я измучился. Замучилъ меня окаанный.

У Насти точно что оторвалось отъ сердца. Она больше не могла ни слова вымолвить.

— Да ты у меня смотри!.. сказалъ Иванъ какъ бы спохватившись, и пригрозилъ женѣ.

А Настя ничего ужъ не слыхала и не видала; вся въ тоскѣ лютой, вся трепеща, словно голубка прострѣленная, она приѣхала въ домъ къ отцу съ матерью, и ни слова не могла вымолвить.

Отецъ и мать сначала не обратили большого вниманія на это; думали, что дорогой что нибудь вышло между мужемъ и женой... „Ну малоль что? Пройдетъ, помирятся. Не всякое лыко въ строку.“ Прежде они слышали, что мужъ Настю любитъ, и что они живутъ въ любви и согласіи.

Сѣли за столъ. Настя въ ротъ ничего не взяла, и вся дрожала, какъ листъ осиновый; она только съ испугомъ посматривала на мужа своего.

— Да что ты? Богъ съ тобой! Ужъ не сглазилиль тебя? сказала ей мать. Поди, я умою тебя.

У Насти въ три ручья хлынули слезы. — Возьмите меня отъ него; уведите меня отъ него; не пойду я къ нему,—говорила она, указывая на мужа.

— Что ты, что ты? Образумься, жить чтоль тебѣ нехорошо? Не любить чтоль онъ тебя? бьетъ чтоль?... Заговорила мать.

— Онъ убьетъ меня! Онъ убилъ челоуѣка; кровь у него на рукахъ, онъ злодѣй...

Иванъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

— Кайся, злодѣй, душегубъ! сказала Настя, обращаясь къ мужу, и вся дрожа.

Иванъ всталъ изъ-за стола, но тотчасъ же зашатался и грянулся на полъ, словно дерево, подрубленное подъ самый корень.

— Грѣшенъ предъ Богомъ! Вяжите меня и ведите въ судъ. Я убилъ проѣзжаго купца.

Отецъ и мать Настины думали, что оба они помѣшались въ умѣ. Но Иванъ чистосердечно разсказалъ все, какъ было дѣло.

— Вы и не думайте скрывать. А то я самъ пойду и объявлю всему міру. Кровь христіанская меня замучила. Соберите народъ; идите и посмотрите подъ сосною; онъ тамъ лежитъ; кости его чай еще не истлѣли.

Объявили по начальству, сдѣлали обыскъ подъ сосною; дѣйствительно, нашли тамъ кости человѣческія, и даже нѣкоторыя части тѣла человѣческаго, еще не истлѣвшаго вполнѣ.

— Онъ, онъ, говорилъ Иванъ, когда разрыли яму. Я его убилъ. Соблазнилъ окаянный на деньги его.

Ивана наказали и сослали.

— Вотъ и пріѣхали, слава Богу, — сказалъ расказчикъ, снимая шапку и крестясь на монастырь.

— А Настя, Настя? — спросили нетерпѣливо спутницы его.

— Извѣстное дѣло, съ тоски померла...

Священникъ В. Владиславлевъ.

КАКІЯ СРЕДСТВА УПОТРЕБЛЯЮТЪ ИНОГДА РАСКОЛЬНИКИ ДЛЯ СОВРАЩЕНІЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ.

День клонился къ вечеру, когда я выѣхалъ изъ Олонца къ Петрозаводску, и, признаюсь, раскаялся въ своей опрометчивости, потому что черезъ какой нибудь часъ густой снѣгъ повалилъ хлопьями и поднялась мятель

страшная; свѣта Божьяго невидно было; страхъ запутаться и замерзнуть въ пустыняхъ Олонецкихъ стѣснилъ мое сердце, тѣмъ болѣе, что ямщикъ у меня былъ малолѣтній Олончанинъ, который, видимо, и самъ струсилъ; кромѣ того возница мой ни слова не понималъ порусски, и на всѣ вопросы отвѣчалъ: *Мида и неймуста*, (что, и не понимаю). Отъ города отѣхали мы не болѣе пяти верстъ, слѣдовательно можно бы было воротиться, что я и рѣшился сдѣлать; но мальчикъ не понималъ и знаковъ; между тѣмъ до станціи оставалось еще двадцать верстъ, а деревень по дорогѣ — ни одной. Кто бывалъ въ пути въ мятель и выюгу, тотъ пойметъ, въ какомъ положеніи находился я. Но вотъ къ счастію моему и великой радости послышались голоса за санями (здѣсь надо замѣтить, что Олончане тихо разговаривать не умѣютъ); я повернулся къ проѣзжимъ и сталъ ихъ просить сказать моему ямщику, чтобы онъ повернулъ назадъ въ Олонецъ.

— А на что тебѣ назадъ ворочать?

— Да развѣ ты не видишь, какая погода, свѣта Божьяго не видно.

— Погода, можетъ, завтра хороша будетъ; такъ лучше поѣзжай за нами на заводъ къ Леонтыю Васильевичу; отсюда не далеко; онъ добрый человѣкъ, у него и переночуешь.

Разумѣется, я съ удовольствіемъ и благодарностію принялъ предложеніе благодѣтелей, и мы за ними направились, да и мальчикъ мой видимо образовался, потому что весело погналъ лошадей и даже пѣсню запѣлъ. — Проѣхавъ версты двѣ по почтовой дорогѣ, мы своротили въ сторону въ лѣсъ, а черезъ полчаса послышался шумъ воды, двигавшей машины на лѣсопильномъ заводѣ

Леонтья Васильевича и вскорѣ заблистали огоньки на заводѣ. По приказанію дорожныхъ благодѣтелей, возница мой, когда пріѣхали на заводѣ, направился къ довольно большому дому и остановился у крыльца. На звонъ почтоваго колокольчика на крыльцѣ показался молодецъ, и привѣтливо пригласилъ меня пожаловать въ домъ, говоря, что Леонтій Васильевичъ у себя; самъ же бросился къ санямъ и, переговоривъ что-то съ возницей, вынулъ изъ нихъ моихъ дорожныхъ спутниковъ: чемоданъ, подушку и полость. Въ передней уже я объяснилъ молодцу: кто я и какими судьбами и зачѣмъ попалъ къ нимъ.

— Пожалуйте въ горницу, сказалъ онъ; а я тотчасъ же скажу объ васъ хозяину.

Горница, куда ввелъ меня молодецъ, освѣтивъ ее стеариновой свѣчей, была довольно обширна и украшалась св. иконами и, по стѣнамъ, картинами. Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ нее вошелъ и самъ хозяинъ, мужчина лѣтъ 45, красивой наружности съ русою окладистою бородою.

— Добро пожаловать, заговорилъ Леонтій Васильевичъ, дружески протягивая мнѣ руку: благодарю погоду, что она доставила мнѣ удовольствіе принять у себя хотя незнакомаго еще, но все-таки дорогаго гостя. Михайло, самоваръ скорѣй, да закуску вели приготовить. Милости прошу въ гостиную.

— Вы въ первый разъ въ странѣ нашей? спросилъ хозяинъ, усаживая меня на мягкій диванъ.

— Нѣтъ; я бывалъ здѣсь раза два, но въ лѣтнее время, и по вашей Петрозаводской дорогѣ доѣзжалъ до Никифировской пустыни. Теперь же путь мой лежитъ на Петрозаводскъ, а оттуда въ Палеотрсовскій монастырь,

въ Повѣнецъ и въ скиты поморскіе; хочется познакомиться съ образомъ жизни тамошнихъ отшельниковъ.

— Въ настоящее время, скажу вамъ, благодаря неусыпнымъ трудамъ и стараніямъ нашего Высокопреосвященнаго архіепископа Аркадія, поморская мѣстность въ нашей губерніи день отъ дня видимо измѣняется къ лучшему, потому что туда проникъ наконецъ лучъ истиннаго слова Божія; и мы надѣемся, что въ непродолжительномъ времени, расколъ въ странѣ нашей если не прекратится совершенно, то много и значительно ослабѣетъ.

— Но все-таки, зная изувѣрство здѣшнихъ раскольниковъ и ненависть ихъ къ Церкви и всему священству, никакъ не могу вполнѣ согласиться, чтобы обращеніе къ Церкви шло быстро и успѣшно; тѣмъ болѣе, что расколъ сильно вкоренился въ старикахъ и старухахъ и твердо поддерживается богатыми раскольниками, разумѣется, изъ самолюбія и тщеславія.

— Мнѣніе ваше могло бы быть справедливо лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ, теперь же оно неосновательно, потому что наше Олонецкое молодое поколѣніе, по торговлѣ и промысламъ обращаясь въ Петербургъ, стало видимо просвѣщаться и образовываться, начало, кромѣ своихъ кривотолкововъ, читать и другія книги, не пренебрегая и духовныя; и потому стали смотрѣть на безтолковую вѣру свою съ сомнѣніемъ и даже спорить съ стариками и наставниками. Повѣрьте мнѣ, какъ человѣку опытному въ дѣлѣ нашего безповщинскаго раскола: ежели раскольникъ самый законрѣтый, отбросивъ фанатизмъ, станетъ читать свои Поморскіе отвѣты, Соловецкую челобитную и другія кривотолкованья, а также и наши православныя сочиненія, то непременно покинетъ расколъ и обратится къ Церкви.

Между тѣмъ подали закуску и чай. Попивая его, мы продолжали бесѣдовать, но уже о другихъ матеріяхъ, расколъ же былъ оставленъ въ сторонѣ. Признаться, я не мало удивлялся природному, свѣтлому уму моего хозяина, развитому разнообразнымъ чтеніемъ; сужденія его о торговлѣ, о политикѣ и другихъ предметахъ были дѣльны и основательны, а потому я не разъ выражалъ ему мое удивленіе, что, видимо, нравилось ему.

— Ну, если на то пошло, такъ я скажу вамъ, мой гость любезный, что начитанностью моей и кой какимъ образованіемъ я обязанъ расколу, въ который совратился дватцати трехъ лѣтъ, единственно ради благъ земныхъ и любви плотской. Но я передамъ вамъ обстановку моего дѣтства и юности, и, можетъ быть, вы снисходительно взглянете на страшный грѣхъ мой.

Родился я отъ православныхъ родителей Олончанъ въ Петербургѣ, гдѣ отецъ мой былъ сторожемъ въ гостиномъ дворѣ, а матушка стряпухой по домамъ купцовъ средней руки и у мѣщанъ, искусно приготовляя обѣды; Съ семи лѣтъ стали посылать меня въ приходскую школу, а десяти отдали па Апраксинъ дворъ въ лавку въ мальчишки на пять лѣтъ. Изъ этого можете судить, каково было мое дѣтское воспитаніе. Но человекъ ко всему привыкаетъ, и потому съ терпѣніемъ провелъ я ученическіе годы. Въ это время матушка моя умерла, а отецъ по милости водки лишился мѣста и уѣхалъ на родину. Едва вышелъ я изъ черной жизни мальчика, и сталъ поближе знакомиться съ веселой столичной жизнью, какъ получилъ письмо отъ отца, въ которомъ онъ строго на-строго приказывалъ мнѣ расчитаться съ хозяиномъ и немедленно ѣхать домой. — Жаль! мнѣ было раз-

статься съ Петербургомъ и добрымъ хозяиномъ, и отправляться въ страну, которой никогда не видалъ; но дѣлать нечего, надо было покориться волѣ родительской; печальный, и грустный прибылъ я на пильный заводъ будущаго хозяина моего; на спросъ, гдѣ тутъ квартира отца, проходившій рабочій, оглянувъ меня съ любопытствомъ, отвѣчалъ: ты не сынъ ли будешь дяди Василья? Сынъ.—Церковный?—Церковный, разумѣется.—Ну такъ ступай вонъ туда въ контору, тамъ у насъ церковные живутъ, а отца твоего дома нѣтъ. Значить, я къ раскольникамъ попалъ, подумалъ я, направляясь къ конторѣ, гдѣ трое молодыхъ ребятъ встрѣтили меня радушно, и тотчасъ же распорядились самоваромъ. Бесѣдуя за чайкомъ съ новыми товарищами, я узналъ новость весьма непріятную:—отецъ съ годъ до моего пріѣзда покинулъ Церковь и ушелъ въ расколъ безпоповщинскій, къ которому вринадлежалъ и хозяинъ нашъ. Не получивъ ни въ дѣтствѣ, ни въ юности даже поверхностнаго понятія о догматахъ и правилахъ православной нашей вѣры, я хотя и не вполне могъ сознать всю великость грѣха несчастнаго родителя моего, но все-таки почувствовалъ какое-то тяжелое стѣсненіе въ груди и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Товарищи, какъ будто сочувствуя моему горю, дали мнѣ волю выплакаться.—Въ этотъ же вечеръ я успѣлъ разузнать и о будущемъ хозяинѣ моемъ: еще до французскаго года задолго въ здѣшнюю сторону прибыли изъ Москвы два брата двоюродные, Ананій и Денисъ Т—вы, раскольники безпоповщинскаго толка, полагать надо, съ порядочными деньгами, потому что вскорѣ накупили рощей въ Олонецкомъ и въ Вытегорскомъ уѣздахъ, и мѣстную торговлю повели на широкую руку. Устроивъ пильный заводъ не подалеку отъ

Олонца, Денисъ поселился здѣсь, Анавій же остался на старомъ мѣстѣ. Впрочемъ оба брата, хотя и раскольники, были люди добрые и справедливые.

На другой день утромъ меня отвели къ *дядинькѣ* Денису, предупредивъ сначала, чтобы я отнюдь не молился въ его горницѣ, а поклонился бы только и сталъ у притолки.—„Здорово, молодець,“ заговорилъ дяденька Денисъ, высокій старикъ съ суровымъ блѣднымъ лицомъ, окаймленнымъ длинною бородой съ сильной сѣдиной: хорошо сдѣлалъ—что отца послушался; ты, говорятъ, парень шустрый и честный,—такіе люди намъ пригодны. Будешь хорошо служить—жалованьемъ не обижу. Ступай теперь въ контору и тамъ помѣстись; завтра тебѣ дѣло назначу.“—Тѣмъ аудіенція моя и кончилась. Вечеромъ пріѣхалъ отецъ и, признаюсь, я едва узналъ его: изъ добродушнаго веселаго старика онъ сдѣлался сердитымъ и мрачнымъ и, даже, не обнялъ и не поцѣловалъ меня, какъ бы слѣдовало родителю; поговоривъ немного, мы разстались какъ чужіе.—Ты бурсманскую одежду свою скинь, а сшей кафтанъ русскій да чуйку, прибавилъ старикъ, уходя.

На другой день я поступилъ на дѣло, подъ надзоръ старшаго прикащика, православнаго къ счастію, и вскорѣ постигъ всю суть лѣснаго и дровянаго производства, такъ что съ небольшимъ въ два года сдѣлался самымъ опытнымъ прикащикомъ, а за расторопность мою и честность все болѣе и болѣе пріобрѣталъ расположеніе и довѣріе отъ хозяина. Болѣе двухъ лѣтъ не видя даже намека на то, чтобы перейти въ безпоповцы, я совершенно свыкъ съ своею должностію и, даже, полюбилъ ее. Но вотъ начались и мои искушенія! Всегда суровое обращеніе отца со мною вдругъ измѣнилось до того,

что онъ, когда бывалъ я дома, сталъ призывать меня къ себѣ, и сначала намеками, а потомъ уже напрямикъ началъ уговаривать покреститься и перейти въ ихъ согласіе. Въ этомъ уговариваніи самое дѣятельное участіе принималъ нашъ заводскій наставникъ старецъ Андрей. Ужъ чего-чего не толковали они мнѣ: сперва съ глубокими вздохами изъяснялись они въ нелицемѣрной любви своей и душевно будто бы скорбѣли о неминуемой, вѣчной гибели моей. Полагая, что отецъ со старцемъ дѣйствовали по приказанію хозяина, я сначала ничего не возражалъ имъ, да и возражать-то не былъ въ состояніи, и одно только твердилъ, что не покину вѣры матерней. Между тѣмъ старшій прикащикъ, которому я объявилъ о моихъ искушеніяхъ, сколько умѣлъ, объяснилъ мнѣ правила и догматы вѣры нашей православной, и въ заключеніе прибавилъ: „если они ужъ сильно станутъ приставать къ тебѣ и хулить нашу вѣру, то ты только скажи имъ: Господь Спаситель нашъ во св. Евангеліи сказалъ: *созижду Церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ей*. Слѣдовательно Церковь Христова на землѣ будетъ существовать вѣчно, до втораго пришествія Господа, и никто и ничто не въ силахъ хотя малѣйше поколебать ее. Такъ какимъ же, молъ, образомъ прекратилась у насъ Церковь съ учрежденными Самимъ Господомъ священствомъ и прочими Таинствами церковными?“

Вотъ-съ однажды, воротившись изъ рощи, только что засѣлъ я за самоваръ, является за мной посланецъ отъ тятеньки, сейчасъ, молъ. Только чаю напьюсь, отвѣчалъ я на зовъ и разсердился даже.— „Что это ты, Леонтій, по сю пору не отвыкнешь отъ этого многомерзкаго зелья, заговорилъ отецъ, лишь только я вошелъ къ нему: знаешь ли ты, что проклятые китайцы, на пагубу душъ,

сбрызгиваютъ чай змѣинымъ жиромъ, отъ того-то онъ вамъ, погибающимъ, и сладокъ кажется?

— Гдѣ же они тамъ змѣй-то наберутъ? сказалъ я смѣясь.

— Тамъ, Леонтьюшко, если бы не на чай, перебилъ старецъ Андрей, такъ отъ змѣй дѣваться бѣ некуда было.

Тутъ ужъ я не выдержалъ и захохоталъ просто; старики, однакоже, не разсердились, а переглянулись только. — Послѣ непродолжительнаго молчанія старецъ Андрей заговорилъ сладкимъ вкрадчивымъ голосомъ, и какъ будто стороной намекнулъ, что дядюшка Денисъ очень доволенъ моею службой и искренно меня полюбилъ; но что онъ душой скорбитъ, видя упорство мое спасти душу свою и покинуть никоніанскую ересь.

— Вотъ ваша-то вѣра—еретическая!

— Молчи! перебилъ отецъ, расердившись не на шутку: „кабы ты зналъ, что дядюшка Денисъ кромѣ того, что сдѣлаетъ тебя главнымъ довѣренныхъ прикащикомъ, а еще хотѣлъ деньгами наградить, такъ не забиралъ бы себѣ въ голову пустяковъ разныхъ.“

— Такъ ты думаешь, что изъ-за денегъ да изъ-за земныхъ выгодъ я соглашусь лишиться царства небеснаго? Что вы тутъ ни толкуйте, а меня съ моего праваго пути не собьете. Хочетъ дядя Денисъ, чтобъ я по прежнему служилъ ему, то пусть оставитъ меня въ покоѣ, а если нѣтъ то пусть разчитаетъ, безъ мѣста шататься не буду. Теперь мнѣ дѣлать у васъ нечего, прощайте.

Раздасадованный, пришелъ я домой и безъ ужина повалился на койку.—„Ну, думаю, завтра меня здѣсь не

будеть; но Богъ милостивъ; здѣшніе лѣсопромышленники знаютъ меня, безъ дѣла не буду“.

Утромъ прислалъ за мной хозяинъ. — По прежнему привѣтливо и ласково принялъ онъ меня. Переговоривъ о дѣлахъ, дядя Денисъ прибавилъ: „вотъ что, Леонтій, присмотръ за рубкой дровъ поручи, кому найдешь сподручнѣе, самъ же ты съ утра поѣзжай на Шуньгу въ ярманку и тамъ закупи, что напишу, и все это отвези къ старцамъ и старицамъ нашимъ въ скиты Повѣнецкіе отъ меня въ гостинцы. Ужо приготовлю я записку и письма, а за-утро ты поѣзжай съ Архипомъ, онъ знаетъ дорогу туда. Теперь ступай, приготовляйся.“

Понимаю, любезный, зачѣмъ ты посылаешь меня, да нѣтъ, въ расчетѣ ошибешься! Нагрузивъ въ Шуньгъ порядочныхъ пять воевъ мукой крупчатой, рыбой, икрой, медомъ и разными мелочами на *утѣшеніе*, — густыми, дѣвственными лѣсами, не слыхавшими топора въ предѣлахъ своихъ, то озерами, то горами каменистыми, пробирались мы шагомъ всю дорогу и наконецъ кое-какъ дотащились до гнѣздъ безпоповскихъ. Хотя посѣщеніе этихъ логовищъ на представляло ничего утѣшительнаго, я все-таки обрадовался, когда мы остановились у воротъ довольно обширнаго монастыря, окруженнаго высокимъ деревяннымъ заборомъ. Не стану подробно рассказывать вамъ о Повѣнецкихъ *обителяхъ*, потому что не обращалъ на нихъ никакого вниманія, а скажу только, что всѣ онѣ устроены на болѣе или менѣе обширныхъ полянахъ около небольшихъ озеръ, содержатся въ необыкновенной чистотѣ и населены исключительно раскольниками поморскаго толка, получившаго начало отъ Андрея Денисова, написавшаго

„Отвѣты поморскіе,“ почитаемые раскольниками чуть ли не выше самаго священнаго Писанія. Какъ полагалъ я, здѣсь всѣ старцы и старицы, конечно по просьбѣ дяди Дениса, старались уговаривать меня. Съ ними я не церемонился, и рѣшительно просилъ отъ бесѣдъ своихъ уволить, объявивъ, что ни слушать, ни отвѣчать ничего не буду.

Съ особеннымъ удовольствіемъ оставилъ я притоны изувѣровъ, и вскорѣ пріѣхалъ домой на страстной недѣлѣ. Ну, думаю, теперь дядя Денисъ или оставитъ меня въ покоѣ, или прогонитъ меня. — Принявъ письма, отчетъ и оставшіяся деньги, хозяинъ, какъ будто предчувствуя, что не найдетъ въ письмахъ, чего ожидалъ, — сурово сказалъ: „ладно, ступай.“ На другой день дядя Денисъ пришелъ за мной: „братъ пишетъ изъ Вытегры заговорилъ онъ, что у него конторщикъ мошенникъ, перапуталъ всѣ книги, а прикащики въ рощахъ явно воруютъ; побѣзжай къ нему сего-дня же на почтовыхъ, пока еще дорога стоитъ, и приведи тамъ все въ порядокъ. Да захвати съ собой пожитки, можетъ придется тамъ съ полгода прожить. Ступай, приготовляйся!

Порученіе это мнѣ нравилось и даже радовало, потому что дядя Ананій былъ раскольниковъ мелкой руки и окруженъ православными, слѣдовательно искушеній тамъ не предвидѣлось. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ напротивъ: дядинька Денисъ придумалъ чисто іезуитскую продѣлку: не поколебавъ во мнѣ ума, онъ рѣшился напасть на страсти, или на сердце и чувства мои.

Дядя Ананій развѣ только по высокому росту походилъ на брата своего, въ прочемъ же во всемъ отличался отъ него: былъ ласковъ, привѣтливъ, разговорчивъ

и обходителенъ. Онъ принялъ меня радушно, усадилъ подлѣ себя на диванъ и долго бесѣдовалъ о разныхъ разностяхъ. Обревизовавъ контору и открывъ множество безпорядковъ и упущеній, я обо всѣхъ ихъ составилъ выписку и снесъ Ананію. — „Напрасно ты трудился, Леонтьюшка, надъ повѣркою: что съ возу упало, то ужъ пиши: пропало; что съ нихъ возьмешь, мошенниковъ? А вотъ ты внучкѣ моей Пелагеѣ Расскажи да укажи, какъ на будущее время орудовать по конторѣ; она у меня дѣвка грамотная, смышленная, словомъ, настоящая московка. Эй, Палаша, поди сюда!

Черезъ минуту, или двѣ, въ горницу къ намъ вошла дѣвушка лѣтъ семнадцати, стройная и высокая. При первомъ взглядѣ на нее, я почувствовалъ въ груди что-то необыкновенное, чего не испытывалъ никогда до-прежде, хотя и видывалъ много красавицъ. Не стану распространять разсказа моего, а скажу, что съ знакомствомъ моимъ съ Палашей участь моя рѣшилась: черезъ три мѣсяца я согласился оставить мать свою Церковь православную и ушелъ въ расколъ, собственно изъ-за того, чтобы жениться на Пелагеѣ. Вмѣстѣ съ нею получилъ я отъ стариковъ полную довѣренность на производство торговыхъ дѣлъ ихъ и формальное завѣщаніе всего движимаго и недвижимаго имѣнія послѣ ихъ смерти. Кажется въ практическомъ отношеніи невозможно было лучше обдѣлать дѣлъ своихъ: жена красавица, умница и кроткаго, мирнаго характера и миллионное богатство, чего больше: живи и не тужи. Такъ сначала и самъ я думалъ; но черезъ годъ совѣсть начала пробуждаться во мнѣ и я терпѣлъ страшныя нравственныя мученія въ продолженіи трехъ лѣтъ, пока не схоронилъ стариковъ Ананія и Дениса. — Черезъ шесть

недѣль послѣ смерти дѣдушки Дениса, мы съ женой и сыномъ приняты были въ милосердія объятія сердобольной Матери нашей Церкви православной. Въ бытность мою въ расколѣ я пристрастился къ чтенію и прочелъ почти всѣхъ кривотолковъ безпоповскихъ, и кромѣ хитросплетеній, запутанностей, противорѣчій одинъ другому и явныхъ выдумокъ ничего въ нихъ не нашель. Чтобы намъ не возвращаться къ разговору о расколѣ, скажу вамъ, что ни одинъ православный, какъ бы слабъ ни былъ въ своихъ убѣжденіяхъ, ни за что не согласится сдѣлаться раскольниковъ безъ какой-либо цѣли; и если вамъ какой отступникъ скажетъ, что ушелъ въ расколъ, убѣдившись въ его правильности—то это ложь самая безсовѣстная.

И. Шевелкинъ.

НѢСКОЛЬКО СЛУЧАЕВЪ ЯВНАГО ПРОМЫШЛЕНІЯ БОЖІЯ О ЧЕЛОВѢКѢ.

Еслибы мы обращали должное вниманіе на жизнь свою и на жизнь другихъ людей, то увидѣли бы, какъ въ своей собственной жизни, такъ и въ жизни другихъ ясные слѣды промысла Божія. Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, обнаруживаются предъ нами пути Божія промысла. Въ рѣдкомъ духовномъ журналѣ не встрѣчается повѣствованія о какихъ либо чудесныхъ дѣйствіяхъ или Божія милосердія, или Божія правосудія. И благодареніе Господу Богу, такими чудесными дѣйствіями укрѣпляющему вѣру нашу. Это особенно благовременно нынѣ, когда тля невѣрія заразила умы многихъ

именующихся христіанами. Ко многимъ чуднымъ дѣйствіямъ Божія Промысла, въ недавнее время разсказаннымъ въ повременныхъ духовныхъ журналахъ, не безъ пользы для вѣрующихъ могутъ быть приложены подобныя повѣствованія, переданныя мнѣ нѣкоторыми благочестивыми, достойными вѣроятія, особами. Вотъ эти повѣствованія.

1.) По обязанности званія моего однажды случилось мнѣ быть въ домѣ одного изъ многихъ прихожанъ. Здѣсь встрѣтилъ я многихъ изъ его родныхъ и знакомыхъ. Разговоръ зашелъ между нами о томъ, есть ли нынѣ чудеса. На это одинъ изъ гостей сказалъ: „да я самъ не такъ давно былъ свидѣтелемъ чуда!“—И началъ о немъ разсказывать. „Былъ, говоритъ, у меня пріятель, который руководствовалъ меня въ иконописной работѣ. Мы съ нимъ вдвоемъ работали долгое время. Надобно сказать, что у него съ малыхъ лѣтъ болѣли ноги и были въ ранахъ. Сколько ни лѣчили его московскіе врачи, не могли доставить ему никакого облегченія. Иногда они закрывали ему раны: тогда онъ весь дѣлался больнымъ, такъ что опять принуждены были открывать ему раны, отъ которыхъ онъ терпѣлъ сильную боль. Такою болѣзнію онъ страдалъ до сорока лѣтъ. Какъ мы часто работали у раскольниковъ поповщинскаго и безпоповщинскаго толковъ, то тѣ и другіе сильно переманивали насъ въ свою вѣру. Особенно своими убѣжденіями подѣйствовали на моего товарища. Онъ началъ задумываться, и иногда говаривалъ мнѣ:—„что мнѣ дѣлать? хоть бы Богъ далъ мнѣ знаменіе: какая вѣра правая. Если бы Господь исцѣлилъ мои ноги въ какой нибудь церкви, или на рогожскомъ кладбищѣ, или на преображенскомъ, тутъ бы я и остался на вѣкъ!“—Тому назадъ лѣтъ десять—

однажды въ лѣтнее время онъ позвалъ меня гулять въ въ Воскресенскій монастырь, въ которомъ мы не бывали еще. Пошли. Туда пришли мы къ вечеру, когда заблагоувѣстили ко всенощной. Это было въ субботу. Отъ усталости мы не пошли ко всенощной, а остались въ гостинницѣ. Утромъ были у ранней обѣдни. Вставши, товарищъ по обыкновенію перевязалъ свои ноги. Потомъ стояли и за поздней литургіей. По окончаніи литургіи по примѣру другихъ служили панихиду по Никонѣ патріарху у гробницы его. Товарищъ мой ставилъ тутъ свѣчи, и, помню, на него надѣвали вериги Патріарха. Потомъ вскорѣ мы отправились въ Москву. Домой пришли уже часовъ въ одиннадцать ночи. Отдохнувши довольно, товарищъ мой говоритъ мнѣ: я такъ загулялся нынѣ, что забылъ и о своей болѣзни! и съ такими словами онъ снялъ повязку съ больныхъ ногъ своихъ. Чтоже увидѣлъ? съ ногъ его какъ чешуя свалилась. Ранъ будто и небыло!—„Вотъ знаменіе явилъ мнѣ Господь, о которомъ я просилъ Его,“—воскликнулъ онъ въ восхищеніи. Теперь я узналъ, что наша вѣра есть вѣра истинная и Церковь наша есть Церковь святая!—И началъ благодарить Бога за свое исцѣленіе.—Мало того, прибавилъ раскашникъ, онъ послѣ того перемѣнилъ даже двуперстное сложеніе, которымъ доселѣ молился, на трехперстное. Вотъ какого чуда я самъ былъ свидѣтелемъ!—окончилъ онъ.

2.) Сидѣла я однажды утромъ, въ большой праздникъ, у окна, говорила одна почтенная дама, какъ увидѣла одного, мнѣ знакомаго господина, ѣхавшаго верхомъ мимо нашего дома. „Куда вы такъ рано?“ спрашиваю его.—На охоту!—отвѣчаетъ онъ. „Въ такой великій праздникъ и такъ рано! Еще небыло поздней обѣдни!“—

У насъ все праздники! отвѣчаетъ онъ съ ироническою улыбкою!—Посмотрите въ календарь, тамъ каждый день праздники!—Съ такими словами онъ поѣхалъ далѣе, усмѣхнувшись. Не прошло и полчаса, какъ слуга, вѣхавшій за нимъ, скачетъ опрометью назадъ. „Что это значитъ?“ я спросила его.—Баринъ упалъ въ ровъ!—отвѣчалъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ слышу, что господинъ, съ которымъ я недавно говорила,—спускаясь съ горы, упалъ съ лошадыю въ глубокій ровъ и былъ задавленъ лошадыю. Не явное ли это наказаніе Божіе за непочтеніе святости дня Господня?

3.) „Позвали насъ однажды въ судъ, говорилъ мнѣ одинъ мой добрый прихожанинъ, чтобы взять съ насъ показаніе подъ присягою, точно ли мы видѣли, и когда именно, одного изъ арестантовъ, который посаженъ былъ въ тюрьму за кражу лошади и денегъ у крестьянина. Насъ было человѣкъ семь, на которыхъ онъ показалъ. Когда поставленъ былъ предъ нами налой съ крестомъ и Евангеліемъ, и послали звать священника, чтобы привести насъ къ присягѣ, въ то время одинъ изъ стоящихъ со мною спросилъ меня: „какъ вы покажете?“—Какъ было; покажу всю правду,—говорю я.—А вы какъ думаете показать?—спрашиваю его. „Нѣтъ! я не покажу правды!“—Отъ чего же?—„Отъ того, чтобы скорѣе покончить дѣло.“—А присяга-то! какъ вы понимаете объ ней? вѣдь дѣло великое—поцѣловать крестъ и Евангеліе!—„Что за бѣда? по обстоятельствамъ чего не бываетъ? Нѣтъ, я не покажу правды!“—Смотрите, чтобы Бога не прогнѣвать!—„Ничего!“—Только что мы окончили этотъ разговоръ, какъ приходитъ священникъ и облачившись, по данному ему списку вызываетъ первымъ того, который не хотѣлъ сказать правды; тотъ вышелъ и, подойдя къ

налою, перекрестился и хотѣлъ было поклониться. Въ ту минуту онъ упалъ и тутъ же умеръ. Страхъ объялъ всѣхъ насъ. Такъ Господь иногда явно караетъ кланущихся во лжу Его святымъ именемъ!

Священникъ Александръ Романовскій.

НАПОМИНАНІЕ

МОСКОВСКИМЪ ЛЮБИТЕЛЯМЪ ДУХОВНЫХЪ КОНЦЕРТОВЪ.

Въ прошедшемъ году на шестой недѣлѣ великаго поста былъ въ залѣ Московскаго мѣщанскаго училища духовный концертъ. Первоначально онъ назначался для удовольствія дѣтей, воспитывающихся въ этомъ училищѣ, но, какъ послѣ оказалось, принесъ истинное утѣшеніе и большому числу взрослыхъ людей, присутствовавшихъ на немъ. Мнѣ прежде всего понравилась мысль учредителей концерта въ мѣщанскомъ училищѣ — доставить удовольствіе дѣтямъ — не свѣтскими пѣснями и музыкою, не домашнимъ спектаклемъ, не представленіями фокусниковъ, — а духовнымъ пѣніемъ. Это было очень умно со стороны учредителей, потому что совершенно согласно съ началами христіанскаго воспитанія.

Но мнѣ еще показалось замѣчательнымъ, что на духовный концертъ, устроенный небольшимъ кружкомъ любителей духовнаго пѣнія, безъ газетныхъ публикацій собралось до 500 человекъ. Въ этомъ было живое доказательство того, что въ Москвѣ любителей этого чистаго, христіанскаго удовольствія очень много, что бы-

ло бы совершенно справедливо и въ нравственномъ отношеніи весьма полезно поддерживать и питать эту благородную склонность московскаго общества къ духовнымъ удовольствіямъ.

Такъ какъ концертъ былъ духовный, то на него собралось много московскихъ священниковъ. Они перемѣшались съ другими посѣтителями и до начала концерта и въ антрактахъ тихо бесѣдовали съ сосѣдями. У насъ толкуютъ много о томъ, что духовенство наше сидитъ по угламъ, что не сближается съ обществомъ, что для взаимной пользы духовенства и общества надобно вывести первое изъ его замкнутаго, отчужденнаго положенія. Вотъ, думалъ я, устроено собраніе съ доброю и чистою цѣлю, — явилось и духовенство. Не въ театрѣ же и на балахъ ему сближаться съ обществомъ!

Такъ какъ учредители концерта были московскіе купцы, то и большинство посѣтителей было изъ купечества. Во всемъ было видно, что собраніе строго отличаетъ концертъ духовный отъ удовольствій свѣтскихъ. На дамахъ не было замѣтно ни тѣни щегольства и роскоши: всѣ одѣты были не только просто, но и особенно скромно. Никакихъ шумныхъ выраженій удовольствія со стороны мужчинъ не было, рукоплесканія были запрещены особымъ объявленіемъ, выставленнымъ при входѣ въ залу. Во время пѣнія, можно сказать, была благоговѣйная тишина; удовольствіе выражалось только тихою улыбкою, какимъ-нибудь легкимъ знакомъ, поданнымъ сосѣду, или словомъ, сказаннымъ попутно. Особенно меня тронуло то, что когда пѣвчіе запѣли *Отче нашъ*, все собраніе вдругъ, какъ одинъ человекъ, поднялось съ мѣстъ и стояло во все время пѣ-

нія молитвы Господней. По окончаніи концерта, всѣ разѣхались тихо въ какой-то задумчивости и добромъ христіанскомъ настроеніи, какъ будто послѣ богослуженія. Видно было, что изящное духовное пѣніе произвело свойственное ему впечатлѣніе.

Я не знатокъ пѣнія и не распространяюсь о томъ, какъ знаменитымъ хоромъ Его Высокопреосвященства была исполнена предположенная программа. Этотъ хоръ вся Москва знаетъ и всѣ уважаютъ Ѳ. А. Багрецова, какъ регента съ большимъ знаніемъ дѣла и съ чистымъ вкусомъ, при которомъ онъ такъ умѣетъ совмѣстить искусство съ строгими духовными требованіями нашего православнаго богослуженія и съ глубокимъ содержаніемъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній. Я вспомнилъ объ этомъ концертѣ, бывшемъ годъ тому назадъ, потому что былъ слушателемъ замѣчательнаго разговора, происходившаго въ кружкѣ любителей духовнаго пѣнія во время антрактовъ концерта. Мнѣ хочется поднять и спасти отъ забвенія мысли, высказанныя въ этомъ разговорѣ. Я попытаюсь возстановить, сколько помню, его содержаніе.

— Скажите, пожалуйста, говорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, не лучше ли это удовольствіе, не сообразите ли съ священнымъ временемъ великаго поста, чѣмъ свѣтскіе концерты съ оперною музыкою—и живыя картины?—Тамъ мысль разсѣвается, воображеніе переносится въ театръ, живыя картины рисуютъ передъ вами цѣлыя сцены, поражающія васъ чувственною красотою; а здѣсь, напротивъ, нѣтъ мѣста ни одной пустой мысли, ни одной нечистой мечтѣ. Между тѣмъ время проходитъ такъ пріятно; отдыхаешь не только съ утѣшеніемъ, но и съ духовною пользою.

— Совершенно справедливо, замѣтилъ другой. Я увѣренъ, что многіе изъ посѣтителей этихъ неблаговременныхъ свѣтскихъ увеселеній, послушали бы съ удовольствіемъ это пѣніе и остались бы съ тѣмъ же пріятными духовными впечатлѣніями, какія мы теперь испытываемъ. Можно даже больше сказать: и тѣ изъ нашихъ свѣтскихъ людей, которые мало знакомы съ нашими церковными пѣснопѣніями, нашли бы много изящнаго въ пѣніи, которе мы теперь слушаемъ. Я говорилъ однажды о нашемъ духовномъ пѣніи съ итальянцемъ музыкантомъ, недавно пріѣхавшимъ въ Россію, и вотъ что отъ него услышалъ. „Я былъ, говорилъ онъ, на послѣдней репетиціи большого духовнаго концерта, бывшаго третьяго года въ залѣ Благородаго Собранія въ пользу бѣдныхъ. Меня до того поразила эта глубина музыкальнаго содержанія въ вашихъ духовныхъ пѣснопѣніяхъ, этотъ чисто-религіозный стиль, эта полнота и стройность хоральнаго пѣнія, что у меня слезы брызнули изъ глазъ. У насъ, въ западной Европѣ, нѣтъ ничего подобнаго.“ Вотъ что говорятъ о нашемъ духовномъ пѣніи иностранцы. Тоже безъ сомнѣнія скажутъ и безпристрастные знатоки музыки изъ русскихъ. Но что у насъ дѣлается для того, чтобы развить въ обществѣ вкусъ къ изящному духовному пѣнію и чтобы оказать нѣкоторое противодѣйствіе постоянно возрастающей страсти къ свѣтскимъ удовольствіямъ? Мы жалуемся, что наше образованное общество въ великій постъ устремляется съ увлеченіемъ на свѣтскіе концерты, а дается ли ему вмѣсто нихъ что нибудь другое? Мы только осуждаемъ и порицаемъ свѣтскія удовольствія, мы только говоримъ противъ нихъ, а тутъ надобно дѣлать.

— Что же дѣлать?

— Тоже, что дѣлаетъ свѣтъ. Для насъ въ этомъ случаѣ есть руководящіе примѣры изъ древней исторіи Церкви. Когда еретики распространяли въ Церкви ложное ученіе и, чтобы легче ввести его въ народъ, излагали его въ пѣснопѣніяхъ, и для нихъ сочиняли пріятные, заманчивые напѣвы, святые отцы наши, напр. Ефремъ Сиринъ и Іоаннъ Златоустъ не ограничивались обличеніемъ лжеученія въ видѣ проповѣди, а писали сами духовныя пѣснопѣнія, содержащія чисто православное ученіе и облекали ихъ въ пріятные звуки, и такимъ образомъ вытѣсняли изъ народнаго употребленія пѣснопѣнія еретическія. Точно также и мы духовною музыкою, какъ наилучшимъ изъ удовольствій, можемъ ослабить преобладаніе, или уничтожить неблаговременное употребленіе удовольствій свѣтскихъ. Какъ вы ни рассуждаете, но по опыту видно, что родъ человѣческій безъ удовольствій, принимаемыхъ въ смыслъ пріятнаго отдыха и развлеченія,—жить не можетъ. Свѣтъ, или по церковному выроженію, міръ даетъ ему въ этомъ отношеніи обильную и часто вредную и неблаговременную пищу. Если вы это замѣчаете и желаете предохранить общество отъ зла, давайте пищу другую, чистую и здоровую. Въ театрѣ, въ залахъ благороднаго собранія дается въ великій постъ свѣтскій концертъ: вы дайте въ тоже время въ другомъ мѣстѣ духовный, съ такою же заботливостью о совершенствѣ исполненія и съ такою же пріятною обстановкою, какъ это дѣлаетъ свѣтъ. Вы дадите обществу возможность выбирать,—какое удовольствіе чище, благотворнѣе и благовременнѣе. Тутъ заговорить и совѣсть. Теперь желающіе пріятно провести свободное время ѣдутъ на свѣтскій концертъ и еще утѣшаются тѣмъ, что они проведутъ вечеръ лучше,

чѣмъ за картами, или въ пустой болтовнѣ; а тогда подумаютъ: вѣдь нынѣ великій постъ, не будетъ ли еще лучше послушать духовнаго пѣнія? Можно напередъ сказать, что однажды испытавши это чисто духовное удовольствіе, они почувствуютъ великую разницу въ настроеніи духа, какое производитъ духовная и свѣтская музыка. Безъ всякихъ споровъ и доказательствъ, собственное сердце скажетъ имъ, когда они ближе будутъ къ тому расположенію духа, какого требуетъ священное время великаго поста, послѣ духовнаго, или свѣтскаго концерта. Вѣдь здѣсь—только что мы не могли; намъ легко отсюда перейти прямо въ церковь. Съ свѣтскаго концерта это сдѣлать не легко. Тутъ путемъ опыта и наилучшимъ образомъ разрѣшится важный вопросъ: какія удовольствія приличнѣе христіанину не только въ постъ, но и во всякое время. Повѣрьте, много найдется людей, которые не на постъ только, но навсегда предпочтутъ духовные концерты театру и концертамъ свѣтскимъ.

— Стало быть, вы думаете, духовные концерты были бы полезны не только въ великій постъ, но и во всякое время года? Изъ вашихъ словъ видно, что вы желали бы и признаете возможнымъ ввести духовные концерты, какъ постоянныя удовольствія, подобно тому, какъ для свѣта постоянно даются спектакли и концерты свѣтскіе.

— Мало ли, чего хотѣлось бы, и мало ли, что для насъ нужно! Тѣ изъ нашихъ русскихъ, которые наиболѣе преданы православной Церкви и желали бы поддерживать сколько возможно христіанскій духъ и порядокъ въ нашей жизни, скорбятъ о томъ, что страсть къ удовольствіямъ свѣтскимъ растетъ въ нашемъ обществѣ не по днямъ, а по часамъ, что она расслабляетъ правос-

лавныхъ, лишаетъ ихъ нравственной чистоты, твердости и силы. Они скорбятъ справедливо, но, извините, если я скажу немного рѣзко: они много вздыхаютъ, но мало дѣлаютъ.

— Но можетъ быть и вздыхаютъ именно по сознанию невозможности исполнить то, что вы находите нужнымъ, и что вамъ представляется легкимъ,—извините, я скажу тоже рѣзко,—по незнанію практическихъ трудностей и препятствій къ осуществленію вашей мысли.

— Я понимаю васъ. Вы думаете, что у духовныхъ пѣвчихъ неостанетъ умѣнья состязаться съ свѣтскими артистами или не найдется довольно денегъ для устройства частыхъ концертовъ? Не безпокойтесь. Вотъ вы видите, сидитъ здѣсь извѣстный свѣтскій артистъ, пѣвецъ театральнй. Вы слышали, какъ искренно онъ говорилъ, что здѣсь ощущаетъ истинное удовольствіе, особенно для него пріятное. Вѣдь онъ христіанинъ; его душа не можетъ не отзываться на благодатныя слова и священные звуки нашихъ церковныхъ пѣснопѣній. Я увѣренъ, что онъ съ радостію и самъ принялъ бы участіе въ этомъ пѣніи. Я не то хочу сказать, что одни и тѣже пѣвцы могутъ пѣть и въ театрѣ и въ концертахъ духовныхъ, а то, что духовное пѣніе есть тоже искусство и искусство высшее, что это искусство найдеть для себя таланты не менѣе сильныя, чѣмъ какіе находятъ театръ, найдеть себѣ служителей съ истиннымъ призваніемъ. Этотъ хоръ, который мы теперь слушаемъ, можетъ сдѣлаться зерномъ такого хора, какого не видала еще Россія, а тѣмъ менѣе западная Европа, какъ говорилъ мой итальянецъ. Цѣлыя сотни отборныхъ голосовъ мужскихъ и, если хотите, даже женскихъ, художественнымъ образомъ будутъ воспѣвать славу

Божію и радовать сердца православныхъ чистою духовною радостію.

— Съ этимъ можно согласиться. Охотники пѣть найдутся, явятся и знатоки духовнаго пѣнія, которые поведутъ дѣло съ успѣхомъ; но гдѣ вы найдете столько посѣтителей для вашихъ концертовъ, сколько привлекаютъ къ себѣ театръ и учредители концертовъ свѣтскихъ? Тамъ, вы знаете, искусство пользуется полною свободою, тамъ оно проникается элементомъ страсти, которой такъ легко поддаются грѣшныя сердца человѣческія. Но пѣніе духовное, по существу своему, должно быть строго, содержаніе пѣснопѣній будетъ постоянно напоминать богослуженіе; ваша концертная зала будетъ похожа на церковь, и я сильно опасаюсь, что послѣ двухъ—трехъ концертовъ, въ ней будутъ собираться только записные любители духовнаго пѣнія, а они одни не дадутъ вамъ достаточныхъ средствъ для устройства такого великолѣпнаго хора, о какомъ вы мечтаете, и для покрытія всѣхъ издержекъ, какія нужны при большихъ концертахъ.

— Согласенъ, можетъ быть, я и мечтаю. Но о подобныхъ вещахъ мечтать такъ пріятно. Позвольте мнѣ пообстоятельнѣе изложить вамъ мои мечты. Мнѣ кажется, что онѣ имѣютъ основаніе въ дѣйствительности и сами легко могутъ перейти въ дѣйствительность. Ваша правда, что въ свѣтскихъ удовольствіяхъ много страсти, что въ грѣшной природѣ человѣческой есть сильная склонность поддаваться обаянію страсти. Но въ тойже природѣ человѣческой есть живое стремленіе къ наслажденію чистымъ, къ восторгамъ истиннымъ, т. е. свѣтлымъ и яснымъ, не возмущаемымъ отъ движенія страстей. Это — наслажденія и восторги религіозные;

это—возбужденіе религіознаго чувства, никогда не сопровождающееся пресыщеніемъ и нравственнымъ утомленіемъ. Если свѣтская музыка, спектакли и другія увеселенія даютъ обильную пищу страстнымъ увлеченіямъ, то духовная музыка и пѣніе даютъ еще болѣе обильную пищу чистому религіозному чувству. Много у насъ уже явилось страстныхъ любителей свѣтскихъ увеселеній, но едва ли еще не болѣе осталось любителей утѣшеній духовныхъ. Вы считаете посѣтителей театровъ и свѣтскихъ концертовъ тысячами, а мы считаемъ любителей нашего богослуженія милліонами; тысячи людей приходятъ въ восторгъ отъ изящнаго произведенія свѣтской музыки, но цѣлые милліоны приходятъ въ умиленіе отъ простыхъ напѣвовъ божественныхъ пѣснопѣній нашей Церкви. Если церковь скучна для любителей свѣтскихъ увеселеній, то въ ней не скучаютъ любители духовныхъ утѣшеній. Они не соскучатся и въ духовныхъ концертахъ. Свѣтская музыка у насъ извѣстна пока только еще такъ называемому образованному обществу, а духовная, церковная всему православному народу. Забудьте только одно,— и это самое важное: не отдѣляйте духовной музыки отъ ея духовнаго содержанія.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Очень простую истину. Если посѣтители духовныхъ концертовъ будутъ слышать только звуки, стройные аккорды, переливы тоновъ, — это скоро имъ приедается, прискучить. Они потребуютъ новыхъ музыкальныхъ сочиненій, и если ихъ не будетъ, или будутъ не по ихъ вкусу,—они перестанутъ посѣщать концерты. Но если при художественномъ исполненіи въ концертѣ слышно будетъ каждое слово священнаго пѣсно-

пѣнія (за что особенно мы и любимъ хоръ, который теперь слушаемъ), — будьте увѣрены, никто не соскучится. Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого богатства, такого разнообразія духовныхъ пѣснопѣій, какъ въ православной Церкви: есть изъ чего выбрать. Глубина ихъ содержанія, сила проникающаго ихъ чувства, духовная поэзія, всюду въ нихъ дышащая, таковы, что многихъ разсѣянныхъ заставляютъ собраться съ мыслями, многихъ печальныхъ утѣшать, одичавшихъ и удалившихся отъ Церкви, — обратятъ къ ней. Избирайте пѣснопѣнія, особенно православными любимыя, изъ всѣхъ временъ церковнаго богослуженія, не ограничивайтесь одною итальянскою музыкою, но употребляйте напѣвы и просто церковные, воскрешайте древніе, избрѣтайте новые; пусть поютъ и двухорно, и попеременно, и соло; наконецъ пусть хоръ изъ многихъ сотенъ голосовъ, какъ я мечтаю, просто пропоетъ вдохновенный псаломъ Давида. При этихъ условіяхъ концерты будутъ не увеселеніемъ только духовнымъ, но и усладительною проповѣдію вѣры и надежды христіанской. Повѣрьте,—вы не найдете залы въ Москвѣ, которая бы вмѣстила желающихъ слушать эти концерты. Вы помните, что зала дворянскаго собранія оказалась тѣсною для посѣтителей духовнаго концерта, бывшаго въ третьемъ годѣ. Вы думаете, что благотворительность собрала ихъ туда, влекло ихъ то, что концертъ былъ устроенъ въ пользу бѣдныхъ? Нѣтъ! Сама благотворительность здѣсь ухватилась именно за ту любовь нашего народа къ духовному пѣнію, въ которой вы сомнѣваетесь. По моему мнѣнію, благотворныя послѣдствія этого учрежденія постоянныхъ духовныхъ концертовъ, по крайней мѣрѣ на такъ называемый зимній сезонъ, были бы обильны, неизчислимы.

— Продолжайте. Позвольте ужъ дослушать ваши мечты.

— Извольте. Ужъ мечтать — такъ мечтать! Мнѣ думается, мнѣ какъ-то вѣрится, что если бы нашлись люди, которые приняли бы эту мысль къ сердцу, исполненіе ея—постепенное и разумное повело бы къ устройству въ Москвѣ духовной консерваторіи, которая такъ нужна для насъ. Обратитесь прежде всего къ любителямъ духовнаго пѣнія и пригласите ихъ составить общество съ небольшимъ вносомъ отъ членовъ. Охотниковъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ будетъ такъ много, что вы удивитесь; они найдутся и въ дворянствѣ, и въ купечествѣ, и въ духовенствѣ. Сборъ отъ членовъ и отъ концертовъ, за расходами, употребляйте не на что иное, какъ на развитіе этого дѣла, а самаго дѣла не путайте ни съ какими другими, даже добрыми предпріятіями, хотя бы съ благотворительностію. У васъ скоро будетъ составляться капиталъ. По мѣрѣ его увеличенія вамъ легко будетъ приглашать лучшихъ пѣвчихъ изъ всѣхъ хорошихъ существующихъ въ Москвѣ и изъ всѣхъ людей способныхъ къ пѣнію. За тѣмъ вы можете завести пѣвческіе классы, и у васъ само собою устроится училище духовнаго пѣнія. Къ вамъ будутъ обращаться народныя и другія училища съ требованіемъ учителей пѣнія. Къ вамъ будутъ присылать для обученія регентовъ изъ всей Россіи, и ваше общество будетъ центромъ, изъ котораго распространится искусство духовнаго пѣнія во всѣ концы нашего отечества, такъ какъ вездѣ въ хорошемъ пѣніи чувствуется недостатокъ. Композиторы будутъ представлять къ вамъ новыя сочиненія по части духовнаго пѣнія, и эти сочиненія будутъ оцѣниваемы не частными лицами, а всею Мо-

сквою, которая хранить чистый христіанскій вкусъ и скоро опредѣлить, что можетъ быть внесено въ церковь для употребленія при богослуженіи, и что должно быть оставлено только для концертовъ, или совсѣмъ отвергнуто, какъ не соответствующее цѣли. Вы отыщете и духовныхъ поэтовъ, которыхъ нынѣ у насъ во все не видно. Они будутъ представлять въ вашу консерваторію гимны, они въ свою очередь будутъ поручать извѣстнымъ композиторамъ составить для нихъ музыку; гимны эти пропоются предъ всею публикою и сдѣлаются достояніемъ семействъ, гдѣ до сихъ поръ, со временъ Ломоносова, въ духовномъ родѣ почти только и поютъ: *коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*. Однимъ словомъ, доброе зерно только посѣйте въ землѣ, да помолитесь Богу,—а плодъ будетъ. Москва, Москва! Чего добраго, она не можетъ сдѣлать? — Лишь бы захотѣла!

Признаюсь, меня увлекли мечты горячаго любителя духовнаго пѣнія. Отъ чего бы въ самомъ дѣлѣ не начать потихоньку обращенія ихъ въ дѣло? На первый разъ устроить бы въ предстоящій великій постъ нѣсколько публичныхъ духовныхъ концертовъ въ родѣ того, какой былъ въ третьемъ году, въ залѣ Дворянскаго собранія. Они принесутъ свою пользу и послѣ нихъ отчасти уже обозначится, въ какой степени вѣрны предположенія добродушнаго мечтателя. Его мысли, которыя я съ его позволенія дѣлаю извѣстными обществу, будутъ разбираемы и обсуживаемы со всѣхъ сторонъ, уже на основаніи сдѣланныхъ опытовъ, чего теперь недостаетъ. Почему знать? Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ въ нихъ есть жизненная сила добраго и здороваго зерна.

Московскій приходскій священникъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ВЪ АЛТАЙСКУЮ ДУХОВНУЮ МИССИЮ.

Въ семъ 1864 году получены въ пользу Алтайской Духовной Миссии и въ пособіе бѣднымъ новообращеннымъ въ христіанство инородцамъ слѣдующія пожертвованія:

1) *Въ первую четверть года:* отъ А. С. Вишняковой 10 р., отъ А. П. Г. о упокоеніи Николая и Софіи 15 р. и икона успенія Божіей Матери; отъ неизв. 2 р., отъ неизв. о здрав. и спасен. Василия, Вѣры, Матроны съ чад. и о упок. Симеона, Іоанна, Александра, Анны, Василия — икона Благов. Бож. Матери, воздуха и пелена; отъ неизв.—хъ 8 руб., отъ книг. А. П. Шах—ой собр. въ кр. 3 р. 25 к., отъ А. Х. Малаховой, епитрахиль, поясъ и нѣсколько предм. одежды и обуви и 1 р.; чрезъ ред. газ. *День* отъ А. И. Б.—о 4 р.; отъ Е. И. Н.—ой 10 р.; отъ Г. Самариной на поминаваніе за упок. Θεодора, Михаила, Екатерины и Александра 100 р.; изъ *Полтавы* священ. І. Боровскаго, о здрав. прот. Матвѣя, Анастасіи съ чады, Марини съ чады, іер. Іоанна, Вѣры, прот. Павла, Анны съ чад. мл. Кирилла и отр. Николая 9 р.; отъ Г. П. А. Васильчикова 10 р., итого, кромѣ вещей, 172 р. 25 к.

2) *Во вторую четверть года:* отъ неизв. о упок. Іоанна и ср. его, и о здр. Евгеніи и ср. ея 5 р.; отъ книг. С. С. Щербатовой 25 р.; чрезъ Л. С. Аксакова отъ неизв. 5 р. и три образа; чрезъ св. И. И. Побѣд.—Платон. отъ А. К. Б. и Θ. А. Куманиныхъ 50 р.; чрезъ А. Х. Малахову напрест. крестъ за упокой Ѳотиніи и малое Евангеліе о здр. Евдокии; изъ *Старого Оскола* отъ А. Назарова о упок. Симеона, Іоанна, Іоанна, Евдокии и Матроны 6 р.; отъ гг. Плотниковыхъ парча апликѣ на одежду для престола и штоф. мат. на одежду для жертвенника съ прикладомъ; отъ Л. Н. Волкова 6 р.; отъ неизв. о упокоеніи Луки 7 р.; чрезъ А. Х. Малахова отъ неизвѣстнаго дароносица серебрян. вызолочен. о здр. Елисаветы и Анны и о упок. Наталіи; изъ *С.-Петербурга:* отъ А. О. Россетъ 25 р.; чрезъ высокопр. Филарета митрополита московскаго изъ Самарской г., Ставроп. уѣз. села *Кременокъ* отъ св. П. Яхонтова 3 р.; изъ *Костромы* о здр. Капитона 1 р.; чрезъ ред. газет. *День* изъ *Ярослава* отъ И. О. за упок. іер. Іоакова, Наталіи и Елисаветы 5 р.; чрезъ ту же ред. изъ *Кременчуга* отъ Е. В. Е. 5 р.; отъ Д. Н. Верстовскаго 3 р.; отъ М. А. Щебальской 5 р.; отъ Θ. П. Глѣбова-Стрѣшневца 15 р.; отъ П. В. Богольцова о упок. Наталіи, іер. Василия, іер. Стефана, іер. Іоанна, Евдокии, Анисіи, Елены, Петра, Іакова, и ср. ихъ, и о здр. Павла 5 р.; отъ С. Тихменева о здр. Гавріила,

Елисаветы, Сергія 1 р.; отъ княж. Н. П. Шамшовой парча на облаченіе съ приборомъ, воздухи, нѣсколько иконъ, картинъ и книжекъ, о здр. Анастасіи, Елисаветы, Анастасіи, Александры, Іакова, Петра, Михаила, Софіи, княг. Александры, княж. Наталіи, и о упок. кн. Петра, княж. Александры, Маріи и графа Іоанна; изъ *С.-Петербургя* отъ А. В. о упок. Елены 3 р.; отъ княж. Н. П. Метерской 25 р. и шкатулка съ инструм. для плановъ и чертежей, съ прош. о пом. за упокой кн. Петра и кнг. Надежды; отъ неизв. о упок. Петра 1 р. 75 к.; изъ *Тарусскаго* уѣзда Кал. г. отъ неизв. о здр. іер. Михаила и Маріи, и іером. Веніамина 5 р.; отъ неизв.—ой о упок. Параскевы, Анны, Софіи, Алексія и Стефана 3 р.; изъ *Самары* чрезъ К. И. Невоструева отъ прот. І. Е. Халколиванова, о упок. іер. Георгія, Ксеніи, Никиты, Іоанна, іер. Іоанна и Татіаны 15 р.; изъ *Данкова* отъ неизв. 25 р.; *Багмут.* у. изъ сл. Зуевки чрезъ св. С. Краснопольскаго отъ неизв. за упок. Амвросія и Маріи 5 р.; изъ *Керчи* отъ П... о упок. Анны и Ксеніи 1 р.; изъ *Усть-Каме-ногорска* отъ неизв. о здр. и сп. Стефана, Евдокіи, Матѳея, Анфисы, Димитрія, Александры, о упок. Василия, Екатерины, Исаака, Евфиміи, Елены, Ирины, Михаила, Василия, іер. Андрея, Іоанна и ср. 1 р.; отъ Н. П. Бревернъ 10 р.; отъ неизв. о упок. Николая 10 р.; отъ С. В. Волковой о упок. дѣв. Анны 5 р.; и того, кромѣ вещей, 281 р. 75 к.

3) *Въ третью четверть года:* изъ *Гдова* отъ А. Е. Мальцевой 10 р.; и отъ Я. Тягунова о здр. Іакова, Маріи, Ольги, Анны, Анны, мл. Андрея; о упок. Андрея, Екатерины, Андрея, Маріи, Іоакима, Акилины, Анны, Михаила, Матѳея, Іоанна, Анастасіи, Георгія, Параскевы, Іоанна и Ирины 10 р.; изъ *Шуи* съ фабр. Посылина отъ Н. Гурычева на пок. колоколовъ 2 р.; и на одежду новокрещеннымъ 1 р.; отъ Н. Зайцева для од. на престолъ 1 р.; отъ Т. Козлова на св. сосуды 1 р., отъ А. Воеводскаго на напрест. крестъ и евангеліе 2 р., отъ П. Филипова бѣднымъ новокрещ. 50 коп., отъ А. Зимина бѣднымъ 20 коп., отъ разныхъ лицъ рабоч. класса на приобр. св. ковчега на престолъ 5 р. 30 к. съ прошеніемъ всѣхъ ихъ поминать ихъ и срод. ихъ по данному отъ нихъ общему поминнику; изъ *Бобринца* отъ неизв. о упок. Θεодора, Маріи, Лаврентія, Анны и Зиновія 3 р.; изъ *Усть-медведицкой* станицы отъ неизв. 10 р.; отъ неизв. 10 паръ носковъ нит. о упок. Алексія, Михаила, Татіаны и Николая; отъ З. С. Свербѣевой 10 р.; изъ *Куянска* отъ св. Н. Базилевича о здрав. іер. Николая и Маріи съ чады, и за упок. іер. Іоанна и Маріи и срод. ихъ 10 р.; отъ неизв.—ой 6 р.; отъ О. М. С—ой на домикъ для безпріютныхъ 10 р.; отъ неизв. за упок. Параскевы и дѣв. Анны 15 р.; отъ неизв. за упок. іер. Николай, Евдокіи, чтеца Θεодора, Екатерины — спитрахиль, поручи и пелена шелк. мат. на аналогіи; изъ *Кіева* отъ неизв. о здрав. Алексія, Надежды и срод. ихъ, и о упок.

Григорія и ср. его 5 р.; изъ *Воронежа* отъ іер. Петра о упок. іерод. Феодосія 10 р.; изъ *Орла* отъ неизв. о упок. Матѳея, Наталіи, Василія, Петра и Григорія, и о здрав. Даніила и Маріи 5 р.; чрезъ Инсп. Спб. Д. Ак. арх. Владиміра: 1) изъ *Варшавы* отъ И. Михайлова на пужды 11 церквей Миссіи и за здрав. Іоанна и Зиновіи 5 р.; 2) изъ *С.-Петербург-а* а) отъ М. П. Леонтьевой 5 р., б) отъ Ю. Г. Эммануэль 7 р.; изъ *Покрова* отъ іером. Никодима о упок. чтеца Евграфа, Александры, Анисіи, діак. Петра, Анисіи, Анны, Ольги, Алексія и отр. Петра 1 р.; изъ *С.-Петербурга* чрезъ Инсп. Д. Ак. арх. Владиміра отъ неизв. для Кебезенскаго училища въ пользу наставника и одного изъ учениковъ его 25 р.; чрезъ него же изъ канцеляріи *Калужскаго* Пр. епископа на потребности Алт. Д. Миссіи, съ тѣмъ, чтобы Миссія молилась за упок. р. Б. іерея Василія и Александры, іерея Власія и Дарія, Тимофея и Татіаны, Іакова, Елены и срод. ихъ 100 р.; изъ *Бѣжецка* отъ неизв. къ облегченію перехода изъ кочеваго быта язычниковъ въ осѣдлый по крещеніи, и на поминавленіе за упокой: іер. Андрея, Параскевы, отр. Іакова и срод. ихъ 16 р.; изъ *Павлограда* отъ неизв. 50 р.; изъ *С.-Петербурга* чрезъ инсп. акад. арх. Владиміра: 1) отъ неизв. 3 р.; отъ К. Неупокоева о здрав. Іоанна, Елисаветы, Михаила, Константина и Пульхеріи 4 р. 60 к. и отъ неизв. 40 к. Сарат. еп. изъ *Аткарскаго* уѣзда отъ св. Аѳ. Велизарева о упок. Гавріила, Іили, Параскевы и Ирины 25 р.; изъ *С.-Петербурга* отъ св. гл. шт. Гр. Словоцова, съ прошеніемъ въ одной изъ церквей Миссіи поминать за упок. р. Б. Іоанна 20 р.; отъ неизв. 5 р.; отъ неизв. чрезъ ред. Душ. Чт. икона Бож. Матери, вѣн. сер. вывоз., украш. стразами, бирюз. и др. каменьями. Отъ М. И. Г—ой нѣск. вещей изъ дѣтской одежды; отъ неизв. за упок. Анастасіи и Александра, и о здрав. Ермія съ чад. 3 р.; отъ неизв. о упок. Спиридона 6 паръ получують; изъ *Крошадта* отъ неизв.—хъ 4 р. и 12 крест. и нѣск. вещей для обуви для новокр.; отъ Г... М. 25 р.; отъ неизв. о здрав.: Іоанна, Евфиміи, Александра и Константина; о упок. Петра., Анны, и Александра, 5 р. отъ неизв.—хъ 1 р.; отъ неизв. о здрав. Іоанна и Елисаветы 5 р.; отъ с. Оклы съ Вамской поч. ст. 10 р.; *Теер.* еп. отъ св. С. И. Волкова за упок.: іером. Амвросія и Θεоктиста, ер. Димитрія, Аександры, Анастасіи, Евдокіи, Елисаветы, Николая, воина Никифора, и о здрав. Павла и Николая, Олимпіады, Анны, Іоанна 4 р.; изъ *Спб.* отъ неизв. о здрав. Параскевы за упок. Маріи 5 р.; изъ м. *Скверневице*, ст. на Варш. Вѣн. ж. дор. отъ воина Платона В. 10 р.; изъ *Екатериноб.* уѣзд. отъ діак. І. Вязова въ пользу бѣднѣйшихъ новокр. инор. и членовъ Миссіи на поминавленіе о здрав. прот. Матѳея, іер. Константина, Ольги, іер. Павла, Наталіи, діак. Іоанна, Василія.; о упок. діак. Іоанна, Маріи, Василія, Елены, Анны, Надежды, дѣвицъ Екатерины, Екатерины и Ирины 50

р.; отъ неизв. въ жен. общину при Умалѣ для чт. псал. за упок. Николая 10 р.; отъ неизв. въ пользу сестеръ сей же общ. 2 р. Всего въ цѣлый 1864 годъ 971 рубль.

Объявляя о сихъ пожертвованіяхъ во всеобщее свѣдѣніе, свидѣтельствую искреннюю благодарность отъ лица Миссіи христіолюбивымъ благодѣтелямъ, о здравіи и спасеніи которыхъ, а равно и о упокоеніи душъ усопшихъ ихъ сродниковъ, Алтайская Духовная Миссія почитаетъ священною обязанностію совершать поминовеніе во всѣхъ церквахъ своихъ, молясь и уча творить молитву о благодѣтеляхъ всѣхъ новокрещенныхъ инородцевъ.

Сотрудникъ Алтайской Д. Миссіи, Московской
Спиридоновской ц. *Свящ. Николай Лавровъ.*

ОБЪ ИЗДАНИИ „ДУХОВНАГО ВѢСТНИКА“ въ 1865 году.

Духовный Вѣстникъ издается въ 1865 году въ томъ-же направленіи, въ какомъ заявилъ себя читающей публикѣ въ первые свои три года. При помѣщеніи статей ученаго содержанія, редакція руководствуется отношеніемъ ихъ къ современнымъ потребностямъ и современному состоянію наукъ, — которое высказывается въ самомъ предметѣ сочиненія и его содержаніи, или въ способѣ его изслѣдованія и изложенія. Въ 1864 году редакція обращала особенное вниманіе на разрѣшеніе вопроса объ улучшеніи быта православнаго духовенства, слѣдя за ходомъ его раскрытія въ постановленія и распоряженія правительственныхъ мѣстъ и помѣщая статьи по этому важному предмету. Важность этого вопроса и вліяніе его на весь строй жизни и на всѣ сферы дѣятельности нашего духовенства не подлежатъ никакому сомнѣнію; мы убѣждены, что въ его разрѣшеніи заинтересована и духовная наука, пріобрѣтающая для себя твердую почву въ живыхъ потребностяхъ улучшеннаго быта православнаго духовенства.

Въ программу нашего журнала входятъ слѣдующіе отдѣлы: I. Христіанское ученіе; II. Исторія христіанской церкви; III. Критическое обозрѣніе духовной литературы; IV. Современное обозрѣніе.

Духовный Вѣстникъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками до 10-ти печатныхъ листовъ. Цѣна журнала съ пересылкою и доставкою на-домъ — 7 руб., безъ пересылки и доставки — 6 руб.; для лицъ же духовныхъ, а также для учебныхъ заведеній и для выписывающихъ въ количествахъ не менѣе двухъ экземпляровъ, цѣна 6 руб., съ пересылкою.

Для облегченія подписчикамъ, контора соглашается, чтобы желающіе выслали плату по частямъ, чрезъ свое начальство, въ началъ каждаго полугодія, не менѣ половины подписной цѣны.

Цѣна журнала за 1862, 1863 и 1864-й годы 6 руб., съ пересылк. Редакція съ удовольствіемъ будетъ принимать статьи иногородныхъ сотрудниковъ, присылаемыя для помѣщенія въ журналъ, и общаетъ ихъ авторамъ денежное вознагражденіе, если они того пожелаютъ, по роду и достоинству статей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Харьковъ: въ главной конторѣ журнала, въ домѣ градскаго Воскресенскаго собора протоіерея *Г. Л. Чижевскаго*, и въ книжномъ магазинѣ *П. И. Апарина*, а также въ университетской типографіи.

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала „Духовный Вѣстникъ“, при книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Императорской публичной библіотеки, въ домѣ Демидова. А также въ книжныхъ магазинахъ *Н. Г. Овсяникова*, *Кораблева* и *Сирякова*.

Въ Москву: въ книжныхъ магазинахъ *Ө. И. Салаева* и *А. Н. Оеранковова*.

Иногородные, желающіе подписаться на полученіе журнала, благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно *въ контору Духовнаго Вѣстника, въ Харьковъ*. Почтамту извѣстенъ адресъ конторы. При чемъ контора журнала покорнѣе проситъ — *точно и четко* прописывать свой адресъ, обозначая отчетливо свое имя, чинъ или званіе и мѣсто жительства (губернію, уѣздъ, городъ, или почтовую контору), куда слѣдуетъ доставлять книжки.

Подписавшіеся на журналъ когда бы то ни было получать всѣ книги сполна, начиная съ январской, хотя при этомъ контора покорнѣе проситъ всѣхъ подписчиковъ „Духовнаго Вѣстника“ обращаться съ своими требованіями за-благовременно, дабы она, сообразивши, сколько придется печатать экземпляровъ, могла въ свое время удовлетворить всѣхъ подписчиковъ.

Редакторъ, ординарный профессоръ Богословія въ харьковскомъ университетѣ, *Протоіерей В. Добротворскій*.

Сотрудникъ-редакторъ, *Протоіерей Г. Чижевскій*.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИКЪ въ 1865 году.

По главной цѣли своей—быть душеспасительнымъ и религіозно-наставительнымъ чтеніемъ—какъ для приходскаго духовенства, такъ и для прихожанъ. Духовный Дневникъ будетъ состоять изъ четырехъ общихъ отдѣловъ и изъ приложенія.

Приложеніе къ журналу, съ особою нумераціею листовъ, собственно для подписчиковъ харьковской епархіи, будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) *Епархіальное управленіе*, и б) *Епархіальная статистика*.

Журналъ будетъ выходить чрезъ двѣ недѣли листами: по общимъ отдѣламъ будетъ выходить въ количествѣ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ, а по отдѣламъ Приложенія не менѣе одного листа.

Цѣна годовому изданію, съ пересылкою и доставкою, безъ Приложенія—4 руб., а съ Приложеніемъ—5 руб. Для желающихъ же выписывать одно Приложеніе безъ журнала Редакція находитъ нужнымъ назначить два рубля серебромъ.

Подписка принимается въ редакціи Духовнаго Дневника при харьковской семинаріи и у мѣстныхъ благочинныхъ харьковской епархіи.

Гг. иногородные благоволятъ для подписки относиться исключительно въ редакцію, адресуя пакеты, безъ всякихъ другихъ обозначеній, просто: въ редакцію журнала „Духовный Дневникъ“, въ Харьковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на требованіяхъ своихъ подписывая ясно и четко свое званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Духовнаго Дневника покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ, особенно духовенство харьковской епархіи, присылать, для помѣщенія въ Духовномъ Дневникѣ, свои статьи, соотвѣтственныя содержанію вышеприведенной программы.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

КОЛДУНЪ.

Во время лѣтней вакаціи (1864 г.) случилось мнѣ быть въ гостяхъ въ селѣ Б***. Тамъ я познакомился съ священникомъ этого села — отцемъ П***, — замѣчательнымъ сельскимъ пастыремъ. О. П. человекъ очень умный, и, главное, владѣеть замѣчательнымъ практическимъ тактомъ въ обращеніи съ своими прихожанами. Онъ вполне знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ, знаетъ отлично всѣ нужды и потребности своихъ прихожанъ, владѣеть хорошо простонародною рѣчью — безъ всякой искусственной поддѣлки; характеръ у него добрый и общительный. При этихъ качествахъ онъ такъ сѣмѣлъ поставить себя въ отношеніи къ паствѣ, что всѣ прихожане, отъ мала до велика, знаютъ и любятъ о. П. Даже деревенскія дѣти, при извѣстной своей боязни *поповъ*, и тѣ смѣло кланяются ему и подходятъ даже подъ благословеніе, когда случается о. П. быть въ крестьянскихъ домахъ, или проходить по улицѣ села. Всѣмъ онъ умѣетъ сказать ласковое слово. Крестьяне же питаютъ къ *своему* о. П. полное довѣріе и уваженіе. Мнѣ лично случалось видѣть, какъ многіе изъ нихъ приходили къ нему и съ полною довѣренностію рассказывали ему про свои семейныя и житейскія затрудненія и просили у него совѣта, какъ имъ лучше поступить, — отецъ П. никого изъ нихъ не отпускалъ безъ полезнаго

и умнаго совѣта. Случалась у кого въ селѣ нужда, недоставало, напр., хлѣба на посѣвъ, или что другое, всякій смѣло обращался въ такомъ случаѣ къ о. П. въ полной увѣренности, что получить нужное, и дѣйствительно онъ никому ни въ чемъ не отказывалъ и дѣлилъ съ прихожанами послѣднее. Словомъ—о. П. такой пастырь, какихъ дай Богъ побольше нашему народу. „У насъ такой батюшка, что и похожаго-то на него близко нѣтъ. Дай ему Богъ много лѣтъ священствовать!“ говорили обыкновенно прихожане объ о. П.

Естественно, что при такихъ близкихъ и искреннихъ отношеніяхъ къ прихожанамъ честный и умный священникъ могъ оказать и большое нравственное вліяніе на приходъ, и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи много добраго. Б*** приходъ—особенно прихожане, принадлежащіе къ части о. П. (въ Б*** два священника), значительно отличается отъ сосѣднихъ съ нимъ и лучшею нравственностію и болѣе разумными религіозными понятіями. Благодаря заботливости и вліянію почтеннаго о. П., тамъ незамѣтно наприм. безобразнаго пьянства на деревенскихъ праздникахъ, какое бываетъ обыкновенно почти вездѣ, невидно многихъ грубыхъ суевѣрій, свойственныхъ нашему простому народу. Я расскажу здѣсь одинъ случай изъ дѣятельности о. П., который мнѣ удалось лично узнать.

Праздникъ Преображенія Господня (6 авг.)—храмовый праздникъ въ селѣ Б***. Послѣ обѣдни староста церковный вмѣстѣ съ о. П. пригласилъ къ себѣ и меня. Жилъ онъ въ деревнѣ верстахъ въ 3-хъ отъ села. О. П.—надобно замѣтить—очень охотно посѣщаетъ дома своихъ прихожанъ, пользуясь этими посѣщеніями, какъ самыми лучшими и удобными случаями наставленія и по-

ученія своихъ прихожанъ. Посѣщенія его сопровождаются простою, занимательною, но всегда поучительною бесѣдою. Послѣ вечерни мы вмѣстѣ отправились къ старостѣ. Погода стояла отличная. Дорогой зашла у насъ рѣчь о суевѣріяхъ народа и колдунахъ, которымъ онъ такъ сильно вѣритъ. О. П. между прочимъ сказалъ мнѣ: „вотъ, если угодно, можете познакомиться съ замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи человѣкомъ,—дѣдушкой нашего старосты. Онъ прежде былъ знаменитый колдунъ въ околоткѣ нашемъ, — народъ даже и изъ сосѣднихъ селъ толпами валилъ къ нему;—онъ лечилъ и ворожилъ, заговаривалъ разныя болѣзни и недуги. Я самъ, при поступленіи моемъ въ здѣшній приходъ, захватилъ его еще на этой профессіи, но теперь, слава Богу, онъ совсѣмъ оставилъ свое прежнее ремесло. Примѣръ его очень сильно подѣйствовалъ на нашъ приходъ и значительно ослабилъ вѣру прихожанъ въ знахарей и колдуновъ, тѣмъ болѣе, что Семень (имя дѣдушки старостина) самъ всѣмъ прямо рассказываетъ про свои прежнія темныя дѣла, а человѣкъ онъ степенный, умный и имѣетъ большое вліяніе на народъ. Онъ впрочемъ самъ расскажетъ вамъ свои прежнія похождения, прибавилъ о. П.; вы, не стѣсняясь, при случаѣ можете завести съ нимъ рѣчь объ этомъ, онъ нисколько не конфузится своей прежней жизни, и охотно всѣмъ рассказываетъ ее, какъ бы желая чистосердечнымъ признаніемъ искупить свои прежніе грѣхи“.

Мы пришли въ деревню, гдѣ жилъ староста. Такъ какъ день былъ праздничный, то народъ не работалъ и толпился на улицѣ; по-старше сидѣли около домовъ, а молодежь посрединѣ деревни играла хороводомъ. Всѣ были веселы, но веселились благообразно, безобразнаго

гвалта не было, безобразно-пьяные тоже не попадались. При видѣ о. П. всѣ вставали и почтительно кланялись, а кто былъ поближе къ дорогѣ, тѣ подходили подѣ благословеніе. О. П. со всѣми привѣтливо кланялся, инымъ говорилъ по нѣскольку ласковыхъ словъ.

Староста встрѣтилъ насъ на крыльцѣ, и прямо провель въ заднюю чистую избу. Въ домѣ у него все было чисто и опрятно, во всемъ виденъ былъ порядокъ и довольство. Староста былъ мужикъ хотя еще и молодой (лѣтъ 30-ти), но очень умный и солидный, и пользовался большимъ почетомъ во всемъ приходѣ. Когда мы усѣлись, въ избу вошелъ, опираясь на палку, старикъ лѣтъ 80-ти, дѣдушка старосты. Наружность старика замѣчательна. Роста онъ очень высокаго, хотя отъ старости и сгорбился,—сѣдой, какъ лунь; огромная сѣдая борода доходила чуть не до пояса, носъ большой, орлиный, изъ подѣ густыхъ нависшихъ бровей сверкали выразительные и умные глаза, которые, несмотря на старость, были еще очень свѣтлы и ясны, взглядъ старика былъ глубокъ и проницателенъ. Вообще вся физіономія старика имѣла видъ весьма суровый и строгій и невольно вселяла въ посторонняго человѣка какую-то робость и страхъ. Такая наружность вполне согласовалась съ представленіемъ народа о колдунахъ. Старикъ, войдя въ избу, прямо подошелъ почтительно подѣ благословеніе о. П.

— А! дѣдушка Семенъ! сказалъ о. П., увидя старика,—здравствуй! Съ праздникомъ поздравляю. Каково живешь-можешь?

— Спасибо, батюшка. Живу по-маленьку; извѣстное дѣло — плохое ужъ мое здоровье, старь, плохъ сталъ; пора ужъ и костямъ на мѣсто.

— Да ты садись, дѣдушка, что стоять-то, побесѣдуемъ, сказалъ о. П. старику, который все еще стоялъ.

— А это вотъ гость у насъ въ селѣ, племянникъ о. дьякона, прибавилъ о. П., указывая на меня. Въ семинаріи учился послѣдній годъ, тоже скоро священникомъ будетъ.

— Да, дай Богъ, побольше намъ хорошихъ-то священниковъ, отвѣчалъ старикъ на рекомендацію о. П., пристально глядя на меня своимъ глубокимъ взглядомъ. Темные мы люди, учить насъ надобно, прибавилъ онъ. Я, батюшка, хочу причаститься въ этомъ постѣ, снова заговорилъ старикъ, обращаясь къ священнику;— плохъ сталъ, неравно смерть придетъ, надо на всякій часъ готовиться. Какъ ты, батюшка, посоветуешь?

— Доброе дѣло, доброе ты вздумалъ, старина, сказалъ ему о. П., — теперь же у насъ и служба каждодневная идетъ въ этотъ постъ, помолишься, поговѣешь. Ходить-то тебѣ, старику, далеко отсюда до церкви, такъ милости прошу ко мнѣ,—мѣста и хлѣба для тебя будетъ, найдемъ.

— Дай тебѣ Богъ много лѣтъ священствовать, батюшка, за твою добродѣтель, отвѣчалъ старикъ, глубоко тронутый предложеніемъ священника. Грѣхи-то, батюшка, больно ужъ меня сокрушаютъ, старая-то безпутная жизнь меня мучить; великій я грѣшникъ... Въдь прежде я былъ *колдуномъ*, сказалъ старикъ, обращаясь ужъ ко мнѣ.

Я былъ очень радъ случаю заговорить со старикомъ, и попросилъ его рассказать, отчего и какъ онъ сдѣлался *колдуномъ*.

— Смолоду, началъ рассказывать старикъ, я былъ парень работающій и скромный. Не любилъ я даромъ те-

рять время, все больше чѣмъ нибудь занимался, какую нибудь работу справлялъ. Не любилъ гулять, и съ молодежью нашей, которая, извѣстное дѣло, загуливаетъ часто, не сближался,—меня за это *нелюдимомъ* и звали въ деревнѣ. Пришла пора и женить меня; покойный батюшка велѣлъ мнѣ и невѣсту присматривать. Давно ужъ мнѣ приглянулась одна дѣвушка изъ нашей деревни, — вотъ къ ней-то и посватался я. Она не перебила, родители наши тоже непрочь, дѣвица она была хорошая, скромная, работающая. Справили свадьбу, и все пошло хорошо. Всего-то у насъ было вдоволь, въ дому любовь да согласіе—любо было и работать-то. Только за мои, видно, грѣхи Богъ наказалъ меня. Жена черезъ годъ послѣ свадьбы родила дочь,—вотъ его мать (старикъ указалъ на старосту), и умерла. Ужъ какъ это горе сразило меня — такъ и сказать нельзя. И прежде-то я немного любилъ веселиться, а тутъ сталъ самъ не свой, такая-то на меня тоска напала, что хоть въ петлю полезай. Никакая работа на умъ не шла. Сталъ я тосковать все больше да больше; уйду бывало въ лѣсъ такъ—не зачѣмъ, да и хожу тамъ цѣлый день, иной разъ даже тамъ и ночую. Стали сосѣди замѣчать, что со мной дѣлается что-то не хорошее, стали толковать промежъ собой... Долго я такъ-то бродилъ, какъ шальный; человека-то близкаго, съ которымъ бы потолковать да размыкать горе, не было, вдоволь я затосковалъ и закручинился, надоѣла жизнь совсѣмъ, все, опротивѣло. Ужъ собирался было совсѣмъ руки на себя наложить, однажды въ лѣсу и веревку привязалъ къ сучку, хотѣлъ повѣситься, да Господь милосердый не допустилъ, не совсѣмъ, видно, еще отступился отъ меня, окаяннаго. Такимъ-то манеромъ сталъ я

ни на что негодный человекъ, дочку маленькую отдалъ роднымъ, хозяйство, какое было, тоже отдалъ имъ, работу совсѣмъ бросилъ. Маялся, маялся я этакъ-то, безъ дѣла стало еще тошнѣй, вотъ и началъ я собирать разныя травы да цвѣты; бродилъ-то я все больше по лѣсу, такъ это дѣло и вспало мнѣ на умъ. Травъ я зналъ довольно, и какая трава отъ какой болѣзни пользуется зналъ, у насъ онѣ и прежде водились въ домѣ про всякій случай. Насобралъ я ихъ довольно. Провѣдали объ этомъ въ деревнѣ, и пошли ко мнѣ, когда кто занеможетъ. Сначала-то я собиралъ травы такъ только отъ бездѣлья, а когда стали ходить ко мнѣ съ недугами, такъ отчего, думаю, и не пособить, и вотъ началъ я пользоваться травами; многимъ помогалъ, если травы приходили по недугу. Наши деревенскіе повѣровали въ меня, стали ходить и изъ другихъ деревень. Жить было и хорошо, работа легкая, хлѣбъ былъ готовый и деньжонки водились, а все скука и тоска страшная; люди всѣ отшатнулись отъ меня, стали глядѣть на меня, какъ на чудо какое, да и я-то самъ сталъ еще немилымъ, обрюзгъ совсѣмъ, началъ сѣдѣть, хоть годовъ-то мнѣ было и немного, сталъ такой страшный, свирѣпый на видъ. Заговорили ужъ про меня, что я колдунъ, и пошла такая слава... иные начали приходять и за другими дѣлами, кромѣ леченья: у кого заболѣетъ кто въ дому, спрашиваютъ — выздоровѣетъ ли? скотина ли какая пропадетъ, спрашиваютъ — найдется ли, и гдѣ искать? и мало ли еще чего. Думалъ, думалъ я, и сталъ гадать на картахъ, сталъ *наговаривать* на травы, на воду, и на прочее. Народъ деревенскій, извѣстное дѣло, народъ простой, темный, всему вѣрить — долго ли его обмануть. Придетъ иная

баба—занемогъ хозяинъ; плачется, убивается. Ну, выспросишь все, отчего занемогъ, давно ли хвораешь и чѣмъ, — расскажешь все, какъ есть, да и самъ знаешь всѣхъ вблизи-то, — кто каковъ, здоровъ, или хилъ ; — ну, какъ смекнешь все-то, такъ и можно сказать, почитай навѣрное, умереть, или выздоровѣть челоуѣкъ; гдѣ сомнительно, такъ на двое какъ нибудь скажешь, а все же для виду пошепчешь, поглядишь на крестъ, на воду, погадаешь, дашь снадобья какого нибудь. Что говорилъ, многое и сбывалось, а которое снадобье не помогало, такъ скажешь, что не такъ употребляли, либо что другое попридумаешь. Пропадеть скотина у кого, тоже распросишь — гдѣ гуляла, давно ли пропала, поворожишь, ну скажешь примѣрно, въ которой сторонѣ искать, а сторона-то велика; иную—бродишь въ лѣсу, и самъ увидишь,—опять и сбудется. У кого украдутъ что нибудь — приходятъ, тоже все распросишь; сторона-то у насъ простая, воровъ немного—всѣ, почитай, на перечесть, народъ толкуетъ, и всегда почти угадываетъ вора ; — прислушаешься, самъ понавѣдаешься. Придутъ спрашивать,—поглядишь въ зеркало, на воду, еще тамъ что нибудь подѣлаешь, и скажешь какъ нибудь загадками, что укралъ челоуѣкъ съ рыжей бородой, или тамъ съ другой какой, глядя по тому, на кого лучше положить, иное и на угадъ скажешь—тоже иное сбывалось. А дѣло извѣстное—одному угадай, по всему околотку и разнесутъ, особенно бабы—онѣ-то правда больше и ходили. Народу все больше, да больше стало ходить ко мнѣ. Но особенно-то я прославился, и сталъ считаться настоящимъ колдуномъ — вотъ послѣ какого случая.

Верстахъ въ двадцати отъ нашей деревни жилъ одинъ

баринъ—помѣщикъ не очень богатый, такъ средней руки. Онъ былъ старичекъ (давно ужъ умеръ) простой, не изъ ученыхъ, вѣрилъ въ колдуновъ и въ ворожей. Вотъ у этого барина случилась однажды покража — пропали деньги и много — никакъ рублей съ тысячу. Искаль, искаль онъ—нѣтъ, и ворожилъ и все не нашелъ; вотъ прослыхаль, онъ про меня, и прислалъ за мной лошадей. Что дѣлать? Не ѣхать нельзя, скажутъ побоялся, не смогу отыскать, да и награды надо было ожидать хорошей, а я къ тому времени ужъ привыкъ жить даромъ, безъ работы — на чужой счетъ; дѣлать нечего, поѣхалъ, а самого такъ и коробить,—ну, какъ не отыщу, думаю. Дорѣгой сталъ разспрашивать ямщика про все—какъ было дѣло. Человѣкъ попался словоохотливый, все и рассказалъ мнѣ. Сказалъ, что въ усадьбѣ у нихъ думаютъ на баринова лакея, деньги пропали изъ бариновой спальни, а онъ почти одинъ туда и ходитъ-то, да и загуливать сталъ послѣ того, какъ у барина пропали деньги, шибко; только баринъ-то сильно ужъ очень ввѣрился ему, не думаетъ никакъ на него. Это все я прислушалъ. Вотъ пріѣхали въ усадьбу, пришелъ я къ барину; баринъ угостилъ, какъ слѣдуетъ, и рассказалъ свое горе. „Не тужи, баринъ, отыщемъ деньги, безпремѣнно отыщемъ!“ говорю ему. „Ты отведи мнѣ особую избу, да вели къ вечеру собраться ко мнѣ всей дворнѣ“. Я ужъ придумалъ, какъ приняться за дѣло. Баринъ распорядился, какъ я ему сказалъ. Надобно было припугнуть какъ нибудь дворовыхъ, вотъ я и придумалъ такую штуку. Посреди избы устроилъ я очагъ, положилъ на него горячихъ углей, и на нихъ поставилъ котелъ съ водой. Дворня барская къ вечеру собралась вся, пришелъ и лакей, про котораго говорилъ

мнѣ дорогой ямщикъ. Онъ замѣтно трусилъ и мялся больше всѣхъ; я всѣмъ имъ пристально посмотрѣлъ въ глаза, особенно лакею,—онъ еще больше замялся. Поставивъ этого я поставилъ всѣхъ ихъ кругомъ котла, очертилъ кругомъ углемъ, и велѣлъ попеременно глядѣть въ котель; переглядѣли всѣ. Тутъ я бросилъ въ огонь полыннаго порошка, пошелъ страшный и ѣдкій дымъ, а я въ это время глядѣлъ въ котель, и глухо говорилъ: „сожгу вора, сожгу!“ Дворовые всѣ перепугались страшно. Поглядѣвши, я расчертилъ кругъ, и велѣлъ всѣмъ отойти отъ котла; угли, чтобы не дымили больше, залилъ водой. Я сказалъ дворовымъ, что деньги укралъ одинъ изъ нихъ, что я видѣлъ его въ лице въ котлѣ, и онъ отъ меня уже теперь не скроется, потому воръ самъ долженъ сказаться сегодня же, а то ему худо будетъ—скорчить всего; если же скажется, такъ и быть, ужъ не выдамъ, и имени его никому не скажу. Опять пристально посмотрѣлъ — на лакея особенно, и всѣмъ велѣлъ идти домой. Самъ заперся, и легъ спать на лавку; не спится, жутко — ну какъ да воръ-то не придетъ, думаю, худо будетъ тогда. Дѣло подошло ужъ близко къ полночи, а все никого нѣтъ. Немножко погодя еще, слышу—кто-то тихонько стучится, обрадовался я и нивѣсть какъ. Всталъ, вышелъ къ двери; нарочно нахмурился, и спрашиваю: „кто стучится?“ „Я, кто-то чуть-чуть отвѣтилъ мнѣ, пусти, дѣдушка!“ — отперъ я дверь и впустилъ. Въ избу вошелъ барскій лакей, и повалился прямо мнѣ въ ноги, — „не погуби, говоритъ, дѣдушка! вѣдь деньги-то я укралъ.“ „Ну, ладно, говорю ему, что покайся, а то бы худо тебѣ было, охъ худо,—вѣдь я давно зналъ, что ты укралъ. Дѣлать нечего, вставай; коли далъ слово не губить, такъ сдер-

жу, не бойся, никому не объявлю. Гдѣ же у тебя деньги-то?“ „Да съ сотню, говоритъ, я ужъ прогулялъ, а остатки вотъ здѣсь у меня“, и вытащилъ изъ кармана платокъ съ деньгами. Пересмотрѣлъ я; деньги, кромѣ истраченныхъ, взаправду были всѣ цѣлы. „Ты вотъ что, говорю ему, сдѣлай; деньги завяжи въ тряпку, и поди положи ихъ въ сараѣ въ лѣвомъ углу съ приходу, позакрой соломой, да смотри, чтобы никто тебя не видалъ, и сдѣлай это теперь же ночью. Поди, да смотри, вперёдъ не воруй, а то въ другой разъ ужъ не спущу!“ Лакей опять повалился въ ноги, не знаетъ какъ и благодарить меня. Ушелъ онъ. Обрадовался я и нивѣсть какъ этому, пуше лакея-то. На утро прихожу къ барину, въ домѣ всѣ ждутъ, что будетъ отъ меня. „Ну, что? нашелъ ли?“ спрашиваетъ баринъ. „Извѣстно, говорю, нашелъ; коли взялся, такъ какъ же мнѣ не найти! позови-ка людей своихъ“, чтобы знаешь всѣ видѣли, какъ найдутся деньги-то, да пошли всѣмъ рассказывали. Пришли всѣ. „Пошли, говорю, кого нибудь въ сарай; тамъ въ лѣвомъ углу съ прихода въ солому лежитъ тряпка, такъ чтобы принесли ее сюда“. Баринъ послалъ тогоже самага лакея, который укралъ деньги. Принесъ. „Вотъ, говорю барину, твои деньги; только тутъ не всѣ, сотни нѣтъ, она ужъ не найдется, а остатки тутъ всѣ, и вора не спрашивай — сказать его нельзя“. Развязалъ тряпку, и подаль барину деньги. Обрадовался мой баринъ, не знаетъ какъ и благодарить меня; ему ужъ не до вора и не до сотни, радъ, что нашелъ большое-то. Угостилъ онъ меня, наградилъ и велѣлъ проводить домой. Съ тѣхъ поръ пошла моя слава далеко; дѣло это разнеслось по всей нашей округѣ, и сталъ я настоящимъ колдуномъ. Ну, тутъ я сдѣлался по-богаче

и посильнѣе, завелъ подручниковъ себѣ изъ празднаго народа; тѣ мнѣ сейчасъ и дадутъ знать, кража ли гдѣ случится какая, или иное дѣло. Эти дѣла, извѣстно, не минуютъ ужъ меня. Вотъ идетъ баба (больше все онѣ ходили ко мнѣ) съ своимъ горемъ, а я ужъ давно его знаю. „Такъ и такъ, говоритъ, случилось, дѣдушка Семенъ, ограбили...“ „Знаю, говорю, унесли у тебя деньги и полотна?“ „Такъ точно“ говоритъ. Ну, и рассказываетъ послѣ всѣмъ, вотъ-де пришла только къ нему, а онъ ужъ все и знаетъ напередъ — диво! Больше, да больше входилъ все я въ силу, понавоострился въ этомъ дѣлѣ, и пошли про меня рассказывать разные диковинки небывалыя; слетитъ съ неба звѣздочка ночью близко около моего дома, увидятъ,—это ко мнѣ нечистая сила слетѣла, скажутъ; случится иногда ночью,—батюшка П. вотъ толковалъ мнѣ, да я не взялъ въ толкъ-то,—пролетитъ шаръ огненный, и разсыплется — это, скажутъ, врагъ ко мнѣ прилеталъ въ видѣ огненного змѣя, а какой тутъ врагъ, да нечистая сила — никакой нечистой силы не бывало. Мало ли и еще какихъ пустяковъ толковали, всего и не перескажешь, народъ, извѣстно, темный, знаетъ мало, у него все нечистая сила. Вотъ этакимъ-то манеромъ, и сталъ я настоящимъ колдуномъ, и жилъ я такъ много лѣтъ, обманывалъ, да вводилъ въ грѣхъ православный народъ, и теперь бы, можетъ быть, все такъ же жилъ, да вотъ спасибо батюшкѣ о. П., дай ему Богъ много лѣтъ священствовать! (старикъ перекрестился): онъ меня вразумилъ, и наставилъ на путь истинный. Пріѣхалъ онъ въ нашъ приходъ, прослышалъ про меня, и принялся увѣщевать да усовѣщивать; сначала я и слушать не хотѣлъ его, но потомъ Богъ помогъ ему обратить меня, и вотъ ужъ годовъ съ 10-ть

я совсѣмъ бросилъ свой прежній проклятый промыселъ, и другимъ всѣмъ теперь рассказываю про свои старые обманы, какъ наша братья пользуется легковѣріемъ простаго народа; сначала тоже не вѣрили мнѣ, и дивились, а теперь вѣрятъ да казнятся... Не знаю, отмолю ли я передъ Создателемъ свой грѣхъ великій, много на своемъ вѣку я набеззаконничалъ, да надѣлалъ лиха людямъ! заключилъ старикъ свой рассказъ.

— Богъ милостивъ, старина! сказалъ ему о. П.—молись Ему да кайся, такъ Онъ помилуетъ; нѣтъ грѣха, сказано въ Писаніи, побѣждающаго милосердіе Божіе... Вотъ придешь говѣть-то, такъ мы на досугъ съ тобой потолкуемъ объ этомъ по-больше...

Н. — *овз.*

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТРАННИКА.

Еще въ дѣтствѣ я познакомился съ разнаго рода странниками и странницами въ домѣ покойной матушки, которая съ любовію принимала ихъ и никогда не скучала ихъ рассказами, не всегда правдивыми. Конечно и я услаждался этими рассказами и постоянно мечталъ о томъ блаженномъ времени, когда подросту, буду на свободѣ и самъ обойду всѣ тѣ монастыри и святыя мѣста, которыя полюбились мнѣ особенно, послѣ повѣствованій странниковъ. Можетъ быть, эти самыя бесѣды въ дѣтствѣ и были главной причиной тому, что съ самой юности моей сдѣлался я какимъ-то непосѣдомъ и объѣздивъ нашу матушку Россію вдоль и поперекъ, побывалъ въ отдаленной Сибири и даже зимовалъ на Новой-Землѣ, обширномъ островѣ на Ледовитомъ морѣ, путешествовалъ по всей Европѣ два раза и переплывалъ черезъ

Атлантическій океанъ въ Америку. Даже и теперь, не смотря на 47 лѣтъ и сѣдину на головѣ и въ бородѣ, не могу покойно пробыть и года на одномъ мѣстѣ, и, кажется, имѣя средства, то постоянно бы мыкался изъ конца въ конецъ и забрался бы на Амуръ и въ поднебесную имперію. Правда, въ молодости цѣль моихъ путешествій по Россіи была одна,—полюбоваться мѣстностями и познакомиться съ нею, по мѣрѣ возможности, въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, и направленіе чисто религіозное странствованія мои приняли въ лѣта зрѣлыя, уже послѣ того, какъ я искрестилъ полъ-свѣта. Впрочемъ паломничество мое, конечно безъ надлежащаго разумнія его важности, началось съ дѣтства: лѣтъ десяти отъ роду въ лѣтнее время я часто ходилъ пѣшкомъ изъ Петербурга въ Сергіевскую пустынь, отстоящую отъ Петербурга въ 15 верстахъ по большой Петергофской дорогѣ. Въ то время монастырь этотъ не былъ такимъ великолѣпнымъ, какъ теперь, и въ немъ не раздавалось такого превосходнаго и усадительнаго пѣнія; но-все таки и въ прежней маленькой обители каждый воскресные и праздничные дни собиралось множество народа изъ Петербурга. Лѣтъ двѣнадцати вмѣстѣ съ матушкой въ великомъ посту ѣздили мы говѣть въ Коневскій монастырь на Ладожское озеро. Въ зимнее время Коневецъ не произвелъ на меня особеннаго впечатлѣнія; но зато лѣтомъ, когда мы пріѣхали туда съ дядей и прогостили больше недѣли, я безъ слезъ не могъ разстаться съ обителью и отправился въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ упросить матушку отпустить меня на всегдашнее житье въ Коневскій монастырь, и, разумѣется, желаніе мое и слезное моленіе уважены не были, а по-

лучилъ я одно утѣшеніе, что на слѣдующій годъ отпустилъ меня на Коневецъ на цѣлые каникулы.

Въ юности, кромѣ любимаго мною Коневского монастыря, бывалъ я не однажды на Валаамѣ, въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, въ Тихвинѣ, у Никола Бесѣднаго, у Антонія Дымскаго, Мартирія и Корнилія Зеленецкихъ, и нѣсколько разъ побывалъ въ Новгорода и посѣтилъ всѣ тамошнія обители. Однимъ словомъ, въ лѣта дѣтства и первой юности меня не покидала мысль уединиться въ обители Коневской; но когда кончилось мое воспитаніе въ домѣ родительскомъ и въ училищѣ, и ладья моя, окрыленная парусами полной свободы, покатила меня по волнамъ моря житейскаго,— дѣтскія и юношескія мечты и желанія мои разсѣялись какъ дымъ: я увлекся мірской жизнію и мысли о странствованіи по святымъ мѣстамъ замѣнились мечтами о путешествіи для удовлетворенія лишь одного любопытства и суетности. Но благодарю моего Господа, что не допустилъ Онъ меня совершенно захлебнуться волнами житейскаго моря: по милости Божіей въ лѣта зрѣлыя возвратились ко мнѣ дѣтскія и юношескія мечты мои о странствованіи и я опредѣлилъ три весны и три лѣта посвятить на поклоненіе святынямъ русскимъ, твердо рѣшившись совершить путешествія эти пѣшкомъ съ котомкой за плечами и съ посохомъ странника.

Въ 1852 году 10 мая вышелъ я изъ Москвы въ сопровожденіи бывалаго странника Андрея Ивановича, съ которымъ недавно передъ этимъ познакомился въ Сергіевой Лаврѣ. Мы направлялись къ преподобнымъ Зосимѣ и Савватію, соловецкимъ чудотворцамъ, черезъ Ростовъ, Ярославль, Вологду, Тотму и Архангельскъ; но на этотъ разъ мнѣ не удалось побывать въ Соло-

вещкой обители: я принужденъ былъ, по милости спутника моего, воротиться въ Москву изъ Ростова. Расскажу здѣсь о поступкѣ со мной Андрея Ивановича, посвятившаго, по его словамъ, всю жизнь свою на странствіе по св. мѣстамъ, побывавшаго три раза во Св. градѣ Іерусалимѣ у Гроба Господня и на св. горѣ Аѳонской и посѣтившаго нѣсколько разъ всѣ святыни русскія. Человѣкъъ благообразный, лѣтъ пятидесяти, Андрей Ивановичъ носилъ длинные волосы и какой-то кафтанъ, похожій и на послушничій подрясникъ, и на раскольничью поддевку, а говорилъ и рассказывалъ тѣмъ полуславянскимъ языкомъ, который чрезвычайно нравится старообрядцамъ, и своими рассказами нерѣдко извлекалъ слезы умиленія изъ очей добродушныхъ слушателей. Впрочемъ я просилъ Андрея Ивановича со мной употреблять простой житейскій языкъ, и потому едва удерживался отъ смѣха, когда онъ, бывало, велеглаголствовалъ съ хозяевами на ночлегахъ нашихъ, рассказывая имъ о путешествіяхъ своихъ и, разумѣется, украшая рассказы эти презабавными выдумками, которыя тѣ принимали за чистую монету, и награждали рассказчика иногда очень щедрымъ подаваніемъ.

Предъ началомъ нашего странствованія, мы сочли долгомъ побывать въ Хотьковѣ монастырѣ. Отслуживъ здѣсь молебенъ Тихвинской Божіей Матери и панихиду по родителяхъ Преподобнаго Сергія, Кириллѣ и Маріи, и помолившись и отдохнувъ дня два въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ, мы отправились далѣе, обошли всѣ обители Переяславскія и ровно черезъ двѣ недѣли по выходѣ изъ Москвы вступили часовъ въ 8 вечера въ городъ Ростовъ, знаменитый своей святыней и древностію. Здѣсь Андрей Ивановичъ повелъ меня къ одному куп-

цу-страннопріимцу, своему пріятелю, у котораго онъ уже нѣсколько разъ гашиваль. Почтенное семейство страннопріимца приняло насъ весьма радушно. Пошли, разумѣется спросы и распросы о томъ о семъ, и, наконецъ полился разсказъ Андрея Ивановича, на полуславянскомъ нарѣчій, о странствованіи его въ Верхотурскій монастырь и въ Иркутскъ градъ къ Святителю Иннокентію; разсказъ продолжался вплоть до ужина. Усталые съ дороги, мы заснули богатырскимъ сномъ и проспали утрению. Къ ранней обѣднѣ отправились мы въ Яковлевскій монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи Святителей ростовскихъ, Іакова епископа и Димитрія митрополита. У меня было три письма отъ Троицкихъ монаховъ въ эту обитель и потому я почелъ нужнымъ принарядится, открылъ клеенчатую сумку свою, довольно объемистую, въ которой помѣщались у меня три пары бѣлья, сюртукъ и прочія принадлежности; тутъ же лежали чай, сахаръ, бумаги мои, письма и денегъ рублей сто серебромъ. О содержаніи моего мѣшка очень хорошо зналъ и Андрей Ивановичъ. Торопясь одѣваться, чтобъ не опоздать къ обѣднѣ, я забылъ взять съ собой письма и вспомнилъ объ нихъ, когда уже мы вышли изъ дому. „Ахъ, Андрей Ивановичъ, вѣдь я письма забылъ, говорю я: подожди минуточку“. И воротился. Предположеніе мое было—взять одни письма, но, самъ не знаю какъ и для чего, захватилъ и бумаги, и деньги. Послѣ ранней службы пригласилъ меня на чай іеромонахъ М., къ которому адресовано одно изъ писемъ. Послѣ молебна Святителю Димитрію, я сказалъ Андрею Ивановичу, что зайду къ одному іеромонаху чай пить и вѣрно пробуду у него до поздней обѣдни. „Вотъ тебѣ двугривенный, прибавилъ я: ступай, попей

чаю въ трактирѣ. — Ладно, говоритъ, можетъ къ поздней я пойду въ соборъ, такъ вы одни на квартиру дорогу-то найдете ли? — „Найду.“ — Ну такъ до свиданія. — „До свиданія“. И мы разстались.

Добрый и обязательный отецъ М. пригласилъ меня погостить денька два у него, вызываясь показать мнѣ все достойное вниманія какъ въ Яковлевскомъ монастырѣ и въ прочихъ обителяхъ Ростовскихъ, такъ и въ древнемъ замѣчательномъ соборномъ храмѣ города, гдѣ почиваютъ св. мощи древнихъ Святителей Ростовскихъ. Я съ благодарностію принялъ его предложеніе, обѣщаясь въ тотъже день къ нему переселиться. Послѣ поздней обѣдни, совѣстясь беспокоить и утруждать добрыхъ хозяевъ, у которыхъ мы ночевали съ товарищемъ, я, походивъ по городу, зашелъ въ трактиръ, пообѣдалъ тамъ и уже часу въ четвертомъ направился на квартиру съ тѣмъ, чтобы, поблагодаривъ хозяевъ, забрать вещи свои и перебраться въ отцу М., а Андрея Ивановича попросить обождать меня дня два. И что же? Едва успѣлъ я войти къ добрымъ хозяевамъ, какъ на меня посыпались упрёки, что я обижаю ихъ, не желая погостить у нихъ, а предпочелъ монастырь. — Развѣ отецъ М. присылалъ за мной? спросилъ я. „Нѣтъ, отецъ М. не присылалъ, а Андрей Ивановичъ еще поутру, воротившись отъ ранней обѣдни, сказалъ намъ, что вы съ нимъ пробудете нѣсколько дней въ монастырѣ, что вамъ отвели тамъ келлію и что вы прислали его за вещами, приказавъ поблагодарить насъ за хлѣбъ-за соль.“ Услыхавъ такую пріятную новость, я долго не могъ выговорить слова отъ изумленія, догадавшись тотчасъ, что почтенный старецъ, краснобай и святоша, Андрей Ивановичъ утащилъ мою сумку, думая вѣроятно, что

найдетъ тамъ деньги. О, какъ онъ ошибся бѣдный! Иначе онъ бы не положилъ себѣ грѣха на душу и пятна на совѣсть, изъ-за трехъ паръ бѣлья, стараго пальто и другой ничтожной мелочи, бывшей въ сумкѣ моей. Не желая обличить старика, соблазненного духомъ корысти, передъ добрыми, простыми людьми, знавшими его давно, можетъ быть, съ хорошей стороны, я умолчалъ о продѣлкѣ Андрея Ивановича, и сказалъ, что я не ограничился благодарностію, засвидѣтельствованною товарищемъ, а почелъ непремѣннымъ долгомъ лично поблагодарить ихъ за гостепріимство. Я было взялся за фуражку, но меня безъ чаю не отпустили. За самоваромъ старушка хозяйка, между прочимъ, рассказала, что Андрей Ивановичъ былъ чѣмъ-то очень разстроенъ, и торопился страшно, даже не выпилъ и стакана чаю и горячихъ блиновъ закусить не захотѣлъ.

Простившись съ радушными хозяевами, на улицѣ сталъ я раздумывать о своемъ положеніи, оставшись въ одномъ холодномъ скюртучкѣ среди незнакомога города за 180 верстъ отъ Москвы. Что ежели бы сама судьба не всунула мнѣ въ карманъ вмѣстѣ съ письмами бумагъ моихъ и денегъ? Потому что поутру я рѣшительно не имѣлъ намѣренія брать съ собой бумагъ и денегъ, а думалъ захватить одни письма. Раздумывая, что мнѣ дѣлать, я пошелъ къ Яковлевскому монастырю, чтобы посоветоваться въ отцомъ М.: воротиться ли мнѣ въ Москву, или, справивъ въ Ростовъ пальто и все нужное, пуститься одному въ Соловки, рассчитывая по дорогѣ пристать къ какой нибудь партіи богомольцевъ. Разказавъ отцу М. о постигшей меня бѣдѣ, я объявилъ, что намѣренъ отправиться одинъ къ Соловецкимъ Чудотворцамъ. „Ну этого я вамъ не посоветую, ска-

залъ М.: а лучше на будущій годъ собиритесь туда пораньше, потому что московскіе и прочіе богомольцы идущіе въ Соловки по Вологодской дорогѣ, прошли черезъ Ростовъ давно, недѣли три тому, и потому въ настоящее время вы не найдете себѣ попутчика, а по Вологодскимъ лѣсамъ до Тотьмы дорога вамъ одному и скучной и опасной покажется; да и въ Тотьмѣ придется вамъ нанять особую лодку, а за это не бездѣлицу возмутъ. По моему вамъ лучше будетъ воротиться въ Москву поскорѣй, и оттуда, если рѣшились непременно постранствовать этимъ лѣтомъ, отправиться въ Воронежъ къ святителю Митрофану, или въ Кіевъ, поклониться тамошнимъ угодникамъ, а не то посѣтить Саровскую пустынь, или побывать въ Оптиной. А теперішнее происшествіе съ вами послужитъ вамъ урокомъ быть осторожнѣе въ выборѣ товарищей въ дорогѣ. А въ особенности посовѣтую вамъ не связываться съ бѣвалыми или, какъ ихъ по монастырямъ называютъ, затяжными странниками: я по опыту знаю, что въ этомъ людѣ вы рѣдко встрѣтите добраго и вполне честнаго человѣка.“

Я послѣдовалъ совѣту отца М., и на другой же день, купивши на рынкѣ готовое пальто, уѣхалъ въ Москву, въ огромнѣйшемъ тарантасѣ, въ который нагрозили насъ, кажется, человѣкъ десять. Вотъ каково было начало моей страннической жизни!

И. III — г.

НѢЧТО ИЗЪ РАСКОЛЬНИЧЬЯГО БЫТА.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ прогостилъ я цѣлое лѣто въ Нижегородской губерніи въ С*** уѣздѣ у пріятеля моего, тамошняго помѣщика О—ва, въ его превосходной усадьбѣ сельцѣ Александровскомъ. Мѣстность около Александровскаго верстъ на десять въ окружности была чрезвычайно живописна и изобиловала множествомъ превосходныхъ мѣстъ для охоты всякаго рода; въ особенности привлекало меня на картинные берега свои огромное озеро, гдѣ встрѣчалось всегда множество дикихъ утокъ; въ самомъ же озерѣ водилось великое множество чрезвычайно крупныхъ лещей, карасей и окуней: бывало съ часъ посидишь въ лодкѣ на озерѣ и на одну удочку наловишь десятковъ до трехъ и четырехъ, иногда, огромныхъ окуней и карасей. Воды этого озера, по изобилію рыбы въ немъ, приносили О—ву весьма значительный денежный доходъ за право ловить въ нихъ рыбу неводами. Нѣсколько лѣтъ сряду арендовалъ озеро у О—ва С*** купецъ Михайло Семеновичъ К., раскольникъ самый ретивый поповщинскаго толка, но несмотря на это, человѣкъ весьма честный, хорошій, гостепріимный и радушный. Между своими считался онъ столпомъ старинной вѣры, великимъ начетчикомъ и толкователемъ писанія, и былъ правой рукой знаменитой въ то время по всему С—у уѣзду и въ другихъ мѣстахъ, даже отдаленныхъ, матушки Марьи Петровны, наставницы и руководительницы въ древле-православной вѣрѣ. Марья Петровна постоянно проживала въ С*** въ своемъ домѣ, и отсюда самовластно

заправляла спасеніемъ душъ своихъ единомышленниковъ не въ одномъ городѣ только, но и по деревнямъ и селамъ на пространствѣ обширномъ. Слава о сладкоглаголаніи, благочестіи, начитанности и твердости въ вѣрѣ матушки Марьи и ея премудрости гремѣла не только въ Нижнемъ, въ Казани, въ Костромѣ, но и въ самой Москвѣ: она пользовалась почетомъ и уваженіемъ, чуть ли не равными съ знаменитой Рогожской старицей матушкой Пульхеріей, избраннымъ сосудомъ велией премудрости, какъ величаютъ ее московскіе поповцы. Марья Петровнѣ, въ то время, какъ я зазналъ ее, было лѣтъ пятьдесятъ, но на старуху-постницу и труженицу она не походила вовсе: высокая ростомъ, довольно плотная, но ловкая и проворная, съ лицомъ свѣжимъ, правильнымъ, съ черными блестящими глазами и такими же волосами безъ малѣйшей сѣдины, она скорѣе походила на богатую беззаботную купчиху, нежели на мать преподобную, посвятившую себя посту и молитвѣ. Марья Петровна была дѣвица и изъ родни жила съ ней только одна племянница, лѣтъ осьмнадцать, которую можно бы было назвать весьма недурной дѣвушкой, еслибъ она не была черезъчуръ полна. Племянницу свою Марья Петровна любила и лелѣяла, какъ дочь родную, и одѣвала какъ куклу, не въ сарафаны раскольниковъ, какіе сама носила, а въ городскія модныя платья, большею частію шелковыя. Щегольство Натальи Андреевны (имя племянницы), разумѣется, не могло не породить зависти и недоброжелательства къ ней между горожанками, и даже молодыми раскольницами; всѣ до того возненавидѣли Наталью, что стали распускать про нее нелѣпыя слухи.

Довольно длинный, о семи окнахъ, домъ съ мезони-

номъ раскольничьей наставницы, построенный въ отдаленной глухой улицѣ, съ трехъ сторонъ окруженъ былъ высокимъ тесовымъ заборомъ; къ задней сторонѣ дома примыкали разныя пристройки большія и малыя, обезобразившія домъ и стѣснившія довольно обширный дворъ; въ одномъ углу двора устроена была довольно большая баня, а въ другомъ конюшни для лошадей пріѣзжавшихъ гостей-богомольцевъ, которыхъ стекалось сюда весьма много въ особенности по постанъ, чтобы усладиться сладкою и душеспасительною бесѣдою съ матушкой Марьей, за что, разумѣется, они привозили съ собою или послѣ присылали богатые гостинцы и жертвовали денежные подаванія, довольно значительныя.

Въ домѣ Марьи Петровны находилась освѣщенная свѣрху, довольно просторная моленная, украшенная иконостасомъ съ древними иконами; въ нее по воскресеньямъ и по праздникамъ собирались горожане раскольники на утреннее служеніе, къ часамъ и къ вечернѣ. Около этой моленной въ небольшихъ келейкахъ спасались до двадцати *старичекъ*, большею частію молодыхъ и красивыхъ. Марья Петровна на любила окружать себя старушечьими лицами; приживалокъ своихъ, лишь только переступятъ онѣ черезъ тридцать пятый годъ своей жизни, она имѣла обыкновеніе помѣщать въ Костромскіе и Керженскіе скиты или отсылать на Иргизъ, гдѣ пользовалась также не малымъ уваженіемъ. *Старички* матушки Марьи, кромѣ чтенія и пѣнія въ моленной, занимались всѣми хозяйственными работами, въ кухнѣ, на примѣръ, въ прачешной и проч., а въ остальное время шили, вышивали, стягали подручники, а искусныя въ письмѣ по уставу переписывали канунчики и даже цѣлыя книги, и, разумѣется, къ старымъ ошибкамъ прибавляли еще

ошибки новыя. По зимамъ Марья Петровна нанимала извозчиковъ изъ раскольниковъ и отпирала половину своихъ старичекъ за сборомъ въ разныя стороны и даже въ отдаленную Сибирь.

Возвращусь къ Михайлу Семеновичу. Онъ часто навѣщалъ село Александровское, и потому я сошелся съ нимъ очень близко, бывалъ нѣсколько разъ у него въ городѣ и въ октябрѣ доѣхалъ съ нимъ до Нижняго, гдѣ мы дружески разстались и съ тѣхъ поръ вовсе не видались до 1861 года. Въ 1861 году случилось мнѣ быть въ Нижнемъ-Новгородѣ во время шумной его ярмарки. По субботамъ и передъ праздниками ко всенощной ходилъ я всегда въ соборъ Нижегородскій, находящійся въ кремлѣ. Одинъ разъ, кажется передъ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы, стою я у всенощной на привычномъ мѣстѣ своемъ у стѣны передъ свѣчнымъ ящикомъ, и вдругъ вижу подходящаго къ нему купца солидной наружности, какъ двѣ капли воды похожаго на пріятеля моего, раскольника Михайла Семеновича. Зная закоснѣлость его въ кривотолковой вѣрѣ, я никакимъ образомъ не полагалъ, чтобы это былъ мой знакомецъ въ подлинникѣ, а удивлялся только, что на свѣтѣ могутъ существовать два человѣка, такъ разительно схожихъ между собою. Но ближе всмотрѣвшись въ лице вошедшаго купца, я наконецъ убѣдился, что это самъ старинный пріятель мой. Послѣ всенощной я вышелъ изъ собора съ нимъ вмѣстѣ, и пройдя нѣсколько позади его, окликнулъ: „Михайло Семенычъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!“

Михайло Семенычъ,—это былъ онъ самъ,—торопливо обернулся, снялъ фуражку и съ улыбкой раскланиваясь сказалъ: „Точно такъ-съ, я Михайло Семеновъ К.; но васъ я не имѣю чести знать, извините.“

— Неужели борода и сѣдые волосы измѣнили меня такъ, что и старые закадычные пріатели не узнають Ив. Вас. Ш.? сказалъ я, протягивая руку Михайлѣ Семеновичу.

— Боже мой! Да не ужели это ты, Ив. Вас.? почти закричалъ Михайло Семеновичъ, обнимая меня: вотъ неожиданная встрѣча! Вѣдь давно не видались?

— Да лѣтъ двѣнадцать будетъ, а я все-таки узналъ тебя; но вотъ что я тебѣ скажу, Михайло Семеновичъ: въ лице я тебя узналъ скоро, но вотъ чего я не могу понять: какимъ образомъ ты, закоренѣлый старообрядецъ, ревнитель древняго благочестія, какъ ты самъ себя величалъ, начетчикъ и учитель,—какимъ образомъ, говорю, зашелъ ты въ нашу православную церковь, отъ которой прежде бѣгалъ, какъ отъ зачумленнаго мѣста какого нибудь, и усердно молился трехперстнымъ сложеніемъ, которое прежде называлъ щепотью табашною и печатью антихриста?

— Вотъ что тебя удивило! Такъ знай же, дружище, что уже десятый годъ идетъ, какъ спала съ душевныхъ очей моихъ проклятая повязка, закрывавшая отъ нихъ святую истину, и Господь, Царь небесный, умилился надо мною, окаяннымъ, и допустилъ меня, недостойнаго грѣшника и хулителя, вступить многомерзкою стопою во врата истинной Церкви, которая по обѣтованію самого Господа пребудетъ до скончанія міра, которая непричастна ни единой ереси или нововведенію какому нибудь, а всегда свято хранила и исполняла, какъ и нынѣ хранитъ и исполняетъ, всѣ правила и постановленія святыхъ Апостоловъ и седми Соборовъ Вселенскихъ и девяти помѣстныхъ.—Все это Михайло Семеновичъ говорилъ какъ-то восторженно, между тѣмъ

какъ слезы умиленія градомъ струились изъ глазъ его.

— Душевно радуюсь твоему обращенію и отъ всего сердца поздравляю тебя, сказалъ я: — а все-таки попрошу рассказать мнѣ, по какой причинѣ покинулъ ты расколь, бывши такимъ ретивымъ его почитателемъ и защитникомъ; признаюсь откровенно, я почитаю истиннымъ чудомъ твое обращеніе.

— Изволь, дружище, все тебѣ передамъ, обо всемъ расскажу, какъ по книгѣ прочитаю, а теперь заведемъ рѣчь о другой матеріи, я что-то взволновался маленько, сердце такъ и стучаетъ, словно выскочить хочетъ.

Разговаривая о томъ о семъ мы скоро подошли къ гостинницѣ, гдѣ я квартировалъ, и минутъ черезъ десять засѣли за кипящій самоваръ въ моемъ номерѣ. Замѣтивъ, что пріятель мой успокоился совершенно, я напомнилъ ему о его обѣщаніи.

— Ну такъ слушай же, заговорилъ Михайло Семеновичъ, послѣ небольшого молчанія, какъ бы собираясь съ мыслями и объ чемъ-то вспоминая. — Дѣло мое на счетъ обращенія началось черезъ годъ съ небольшимъ послѣ твоего отъѣзда изъ Александровскаго; въ это время въ поповскомъ согласіи нашемъ у насъ въ С*** начали твориться такія дѣла и соблазны, что уму непостижимо стало, и мы всѣ ревнители мнимаго древняго благочестія въ тупикъ стали и повѣсили головушки. И знаешь ли, отъ кого произошла вся эта неурядица? Отъ коновода нашего перваго, отъ наставницы нашей, пройдохи и лицемерки, Марьи Петровны! Ты чай помнишь ее?

— Какъ не помнить!

— Первый соблазнъ показала она намъ свадьбой своей племянницы Натальи. Она сосватала свою пито-

мицу за подгородняго помѣщика, недавно пріѣхавшаго изъ полка въ усадьбу, доставшуюся ему послѣ дяди; и добро бы за голыша какого, а то за молодого, красиваго собой офицера и съ достаткомъ немалымъ; ну да видно чистоганъ да приданое хоть кого соблазнять. Ну вотъ, сударь мой, втихомолку, разумѣется не безъ вѣдома тетки, Наталья наша переправилась въ церковныя, и обвѣнчалась въ сельской церкви въ жениховомъ приходѣ. Хотя все это дѣлалось втайнѣ, однако же отъ глазъ нашихъ не утаилось: мы все провѣдали—и сколько сундуковъ огромныхъ кованыхъ отправлено было за Натальей, и сколько денегъ отвалила тетушка, и какъ она на свадьбѣ пиновала, учредивъ на свой счетъ пиршество веліе съ музыкой и бѣсовскими плясками и пѣснями, и какъ старички наши, которыхъ пройдоха съ собой забрала на свадьбу, подъ пьяную руку пѣсни пѣли и даже въ плясъ пускались окаянныя, и какъ сама-то она осрамила все общество наше старообрядское: пѣсни бѣсовскія пѣла и въ пляску ходила. Такъ вотъ, сударь мой, какія соблазнительныя дѣла совершила наставница наша, сосудъ премудрости старообрядческой! Провѣдавши обо всемъ этомъ до тонкости, мы призадумались, потолковали промежъ себя и придумали отправиться къ Марѣ Петровнѣ чловѣкамъ шести отъ всего нашего общества и требовать настоятельно объясненія: какимъ образомъ она, ревнительница древняго благочестія и руководительница ко спасенію душъ нашихъ, дозволила племянницѣ своей перейти въ Никонианскую ересь, и сама выдала ее замужъ за еретика скобленаго и сама со старичками своими пѣла бѣсовскія пѣсни, и даже плясала, и откуда-де взяла она деньги, что дала за Натальей. Въ число депутатовъ былъ

выбранъ и я главнымъ коноводомъ. Ну вотъ и пришли мы всѣ къ ней, съ недѣлю спустя послѣ свадьбы. Привѣтливо и радушно приняла насъ Марья Петровна: „милости просимъ, православные, прошу садиться, защетаала она улыбаясь: я вотъ сейчасъ чайкомъ да выпивочкой распоряджусь, выкушайте за Наташину свадьбу“, и сама отъ насъ въ дверь юркнула. Ну мы всѣ учтивость соблюли, отъ угощенія не отказались. Вслѣдъ за тѣмъ товарищи, сидѣвшіе подлѣ, стали меня поталкивать, чтожъ, молъ, ты молчишь и не начинаешь? Вотъ я пріосамился, откашлялся и пошелъ и пошелъ. Покамѣсть я говорилъ и излагалъ всѣ вопросные пункты, наставница наша молчала, а все краснѣла, или блѣднѣла да губы покусывала. Когда я кончилъ рѣчь свою, Марья Петровна начала свою отповѣдь, да таково надменно и гордо, какъ барыня какая нибудь: „Я, говоритъ, православные, счастію своей родной племянницы поперечить не въ правѣ была. Мужъ у нея не какой нибудь мужикъ необразованный, а дворянинъ родовой, офицеръ и помѣщикъ; вотъ и она стала по немъ дворянка и помѣщица...

— А душу свою погубила, принявши вѣру еретическую, перебилъ я ее.

— Такъ неужели вы думаете, что баринъ согласился бы вступить въ бракъ съ старообрядкой и принять законъ отъ какого нибудь бѣглаго попа-пьяницы? Да и насчетъ вѣры-то я тебѣ скажу, Михайло Семенычъ: еще старуха на двое сказала, чья вѣра права и чья неправа!

Такія слова, сказанныя наставницей нашей, которую привыкли мы почитать премудрою, богодухновенною и благочестивою, привели насъ въ страшное удивленіе и

окончательно сбили съ толку; мы все опустили на грудь головы и только крестились да творили молитвы отъ лукаваго; я и самъ не нашелся, что отвѣчать явной отступницѣ.

— Да что съ вами толковать-то долго, заговорила Марья Петровна, вставая со стула: — деньги Наташѣ отдала я ея собственныя, послѣ отца да матери ей оставшіяся; а что же касается до того, что будто бы я, пьяная, съ моими старицами пѣли и плясали на свадьбѣ, такъ это ложь и клевета, наплюйте тому въ глаза, кто говоритъ это. Впрочемъ я съ вами необразованными и говорить-то не хочу; идите вонъ. И вышла отъ насъ разгнѣванная, хлопнувъ сильно дверь.

Что намъ, депутатамъ, осталось дѣлать послѣ этого? Мы переглянулись между собой, пожали плечами и пошли себѣ, какъ несолоно хлѣбали; на улицѣ лишь согласились молчать обо всемъ до времени, какъ будто бы ничего и не бывало, для того, что у Марьи Петровны на сторонѣ была сильная рука, и намъ бы ни въ чемъ не повѣрили. Этотъ случай показалъ мнѣ, что она не была искренно убѣждена въ расколѣ, что она держалась его изъ корысти и честолюбія, — и въ первый разъ поколебалъ во мнѣ убѣжденіе въ правотѣ нашей вѣры старообрядской.

Вскорѣ послѣ перваго соблазна прикатилъ къ намъ и другой, еще горшій, изъ Москвы-матушки съ кладбища Рогожскаго. Вотъ какъ было это дѣло. Мѣсяца этакъ черезъ три послѣ размолвки нашей съ Марьей Петровной, присылаетъ она къ нашимъ почетнымъ, а въ томъ числѣ и ко мнѣ, съ приглашеніемъ пожаловать вечеромъ къ ней, пріѣхали-де изъ Москвы съ Рогожскаго кладбища довѣренныя отъ всего тамошняго общества ста

рообрядцевъ, два старца и желаютъ при всемъ соборѣ здѣшнихъ православныхъ объявить что-то по дѣламъ вѣры. Ну, мы отправились; приходимъ; Марья Петровна, какъ будто между нами ничего никогда и не было, таково ласково и привѣтливо приняла насъ и угостила какъ слѣдуетъ. Потомъ разсѣлись мы по стѣнамъ, и одинъ изъ довѣренныхъ, старецъ почтенный, повелъ къ намъ рѣчь галосомъ сладкимъ такимъ, вкрадчивымъ. „Такъ и такъ, говорить, православные, горькія и тѣсныя обстоятельства наши миновались, тяжкія нужды по церкви нашей древлеправославной прошли, теперь не будемъ больше поповъ сманивать, своихъ вдоволь будетъ, для того, что теперь свои и архіереи есть и митрополитъ даже въ Бѣлой-Криницѣ, въ Австріи, владычествуетъ. Такъ вотъ, говорить, соборъ нашъ московскій, съ благословенія высокопреосвященнаго Кирилла и епископа нашего Онуфрія, опредѣлили по градамъ и весямъ, гдѣ древлеправославная вѣра имѣетъ значительное число послѣдователей, для вящаго процвѣтанія церкви нашей, вполнѣ теперь возстановившейся, назначить и опредѣлить епископовъ и учредить епархіи какъ слѣдуетъ. И вашъ градъ благовѣрный и благочестивый назначили мы мѣстопребываніемъ престола святительскаго, дабы по весямъ вашимъ православнымъ не было недостатка въ священникѣхъ“.

— Очень благодарны вамъ, господа почтенные, перебила старца Марья Петровна, вся какъ клюква красная, а глаза-то черные такъ и сверкаютъ:—очень благодарны вамъ, говорить, и всему московскому древлеправославному обществу за радѣніе ваше и попеченіе о насъ грѣшныхъ. Но вотъ что мы вамъ скажемъ рѣшительно: архіереевъ вашихъ намъ не нужно, мы въ

нихъ никакой надобности не имѣемъ, будетъ съ насъ и одного батюшки Петра изъ Нижняго: онъ къ намъ частенько наѣзжаетъ со всѣми потребностями какъ для причащенія, такъ и для крещенія и для бракосовершенія. Вѣдь наши отцы, дѣды и прадѣды не въ адъ же всѣ пошли безъ архіереевъ...

— Ну, нѣтъ, Марья Петровна, ошибаешься, голу-бушка, хотя ты и благочестивая и премудрая старица, перебилъ ее гость московскій: — должно радоваться и желать архіерея не только граду, но и веси каждой.

— Да что, государь милостивый, отвѣчала Марья Петровна разгнѣвавшись окончательно: — навязываете вы намъ архіерея доморощеннаго? Знаемъ мы, каковы ваши архіереи и кто ихъ пустилъ по свѣту, на соблазнъ только православнымъ. Знаемъ мы, сударь, какимъ манеромъ ваши Павелъ да Алимпій черезъ жидовина проклятаго сманили запрещеннаго и подсудимаго обливанца, Грека митрополита Амбросія, за 500 червонныхъ въ годъ. А на какомъ языкѣ, позвольте спросить, произносилъ вашъ митрополитъ Амбросій отреченіе отъ ересей и давалъ клятву быть вѣрнымъ древле-православной нашей церкви, и на какомъ языкѣ исповѣдывался онъ попу нашему передъ клятвою? Отецъ духовный ничего не смыслилъ погречески, а исповѣдуемый ни слова не понималъ по нашему! Нечего сказать, хороша была исповѣдь! Да и какой архіерей, честный и добросовѣстный, дозволить простому попу-чернецу помазать себя простымъ деревяннымъ масломъ вмѣсто мѣра освященнаго, котораго у насъ старообрядцевъ, какъ всѣмъ намъ достовѣрно извѣстно, давнымъ давно, лѣтъ пожалуй сто будетъ, совсѣмъ нѣтъ! Да и по какимъ соборнымъ правиламъ вашъ запрещенный митрополитъ, бѣжавшій въ

чужую епархію, безъ дозволенія мѣстнаго епископа, одинъ однихонекъ дерзнулъ хиротонисать вамъ епископа простаго мужика-пахаря? Такъ вотъ каковы ваши архіереи и все священство, — просто самозванцы!

— Ну нѣтъ, извини, Петровна, перебилъ опять москвичъ: — преосвященный Амбросій передъ отъѣздомъ своимъ къ намъ получилъ разрѣшительную грамоту отъ самаго патріарха Константинопольскаго.

— Знаемъ мы, какъ ваши ловцы обманули патріарха, сколько денегъ извели на это и какую грамоту выдали Амбросію. Патріархъ Цареградскій, православные, продолжала она обращаясь къ намъ: — выдалъ грамоту, гдѣ разрѣшено было запрещенному митрополиту отслужить только одну заупокойную обѣдню и то какъ простому священнику, безъ сѣденія на архіерейскомъ престолѣ. Такъ вотъ какого митрополита вы себѣ купили на дежки глупыхъ богачей вашихъ! Право, смѣху достойно! — И какъ-то злобно и судорожно захохотала.

Наши московскіе гости и головы повѣсили. Общее молчаніе продолжалось съ четверть часа пожалуй. Рогожской посланецъ заговорилъ первый: — Что ты тамъ себѣ ни ври, преподобная мать Марья, а мы все-таки посвятимъ и пришлемъ епископа во градъ вашъ, и на тебя не посмотримъ.

— А мы его отсюда вытолкаемъ! ужъ почти заревѣла наша Петровна, и тутъ-то вполнѣ обнаружила свой характеръ: — вотъ выдумали какія новости: пришлютъ сюда архіерея самозванца, корми его, пой, а онъ только нами распоряжаться, да командовать будетъ! Вотъ не видаль какая! А я-то оплеванною что ли останусь? Чтожъ я-то стану дѣлать при вашемъ архіереѣ? Теперь ко мнѣ всѣ съ уваженіемъ, а тогда что? Къ архіерею

пойдемъ: онъ насъ разсудить и вразумить! Вотъ что выдумали! Коли вамъ понадобились архіереи, такъ и держите ихъ у себя. Знаю я, что архіереи-то ваши въ Москвѣ, изъ воли богачей вашихъ не выходятъ. Имъ только изъ самолюбія, да ради самохвальства архіереи понадобились: и у насъ-де у старообрядцевъ свои архіереи есть. Кажется теперь намъ толковать не объ чемъ, о желаніяхъ нашихъ вы, дорогіе гости, слышали, можете передать объ нихъ благодѣтелямъ нашимъ московскимъ. Что я сказала, то скажутъ вамъ и всѣ наши православные. Коли хотите съ нами мирно жить, такъ о архіереяхъ вашихъ и попахъ и не разговаривайте. А теперь, васъ гости дорогіе, покорно прошу закусить чѣмъ Господь послалъ, да и на покой, а меня ужъ простите, истомилась больно, отдохнуть пора.—И вышла.

Безъ Марьи Петровны гости московскіе обратились къ намъ, что-де скажете намъ, любъ ли вамъ будетъ архіерей, или нѣтъ?

— Объ этомъ подумать надо, государи милостивые, сказалъ я,—для того, что въ архіереяхъ вашихъ и мы всѣ большое сумленіе имѣемъ.

Послѣ этого молча мы по домамъ разошлись, а московскіе посланцы тутъ же послали за почтовыми и уѣхали, не простившись съ Марьей.

Послѣ этого собора не только я одинъ, но и многіе изъ нашихъ серьезно усумнились въ нашей вѣрѣ: слова Марьи Петровны насчетъ новыхъ архіереевъ и новаго священства, какъ колокола звенѣли въ ушахъ нашихъ. Я съ своей стороны накопилъ книгъ, писанныхъ противъ раскольниковъ, читалъ ихъ прилежно и черезъ полгода съ небольшимъ, убѣдившись совершенно въ нелѣпости нашихъ толковъ и мнѣній, со всѣмъ семей-

ствомъ перешелъ въ Церковь православную. Многіе послѣдовали моему примѣру, а иные присоединились къ новоблагословенной, ради привычки къ старымъ обрядамъ.

— Ну, а что же случилось съ Марьей Петровной? спросилъ я.

— Марья Петровна, послѣ того, какъ отпустила москвичей, вскорѣ продала домъ свой и со старичками уѣхала въ Костромскую губернію въ имѣніе мужа племянницы своей; выстроила тамъ скитокъ въ лѣсу, а теперича, говорятъ, перешла въ единовѣріе.

Ис. III — 8.

ИЗЪ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ (а).

V.

Раздѣлъ семействъ въ быту крестьянъ—большое зло. Онъ дробитъ большія, зажиточныя, многосильныя семейства на мелкія, тощія семьи, и производитъ много грѣховъ. Изъ одного богатаго дома являются пять-шесть домиковъ и семей мелкихъ и бѣдныхъ, съ одною лошадей, съ одною, или двумя коровами, съ однимъ работникомъ и работницею въ полѣ. Ясное дѣло — спорыни не будетъ тутъ въ работѣ, довольства и обилія не будетъ тутъ въ домѣ. А грѣха-то, грѣха сколько при раздѣлѣ! Начинается дѣло съ того, что одна женщина не уступаетъ другой; одна хочетъ быть большою

а) См. январ. книжку.

надъ другой; отъ женщинъ дѣло доходить и до мужей ихъ; и тѣ дѣлаются неуступчивыми другъ предъ другомъ и властолюбивыми. Но это еще только начало злу. За этимъ пойдутъ разные, совсѣмъ неродственные и не христіанскіе поступки въ домѣ: братъ тащитъ отъ брата, сноха отъ снохи. Тотъ затаилъ рубль; этотъ старается утянуть себѣ два; та припрячетъ куда нибудь себѣ новину; эта—двѣ;—и растащатъ весь домъ. А потомъ и пойдутъ всегдашніе попреки и укоры, ежеминутная брань и ссоры,—хоть бѣги вонъ изъ дому. Даже и тогда, какъ разойдутся по разнымъ избамъ,—семейная вражда и непріязнь долго продолжаются и переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ. Самъ Господь иногда вразумляетъ неразумныхъ Своимъ праведнымъ судомъ. И еслибы страхъ Его праведнаго гнѣва не поражалъ и не смирялъ ожесточенныхъ и враждующихъ сердецъ, то и конца не было бы злу.

Въ Юрьевскомъ жили два брата : Ѳеодоръ и Евстафій Афиногеновы. Ѳеодоръ былъ старшій , и давно ужъ женатъ, Евстафій — младшій и недавно женился. Ѳеодоръ былъ крестьянинъ съ прямою и честною душою ; но только упрямъ и грубоватъ. „Слово — олово“, говаривалъ онъ обыкновенно, выражая по своему ту мысль, что если онъ скажетъ слово, такъ оно ужъ вѣрно. Ѳеодоръ никуда дальше Лисицъ и Твери изъ села не отлучался, нигдѣ на сторонѣ не жилъ; родился и выросъ въ своемъ Юрьевскомъ, и окрѣпъ въ своемъ характерѣ и привычкахъ. — Евстафій занимался извозомъ, бывалъ въ Москвѣ и дальше за Москвою, когда не было еще желѣзной дороги; видѣлъ много такого, чего крестьянинъ не увидитъ и не узнаетъ въ своей деревнѣ. Онъ на чужой сторонѣ, какъ говорится, пообтерся, сталъ полсвѣче и

поизворотливѣе Ѳеодора; но тоже въ душѣ былъ прямой и честный человѣкъ. — Два брата любили другъ друга, и, кажется, никогда бы не отошли одинъ отъ другаго.

Жена Ѳеодорова Авдотья была женщина бойкая и небезгрѣшная предъ мужемъ. Господь вразумлялъ ее за такую жизнь: Онъ не давалъ ей дѣтей. Да и Ѳеодоръ не очень горячо ее любилъ. Авдотья не могла снискать себѣ искренняго расположенія у Ѳеодора: она была вертлява, прытка, а Ѳеодоръ былъ человѣкъ степенный, не торопливый и прямой. Впрочемъ Авдотья имѣла то достоинство, что была сговорчива и уступчива, не самолюбива и не властолюбива. Авдотѣ очень хотѣлось имѣть дѣтей; она ихъ любила; бывало, когда увидить на улицѣ чужаго ребенка, она не налюбуется имъ; но Господь ей не давалъ дѣтей. Когда пошли дѣти отъ Евстафія, она любила ихъ все равно, какъ бы своихъ родныхъ дѣтей. Такъ точно и Ѳеодоръ; дѣти Евстафьевы были ему родныя дѣти.

Жена Евстафьева Прасковья взята была изъ богатаго дома; она была женщина самолюбивая и не уступчивая. Съ мужемъ жила она хорошо, и родила ему пять или шесть сыновей. Когда дѣти были малы, Прасковья молчала, была въ домѣ меньшою, и работала съ покорностію и послушаніемъ. Ѳеодоръ съ женою управляли домомъ; Ѳеодоръ справлялъ всю крестьянскую работу: и пахалъ, и косилъ, и молотилъ. Работникъ онъ былъ сильный и трудолюбивый; все у него шло въ свое время, все было въ порядкѣ. А придетъ, бывало, домой, онъ не нарадуется на дѣтей Евстафьевыхъ, — и кормить ихъ, и ласкаетъ и играетъ съ ними. Въ этой любви къ дѣтямъ братнинымъ высказывалась вся добрая душа Ѳеодора; тутъ видно было и то, какъ онъ любилъ бы своихъ дѣтей, еслибъ Господь далъ ему ихъ.

Когда дѣти стали подростать, Прасковья начала выказывать грубость и упрямство предъ Авдотьей. Досадно ей было, что Авдотья — большая въ домѣ, а она меньшая, тогда какъ вся земля, вся полоса идетъ на ея мужа и дѣтей; у Ѳеодора была только *одна душа*, т.-е. одинъ пай, а у Евстафія съ дѣтьми — шесть. А не брала въ расчетъ неразумная женщина того, что земля сама по себѣ, безъ рукъ и труда, не родить хлѣба; а руки-то были все Ѳеодоровы, да Авдотьины; а она то за ребенкомъ ходить, то беременна, то послѣ родовъ. Не подумала легкомысленная, что нужно сначала выкормить ея малыхъ дѣтушекъ, чтобы отъ нихъ ждать помощи. А поилъ и кормилъ ихъ, растилъ и уму-разуму училъ Ѳеодоръ.

Между тѣмъ Ѳеодору весело было работать въ полѣ. Силы у него много; лошадокъ три, или четыре; коровушекъ десятокъ, не говоря о мелкой скотинѣ. Дѣти Евстафьевы не отставали отъ него; куда онъ, туда и они; кто кошель его несетъ, кто грабли, кто кувшинъ съ молокомъ въ мясоѣдъ, — будто пчелки вьются около матки своей. Ѳеодоръ благословлялъ Господа Бога. Возвратится братъ Евстафій изъ дальнаго пути, — въ домѣ все въ порядкѣ, всего вдоволь, и хлѣба и скота; дѣти веселы и здоровы, жена всѣмъ обезпечена и никѣмъ необижена. Онъ поживетъ дома недѣлку-другую, и порадуется на свою семью и опять въ дорогу.

Еще веселѣе стало Ѳеодору, когда дѣти Евстафьевы поднялись и повзросли. Ужъ на полосѣ не одинъ его руки работали; съ нимъ рядомъ выходили на полосу два молодца, правда еще не очень крѣпкіе и сильные, но ужъ и не ребята малыя; ужъ они косятъ съ нимъ, и пашутъ. А тамъ еще трое въ запасъ. Работа кипѣла; Ѳеодоръ благодарилъ Бога.

Но за то жена Евстафьева становилась часть отъ часу неуступчивѣе противъ Ѳеодоровой жены. Ужь она и при Ѳеодорѣ стала поговаривать Авдотьѣ: „да ты что? Не твои дѣти, а мои. Я большая въ домѣ“. Авдотья скажетъ бывало ей какую нибудь шутку, да и пойдетъ за своимъ дѣломъ. Не принимать же къ сердцу всякаго вздора. Но этотъ вздоръ занималъ всю душу Прасковьи. Чѣмъ легче смотрѣла на ея выходки неvěстка, тѣмъ больше это раздражало ее. Ужь и мужу своему стала она твердить, что надо раздѣлиться, что она одна теперь съ дѣтьми справить всѣ работы, вспашетъ и уберетъ свою полосу, если его самого и дома не будетъ; что не вѣкъ же ей кланяться неvěсткѣ.

— Полно, глупая, гдѣ тебѣ? скажетъ мужъ.

— Справлюсь, видитъ Богъ, справлюсь; дѣти помогутъ, ужъ они не маленькія. Вѣдь и все ихъ же руки работаютъ.

Прасковья пригала. Главный работникъ былъ Ѳеодоръ; онъ всѣмъ правилъ; безъ него дѣти ступить почти не умѣли.

— Перестань; а братъ что будетъ?

— Полно, пожили на нашъ счетъ; пусть идутъ на свою долю.

Евстафій молчалъ и уѣзжалъ въ извозъ; а Прасковья между тѣмъ стала прибирать себѣ то холстинку, то овчинку, тайкомъ отъ снохи. Авдотья сначала этого и не подозрѣвала; а потомъ и увидѣла, да по легкомыслию своему мало обращала на это вниманія. Домъ былъ половъ, какъ чаша. А Прасковья становилась все неуступчивѣе, все грубѣе. Съ Ѳеодоромъ она еще могла бы ужиться. Ѳеодоръ, по ней, хоть навсегда оставайся большимъ въ домѣ; она его станетъ почитать какъ

свекора, или отца роднаго; а Авдотью—ни за что. „Дѣлится хочу; сама хочу быть большой!“

Ужъ начались порядочныя перебранки у ней съ Авдотьей. Ужъ Авдотья сама стала мужу своему говорить: чтожь, Ѳеодоръ, отойдемъ отъ грѣха; Богъ съ ними!

Ѳеодоръ крѣпко огорчился этимъ; онъ говорилъ женѣ:

— Глупая, что я одинъ-то въ полѣ стану дѣлать?

— Ну найдемъ кого нибудь.

— Найдемъ? вѣдь работникъ не я; такъ не станеть работать, какъ я самъ.

— Ну какъ же быть-то? Видишь: сладу нѣтъ...

— Потерпи.

— Я и такъ давно терплю; да ужъ терпѣнья не достаетъ.

— Отойди отъ нея...

— И такъ отхожу; да сама такъ и придирается ко всему; не драться же намъ у печки-то.

— Ну, уступи ей большину.

— Что ты, Христось съ тобой, Ѳеодоръ. Вѣдь я большая сноха; я ужъ столько лѣтъ веду большину въ домъ... вѣдь надо мной, да и надъ тобой все село засмѣется.

— Легкое ль дѣло!..

Оно и правда; самое лучшее бы дѣло уступить большину Прасковѣ, еслибы Прасковья была поблагоразумнѣе и посмирнѣе. Но эта уступка не успокоила бы ея; она пошла бы все въ гору; начала бы издѣваться надъ Авдотьей, и все равно, выжила бы ее изъ дому. Лучше было разойтись.

Дошли эти непріятности до священника. Онъ увидалъ Прасковью и говоритъ ей: что у васъ такое въ домѣ-то неладится!

— Ничего, батюшка.

— Да вы дѣлиться хотите?..

— Думаемъ, батюшка.

— Какъ тебѣ не грѣхъ, Прасковья. Вѣдь Ѳеодоръ-то съ Авдотьей твоихъ дѣтей вспоили и вскормили, а ты ихъ теперь гонишь вонъ изъ дому... Вѣдь ужъ они — старики; гдѣ работать?..

— Я ихъ не гоню; сами идутъ.

— Брось Прасковья; Господь тебя накажетъ.

— Ну, что будетъ.

Дѣлать было нечего. Пріѣзжаетъ Евстафій изъ извозу, Ѳеодоръ и говоритъ ему: братъ, намъ надо разобраться по добру, по здоровью. Между бабами ладу нѣтъ. Намъ ихъ теперь не переучить. Раздѣлимся,—и будемъ жить, какъ добрые люди. Не до міру же доходить, чтобы развели насъ.

— Я не прочь, сказалъ Евстафій.

Помолились Богу, разобрали отцевскій домъ по частямъ; оставили только хлѣбъ въ закромахъ недѣленнымъ до весны. Ѳеодоръ остался въ домѣ одинъ съ женою; Евстафій пошелъ въ другую избу съ своею женою и дѣтьми.

Ѳеодоръ ночи не спалъ съ тоски; онъ остался въ дому,—гдѣ недавно еще кипѣла жизнь и шумѣла молодость,—какимъ-то бобылемъ безроднымъ и бездѣтнымъ. Его пугала самая тишина въ домѣ; точно могила. Полоска его въ полѣ вышла узенькая, маленькая; скота у него тоже вдвое стало меньше; да ужъ и силы не тѣ: выдетъ на работу, работа не спорится; поработаетъ, поработаетъ, да такъ и опуститъ руки. Нанялъ-было работника; но и съ нимъ работа какъ-то шла плохо.

— Нѣтъ, опять уйду къ ребятамъ, говорилъ онъ въ тоскѣ женѣ своей.

— Этакая невидаль!.. Проживемъ и безъ нихъ... —
Погоди.

— Слово-олово, уйду. Ужъ очень стосковался я...

А Прасковья радовалась, что отдѣлилась.

— Да что я теперь? говорила она: — да я теперь словно барыня. Сама большая; что хочу, то и дѣлаю. Ребята привыкають къ работѣ. Вотъ какъ заживемъ!..

А добрые люди качали головой и говорили между собою: „грѣхъ Прасковьи; она обидѣла Ѳедора. Богъ накажетъ ее“.

Зимой насталъ рекрутскій наборъ. На семьѣ Ѳедора съ Евстафьемъ была очередь; которому нибудь изъ сыновей Евстафьиныхъ нужно было идти въ рекруты. Ѳедоръ могъ бы отклониться теперь отъ этого дѣла; ужъ онъ ушелъ лѣтами отъ рекрутства; ужъ онъ отдѣленъ; и семьи своей не имѣетъ. Но онъ любилъ брата и дѣтей его. Когда Евстафій вернулся къ этому времени домой, и сильно задумался, котораго изъ сыновей отдать въ рекруты, Ѳедоръ пришелъ къ нему, и говоритъ:

— Поди-ка, поройся тамъ, въ амбарѣ, въ закромѣ, что съ рожью. Тамъ у меня спрятано кое-что.

Евстафій пошелъ въ амбаръ; къ нему пришелъ и Ѳедоръ. Въ закромѣ перерыли хлѣбъ, и нашли 500 руб. ассигнаціями.

— Это я спряталъ на случай. Въдѣ хлѣбъ-то еще недѣленъ. Найдемъ охотника. Коли мало денегъ, продадимъ хлѣбъ. Евстафій упалъ въ ноги Ѳедору. Наняли охотника; Евстафій уѣхалъ опять въ извозъ; а Ѳедоръ пошелъ въ свою избу, къ женѣ своей.

Между тѣмъ Евстафій уѣхалъ куда-то далеко въ извозъ и тамъ сильно захворалъ. Одни говорили, что его возомъ придавило,—другіе что его пьянаго побили. Онъ

захирѣлъ, на силу вернулся домой, и скоро умеръ. Жена его тоже безъ видимой причины, стала чахнуть, все жаловалась на боль подъ ложечкою; не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ смерти Евстафія, какъ и она померла.

Дѣти ихъ съ радостію сами обратились къ Ѳеодору.

— Будь намъ отецъ родной. Пойдемъ къ намъ въ домъ; мы безъ тебя жить не можемъ.

Ѳеодоръ только этого и желалъ. Онъ съ радостію перешелъ къ нимъ; жена его опять сдѣлалась хозяйкою, и не на радуется на своихъ племянниковъ. Всѣ они ужъ выросли; двое женились, и имѣютъ своихъ дѣтей. Ѳеодоръ у нихъ — какъ патріархъ; его чтутъ какъ отца роднаго, а Авдотью — какъ родную мать.

Священникъ В. Владиславлевъ.

ПРАЗДНОВАНІЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ СЛУЖБЫ МОСКОВСКОЙ, УСПЕНСКОЙ, ВЪ ГОНЧАРАХЪ ЦЕРКВИ ПРОТОІЕРЕЯ ДАНИЛА АЛЕКСѢВИЧА СОЛОВЬЕВА.

Въ Москвѣ 28 января текущаго года духовенство одной половины Ивановскаго сорока праздновало пятидесятилѣтній юбилей священнической службы духовника своего, Успенской, въ Гончарахъ, церкви священника Данила Алексѣвича Соловьева.

Этотъ маститый, теперь осмидесятилѣтній старецъ началъ свое образованіе въ Троицкой Семинаріи и окон-

чилъ его въ Славяно-греко-латинской академіи. Еще во время воспитанія своими успѣхами и благонравіемъ онъ обратилъ на себя вниманіе начальства, а когда окончилъ курсъ ученія, преосвященный Августинъ, тогда викарій Московскій, предложилъ ему въ супружество свою родную племянницу и 1810 года іюля 10-го дня произвелъ его въ діакона къ церкви преп. Пимена, что въ старыхъ Воротникахъ. 28-го января 1815 года, по выбору купца Петра Ивановича Антипина, возобновившаго на свое иждивеніе Успенскую въ Гончарахъ церковь послѣ пожара 1812 года, онъ былъ рукоположенъ преосвященнымъ же Августиномъ во священника къ этой церкви. И при одной этой церкви, очень скудной числомъ прихожанъ (коихъ и теперь не болѣе 200 душъ обоего пола) провелъ онъ всѣ пятьдесятъ лѣтъ своего священническаго служенія. Довѣріемъ духовенства онъ избранъ былъ въ духовника сперва одной половины, а потомъ принялъ на себя эту должность и для другой половины благочинія и въ теченіе 26 лѣтъ состоялъ духовникомъ священно-церковно-служителей всего благочинія, состоящаго изъ 24 церквей.

Предъ наступленіемъ дня его юбилея священнослужители, духовныя его дѣти, положили память пятидесятилѣтняго служенія своего духовника ознаменовать устроеніемъ напрестольнаго вызолоченнаго креста, а въ день юбилея собраться въ Успенскую церковь къ литургіи, чтобы вмѣстѣ съ виновникомъ праздника принести благодареніе Господу. Мѣстный благочинный, Алексѣевской церкви протоіерей Василій Павловичъ Некрасовъ, принялъ на себя испросить на сіе желаніе духовенства соизволеніе и благословеніе Московскаго Архипастыря. Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ не только соизво-

лилѣ на желаніе духовенства, но усердіе священниковъ восполнилѣ своею архипастырскою милостію: Онѣ озаботился, чтобы Даніилѣ Алексѣевичѣ въ день своего юбилея возведенѣ былѣ въ санѣ протоіерея.

28 января духовенство Алексѣевского благочинія собралось въ Успенско-Гончарскую церковь къ поздней литургіи. Священнослужащіе были уже облачены, какѣ прибылѣ посланный отѣ Его Высокопреосвященства и отѣ имени Владыки вручилѣ о. Даніилу шитые бисеромѣ поручи, въ ознаменованіе архипастырскаго вниманія къ его служенію, въ которомѣ онѣ 50 лѣтъ воздѣвалѣ къ Богу чистыя руки въ усердной молитвѣ и благоговѣйномѣ священнодѣйстви. Въ 10 часовѣ прибылѣ въ церковь преосвященный Леонидѣ епископѣ Дмитровскій викарій Московскій и когда на маломѣ входѣ сталѣ спрашивать въ молитвѣ у Господа для достойнаго Его служителя благодати первостоянія въ чину священниковъ, глаза многихѣ увлажились слезами умиленія и громко произнесенное преосвященнымѣ *аксѣосѣ* встрѣтило глубокое сочувствіе и убѣжденіе въ сердцахѣ духовныхѣ дѣтей и прихожанѣ, искренно уважающихѣ Даніила Алексѣевича. Послѣ литургіи, которую совершалѣ мѣстный благочинный съ новопроизведеннымѣ протоіереемѣ и старѣйшимѣ духовенствомѣ благочинія, Преосвященный Леонидѣ со всѣмѣ духовенствомѣ благочинія совершилѣ молебствіе, послѣ котораго въ молитвѣ принесѣ Господу благодареніе за благодѣянія, явленные „Имѣ въ теченіи пятидесятилѣтняго служенія протоіерея Даніила на немѣ самомѣ и на пасомыхѣ имѣ.“ Когда же послѣ обычныхѣ многолѣтій, діаконѣ возгласилѣ многолѣтіе протоіерею Даніилу, старецѣ Благочинный взялѣ въ руки, лежавшій на особо приготовлен-

номъ паломъ, на престольный крестъ ^{х)}) и обратился къ старцу духовнику съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: „Добрый пастырь, отецъ нашъ духовный! Всѣ мы, дѣти твои духовныя, собрались въ сей храмъ Божій въ день совершенія пятидесятилѣтія твоему служенію въ священствѣ — вознести усердныя молитвы свои къ престолу Всевышняго о здравіи и благоденствіи твоёмъ. Ты, всегда предстоя съ благоговѣніемъ престолу Господа нашего Иисуса Христа, возносилъ теплыя свои молитвы къ Нему объ отпущеніи грѣховъ нашихъ, объ избавленіи насъ отъ искушеній. Ты духовною мудростію и опытностію своею руководилъ насъ во внутренней нашей духовной жизни и въ исполненіи многотрудныхъ обязанностей нашего высокаго служенія; ты всегда заботился, чтобы всѣ мы въ свое время могли дать непостыдный отвѣтъ о своемъ дѣланіи на страшномъ судѣ Божіемъ. Во свидѣтельство нашей благодарности за твое отеческое попеченіе о нашемъ спасеніи, мы приносимъ тебѣ въ даръ животворящій крестъ Господа нашего Иисуса Христа, дабы оный служилъ на многія лѣта памятникомъ твоего пятидесятилѣтняго во священствѣ служенія во храмъ семъ, а также и нашей сыновней любви и уваженія къ тебѣ.“ Тѣже мысли и чувства высказаны были и въ другомъ привѣтствіи, которое было поднесено въ рукописи о. протоіерею однимъ изъ священниковъ. Вотъ это привѣтствіе:

„Обычай міра отъ собравшихся нынѣ къ тебѣ, нашъ духовный отецъ и наставникъ, требовалъ бы востор-

х) На задней сторонѣ креста вырѣзана слѣдующая надпись: въ память пятидесятилѣтняго служенія при Успенско-Гончарской церкви Протоіерея Данила Алексѣевича Соловьева отъ священнослужителей, духовныхъ дѣтей его. 28 января 1865 года.

женныхъ изъявленій хвалы тебѣ и громкихъ привѣтствій, но мы собрались только для того, чтобы вмѣстѣ съ тобою вознести и наши молитвы и благодаренія ко Господу, который сподобилъ тебя въ теченіи цѣлаго полувѣка проходить высокое служеніе священническое.

„Любителей мірской славы восхищаютъ громкія дѣла и блистательные подвиги; но мы знаемъ, что сила нравственная и созрѣваетъ и дѣйствуетъ въ тишинѣ и сокровенности. И еслибы кто спросилъ, въ чемъ же обнаруживается эта сила, мы смѣло указали бы на то постоянство, терпѣніе, безкорыстіе, скромность, любовь, преданность долгу и безукоризненную чистоту жизни, съ какими ты въ теченіи цѣлаго полувѣка неослабно совершалъ служеніе священническое на поприщѣ не широкомъ, въ долѣ смиренной, чуждый волненій честолюбія и властолюбія. И между тѣмъ такимъ, мало замѣтнымъ для міра, дѣланіемъ въ вертоградѣ Христовомъ, ты пріобрѣлъ не только общее уваженіе всѣхъ, но и то особое довѣріе къ твоей духовной опытности, которое вручило тебѣ руководство душами не однихъ пасомыхъ, но и пастырей. Я желалъ бы еще хотя нѣсколькими чертами изобразить, какое обиліе духовныхъ сокровищъ можетъ быть плодомъ полувѣковой неослабной молитвы и благоговѣйнаго священнодѣйствія, какое благотворное вліяніе могутъ имѣть кроткія наставленія опытной духовной мудрости, но старѣйшіе и лучшіе меня разсудили свое мнѣніе о семъ положить къ подножію креста, признавая, что въ немъ одномъ и сила и похвала и слава служителя Христова.

„Потому-то и собрались мы здѣсь не съ словами хвалы человѣку, а съ молитвою и благодареніемъ Господу, который въ тебѣ далъ намъ знаменіе, что ревностныхъ

служителей своихъ Онъ ущедряетъ и долготѣіемъ и миромъ и благоденствіемъ. Ему слава о семъ, и къ Нему молитва наша, да еще и еще ущедритъ тебя своею благодатію и да сохранить тебя еще на многая лѣта!¹⁴

Послѣ литургіи преосвященный Леонидъ почтилъ своимъ посѣщеніемъ скромный домъ о. протоіерея; въ слѣдъ за преосвященнымъ туда же собралось и бывшее въ церкви духовенство. Трогательно было видѣть маститаго старца вмѣстѣ съ его супругою, съ которою прожилъ онъ 55 лѣтъ. Не многочисленный кружокъ духовныхъ придавалъ всему собранію видъ семейный; по всему видно было, что не холодная вѣжливость, или простое приличіе, а чувство любви и духовнаго сродства собрало этотъ кружокъ около маститаго старца. Вскорѣ къ этому кружку присоединилось одно семейство прихожанъ, которое поднесло о. протоіерею икону Спасителя въ серебряной, вызолоченой ризѣ и почтило его слѣдующею рѣчью:

„Ваше Высокоблагословеніе, о. протоіерей, Даніилъ Алексѣевичъ! Сего дня исполнилось 50 лѣтъ священнослуженія вашего при храмѣ Пресвятыя Богородицы. Изъ всего прихода, одному только нашему дому Богъ благословилъ быть свидѣтелемъ всего вашего пятидесятилѣтняго служенія, которое всегда было истинно достойно вашего высокаго званія. Служба церкви Божіей, какъ мы могли видѣть, была всегда утѣшеніемъ для васъ; для службы вы часто жертвовали своимъ здоровьемъ и спокойствіемъ и одна только помощь Божія видимо укрѣпляла васъ. Такая неутомимость ваша въ служеніи безъ словъ была назидательна для вашей паствы.

„Мы, ваши дѣти духовныя, не можемъ быть такъ равнодушны, чтобы въ этотъ торжественный для васъ день

не принести вамъ отъ лица всего нашего семейства той благодарности, которую вы своимъ служеніемъ церкви и паствѣ и любовію къ семейству нашему вполнѣ заслужили. Посему, въ изъясненіе душевной къ вамъ признательности и въ память совершившагося вашего пятидесятилѣтняго юбилея просимъ васъ принять отъ насъ икону Христа Спасителя. Вручая ее вамъ, мы какъ бы ввѣряемъ васъ всеблагому промысленію и благодати Христа, Спасителя нашего и молимъ Его, да благословитъ Онъ васъ и продлитъ еще жизнь вашу на многія лѣта на пользу Церкви въ примѣръ и назиданіе какъ намъ, такъ и всѣмъ обязаннымъ службою Церкви и обществу.“

Преосвященный пробылъ у о. протоіерея болѣе получаса, привѣтливо бесѣдуя со старцемъ и его гостями, благословилъ скромный завтракъ, предложенный хозяиномъ и радушно пожелалъ ему многихъ лѣтъ. Оставляя домъ о. протоіерея, Преосвященный слышалъ отъ гостей выраженія искренней благодарности за вниманіе къ маститому старцу. Нечего и говорить о признательности самого о. протоіерея ко всѣмъ участникамъ его праздника; онъ не затруднился послѣ своего праздника самъ посѣтить большую часть своихъ гостей и всѣмъ оставилъ на память визитную карточку, съ надписью: благодарный протоіерей Даніилъ Соловьевъ,—а нѣкоторымъ оставилъ книжку сочиненій преосвященнаго Августина, съ своею собственною подписью, и по настоячивому желанію своихъ родныхъ и духовныхъ дѣтей скромный старецъ обѣщалъ дать имъ и свой портретъ, въ чемъ доселѣ всегда отказывалъ и роднымъ и знакомымъ своимъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

БЕСѢДА СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ ПРЕДЪ ЛИТУРГІЕЮ.

Былъ праздникъ Воздвиженія креста Господня. Въ селѣ Б. . . кончилась утренняя. Народъ толпами валилъ изъ церковной ограды; въ ожиданіи обѣдни богомольцы изъ деревень, одни шли къ своимъ знакомымъ въ селѣ, другіе располагались отдохнуть тутъ же на лугу подлѣ церковной ограды, но больше всего народъ шелъ къ дому священника этого села о. П. Причина этому была та, что о. П. имѣлъ прекрасный обычай—въ промежутокъ времени отъ утрени до обѣдни занимать прихожанъ какою нибудь назидательною бесѣдой. Бесѣды о. П., какъ и все вообще его обращеніе съ прихожанами, были въ высшей степени просты и естественны. У о. П. въ этомъ случаѣ небыло никакого заранее составленнаго плана, у него не было даже заранее придуманнаго предмета для разговора. Начиная свою бесѣду съ самыхъ простыхъ житейскихъ предметовъ, онъ незамѣтно давалъ ей религіозное направленіе, предлагалъ нравственныя наставленія и уроки, разъяснялъ и уничтожалъ народныя суевѣрія и предрасудки; тутъ же онъ высказывалъ прямо все, что замѣчалъ дурнаго въ жизни прихожанъ, предлагалъ совѣты и указывалъ средства для исправленія замѣченнаго зла. Иногда о. П. объяснялъ значеніе праздника, смыслъ евангелія,

которое въ тотъ день надлежало читать, обряды и учрежденія церковныя; иногда преподавалъ различныя нравственныя и догматическія истины,—словомъ содержаніе бесѣдъ о. П. было самое разнообразное, — и все это онъ умѣлъ излагать языкомъ самымъ простымъ и понятнымъ для крестьянъ. При полномъ уваженіи и довѣріи прихожанъ, которое они имѣли къ о. П., каждый изъ нихъ совершенно свободно и не стѣсняясь высказывалъ ему свои мысли, свои недоумѣнія о различныхъ предметахъ, и такимъ образомъ бесѣда текла всегда свободно, непринужденно. Она никогда не принимала отвлеченнаго характера, но всегда держалась въ области доступной пониманію простаго народа, и потому всегда была для прихожанъ занимательна и назидательна. Прихожане всегда съ особеннымъ удовольствіемъ послѣ утрени приходили къ о. П. *побесѣдовать*, какъ они выражались, и его большая, просторная изба по праздникамъ всегда была полна народу. И въ Воздвиженіе въ домъ о. П. собралось народу очень много: вездѣ, гдѣ только можно было помѣститься, — и на полатяхъ и на печи—торчали головы. Наконецъ вошелъ въ избу и самъ о. П. При его появленіи всѣ, сидѣвшіе на лавкахъ, тотчасъ встали. Онъ помолился предъ иконами, и привѣтливо поклонился прихожанамъ. „Здравствуйте, братцы, здравствуйте!“,—сказалъ онъ — „каковоживаете?“ Слава Богу, живемъ помаленьку, батюшка!—отвѣчали ему прихожане, и всѣ чинно пошли подъ его благословеніе. Съ нѣкоторыми почтенными прихожанами о. П. при этомъ снова здоровался, называя ихъ по имени и отчеству. Благословивши всѣхъ, онъ снялъ рясу, и направился къ столу,—его почтительно пропустили въ передній уголъ.

— Что это, братцы, сегодня васъ такъ мало было въ церкви? заговорилъ о. П., садясь на свое мѣсто, — праздникъ нынѣ такой большой, а церковь была неполна, — иной разъ въ обыкновенное Воскресенье больше бываетъ народа. Это не хорошо, грѣхъ!...

— Народъ-то, батюшка, сегодня поѣхалъ больше къ Воздвиженью на праздникъ (сосѣднее съ Б... село), оттого и мало его было въ нашей церкви, отвѣтилъ одинъ изъ ближе сидящихъ къ столу крестьянъ.

— И поѣхали-то я думаю къ празднику всѣ сегодня утромъ? спросилъ о. П.

— Да, почитай, что всѣ сегодня, — вставши. Я вотъ только что проводилъ своихъ, да и пошелъ къ утрени, отвѣчалъ тотъ же мужичекъ. — „И мои въ это же время поѣхали“ — сказали разомъ нѣсколько человѣкъ.

— Ну, вотъ, видите ли, — они, стало быть, къ службѣ-то ужъ и неспѣютъ. Нехорошо такъ проводить святые праздники, братцы. У васъ на умѣ-то не Богъ, а прежде всего своя мамона, — напиться бы только хорошенько — вотъ и праздникъ весь тутъ. А развѣ такъ нужно праздновать?

— Грѣшные люди, батюшка, — заговорилъ одинъ мужичекъ, дѣло-то наше крестьянское, житье тяжкое — все работа да работа, устанешь, измучишься; дождешь-праздничка-то деревенскаго и радъ-радѣхонекъ, — какъ тутъ и не погулять?...

— Кто же запрещаетъ вамъ и погулять въ праздникъ? — Праздникъ — на то и праздникъ, чтобы для него оставить житейскіе труды и работы, которыми мы занимаемся въ будничные дни; можно въ праздникъ и отдохнуть и погулять, да гулять-то надобно съ толкомъ, а не безобразно, какъ это у васъ часто дѣлается. Вѣдь,

что такое праздникъ? Праздникъ—это день, который мы должны посвящать Господу. *День седьмой*, — сказано въ законѣ Божіемъ, — *суббота Господу Богу твоему*. Въ простые дни мы трудимся, заняты различными работами, дѣлами житейскими, а придетъ Воскресенье, или другой какой праздничный день — его ужъ мы должны отдать Господу въ благодарность за Его великія къ намъ милости, за Его дары, которые Онъ подаетъ намъ. Тогда нужно ужъ оставить свои житейскія дѣла, — да оставить-то не для того, чтобы ничего не дѣлать, или—еще хуже—напиваться, да безобразничать,—этимъ мы только еще больше оскорбляемъ и прогнѣвлиемъ Бога... Разсудите сами, прилично ли во дни праздничные, которые должны принадлежать Богу, напиваться да дѣлать худое? Ужъ если это и всегда грѣхъ, такъ въ праздникъ вдвое грѣхъ. Не такія дѣла, братцы, нужно дѣлать въ праздники, а пріятныя и угодныя Богу. Первое, что нужно сдѣлать въ праздникъ—это прійти въ храмъ Божій къ службѣ, да помолиться усердно Богу, принести Ему отъ всего сердца благодареніе за то, что Онъ хранитъ нашу жизнь и здоровье и помогаетъ намъ въ обыкновенные дни пріобрѣтать все нужное для жизни;—вѣдь все, чѣмъ мы пользуемся, это Его; Онъ намъ все подаетъ... Помолившись Богу, можно и повеселиться, и вина выпить, пожалуй,—да чинно, умѣренно,—не до безобразія. А у васъ обыкновенно выходитъ совершенно на оборотъ; въ праздникъ-то вы и оставляете всѣмъ Бога. Первое дѣло у васъ тогда—хорошенько поѣсть, да попьянѣй напиться;—въ праздникъ-то у васъ и шумъ, и драки, и ругательства непотребныя... Ну вотъ, хотьбы напр. сегодня—такой великій праздникъ, а половина изъ васъ уѣхала пировать въ чужой при-

ходъ, — оставивъ службу Божію; до Воздвиженья, я знаю, не близко; къ службѣ туда они ужъ не поспѣютъ, а какъ разъ къ гуляню. Я не осуждаю васъ за то, что вы ѣздите на праздники другъ къ другу; почему и не съѣздить, не посѣтить родныхъ, или знакомыхъ. Дѣло это доброе, да дѣлать-то его нужно такъ, чтобы праздника христіанскаго не оскорблять, не обращать его въ одну пьяную пирушку. Ну, развѣ нельзя было поспѣть къ Воздвиженью напр., отправившись сегодня послѣ обѣдни? Помолились бы Богу, да потомъ и поѣхали, къ вечеру бы и тамъ были. А если ужъ хотѣтъ пораньше тамъ быть, то можно было бы отправиться туда вчера, съ вечера; работы-то наканунѣ праздниковъ кончаете не поздно; хозяйству вреда тутъ не было бы никакого, а сегодня бы и помолиться у праздника успѣли, и веселье бы не ушло, такъ нѣтъ... впередъ такъ недѣлайте, братцы, и своимъ скажите всѣмъ это.

— Ну какъ, батюшка, въ свой деревенскій годовой-то праздникъ не погулять? Оно и грѣшно, — да вѣдь онъ только однажды въ году бываетъ; дождешься, ну на радости и переложись, выпьешь лишнее, и все такое!.. Сказалъ одинъ изъ себесѣдниковъ о. П., когда тотъ кончилъ свою рѣчь.

— Вотъ то-то переложись!.. Умный бы ты кажется человѣкъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, а говоришь не-дѣло, обратился о. П. къ говорившему. Свой-то годовой праздникъ и нужно особенно праздновать благочинно. Знаешь ли ты — для чего это въ каждомъ приходѣ, въ каждой деревнѣ бываетъ свой особенный годовой праздникъ? Что это значить?.

— Ужъ такъ у насъ изстари ведется, батюшка; — ста-

рики—дѣды и прадѣды наши такъ бывало праздновали, ну и мы празднуемъ; примѣрно, мы вотъ своей деревней станемъ праздновать Покрову, Сосновцы Николай угоднику; безъ праздника нельзя, никакъ нельзя, не нами ужъ это заведено такъ, — отвѣчалъ тотъ же мужичекъ.

— Для чего нибудь заведено же праздновать, не безъ добраго намѣренія это сдѣлано, не для того только, разумѣется, чтобы дать вамъ случай погулять, да пображничать... Въ церкви православной, любезные, все дѣлается съ разумомъ, да со смысломъ глубокимъ; и праздники приходскіе и деревенскіе тоже съ разумомъ учреждены. Святыхъ и праздниковъ въ церкви православной много, и всякій православный христіанинъ долженъ ихъ чтить, но каждое селеніе празднуетъ кромѣ общихъ праздниковъ еще особенно предъ другими одинъ какой нибудь день въ году, чѣмъ нибудь замѣчательный для того селенія; чтить издавна одного святаго преимущественно предъ другими. Это значить, что особенно чтимаго имъ святаго оно избираетъ своимъ особеннымъ заступникомъ и предстателемъ предъ Богомъ, къ нему преимущественно обращается съ своими нуждами, и проситъ его молитвъ и ходатайства передъ Богомъ. Вотъ, напр. въ вашей деревнѣ (о. П. обратился къ одному близъ него сидѣвшему крестьянину) празднуютъ Покрову Пресвятыя Богородицы потому, можетъ быть, что въ этотъ день отцы ваши видѣли на себѣ особенную милость и заступленіе Богоматери, или потому, что въ прежнемъ мѣстѣ жительства вашихъ предковъ, откуда они выселились на мѣсто теперешней вашей деревни, былъ приходскій храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, или по чему нибудь другому. Это

значитъ, что ваша деревня почитаетъ особенною своею заступницею Матерь Божію, и Ея ходатайству поручаетъ себя; другіе мѣстные праздники — тоже значатъ. Вотъ съ чѣмъ это можно сравнить: при крещеніи всѣмъ христіанамъ даются имена, — одного называютъ Петромъ, другаго Иваномъ и т. д., и всякій празднуетъ день своего ангела. Этимъ выражается то, что у cadaго человека есть особенный заступникъ предъ Богомъ — угодникъ Божій, котораго имя онъ носитъ на себѣ; его онъ особенно и чтитъ, его заступленія просить, и его праведной жизни онъ подражать долженъ. Какъ каждый христіанинъ чтитъ и празднуетъ память того святаго, имя котораго наречено на немъ: такъ и каждое православное селеніе празднуетъ день того святаго, заступленію котораго поручили его ваши отцы и дѣды. Подумайте теперь, хорошо ли вы дѣлаете, когда неблагочестно проводите свои годовые деревенскіе праздники? Приходитъ праздникъ — память того святаго, котораго вы считаете своимъ заступникомъ и молитвенниковъ, — вмѣсто того, чтобы молитвою, да добрыми дѣлами возблагодарить его за всѣ благодѣянія и милости къ вамъ, вы только оскорбляете его своимъ пьянствомъ да безчиніемъ разнымъ. Разсудите сами, — не оскорбительно ли и не больно ли для вашего предстателя предъ Богомъ видѣть — какъ тѣ, за которыхъ онъ молится, своими худыми дѣлами прогнѣвляють Бога, отдаляють отъ себя Его любовь и милость?... Не хорошо это!...

— Да мы, батюшка, забываемъ вѣдь и угодника-то Божія; службу ему справляемъ, какъ слѣдуетъ, и васъ священниковъ зовемъ, и мірской молебень служимъ, — замѣтилъ одинъ слушатель.

— Правда, я это знаю. Но такъ ли это у васъ дѣ-

лается какъ должно? И тѣмъ ли только мы должны чтить память угодниковъ Божіихъ, что отслужили имъ молебенъ? Приглашаете вы священника, отправляете службу, но больше по обычаю, чѣмъ по усердію и любви къ угодникамъ Божіимъ. Притомъ праздникъ, нужно отпѣть молебенъ, изстари такъ велось,—обычай соблюсти надо, — вотъ и поѣхали за священникомъ, да за причтомъ. Поѣтъ священникъ на кругу (на площади среди деревни) молебенъ, а вы не знаете, какъ дожидаться конца; дома-то столы накрыты, все готово, такъ и подмываетъ. Не успѣли кончить молебна, у васъ ужъ началась попойка, а иные такъ еще и во время молебна почти всѣмъ готовы, какъ говорится. Послѣ молебна пойдетъ священникъ по домамъ со святой водой, съ животворящимъ крестомъ: какъ надо встрѣчать служителя Божія въ облаченіи и самый святой крестъ Христовъ? Вы слышали, что сегодня пѣли въ церкви о крестѣ:—*крестъ красота церковная, крестъ церкви утверждение, впрныхъ отражение*. А вы какъ его встрѣчаете? Чинно ли, съ почтеніемъ ли, благоговѣйно ли? Въ это время настоящій у васъ въ домахъ содомъ. Входитъ священникъ въ избу, за столомъ сидитъ пьяная компанія; увидѣвши священника, всѣ начнутъ вылѣзать изъ-за стола—толкотня, шумъ, иные едва едва на ногахъ держатся. На столѣ остатки вашей пьяной трапезы, бутылки, рюмки, объѣдки пироговъ и т. п., вездѣ налито, напачкано, и передъ этимъ всѣмъ священнику приходится пѣть тропарь празднику, съ крестомъ въ рукахъ. Кончится пѣніе, начнутъ прикладываться къ кресту: иной хочетъ перекреститься, а у него ужъ и рука-то неподнимается; хочетъ подойти, у него и ноги-то неслухаются, сказать что-то хочетъ, а языкъ бор-

мочетъ невѣдомо что,—смотрѣть больно бываетъ;—вѣдь такъ встрѣтить стыдно порядочнаго почтеннаго гостя,—не только священника съ крестомъ. Сколько разъ я говорилъ вамъ объ этомъ, а вывелись ли у васъ эти дурные обычаи? Сегодня я опять повторяю вамъ это,—передайте это всѣмъ въ деревняхъ вашихъ. Въ слѣдующій разъ, когда пойду въ праздникъ по деревнѣ, да увижу въ чьихъ-нибудь домахъ такое безобразіе, тѣ дома стану совсѣмъ обходить; туда и заходить не стоитъ, тамъ, значить, неждутъ и не желаютъ принять священника.. Потомъ дальше,—неуспѣлъ еще священникъ обойти всѣ дома въ деревнѣ, а на улицѣ ужъ начинаютъ бродить толпы пьяныхъ, орутъ пѣсни, часто срамныя, тамъ гамъ, сквернословіе... И между этими-то толпами приходится проходить священнику со святыней, —прилично ли это, неоскорбительно ли это для святыни?... Послѣ всего этого, разсудите — много ли для душъ вашихъ пользы въ томъ, что вы въ праздники священника приглашаете, и службу отправляете? Богу пріятны наши молебныя пѣнія только тогда, когда съ пѣніемъ соединяется наше внутреннее расположеніе и усердіе, которое должно выражаться, — особенно въ праздники, во всемъ нашемъ поведеніи; иначе молебны небудутъ имѣть цѣны предъ Богомъ. *Что ми множество жертвъ вашихъ?.. праздниковъ вашихъ ненавиждитъ душа моя,* говоритъ Господь чрезъ пророка народу израильскому, когда израильтяне приносили Ему жертвы и дары по одному только заведенному обычаю, а жили худо. Это грозное слово Божіе можно отчасти отнести и къ вашимъ праздникамъ. Но это еще не все: кромѣ поруганія святыни, кромѣ оскорбленія праздника,—отъ вашего празднованія сколько еще друго-

то зла бываетъ! Напьетесь вы пьяны, — перебранитесь, а то и передеретесь, послѣ непріятности, ссоры. Пьете вы о праздникѣ цѣлую недѣлю, сколько тутъ денегъ потратите! Пьяному, извѣстное дѣло, — ничего не жаль; пьяному, по пословицѣ, и море по колѣно; отрезви-весь, — часто на соль не остается, пропита послѣдняя трудовая копѣйка. Пройдетъ праздникъ, пора тебѣ за работу приниматься, а глядишь, — весь разнемогся, и голова-то болитъ, и ноги-то неходятъ, и работа-то изъ рукъ валится; насилу-то примешься за дѣло; а время иногда бываетъ рабочее, пора страдная, въ хозяйствѣ упущеніе, да безпорядки. Праздникъ Божій долженъ бы быть по настоящему для васъ временемъ отдохновенія отъ трудовъ, обновленія и подкрѣпленія вашихъ силъ, а у васъ на оборотъ, — въ праздникъ-то вы теряете и послѣднія свои силы, послѣ праздника вамъ приходится снова отдыхать, чтобы потомъ приняться за дѣло...

— Истинная правда твоя — батюшка! сказалъ одинъ мужичекъ. Ужъ такъ тяжело, такъ тяжело послѣ праздника приниматься за работу, что и не привиди Богъ; — такъ расклеишься, что дня три-четыре непременно пройдутъ даромъ, — насилу примешься задѣло-то, какъ слѣдуетъ... Что правда, то правда; нечего грѣха таить, подтвердилъ онъ.

— Теперь вотъ вы сами видите, началъ снова О. П., что не хорошо проводите свои праздники, — и Бога оскорбляете, и себѣ дѣлаете большой вредъ. Стало быть надобно позаботится о томъ, чтобы проводить ихъ какъ должно по заповѣди Господней. Праздники установлены въ честь Бога и святыхъ Его, — потому въ праздничные дни и надобно стараться дѣлать больше дѣлъ добрыхъ, угодныхъ Богу и святымъ Его. Объ этомъ надобно по-

стоянно помнить въ праздникъ. Прежде всего въ свой праздникъ надобно помолиться Богу, пригласить священника, отправить божественную службу, да дѣлать это нужно не по одному только обычаю, а отъ чистаго сердца, отъ полнаго усердія въ благодарность Богу за всѣ Его милости и благодѣянія къ намъ грѣшнымъ. Потомъ, когда послѣ службы священникъ пойдетъ по деревнѣ со святой водой и съ крестомъ, нужно принять его тоже усердно, съ почтеніемъ, а не съ такимъ небреженіемъ, какъ это дѣлалось у васъ до сихъ поръ. Это первый и самый лучшій гость на праздникъ, онъ долженъ быть жданнымъ гостемъ; добрый хозяинъ долженъ встрѣтить его радушно;—нѣкоторые встрѣчаютъ священника еще на крыльцѣ своего дома,—и хорошо дѣлаютъ. Передъ иконами во время посѣщенія священника должна горѣть свѣча, на столѣ не должно валяться ни рюмокъ, ни объѣдковъ разныхъ, а прилично накрыть его чистой скатертью. У иныхъ хозяевъ есть обычай класть на столъ въ это время хлѣбъ-соль,—это обычай древній и хорошій. У насъ на святой Руси принято почтеннаго и высокаго гостя встрѣчать съ хлѣбомъ-солью; этимъ выражается радушіе и усердіе хозяина къ гостю; поэтому прилично такимъ же образомъ встрѣтить и священника со святыней. Пропѣлъ священникъ что слѣдуетъ, оскенилъ крестомъ, идите всѣ, приложитесь ко кресту чинно, скромно, со страхомъ Божиимъ; кончилъ священникъ все, хозяинъ опять долженъ проводить его изъ своего дома. Часто при этомъ просите вы священника остановиться у васъ въ домѣ, раздѣлить съ вами трапезу,—это неблаго- временно, на это послѣ будетъ время, священника ждутъ другіе. Кончитъ онъ совсѣмъ свое дѣло, тогда можно и пригласить его, а не отрывать отъ дѣла не въ время...

Послѣ посѣщенія священника можно начать и трапезу въ домѣ, можно угощать гостей, да при этомъ не надобно думать, что теперь-де служба совсѣмъ кончилась, съ окончаніемъ молитвы о Богѣ уже и вспоминать не нужно, что можно дѣлать все, что угодно, — пить, кто сколько сможетъ;—нѣтъ, Бога всегда должно помнить, о Богѣ всегда нужно думать, а въ праздникъ тѣмъ больше. Сядете за столъ, будете ѣсть и пить, помните, что все, что ѣдите и пьете, Господь послалъ вамъ, что Его дарами не должно злоупотреблять, не должно пресыщаться, а употреблять все умѣренно, съ благодареніемъ Богу, подателю благъ. Можно и вина выпить въ праздникъ,—рабочему человѣку это полезно, да только опять въ мѣру, а не до опьяненія; можно потолковать о своихъ дѣлахъ, да безъ крику, безъ брани непристойной, какъ это дѣлается въ пьяной бесѣдѣ. Послѣ обѣда можно выйти на улицу: молодежь погуляетъ скромно, тихо, а вы, старики, соберетесь въ кружокъ, посмотрите на молодежь, потолкуете между собой о дѣлахъ. Мало-ли дѣлъ у васъ теперь съ переменной въ вашемъ быту? Подумаете вмѣстѣ, какъ что лучше сдѣлать и устроить, вообще поговорите чтонибудь дѣльное вмѣсто пустыхъ и непристойныхъ рѣчей. Можно въ праздникъ и въ гости сходиться другъ къ другу, и угостить другъ друга чѣмъ Богъ послалъ, да опять тоже благообразно, умѣренно... Для праздника накормите нищаго, убогаго; пройдетъ праздникъ, пригласите и его къ себѣ въ домъ, это дѣло доброе, богоугодное; имъ святится праздникъ... Вотъ такъ-то проводите свои праздники, и Бога не оскорбите, и самимъ будетъ пріятно: отдохнете отъ трудовъ, и за работу приметесь послѣ охотнѣе, и здоровье сохраните, ни голова, ни руки, ни ноги послѣ праздника болѣть не будутъ.

О. П. кончилъ; всѣ крестьяне, бывшіе въ избѣ, слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ; рѣчь его видимо производила на нихъ сильное впечатлѣніе. Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

У меня, батюшка, до твоей милости дѣло есть, заговорилъ одинъ крестьянинъ, видя, что о. П. кончилъ свою рѣчь. Мнѣ бы хотѣлось *Никольшину* (*) сдѣлать; такъ какъ ты благословишь мнѣ?

(*) *Никольшиной* въ просторѣчій называется семейный праздникъ въ честь святителя Николая, который во всемъ русскомъ народѣ пользуется особеннымъ уваженіемъ. Въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, издавна ведется обычай между крестьянами—справлять *Никольшину* чрезъ извѣстный срокъ, который опредѣляется главнымъ образомъ состояніемъ крестьянина, обычай, который свято соблюдаетъ всякій домохозяинъ. Праздникъ этотъ дѣлается обыкновенно осенью, по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ. Сдѣлать *Никольшину* крестьянинъ задумываетъ еще за нѣсколько лѣтъ до праздника. Изъ своего скота онъ выбираетъ одно молодое крупное животное (быка обыкновенно), и назначаетъ его *Николь*; это животное онъ особенно холить и откармливаетъ. Когда оно подрастетъ и хозяинъ готовится къ празднику, съ благословенія священника назначается для праздника день скоромный, въ который можно ѣсть мясо, и заваривается пиво въ большомъ количествѣ. Къ этому дню крестьянинъ, по обычаю, долженъ пригласить прежде всего всѣхъ своихъ родныхъ, въ какихъ бы дальнихъ степеняхъ они ни приходились ему, потомъ— всю свою деревню, а болѣе состоятельные— и весь приходъ; каждый гость, поздравляя хозяина, долженъ поднести ему хлѣбъ. Наканунъ *Никольшины* зарѣзываютъ назначенное къ празднику животное, а иногда и другое въ придачу; мясо сѣдается обыкновенно на праздникъ все безъ остатка. Съ вечера подъ праздникъ начинаютъ варить щи, кашу и т. п. въ большихъ котлахъ на улицѣ. Вечеромъ же приглашаютъ и причетъ церковный для отправленія всенощной. Утромъ служитъ молебенъ съ водосвятіемъ и панихида по усопшимъ родителямъ и родственникамъ того семейства, которое празднуетъ; если же деревня недалеко отъ села, то въ церкви отправляется литургія заупокойная. Послѣ молебна священникъ благословляетъ приготовленную пищу и начинается трапеза,

— Что же? Доброе дѣло, Богъ тебя благословить, ѣдай! отвѣчалъ о. П. Въ какой же день хотѣлось бы тебѣ сдѣлать?

— Да дома мы положили было во вторникъ передъ Покровомъ, выходить отъ сегодняшняго-то дня черезъ двѣ недѣли на третью.

О. П. немного подумалъ. „Ну во вторникъ-то нельзя будетъ сдѣлать,“ сказалъ онъ; „это будетъ наканунѣ Покрова, а вы,— дѣло извѣстное, — пропразднуете всю ночь, и въ праздникъ ужъ, разумѣется, изъ вашей деревни въ церковь придутъ немногіе... Ты сдѣлай лучше въ четвергъ, или другой какой день, какъ тебѣ удобнѣе, только не подъ праздникъ, вѣдь дни-то всѣ равны.

— Намъ бы, батюшка, во вторникъ бы хотѣлось...

— Почему же именно во вторникъ? Нѣсколькими днями раньше, или позже праздновать для тебя все равно, тѣмъ больше, что праздникъ дѣлать ты хочешь еще черезъ двѣ недѣли, приготовиться стало быть ты успѣешь...

которая продолжается до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ всего приготовленнаго. Всѣ гости, конечно, немогутъ сѣсть разомъ за столъ, они обѣдаютъ по очереди, начиная съ болѣе почетныхъ. Особый столъ назначается для нищей братіи. Въ другой избѣ, такъ называемой *пировой*, готовится пиво и вино— тоже въ порядочномъ количествѣ, и отобѣдавшіе прямо отправляются туда. Иногда Никольшина продолжается и не одинъ день, если хозяинъ богатъ и заготовилъ къ празднику много всего. Этотъ праздникъ обходится хозяину конечно недешево; не считая своихъ домашнихъ, некупленныхъ припасовъ, самый бѣдный крестьянинъ нуждается при этомъ безъ 15 р. сер., которые тратятся на вино, пироги и т. п., чего у хозяина нѣтъ дома. Никольшина въ такомъ видѣ, какъ представляется здѣсь, празднуется въ нѣсколькихъ смѣжныхъ уѣздахъ К—ой губерніи; нѣчто подобное можно встрѣтить и во многихъ другихъ мѣстахъ.

— Вторникъ-то, батюшка, день хорошій, легкій; если съ него начинать, такъ говорятъ, всякое дѣло, пойдетъ хорошо; настаивалъ на своемъ мужичекъ.

— Кто же это сказалъ тебѣ, что одинъ день хорошъ, а другой нехорошъ, что всякое дѣло пойдетъ хорошо, или худо, смотря по тому, въ какой день оно начато?.. Напрасно вы такъ думаете; такъ думать о дняхъ прилично только грубому язычнику, а не христіанину, который просвѣщенъ ученіемъ Христовымъ. У язычниковъ извѣстные дни и мѣсяцы считались счастливыми, а другіе несчастными, а христіанину грѣшно такъ думать... По христіанскому ученію вся жизнь человѣка, все его счастье, или несчастье зависитъ отъ Бога. Его святой Промыслъ управляетъ всѣмъ въ мірѣ отъ малаго до великаго; безъ Его воли ни одинъ волосъ не падетъ съ головы человѣка, по слову писанія. Все наше счастье и успѣхъ всякаго дѣла нашего зависитъ отъ благословенія и милости Божіей; всякая бѣда и горе наше происходитъ отъ гнѣва Божія, который мы привлекаемъ на себя грѣхами нашими. Поэтому при началѣ всякаго дѣла нечего разбирать, когда начать его, въ понедѣльникъ или во вторникъ, а начинать надобно тотчасъ, какъ пришло время, прося прежде всего успѣха и счастья въ дѣлѣ у Бога — источника всякаго блага, да потомъ самому надо поусерднѣе и съ разумомъ потрудиться, тогда успѣхъ въ дѣлѣ будетъ, въ какой день ни начни его. Если же Богу угодно будетъ послать на кого несчастье и горе, Онъ пошлетъ ихъ и во всякой день; никакой день не остановитъ Его велѣнія и опредѣленія. Вотъ на прошлой недѣлѣ въ Оминѣ былъ пожаръ во вторникъ, а онъ считается у васъ *легкимъ* днемъ; день-то тутъ и не помогъ... Отъ различенія дней, которое вы

дѣлаете, и въ хозяйствѣ вашемъ бываетъ вредъ; нужно бы дѣло поскорѣе начать, да иное дѣло и отсрочки не терпитъ, а вы его не начинаете, говорите: день *тяжелый*, нехорошій, другаго, легкаго нужно подождать; время-то и проходить даромъ, въ работахъ выходитъ остановка, убытокъ... Вотъ то различіе между днями, которое дѣлаетъ св. церковь, смотря по тому, что она празднуетъ въ какой день, слѣдуетъ соблюдать православному христіанину: день праздничный нужно проводить свято и богоугодно, и встрѣтить его съ вечера нужно тоже благоговѣйно, съ молитвою, а не съ веселіемъ безобразнымъ и пьянствомъ, а вы этого-то вотъ и не исполняете...

— Ужъ если всѣ дни равны, такъ благослови ты мнѣ, батюшка, сдѣлать Никольшину въ четвергъ послѣ праздника, сказалъ согласившійся крестьянинъ.

— Въ четвергъ можно, съ Богомъ, дѣлай! отвѣчалъ о. П. Ну, а сколько ты намѣренъ истратить на свой праздникъ? спросилъ онъ.

— Безъ траты, батюшка, не обойдешься, рублей двадцать, видно, надобно приготовить, кромѣ всѣхъ своихъ домашнихъ припасовъ... Недешево праздники-то стоятъ...

— Зачѣмъ же ты такъ много хочешь израсходовать? Можно и поменьше. Человѣкъ ты небогатый, а вѣдь 20 руб. цѣлый твой годовой оброкъ. Начнутъ собирать оброкъ, и нечѣмъ будетъ его заплатить, и поведешь послѣднюю корову со двора, а безъ скота какой ты будешь крестьянинъ? Праздникъ нужно справлять по состоянію.

— Кое-какъ-то, батюшка, тоже нехочется сдѣлать... плохо сведешь праздникъ, неудовольствуешь всѣхъ, —

послѣ обижаться стануть. Вотъ въ деревнѣ у насъ Иванъ Гусевъ дѣлалъ Никольшину, такъ рублей во сто ему стала; лицомъ въ грязь ударить себя нехочется... (*)“

— Да ты кому хочешь праздновать-то—своей деревнѣ, или Богу?..

— Извѣстное дѣло, батюшка, Богу и угоднику Божию...

— А если Богу, такъ нечего смотрѣть на то—довольны ли будутъ твоимъ угощеніемъ сосѣди, или нѣтъ; надобно думать прежде всего о томъ, чтобы Богу-то былъ пріятенъ твой праздникъ. Богу нужно не угощеніе твое, не деньги, а усердіе, вѣра; знаешь, вдовица положила въ церковную кружку только двѣ лепты, всего копѣйку какую нибудь, а Христось сказалъ, что она положила больше всѣхъ богачей, потому что положила отъ усердія, удѣлила изъ послѣдняго...; тратитъ на угощеніе послѣднюю копѣйку, такъ что послѣ нечѣмъ будетъ заплатить подати, которыя идутъ на нужды общественныя, и изъ-за этого подвергать себя нуждѣ, семейство бѣдности—просто безразсудно и Богу противно... За Гусевымъ-то тебѣ неугоняться; онъ торговлю ведетъ, каждый годъ, можетъ быть, получаетъ не по одной тысячѣ барыша, такъ для него сотня рублей немного значитъ, а бѣдняку-то каждая копѣйка дорога, она тяжкимъ трудомъ достается... .

— Точно, батюшка, дорога; по́томъ и кровью она достается, подтвердилъ мужичекъ.

— Потому и надобно ее беречь, а не бросать на вѣтеръ. Хочешь сдѣлать угощеніе, такъ сдѣлай его по

(*) Дѣйствительно, не употчивать на Никольшинѣ гостей до сыта—считается большимъ безчестіемъ у крестьянъ, и они употребляютъ всѣ усилія, чтобы неударить себя въ этомъ случаѣ лицомъ въ грязь...

силамъ своимъ, не обременяя себя; добрый человѣкъ будетъ доволенъ и малымъ хлѣбомъ-солью, если угощеніе предложено радушно, отъ усердія; а на тѣхъ, которые считаютъ себя довольными, когда напьются до того, что себя не помнятъ, и обращать вниманія не стоитъ...

— Да у насъ, батюшка, ужъ такъ изстари ведется, чтобы потчивать гостей до-упаду, чтобы всѣ были довольны, и послѣ нежаловались, — возразилъ крестьянинъ.

— Не все то, любезные, хорошо, что изстари ведется. И въ старину, какъ и всегда, было много хорошаго, и много дурнаго; хорошаго надобно держаться—худое оставлять; а у насъ ведется на оборотъ, мы худаго-то больше держимся... Вотъ старики-то, говорятъ, благочестивѣе насъ были, усерднѣе были и къ храму-то Божію, этому вотъ нужно бы намъ подражать....

Въ это время послышался благовѣстъ къ обѣднѣ. О. П. и всѣ прихожане набожно перекрестились.

— Мнѣ пора ужъ, братцы, и къ обѣднѣ идти,—сказалъ о. П., вставая съ своего мѣста. — Милости прошу ко мнѣ и въ другой праздникъ; заходите, опять побесѣдуемъ, а теперь прощайте, до свиданія. Приходите въ церковь поскорѣе, нечего терять время попусту...

— Прощай, батюшка! Спасибо тебѣ, что учишь насъ уму-разуму... заговорили въ одинъ голосъ крестьяне низко кланяясь.

О. П. надѣлъ рясу, и отправился въ церковь. Прихожане немного потолковали между собой, и тоже всѣ пошли въ церковь.

ИЗЪ ВѢТА КРЕСТЬЯНЪ ^(а).

VI.

Нашъ православный народъ глубоко уважаетъ терпѣливыхъ и неповинныхъ страдальцевъ, на долю которыхъ Господь посылаетъ какую нибудь тяжкую болѣзнь, или какое нибудь большое несчастіе, напр. бѣдность, потерю близкихъ родныхъ и проч. Это, — по здравому сужденію народа, страдальцы, возлюбленные Господомъ; ихъ самъ Господь очищаетъ отъ грѣховъ; имъ на небѣ уготовляются вѣчныя радости и блаженство. Такихъ страдальцевъ крестьяне охотно навѣщаютъ; за ними съ радостію ходятъ; имъ приносятъ — кто молочка, кто яичекъ, кто бараночекъ, кто чайку съ сахаркомъ. Самый послѣдній бѣднякъ, — и тотъ готовъ подѣлиться чѣмъ нибудь съ такими людьми. Черта прекрасная! Она свидѣтельствуетъ о добромъ сердцѣ нашего народа, объ его благочестивомъ взглядѣ на жизнь земную и на ея страданія; а, быть можетъ, и о томъ, что самъ народъ этотъ не мало перетерпѣлъ скорбей и бѣдъ всякаго рода, и во всѣхъ этихъ скорбяхъ и бѣдахъ былъ кротокъ и покоренъ, осуждалъ только себя самого за свои грѣхи, и съ вѣрою и благоговѣніемъ видѣлъ въ этихъ бѣдахъ и скорбяхъ десницу Господа, всѣмъ управляющаго, — и съ любовію лобызалъ эту десницу.

И сами страдальцы эти скоро настраиваютъ свою

а) См. февр. книжку.

мысль на то, что они грѣшники, что Господь праведно наказываетъ ихъ за грѣхи ихъ, и милостивно ведетъ ихъ къ покаянію. Тутъ нѣтъ безумнаго ропота и нетерпѣливаго стона; нѣтъ раздраженія противъ ближнихъ; нѣтъ отчаянія. Слезы умиленія, теплая молитва ко Господу о помилованіи, или искренняя мольба къ тѣмъ, кто окружаетъ страдальца, чтобъ они помолились за него, совершенная покорность и преданность волѣ Божіей,—при самыхъ тяжкихъ страданіяхъ: вотъ что вы увидите у этихъ страдальцевъ. А вѣдь и это черта прекрасная; она показываетъ, что въ нашемъ народѣ,—несмотря на то, что объ немъ кричатъ, будто онъ ничему не вѣруетъ, ничего не знаетъ, будто онъ въ религіозномъ отношеніи не далеко ушелъ отъ идолопоклонниковъ,—есть глубокія христіанскія убѣжденія, сознанія его младенчествуящимъ умомъ, глубоко укорененныя въ сердцѣ, и столь крѣпкія, что ихъ не могутъ потрясти никакія лукавыя умствованія. Эти убѣжденія потому-то особенно и дороги, потому-то и отрадны, что они у него неограничиваются только красивыми словами, а осуществляются въ его простой, трудовой жизни, облегчаютъ ему эту жизнь и всѣ ея страданія и скорби, и служатъ для него несомнѣннымъ залогомъ будущей, вѣчной жизни.

Въ декабрѣ третьяго года, на другой, или на третій день послѣ зимняго праздника св. Николая чудотворца мнѣ удалось навѣстить матушку мою, старушку лѣтъ осмидесяти пяти, проживающую у зятя моего священника села С. К-го уѣзда. И матушка, и зять, и сестра моя рады были мнѣ чрезвычайно. Вечеръ прошелъ

быстро и пріятно. Часу въ десятомъ сестра говорить зятю: а тебѣ въдь завтра, чай, служить?

— Служить.

День былъ не праздничный а будни.

— Завтра въдь хоронить Федора Вахромѣевскаго?

— Завтра.

Такъ пораньше бы спать ложиться.

Мы поужинали и улеглись спать. Утромъ я отправился съ зятемъ въ церковь. Въ церкви стоялъ покойникъ, и около него нѣсколько женщинъ и мужчинъ, частію родныхъ ему, а большею частію постороннихъ, — съ живымъ участіемъ къ покойнику, съ теплою молитвою за него. Меня поразили и гробъ покойника, и лице его, и это живое участіе постороннихъ къ нему. Гробъ не былъ похожъ на обыкновенный гробъ, въ какомъ хоронятъ въ деревняхъ; это былъ какой-то коротенькій, но высокій ящикъ; тѣло умершаго лежало въ немъ какъ-то скорчившись, съ ногами судорожно сведенными въ коленкахъ. А между тѣмъ лицо умершаго сіяло какою-то неземною чистотою и свѣтлостію, дышало младенческою кротостію и незлобіемъ, и какъ будто улыбалось. Всѣ окружающіе гробъ стояли съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ. Къ обѣднѣ набралось народу весьма много, такъ что вся церковь была полна.

Когда кончилось отпѣваніе, и зять мой воротился съ поминокъ, я спросилъ его:

— Скажи, пожалуста, кто это былъ покойникъ?

— А! это замѣчательный человѣкъ, — отвѣчалъ мнѣ зять.

— Это Божій человѣкъ, сказала матушка; мы всё звали его страдникомъ *).

*) Страдалецъ.

— Ужь подлинно онъ былъ страдалецъ, прибавила сестра.

— Дай Богъ ему царство небесное, перекрестилась матушка; ужъ натерпѣлсяжъ онъ на этомъ свѣтѣ... помучился за грѣхи свои.

Всѣ эти рѣчи только возбуждали мое любопытство.

— Да расскажите мнѣ, ради Бога, поподробнѣе: кто онъ такой? какъ онъ жилъ и умеръ?

— Это вѣдь долго...

— Ничего.

Ихъ было два брата,—начальъ рассказывать зять мой, Ѳедоръ да Иванъ; жили они въ приходѣ нашемъ; вотъ недалеко,—деревня Вахромѣева; прозывались богомолами. Жили они сначала при родной матери; женщина была она богобоязненная; и они были мальчики славные; всѣ—въ нее. Мать скоро померла, а отецъ женился на другой. Мачиха была не безъ недостатковъ. Нашъ край былъ барщинскій; крестьяне всё помѣщичьи; казенныхъ небыло. А въ такомъ краю,—самъ ты знаешь,—женщины и дѣвушки,—волею и неволею, скоро какъ-то портятся. Мачиха Ѳедорова тоже,—говорять, и погуливала, и потаскивала изъ дому. А Ѳедоръ терпѣть не могъ женщинъ худаго поведенія; для него это было хуже ножа востраго. Разъ Ѳедоръ видитъ, что мачиха тащить что-то со двора; онъ сгоряча выбранилъ ее такими непристойными словами, что и она ужаснулась. Ѳедоръ тотчасъ спохватился; всежь она, хоть и не родная, но вѣдь мать ему. Но ужъ слова не воротишь. Мачиха ушла; а грѣхъ Ѳедоровъ легъ камнемъ на его душу.

Вскорѣ и мачиха и отецъ померли. Ѳедоръ съ Иваномъ остались хозяевами въ домѣ; оба были крестьяне

славные; работали усердно, оброкъ платили исправно, вина много не пили. Оба были женаты; и жены были у нихъ такія добрыя. Только Ѳеодоръ недолго пожилъ съ первою женою. Послѣ родовъ она захирѣла и умерла. Ѳеодоръ женился на другой, на Авдотѣ, которая, — ты быть можетъ замѣтишь, — стояла по лѣвую сторону гроба, — такая красивая женщина.

— Еще бѣлымъ платкомъ-то была повязана, дополнила сестра.

— Ну, ну, продолжай, сказалъ я.

— Судьба этой женщины тоже какая-то особенная; видно Господь и ее велъ на покаяніе своими недовѣдомыми, но премудрыми путями. Въ молодости своей Авдотья, подобно многимъ своимъ подругамъ, взята была, на основаніи крѣпостнаго права, въ домъ къ барину съ дурными цѣлями. Безъ смущенія и страха, безъ скорби и жалобъ о потерѣ своей невинности, вступила она въ барскій домъ, и причислила себя къ другимъ, подобнымъ ей дѣвушкамъ. Да и то сказать: чтобы она стала дѣлать противъ воли барина? Сначала ей было хорошо жить у барина; ее одѣвали въ ситцевое платье вмѣсто посконныхъ; ее поили и кормили съ барскаго стола; стала пить чай и кофей, — какъ настоящая барыня. Она прижила съ бариномъ двухъ мальчиковъ и дѣвочку.

Недолго такъ жилось; въ чемъ-то она передъ бариномъ поупрямилась; баринъ разсердился; и Авдотью согнали съ барскаго двора. Ее сослали въ наказаніе на кухню, заставили ходить за коровами и свиньями. Авдотья молча терпѣла, сознавая въ душѣ, что по дѣломъ ей все это; что Господь за грѣхи ея смиряетъ ее. По несчастію Авдотья скоро потеряла это доброе настро-

ніе мыслей. Душа у нее была добрая, но слабая и легкомысленная; только строгій надзоръ и страхъ могли держать ее въ порядкѣ. Лучшее утѣшеніе для себя находила Авдотья въ дѣтяхъ своихъ; ихъ она наряжала, ихъ ласкала, ихъ любила больше всего на свѣтѣ. И баринъ иногда давалъ ребятишкамъ ея пряниковъ или орѣховъ. „Это — Дунькинымъ ребятишкамъ!“ скажетъ онъ, а объ ней и помину нѣтъ.

Авдотья слѣдовало бы образумиться и рѣшительно оставить путь грѣха, на который она стала больше неволею, чѣмъ волею; но — грѣхъ заманчивъ; съ нимъ не скоро расстанешься, если самъ Господь не поддержитъ. Авдотья погорѣвала о томъ, что баринъ ее прогналъ; потосковала, что съ нея сняли ситцевое платье, и перестали давать чай и кофей; а потомъ мало по малу опять стала предаваться жизни вольной и разгульной.

Господь милосердый вразумлялъ ее: два мальчика ея, одинъ за другимъ вскорѣ померли. Авдотья горько плакала объ нихъ; и опять сознавала въ душѣ своей, что Господь праведно караетъ ее, что Онъ зоветъ ее этимъ на покаяніе.

Въ это время Ѳедоръ лишился первой жены своей. Онъ искалъ себѣ невѣсты. Въ мѣстахъ барскихъ не всегда можно было выбирать жену по своимъ мыслямъ и склонности.

Баринъ призвалъ Ѳедора, и говоритъ ему:

— Ты, я слышалъ, жениться хочешь?

— Какъ же, батюшка баринъ, безъ хозяйки плохо въ домѣ.

— Нашелъ невѣсту?

— Нѣтъ еще.

— Хочешь я найду тебѣ?

— Воля милости вашей.

Федоръ поклонился барину въ ноги.

— Возьми Дуньку, что въ кухнѣ живетъ; приданое дамъ хорошее.

— Батюшка баринъ... заикнулся было Федоръ.

— Ну ну!... у меня ни пол-слова. Не возьмешь Дуньку, не дамъ невѣсты, да заporю на конюшнѣ... Послѣ завтра чтобъ свадьба была. Иди и готовься!

Дѣлать было нечего. Федору крайне не нравилось поведеніе Авдотьи; тѣмъ болѣе, что онъ самъ, — какъ я сказалъ, былъ самыхъ честныхъ правилъ.

— Ну что мнѣ будетъ съ нею дѣлать? Ну какъ мнѣ будетъ жить?... думалъ Федоръ. Цѣлую ночь онъ не спалъ, въ тяжкихъ думахъ о томъ, что можетъ выйти изъ Авдотьи.

Утромъ всталъ онъ рано; помолился усердно Господу Богу, и сказалъ: „ну знать, на это воля Божія!“, и пошелъ къ Авдотѣ сказать, что онъ на ней женится. Безъ всякихъ сватовъ и свахъ онъ самъ явился къ ней.

Авдотья ужъ знала объ этомъ; еще наканунѣ ей баринъ прислалъ сказать, чтобъ она собиралась за мужъ за Федора Вахромѣевского. Авдотья рада была прикрыть свою голову, особенно послѣ смерти двухъ сыновей своихъ. Смерть ихъ сильно поразила ее; она сходила въ Тверь, помолилась угодникамъ Божиимъ, и дала обѣтъ вести жизнь добрую и честную. Когда Федоръ пришелъ къ ней и сказалъ, что баринъ ему велѣлъ взять ее замужъ, Авдотья съ радостію приняла эту вѣсть, тѣмъ болѣе, что Федоръ былъ во всѣхъ отношеніяхъ мужикъ добрый, трезвый, трудолюбивый и набожный. Она не знала, какъ благодарить Господа за эту вилікую Его милость къ ней. Одно ее пугало: какъ

Федоръ приметъ дочь ея... Съиграна была свадьба, попили, погуляли, какъ и водится.

Новая жизнь пошла хорошо. Федоръ принялъ Авдотью и дочь ея въ домъ свой съ полнымъ радушіемъ и любовью. Онъ не попрекалъ Авдотью, не корилъ ее прежнею жизнію. „Ну, что было, то прошло; тыль виновата, иль недобрые люди, ужъ Богъ разсудить, говорилъ онъ Авдотѣ въ добрый часъ искренности. А ты у меня помни одно, что ты грѣшница предъ Богомъ, и забудь все прошлое... А объ дочери недумай; она ничѣмъ не виновата, Богъ поможетъ, вырастимъ и прикроемъ ея голову.“

Начали жить вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ. Федоръ работалъ усердно, Авдотья, какъ могла и умѣла. Жена Иванова косо посматривала на Авдотью, и особенно ея дѣвочку, то толкнетъ ее, то выбранить, то обдѣлить ее чѣмъ нибудь. Авдотья, какъ жена старшаго брата, должна была вести большинство въ домѣ; но она не желала этого, и уступила это право Ивановой женѣ, думая тѣмъ задобрить ее. Та начала помыкать Авдотьей, а особенно ея дочерью. Попрекамъ и укорамъ небыло конца, особенно безъ Федора. „Ты и такая, ты и этакая!“ Авдотья впрочемъ и сама по своей болтливости подливала масла въ это пламя.

Федоръ видѣлъ семейный раздоръ и рѣшилъ разомъ прекратить его. Онъ явился къ барынѣ, прежній баринъ ихъ убить былъ и имѣніе перешло къ женѣ его, доброй и умной женщинѣ.

— Матушка барыня, отпустите меня на оброкъ, сказалъ онъ, кланаясь барынѣ въ ноги.

— Да отъ чего же ты не хочешь съ братомъ жить?

— Чтожъ, матушка, его стѣснять! У него своя семья; у меня—своя. Оброкъ какой хотите, положите.

— Да какъ же это Ѳедоръ? какъ тебѣ одному добывать оброкъ? Вѣдь ты одинъ работникъ?

— Добуду; Богъ поможетъ.

— Ну, а братъ-то какъ же? Вѣдь у него дѣти, сколько ихъ? И всё маленькіе, ему будетъ тяжело,—сказала барыня.

— Чѣмъ могу, помогу; не кину брата, видитъ Богъ. Ѳедоръ перекрестился.

— Только позвольте отойти отъ него.

— Да чтожъ за причина?

— Ну, матушка барыня, наше дѣло. Съ бабами не сладишь.

— Да вы ихъ уймите!

— О, гдѣ унять? Нѣтъ, ужъ позвольте.

— Ну какъ хотите... Съ Богомъ; плати мнѣ вотъ столько-то.

Ѳедоръ отошелъ отъ брата тихо и мирно, безъ ссоры и брани. Онъ только сказалъ, что барыня посылаетъ его на оброкъ, что онъ брату первый помощникъ.

Этимъ Ѳедоръ прекратилъ всѣ столкновенія и непріятности семейныя. Надобно впрочемъ и то сказать, что Ѳедоръ отошелъ отъ брата не скоро послѣ своей свадьбы съ Авдотьей; онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ лѣтъ двѣнадцать, когда ужъ подросли старшія изъ его дѣтей, и выдалъ свою пріемную дочь за хорошаго мужика, трезваго и степеннаго. При свадьбѣ надѣлилъ ее хорошимъ приданымъ, и любилъ и ее, и мужа ея точно родныхъ дѣтей.

Уходя на оброкъ, Ѳедору нужно было разстаться съ Авдотьей; въ одномъ домѣ трудно было имъ обоимъ

наняться. А онъ зналъ характеръ своей жены. Это была добрая женщина, но легкомысленная и забывчивая. Не было за нею ничего дурнаго въ жизни, но на словахъ она была неосторожна. Шутила иногда не скромно, любила вспоминать о своей прежней раздольной жизни въ барскомъ домѣ, что особенно оскорбляло и огорчало ея мужа. При разставаньи Ѳеодоръ пожурилъ ее и крѣпко наказалъ ей вести себя осторожнѣе и скромнѣе. Ѳеодоръ нанялся въ работники къ нашему старостѣ церковному, а Авдотья къ намъ въ работицы.

Года четыре Ѳеодоръ жилъ у старосты; староста платилъ ему деньги исправно, кормилъ хорошо. Отходить не было причинъ. Однажды староста велѣлъ Ѳеодору набить погребъ снѣгомъ: работа не тяжелая, но мѣшкатная; Ѳеодоръ долженъ былъ одинъ набивать. Четыре дня онъ занимался этой работой, и все время долженъ былъ стоять по-колѣна въ снѣгу; а снѣгъ былъ мокрый, весенній. Ѳеодоръ простудилъ себѣ ноги. Ему бы слѣдовало тотчасъ обратиться къ доктору; да гдѣ жъ въ деревнѣ доктора-то взять? да и когда лѣчиться? каждый день съ утра до ночи на работѣ. Да и на какія деньги лѣчиться? Ѳеодоръ сначала пропустилъ время, ну ломятъ, да ломятъ ноги, по самыя колѣнки; потомъ сталъ кой-какія домашнія средства употреблять,—то попросить баню истопить, то потретъ чѣмъ нибудь ноги; уймутся на минуту, а потомъ опять пуще прежняго заноютъ. По временамъ онъ кричалъ крикомъ. Отъ старосты принужденъ былъ отойти.

Онъ нанялся въ городѣ К. у одного купца, съ тѣмъ, чтобы ближе ему быть къ доктору. Докторъ немножко помогъ, но Ѳеодоръ опять простудилъ ноги, и онъ опять заболѣли хуже прежняго. И отъ купца онъ долженъ

былъ отойти. Его взяла къ себѣ барыня, и поручила ему ходить за лошадьми; а въ помощники дала ему еще человѣка. Тутъ онъ какъ будто немножко успокоился; у ней небыло срочной и тяжелой работы; ему нужно было больше присматривать, чѣмъ самому работать. Но болѣзнь все непроходила, ноги его стали пухнуть, и худо сгибаться. Ну, матушка, бывало скажетъ онъ, когда прійдетъ къ намъ, и мы позовемъ его въ комнаты; плохо дѣло, немогу, ступить немогу; вонъ какъ чурбаны какіе, укажетъ онъ на ноги, и едва, едва переступаетъ. Барыня берегла его, зная его примѣрное поведеніе; не заставляла ничего работать, не брала и оброку. Но Ѳедору дѣлалось все хуже и хуже; ему ужъ совсѣмъ нельзя стало ходить. Онъ принужденъ былъ отправиться въ свою деревню, въ Вахромѣево; тамъ купилъ себѣ избушку. Его свезли туда и положили на кровать. Ноги у него стало сводить въ жилахъ такъ, что онъ не могъ ни разогнуть, ни протянуть ихъ. Съ кровати своей онъ ужъ никуда двинуться не могъ.

Замѣчательная черта въ Ѳедорѣ одна была, что во все время болѣзни своей онъ никогда не сказалъ слова ропота на Бога; напротивъ въ немъ открылось удивительное самоосужденіе, самое искреннее и чистосердечное раскаяніе во всѣхъ прежнихъ грѣхахъ своихъ. Кто ни придетъ къ нему бывало, онъ твердитъ одно:

— Охъ, батюшки мои, помолитесь вы за меня грѣшнаго. За грѣхи мои Господь наказуетъ меня окаяннаго!.. Особенно тяготилъ Ѳедора одинъ грѣхъ; это именно то, что онъ выбранилъ мачиху свою дурными словами.

— Не былъ я душегубомъ, не былъ я ни гулякой, ни пьяницей, говорилъ онъ; не грѣшенъ я въ этихъ дѣлахъ предъ Господомъ Богомъ. Одинъ грѣхъ, какъ

змѣя сосеть мою душу; за него Господь Богъ наказываетъ меня; мать свою, хоть не родную, обаялъ я какъ песь какой, скверными словами. Охъ, помолитесь за меня окаяннаго.

Федора стали многіе изъ состраданія навѣщать; приносили ему, кто что могъ, изъ деревенскихъ гостинцевъ, или калачикъ изъ города и чайку съ сахаркомъ.

— Охъ родные мои, говорилъ бывало онъ, мало мнѣ окаянному за мои грѣхи. Охъ, скажите вы дѣтушкамъ вашимъ, чтобъ они боялись браннаго слова, пуще огня; чтобъ они читли своихъ отцовъ и матерей. Вотъ за непочтеніе мое къ матери Господь наказываетъ меня.

Сама барыня давала ему мѣсячину; а потомъ, когда имѣніе это, по смерти ея, досталось племянницѣ ея княжнѣ С. А. Г., та сама нерѣдко приходила къ нему, утѣшала его, и приносила ему чаю и сахару и лѣкарства.

Федоръ нѣсколько разъ въ годъ исповѣдовался и общался св. Тайнъ; это было истиннымъ для него праздникомъ. Слезы умиленія ручьями текли изъ глазъ его, когда онъ принималъ св. Тайны.

— Помолись ты за меня, окаяннаго, говорилъ онъ священнику, чтобъ Господь послалъ мнѣ одинъ конецъ. На что я похожъ сталъ?

— Возверзи на Господа печаль твою, Федоръ, молись Ему усердно; не ропщи ты на Него. И жизнь и смерть наша въ Его рукахъ. Вѣдь Онъ нашъ Отецъ...

— Батюшка, я измучился; измучилъ и другихъ-то. Авдотья замучилась, глядя на меня и ухаживая за мною.

Для Авдотьи дѣйствительно не легко было ходить за Федоромъ; у него явились пролежни; на ногахъ открылись раны, а въ ранахъ завелись черви. Но Авдотья

не гнушалась этимъ, и ходила за Ѳеодоромъ безъ ропота. Лѣтомъ бывало самъ онъ посылаетъ ее на работу.

— А ты-то какъ?

— Ну, пролежу. Поставь только мнѣ водицы. Авдотья уйдетъ; Ѳеодоръ лежитъ одинъ одиныхонекъ, потянется за питьемъ, да такъ и грохнется съ кровати своей, какъ комъ какой; такъ и лежитъ до приходу Авдотьи.

— Охъ, подними-ка ты меня...

— Ахъ ты!.. Какъ это ты упалъ-то? Подними, и уложить его на кровать.

Ходила навѣщать его и матушка моя старушка, и кое-что также приносила ему.

— Мать ты моя родная! скажетъ Ѳеодоръ, помолись ты за меня грѣшнаго Господу, чтобы Онъ простилъ меня.

— Что дѣлать, Ѳеодоръ голубчикъ! Господь очиститъ этимъ твою душу; Господь не помянетъ за это твоихъ грѣховъ; Господь воздастъ тебѣ за твое терпѣнье.

— Охъ матушка! какой я грѣшникъ-то..

Ѳеодоръ заплачетъ.

— На-ка, я тебѣ образочекъ принесла; „Скорбящая Божія Матерь,“ молись Ей усерднѣе.

Ѳеодоръ еще больше заплачетъ.

— Матерь Божія! Грѣшенъ я предъ Тобою. Ты сама была матерью; ты понимаешь, какъ тяжело я оскорбилъ свою мать, прости меня окайннаго.

Матушка утѣшала его, какъ можно, совѣтовала ему молиться Господу Богу и Божіей Матери.

— Молюсь, матушка, молюсь. Ужъ и въ слухъ молюсь, когда никого нѣтъ въ избѣ. Да ужъ Господь, должно быть, забылъ меня. Матерь Божія, должно быть, прогнѣвалась на меня. Охъ, я окайнный!..

Матушка станеть собираться домой, а онъ скажетъ:

— Попроси ты батюшку-то, — чтобы онъ велѣлъ сторожу вырыть могилу, заройте вы меня окаяннаго. Мѣчнѣтъ, измучился я.

— Потерпи, Федоръ голубчикъ; придетъ часть воли Божіей, успокоишься ты отъ скорбей своихъ.

— Охъ! Господи!...

Авдотья иногда по легкомыслію своему и скажетъ слово нетерпѣнія, но скоро и опомнится. Придетъ бывало къ матушкѣ; та и спроситъ ее:

— Авдотья, ну что твой Федоръ-то?

— О, Богъ съ нимъ!... Живъ еще, ужъ надоѣлъ; вѣдь какъ комъ какой; что поверну, то и ладно. Ужъ очень съ нимъ я измучилась....

— Эхъ, Авдотьюшка, кому же за нимъ и походить-то, какъ не тебѣ? Вѣдь ты не чужая; вѣдь ты жена....

— Да „жена!“ Вѣдь ужъ терпѣнья нѣтъ.

— Полно! А ты вспомни-ка свою молодость-то! Можетъ быть Господь дастъ тебѣ средства загладить грѣхи твои. Авдотья замолчить.

— Вѣдь посуди ты сама: не чужая же будетъ ходить за нимъ; кто пойдетъ къ тебѣ въ домъ?... Потерпи, походи за нимъ, да походи-то съ ласкою, съ любовію, вотъ и ладно будетъ; право, такъ.

— Да ужъ за нимъ безъ ласки-то нельзя и ходить, скажетъ Авдотья. Будь каменная, будь злая презлая, и то сдѣлаешься ласковою. Вѣдь только и рѣчей у него: „родная ты моя! замучилъ я тебя. Охъ, прости ты меня окаяннаго! И тебя-то я оскорблялъ и билъ! Охъ грѣшникъ окаанный!“ И руки цѣлуетъ; а у самаго слезы такъ градомъ, градомъ. И сама Авдотья заплачетъ.

— Уйду изъ дому, поставлю ему водицы попить; — бѣсть онъ мало, такъ крупиночку развѣ какую пропустить, а больше все пьетъ воду;— вотъ иногда все безъ меня и выпьетъ; день-то лѣтній вѣдь какъ годъ. Въ горлѣ-то у него засохнетъ; на силу дышетъ; приду, а онъ едва слышно стонетъ мнѣ: охъ, матушка, утоли ты мою жажду, измучился; питья-то мало.

Другой бы побранилъ меня; а онъ все-то только молить, да просить, да ублажаетъ. Я напою его; а онъ мнѣ: „сунь ты меня съ кровати-то; я и умру; полно мнѣ мучить-то тебя.“

— Что ты Ѳеодоръ, Христосъ съ тобою.

— Охъ, забылъ знать меня Господь-то!

Въ послѣднее время все больше сталъ молиться; все бывало шепчетъ молитву, все крестится; и такой терпѣливый сталъ; ужъ и охатъ мало сталъ; глаза сдѣлались такіе чистые, свѣтлые; такъ въ душу твою и смотреть; лицо тихое и спокойное. И сны ему стали сниться все какіе-то необыкновенные.

— Послушай-ка Авдотьюшка, — разъ говоритъ онъ мнѣ, какой я нынѣ сонъ чудный видѣлъ: вижу, будто батюшка нашъ, въ епитрахили и съ крестомъ въ рукахъ, былъ въ нашей деревнѣ; ужъ праздникъ ли былъ какой, нль такъ, не знаю хорошенько. Только слышу вдругъ говорить: ахъ! батюшка-то нашъ крестъ потерялъ, крестъ потерялъ!—У меня сердце такъ и обмерло. Думаю себѣ: ахъ, какъ жалко батюшку-то! Не хорошо вѣдь ему будетъ. Горюю такъ, что у меня слезы текутъ. Да вдругъ гляжу у себя на постелѣ-то, вотъ тутъ въ головахъ крестъ-то и лежитъ, и такъ сіяетъ, такъ сіяетъ, словно молнія отъ него. И батюшка-то тутъ,

около меня, и говорить мнѣ: „не горюй, Ѳеодоръ; это твой крестъ, Господомъ Богомъ тебѣ посланный; видишь, какъ онъ сіяетъ.“ Я и проснулся. И такъ-то у меня на душѣ-то легко, легко стало, словно въ свѣтлый день; а слезы такъ и льютъ рѣкою изъ глазъ, вся рубашка отъ нихъ измокла.

Да чего ужъ?—продолжала Авдотья, съ нимъ какъ-то боязно стало и оставаться-то; глядитъ такъ зорко, лицо такое серьезное, точно онъ все думу думаетъ; а самъ то и дѣло крестится. Такъ иногда оторопь нападетъ на меня.

Разъ вернулась я отъ обѣдни; развязываю платокъ, снимаю шубу; а онъ мнѣ и говоритъ: охъ, матушка! никакъ Господь смиловался надо мною; никакъ хочеть конецъ послать мнѣ:

— А что же?

А у него лицо-то такое радостное.

— Да вѣдь ко мнѣ старичекъ приходилъ.

— Какой старичекъ?

— Такой сѣденькій, и такой-то добрый. Я такъ испугался, такъ отъ лика-то его и сіяетъ.

— Ну ты ужъ тутъ придумаешь что нибудь, лежа-то.

— Что ты, Авдотьюшка, Христось съ тобою, видеть Богъ, не лгу.

— Ну что жъ?

— Ну и говоритъ мнѣ: Ѳеодоръ, собирайся! Въ Николинъ день Господь возьметъ тебя къ Себѣ. Сказаль это, да и скрылся; я не успѣлъ и перекреститься.— Ты ужъ вели батюшкѣ-то пособоровать меня и причастить. Вѣдь ужъ вотъ до Николы-то недолго.

— Ну давно ли причащался?

— Нѣтъ, нѣтъ, Авдотьюшка, вели, непременно вели. Ужъ я больно радъ, что Господь конецъ-то мнѣ посылаетъ.

Федора пособоровали и причастили.

Насталъ Николинъ день; Авдотья стала собираться въ церковь къ заутрени; а Федоръ и говоритъ ей: ну простимся Авдотьюшка; можетъ быть ты и не заставишь меня.

— Что ты, Богъ съ тобой! Вѣдь тебѣ не хуже.

— Такъ-то такъ; а все простимся. Вѣдь это не грѣхъ.

Авдотья подошла къ нему. Онъ перекрестилъ ее и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ. Ну прости меня грѣшного во всѣхъ моихъ грѣхахъ; да молись за меня.

Авдотья отстояла заутреню и обѣдню, вернулась домой, и видитъ: — Федоръ кончается. Она къ нему; а онъ раза двадохнулъ—и Богу душу отдалъ.

Когда зять кончилъ разсказъ свой, у матушки и у сестры слезы текли по лицу. Я перекрестился, и въ душѣ сказалъ: помяни, Господи, душу усопшаго раба твоего Феодора.

Свящ. Василій Владиславлевъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОХОДНАГО ДНЕВНИКА.

Въ 1860 году былъ я командированъ на флотъ для исполненія священнослуженія, и состоялъ на одномъ изъ русскихъ фрегатовъ, назначенныхъ въ Средиземное море. Русская эскадра шла въ Бейрутъ для охраненія

бѣдныхъ христіанъ, Арабовъ-маронитовъ, которыхъ Друзы-магометане рѣзали и мучили.

По прибытіи въ Бейрутъ, мы посѣтили и ближайшіе къ нему города: Триполи, Сидонъ и Тиръ. Въ этихъ городахъ православные христіане, кромѣ тяготящаго надъ ними турецкаго владычества, много еще страдаютъ отъ интригъ католиковъ, которые всячески стараются обратить всю Сирію въ католицизмъ. Французское католическое духовенство хорошо поняло, что нельзя завладѣть Сиріею мечемъ; посему оно заботится особенно о томъ, чтобы сирійцы какъ можно больше изучали французскій языкъ; такъ какъ люди, говорящіе однимъ языкомъ, скорѣе сближаются какъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, такъ и въ общественномъ быту. Католики много помогаютъ бѣднымъ жителямъ раздачею денегъ, въ особенности бѣднымъ дамасскимъ христіанамъ; по мѣстамъ они устроили дороги, больницы и открыли нѣсколько народныхъ училищъ. Учители при школахъ—изъ духовныхъ, окончившихъ курсъ наукъ при римско-католической іезуитской пропагандѣ. Въ училищахъ іезуитскихъ они усвоили себѣ искусство мало по малу овладѣвать умами и сердцами дѣтей и юношей и незамѣтно превращать ихъ изъ православныхъ въ католиковъ. И дѣйствительно, принимая въ училище дѣтей изъ православныхъ семействъ, они выпускаютъ ихъ ожесточенными врагами православія.

Православные марониты бѣдны; не имѣя своихъ училищъ, они по необходимости посылаютъ дѣтей своихъ въ католическія школы; тамъ при обученіи грамотѣ учатъ дѣтей пѣнію, составляютъ для нихъ духовныя пѣнопѣнія, въ которыхъ подъ пріятною мелодіею скрывается ядъ лжеученія, и юноши заражаются имъ весьма скоро.

Однажды случилось мнѣ зайти въ католическую церковь, при которой находится большое училище. При входѣ въ храмъ, я пораженъ былъ сильными звуками органа и и трехъ сотъ голосовъ поющихъ мальчиковъ. Хотя у католиковъ больше употребляется при богослуженіи органъ, нежели пѣніе, но католическіе священники знаютъ, что если дѣти православныхъ родителей будутъ пѣть съ дѣтьми католиковъ въ классахъ, то товарищи легко завлекутъ ихъ для пѣнія и въ католическую церковь; тамъ познакомятся они съ католическимъ богослуженіемъ и, привыкнувъ къ нему, не будутъ чуждаться католическихъ обрядовъ, а тамъ и самаго ученія, съ которымъ не опускаютъ случая знакомить ихъ въ училищахъ. Послѣ всего этого, при соблазнахъ, помощію, покровительствомъ, до совершеннаго перехода въ католицизмъ остается одинъ шагъ.

Въ Смирнѣ проживаетъ одинъ купецъ Грекъ, нѣкто Ангелопуло. Вотъ его постоянный разговоръ: „ахъ, Боже мой, когда настанетъ то счастливое время, что русское духовенство подастъ намъ руку помощи въ дѣлѣ нашего просвѣщенія? Пусть недаютъ намъ большихъ пожертвованій на устройство училищъ; но намъ нужны учителя, для насъ важно то, что тогда мы не будемъ бояться за нашихъ дѣтей, за совращеніе ихъ въ католичество. Вмѣстѣ съ тѣмъ, можно надѣяться, что дѣти наши охотнѣе будутъ учиться языку русскому, нежели французскому, а намъ, какъ купцамъ, это особенно нужно для сношеній по торговой части съ купцами одесскими.“ Желаніе г. Ангелопуло самое законное и самое разумное. Его знаетъ вся Смирна, а враги называютъ его даже сумасбродомъ и фанатикомъ за его горячую привязанность къ русскимъ. Дѣти его иначе не смѣютъ

молиться, какъ ломанымъ русскимъ языкомъ. Соотечественники любятъ и уважаютъ его какъ честнаго, справедливаго и богатаго человѣка.

Послѣ полугодовой стоянки въ Бейрутѣ, у насъ, отъ сильныхъ жаровъ на фрегатѣ, много оказалось больныхъ, въ особенности нижнихъ чиновъ. Посему, когда мы узнали, что скоро перейдемъ на стоянку въ Смирну, то всѣ были этому рады.

Въ половинѣ октября мы пришли въ Смирну и командиръ прежде всего озаботился тѣмъ, чтобы сейчасъ свезти больныхъ на берегъ и отправить ихъ въ больницу. На другой день отправился и я въ городъ навѣстить своихъ больныхъ; но такъ какъ я не умѣю говорить погречески, то и просилъ русскаго консула дать мнѣ его драгомана, т. е. переводчика; съ нимъ я и отправился въ больницу.

Городская больница, гдѣ помѣщались наши больные, находилась въ лучшей части города и занимала одинъ большой двухъэтажный домъ и два таковыхъ же флигеля. Завѣдываетъ всею больницею, въ непосредственной зависимости отъ градскаго главы, іеромонахъ-грекъ, на отвѣтственности котораго лежитъ экономическая и распорядительная часть; также отъ него зависитъ пріемъ и выпускъ больныхъ. Посѣтивши своихъ больныхъ матросовъ, я зашелъ къ управляющему больницею поблагодарить его за ласковый пріемъ и уходъ за нашими русскими больными, а тѣмъ болѣе, что я встрѣтилъ въ больницѣ нашихъ русскихъ странниковъ, которые, истративши на пути послѣднюю копѣйку, впали въ болѣзнь. Ласковый и добрый пріемъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ облегчалъ и успокаивалъ ихъ въ затруднительномъ ихъ положеніи.

Помѣщеніе, занимаемое іеромонахомъ управляющимъ больницею, не знаю, какъ и называть: конторою назвать нельзя; лавкою — тоже; а на келью монаха оно вовсе не похоже. Въ его комнатѣ направо около окошка стоитъ большой письменный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; на немъ лежатъ книги, бумаги, счеты и другія различныя вещи; на верху по стѣнѣ, на полкахъ стоять и лежатъ въ большомъ количествѣ и разныхъ размѣровъ св. иконы, маленькіе образки и крестики. На лѣвой сторонѣ также устроены мѣста и лавки, гдѣ въ большомъ количествѣ лежатъ холсты, бинты, ладонъ и свѣчи. Но прежде всего я обратилъ вниманіе на аналогій, стоящій въ углу подъ образами; на немъ лежала книга большаго формата.

— Что это за книга? спросилъ я.

Это книга приходорасходная, отвѣчалъ управляющій. Въ ней, желающіе пожертвовать что-либо въ пользу больницы, своею рукою записываютъ то, что они жертвуютъ. Услышавши это, я немедленно вынулъ свой портмоне и просилъ принять мою малую лепту, но онъ прежде, чѣмъ взялъ отъ меня деньги, развернулъ книгу и просилъ меня не нарушать ихъ правила, а сначала записать мое пожертвованіе. Дѣлать было нечего, я записалъ и тогда онъ взялъ у меня деньги.

Потомъ я просилъ своего переводчика объяснить мнѣ, почему городское общество поручило управленіе больницею іеромонаху, а не какому либо другому лицу?

— А вотъ почему, батюшка, отвѣчалъ переводчикъ, указывая при семъ на висѣвшую на стѣнѣ картину, изображающую украшеннаго бѣлоснѣжною сѣдиною старца: этому святому старцу, его труду и усердію мы обязаны устройствомъ въ нашемъ городѣ больницы.

— Скажите пожалуйста, какимъ же образомъ онъ могъ однимъ трудомъ своимъ и усердіемъ такъ хорошо и въ такомъ обширномъ видѣ устроить больницу. Переводчикъ предварительно поговорилъ съ іеромонахомъ, потомъ сталъ и мнѣ передавать то, что ему говорилъ іеромонахъ. Передаю этотъ занимательный и поучительный разсказъ.

Старецъ, устроившій эту больницу, сперва жилъ въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей. Тамъ онъ учился жизни подвижнической, трудился съ терпѣніемъ, но не могъ къ ней привыкнуть. Онъ нечувствовалъ въ себѣ призванія къ уединенію и трудамъ иноческимъ. Это глубоко огорчало его и онъ молилъ Господа, указать ему путь спасенія. И вотъ однажды прочиталъ онъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ то мѣсто, гдѣ говорится, что апостолы, желая имѣть сами больше свободы для молитвы и служенія слову, избрали изъ среды себя семь человекъ извѣданныхъ и исполненныхъ Духа Святаго и поручили имъ служеніе бѣднымъ и вдовицамъ въ ихъ нуждахъ (Дѣян. 6. 1 — 6.). Старецъ подумалъ: вотъ, какое служеніе избрали апостолы для мужей богодухновенныхъ и они не чуждались этого служенія и подвизались въ немъ, находя въ немъ одинъ изъ путей спасенія! По долгомъ размышленіи и молитвѣ, старецъ рѣшилъ такъ: если блудница, омытая своими слезами ноги Спасителя, получила прощеніе своихъ грѣховъ, то послѣдую и я ея примѣру, буду омывать моими слезами если не ноги самаго Спасителя нашего, то ноги меньшей Его братіи.

Старецъ оставилъ свою келью; пришелъ въ Смирну и обратился тамъ къ одному изъ благочестивыхъ жителей съ слѣдующею просьбою: „другъ мой! я чувствую

и признаю себя за перваго грѣшника и хочу умили-
вить Бога смиреннымъ служеніемъ во Христвъ брату
моему. Прошу тебя: дай мнѣ въ твоемъ домѣ комнату,
гдѣ я могъ бы принимать больныхъ и странниковъ и
собственными своими руками омыwać ихъ раны.“ Тотъ
не отказалъ смиренному иноку въ его просьбѣ. Полу-
чивши въ свое распоряженіе комнату, онъ просилъ дру-
гихъ благочестивыхъ гражданъ снабдить его необходи-
мымъ для устройства больницы;—въ чемъ добрые люди
ему и помогли. На слѣдующій годъ увеличилъ онъ свою
больницу нѣсколькими кроватями и ухаживалъ за боль-
ными съ нѣжностію брата, стараясь во всемъ доставить
имъ покой и утѣшеніе. Граждане, видя его христіан-
ское усердіе и вниманіе къ больнымъ, начали помогать
ему, кто чѣмъ могъ; а онъ съ каждымъ годомъ все
болѣе и болѣе принималъ къ себѣ больныхъ. Нѣкото-
рые изъ больныхъ, въ особенности же изъ странныхъ,
или безсемейныхъ, передъ смертію дѣлали завѣщанія
въ пользу больницы, что въ послѣдствіи и дало возмож-
ность пріобрѣсти въ собственность больницы всѣ эти
зданія, гдѣ въ настоящее время находится сто кроватей
для мужескаго пола, пятьдесятъ кроватей для женскаго
пола, двадцать пять кроватей для умалишенныхъ и
и нѣсколько комнатъ для пріюта бѣднымъ, неимѣющимъ
пристанища и ночлега. Послѣ всего видѣннаго и слы-
шаннаго мною мнѣ оставалось поблагодарить св. отцевъ
за ихъ усердное служеніе меньшей Христовой братіи и
пожелать имъ награду отъ Отца небеснаго.

Не могу не упомянуть объ умныхъ распоряженіяхъ,
іеромонаха, завѣдывающаго больницею. Такъ какъ
граждане исполнѣ довѣрили все управляющему больни-
цею, то онъ и велѣ всѣ свои дѣла чисто по-евангель-

ски. Въ его дѣйствіяхъ по управленію и слѣда небыло замкнутости, которая болѣе или менѣе поражаетъ недобріе. Въ пріемной его комнатѣ на первомъ мѣстѣ лежала въ большомъ форматѣ книга приходорасходная, которую каждый приходящій имѣлъ полное право разсматривать. А извѣстно, что когда человѣкъ видитъ своими собственными глазами, куда идетъ жертвуемая имъ лепта и на какое общепольное дѣло, тогда онъ больше сочувствуетъ дѣлу и охотнѣе для него жертвуетъ; кромѣ этого, не мало способствовало быстрому и широкому распространенію больницы и то, что она называлась „общею—городскою“, а отнюдь не носила на себѣ частныхъ благотворительныхъ именъ. Поэтому каждый гражданинъ считалъ ее, нѣкоторымъ образомъ, своею и заботился о ней, какъ о своей.

Въ Смирнѣ есть довольно большое народное училище, которое также образовалось содѣйствіемъ духовенства. Одинъ изъ старшихъ священниковъ, служащихъ при соборѣ „Фотинія“, собралъ свою братію и говоритъ: „возлюбленнѣйшія о Христѣ братія! — вы видите сами, что нашъ народъ гибнетъ отъ невѣжества; также видите, что къ намъ являются западные учителя и, какъ волки хищные, губятъ души юношей. Они заводятъ въ нашемъ городѣ училища и заманиваютъ къ себѣ нашихъ духовныхъ чадъ. Плоды трудовъ ихъ ученія видны вамъ изъ того, что юноши наши принимаютъ ихъ ложное ученіе и многіе перешли къ католикамъ, а другіе колеблются между православіемъ и католицизмомъ. Не угодно-ли вамъ, св. старцы, отъ посильнаго вашего труда и, отъ приношеній церковныхъ, устроить при нашемъ соборѣ народное училище для воспитанія и образованія юношества во благочестіи и духѣ пра-

вославія?“ Служители Церкви Христовой единодушно изъявили готовность содѣйствовать столь благому и общепользному дѣлу.

Въ мою бытность въ училищѣ находилось 500 мальчиковъ и 400 дѣвицъ. Въ 1-мъ класѣ учать начальной грамотѣ и письму; во 2-мъ кл. закону Божию, грамматикѣ, ариѳметикѣ и нѣкоторымъ ремесламъ; въ 3-мъ кл., какъ вышемъ отдѣленіи, учать словесности и практической юриспруденціи, какъ наукамъ самымъ необходимымъ въ практической жизни. Дѣвицы же при обученіи грамотѣ и письму учатся еще рукодѣльямъ и хозяйству. Для сбыта ихъ рукодѣлій устроена особенная лавка, гдѣ продаются ихъ работы, а вырученные деньги отдаются бѣднымъ ихъ родителямъ.

Иеромонахъ П.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПАСХИ.

изъ письма покойнаго князя Дмитрія Николаевича
УРУСОВА.

Конецъ голгоескому ужасу. Почилъ Божественный крестовосецъ. Снято умершее тѣло Его со креста, положено въ новый гробъ, приваленъ огромный камень, положена печать, поставлена стража. Ученики разбѣжались. Матерь отведена въ домъ возлюбленнаго Іоанна. Со смертію Іисусовою угасла надежда послѣдователей Его. Видятъ все это три избранныя жены—видятъ, и если удаются, то для того только, чтобы явить новый знакъ любви погребенному тѣлу. Онѣ идутъ въ городъ, чтобы купить ароматы и помазать драгоценное для нихъ тѣло. На пути

размышляютъ о томъ, кто отвалить для нихъ камень, который бѣ велій зѣло. Но о чудо! приближаясь къ пещерѣ, онѣ видятъ, что камень отваленъ, и что на немъ сидитъ Ангелъ. Что ищете живаго съ мертвыми? говорить небесный благовѣстникъ. Нѣсть здѣ. Воста. Идите, возвѣстите Апостоламъ, что воскресъ Христосъ. Въ радости онѣ спѣшатъ къ Апостоламъ, и чтоже является ихъ взорамъ? Предъ ними стоитъ Самъ Воскресшій, и Самъ Онъ посылаетъ ихъ, какъ вѣстницъ Своего воскресенія.

Изъ сего краткаго Евангельскаго повѣствованія да уразумѣетъ душа вѣрующая, что для того, чтобы содѣлаться общникомъ воскресшаго Христа, потребна великая къ Нему любовь, потребно неослабное за Нимъ шествіе, потребно мужество въ вѣрѣ среди всѣхъ обстоятельствъ въ жизни, и притомъ такъ, чтобы чувство вѣры стояло выше обстоятельствъ и проникало во всѣ изгибы жизни. Безъ вѣры мы не ощути́мъ силы воскресенія; вѣра—это окно, въ которое мы видимъ все сокровенное и таинственное.

Слыхалъ, и даже испытывалъ, что въ свѣтлый день Пасхи особенно ощутительнымъ для души дѣлается воспоминаніе о близкихъ почившихъ, такъ что самое воспоминаніе налагаетъ мрачную черту на торжество Церкви. Съ заботою помышляю о такомъ расположеніи души вѣрующей, и въ немъ вижу перевѣсъ любви къ человеку надъ любовію ко Христу. Свѣтъ воскресенія Христова, проникая до самыхъ непроницаемыхъ обителей мрака, долженъ освѣщать для насъ мирныя skinія душъ, почившихъ въ Господѣ, и уже теперь участвующихъ въ воскресеніи Жизнодавца. Что такое смерть для христіанина, какъ не совлеченіе одежды плоти и облеченіе

въ одежду безсмертнаго духа? Что такое загробная жизнь для души вѣрующей въ силу заслугъ Искупителя, какъ не поглощеніе смертнаго безсмертнымъ, какъ не расширеніе дѣятельности въ честь и славу Воскресшаго и съ собою вся воскресившаго? Вѣра въ Воскресшаго Христа да оживляетъ сердца наши: можно ли предаваться мрачному чувству, когда мракъ разсѣянъ лучами Божественнаго солнца, выходящаго нынѣ изъ гроба, какъ изъ чертога. Будемъ чадами свѣтообразными Божественнаго Свѣтоподателя, принесемъ Ему въ жертву всѣ наши человѣческія ощущенія, и будемъ исполняться Его только славою, какъ побѣдителя смерти и ада. Будемъ радоваться о Господѣ и къ общенію сей радости призовемъ всѣхъ и знаемыхъ и незнаемыхъ, но близкихъ намъ по духу единой вѣры въ воскресеніе Христа. Съ молитвенною радостію перейдемъ рубежъ настоящаго, вступимъ въ область духовъ и скажемъ мирно почившимъ отъ суеты земной жизни: Христосъ воскресъ! — Они откликнутся намъ словомъ подтвердительнаго увѣренія: воистину воскресъ!

1858 марта 23. Пасха.

(Сообщено Екат. Дм. Новиковой).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

РѢЧЬ

НА ОТКРЫТІЕ ЛЕЧЕБНИЦЫ ДЛЯ БѢДНЫХЪ, ОСНОВАННОЙ
ОБЩЕСТВОМЪ РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ а).

*Той недуги наша пріятъ, и
болѣзни понесе (Матѣ. 8, 17).*

Откуда недуги и болѣзни, эти болѣе или менѣе близкіе предтечи смерти и сродники ея? Думаю, вы согласны со мною, что ихъ нельзя производить отъ Творца вселенныя, которая столь много представляетъ доказательствъ Его благодати. Псалмонѣвецъ свидѣтельствуешь о Немъ: *благъ Господь всяческимъ, и щедроты Его на всѣхъ дѣльхъ Его* (Пс. 144, 9). А возлюбленный ученикъ Христовъ всю сущность безконечныхъ совершенствъ Его заключаетъ въ любви: *Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 16). И Премудрый положительно говорить, что *Богъ смерти не сотвори* (Прем. 1, 13). Откуда же она, съ своими страшными сродниками и предвѣстниками? *Завистію діаволою смерть въ міръ вниде*, (Прем. 2, 24), отвѣчаетъ Премудрый. Это—*оброцы грѣха* (Рим. 6, 23.), поясняетъ Апостоль. Богъ-Слово, истинный Творецъ міра, не только не сотворилъ смерти, но еще изобрѣлъ и употребилъ въ дѣло чудное, изумительное для Ангеловъ, средство къ истребленію ея. Онъ своею смертію смерть поправлъ. Сего мало, самые недуги и болѣзни наши, предвозвѣщающіе намъ о смерти,

а) Произнесена 21 марта 1865 года.

Онъ подъялъ, чтобы намъ облегчить ихъ тяжесть. Видитъ сіе пророкъ, сквозь мглу вѣковъ, въ отдаленной будущности, видитъ онъ безпримѣрнаго Мужа скорбей, который подъялъ на свои рамена всѣ наши бремена, и указывая на него человѣчеству, возглашаетъ во всеуслышаніе: *Той недуи наша пріятъ, и бользни понесе* (Иса. 53, 5.).

Вслушаемся, бр., съ надлежащимъ вниманіемъ въ эту пророческую проповѣдь, которая сдѣлалась для насъ уже евангельскою. Ибо Евангелистъ приводитъ ее, какъ исполнившуюся въ лицѣ Господа нашего.

Вслушайтесь особенно вы, которые страдаете, или будете страдать различными недугами и болѣзнями, и можетъ быть прибѣгнете, или пожелаете прибѣгнуть въ новооткрываемую лечебницу за исцѣленіемъ. Тяжки могутъ быть ваши страданія, да и всякое страданіе въ свое время *мнится не радость быти, но печаль* (Евр. 12, 11.). А чѣмъ сильнѣе страдаютъ, тѣмъ усиленнѣе ищутъ облегченія. Обратитесь же, прежде всего, съ вѣрою и молитвою къ божественному Крестоносцу.

Не малымъ утѣшеніемъ въ скорбяхъ бываетъ и то, когда мы видимъ, или знаемъ, что не мы одни испытываемъ ихъ, но и другіе, притомъ лучшіе насъ, люди подвергались и подвергаются имъ. И вотъ, вамъ предстаетъ наилучшій изъ всего рода человѣческаго, *второй Адамъ* безгрѣшный, *Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 45. 47), какъ соучастникъ вашей скорбной доли. Не отрадно ли это?

Наши скорби значительно облегчаются, когда мы находимъ близъ себя благодѣтельную руку, готовую поддерживать насъ колеблющихся, — дружескій языкъ, способный ободрить насъ унывающихъ, — любвеобильное сердце, своимъ участіемъ раздѣляющее, и слѣдовательно уменьшающее печаль нашу. Напротивъ, мы бываемъ

близки къ отчаянію, когда лишаемся подобныхъ утѣшеній. Раздирающимъ душу воплемъ отзывается жалоба псалмопѣвца: *ждахъ соскорбящаго, и не бѣ, утѣшающихъ, и не обрѣтохъ* (Пс. 68, 21)! Но вспомнимъ наше христіанское званіе: вѣрующій христіанинъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ страдать одиноко. Ибо мы имѣемъ Господа, Который удостоилъ нѣкоторыхъ изъ нашего рода назвать *друзьями* (Іоан. 15, 14—15.) своими, и не стыдится всѣхъ насъ называть *братами* (Евр. 2, 11.), имѣемъ Богочеловѣка, *могущаго споспѣдѣть немощемъ нашимъ*; такъ какъ и Самъ Онъ *искушенъ* былъ *по всяческимъ* (Евр. 14, 15.) страданіямъ и являлся на землѣ собственно для того, да *утѣшитъ вся плачущія* (Иса. 61, 2.). Иногда, по видимому, скрываясь отъ насъ, или лучше, не примѣчаемый нами во время нашихъ искушеній, Онъ всегда однако же находится вблизи насъ, сострадательно смотритъ на нашу борьбу со зломъ и бѣдствіемъ, видитъ наше изнеможеніе, слышитъ наши вздохи и стоны, желаетъ оказать намъ благопотребную помощь по призыву, и только выжидаетъ нашего сердечнаго обращенія къ Нему, и наконецъ Самъ поощряетъ насъ къ этому обращенію. *Призови Мя*,—говоритъ Онъ каждому вѣрующему въ Него страдальцу,—*призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя* (Пс. 49, 15.). Итакъ просите у Него, ихъ единственнаго врача душъ и тѣлесъ, исцѣленія въ своихъ недугахъ и болѣзняхъ; просите Его благовѣщенія на врачества и на самихъ врачей, которые будутъ пользоваться васъ. Ожидая всего только отъ послѣднихъ, вы затрудните свое выздоровленіе, и можете сдѣлаться жертвами смерти, какъ Аса, царь іудейскій, искавшій въ болѣзни врачей, помимо Господа.

Во всякомъ горестномъ случаѣ помышляйте, что ваше положеніе было бы гораздо хуже, еслибы вы не принадлежали къ стаду Христову, что Господь уже понесъ за васъ большую, и притомъ тягостнѣйшую, часть вашего бремени. Вѣра въ Него можетъ разогнать предъ вами даже мраки могилы и ужасы смерти, Имъ поправленной. *Аще и пойду посредаѣ спни смертныя*, говоритъ вѣрующій, взирая на Вождя своего, *не убоюся зла, яко ты со мною еси* (Пс. 22, 4.). И если онъ умретъ со Христомъ, то и воскреснетъ въ Немъ, *прейдеѣтъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. 5, 24.).

И къ вамъ дерзаю простерть слово о Христѣ, почтенные основатели открываемаго заведенія и будущіе подвижники въ немъ!

Той недуги наша пріятъ, и болъзни понесе. Если вы вѣрите сему, то этою самою вѣрою возвышаете свое званіе и служеніе. Ею вы, можно сказать, въ нѣкоторомъ отношеніи, присоединяетесь къ сонму Апостоловъ, коихъ Господь посылалъ въ разныя мѣста, между прочимъ, *цѣлѣти всякъ недугъ и всяку болъзнь* (Матѣ. 10, 1. ср. Лук. 10, 9.). Эта вѣра одушевитъ васъ мужествомъ и укрѣпитъ ваши силы на подвиги самоотверженія въ пользу немоществующихъ. Она же поставитъ васъ подъ особое благодатное покровительство, вліяніе и распоряженіе Христа Спасителя, и въ самыя трудныя минуты вашей жизни, или дѣятельности дастъ вамъ слышать ободрительный голосъ Его: *се Азъ съ вами есмь во вся дни* (Матѣ. 28, 20.). И если вы, бодро приступая къ врачеванію и успѣшно совершивъ оное, станете исповѣдывать предъ другими, что желаемый успѣхъ зависить и всегда зависѣлъ не отъ вашего искусства, ни отъ силъ употребляемыхъ врачевствъ, а собственно

отъ благословенія Господня, то на самомъ дѣлѣ будете продолжать, въ этомъ отношеніи, апостольское служеніе, и ваша дѣятельность будетъ сугубо благотворна, какъ для васъ, такъ и для вѣряющихъ себя вамъ.

Говорю это по собственному опыту. Назадъ тому лѣтъ пять, когда *приблизился даже до смерти душа моя и животъ мой бѣ близъ ада преисподняго* (Сир. 51, 8. 9.), одинъ изъ васъ именно такъ высказывался у болѣзненнаго одра моего, и тѣмъ вдохнулъ въ меня полное довѣріе къ нему, какъ къ посланнику Господню, благодатному вѣстнику мира и спасенія, ободрилъ мой духъ, подкрѣпилъ мою немощь и возбудилъ во мнѣ добрую надежду; потому я, при помощи его, скоро оправился отъ тяжкаго недуга, и съ тѣхъ поръ донинѣ, по милости Божіей, пользуюсь удовлетворительнымъ здоровьемъ. Сіе-то обстоятельство и дало мнѣ смѣлость выступить теперь предъ вами въ качествѣ свидѣтеля истины Христовой.

Вы можете, конечно, и безъ вѣры вашей и больныхъ, облегчать ихъ страданія, и даже возвращать имъ здоровье; но по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда сами вы дивитесь неожиданно-счастливому исходу врачеванія, справедливо ли было бы относить этотъ исходъ къ вашей находчивости, или къ дѣйствию лекарствъ, къ свойству организма больного, и вообще лишь къ естественнымъ причинамъ? Что до насъ, мы усматриваемъ тутъ перстъ Божій, указывающій на душевные недуги ваши и пациентовъ вашихъ, признаемъ промыслъ Божій, имѣющій въ виду уврачевать эти недуги чрезъ тѣлесное исцѣленіе. Здѣсь, по нашему убѣжденію, Господь обрѣтается и *не ищущимъ* Его, является и *невопрошаю-*

щимъ о Немъ (Иса. 65, 1.). Совѣсть должна сказать выздоровѣвшему: *познай Господа, благодѣющаго тебѣ, исцѣляющаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истиннаго животъ твой* (Пс. 102, 3. 4.),—и пользовавшему его: *врачу, исцѣлился самъ* (Лук. 4, 23.), *даждь славу Богу* (Іоан. 9, 24.)! Кто можетъ оспоривать, что *Господь созда отъ земли врачеванія* (Сир. 38, 4.), и иногда сообщаетъ имъ особенную силу, какъ простымъ смоквамъ Исаи (Иса. 38, 21 ср. 1.)? Кто можетъ отрицать, что *Господь созда и врача* (Сир. 38, 1.), и дѣйствуетъ чрезъ него къ пользѣ другихъ, какъ и на него чрезъ другихъ, дабы всѣ въ общежитіи сознавали взаимную, неразрывную связь и общую зависимость отъ Вседержителя?

И что отстаиваютъ такъ ревниво самолюбивые врачи? Менѣе ли для нихъ чести быть избранными орудіями въ рукахъ вседержавнаго Господа, чѣмъ распоряжаться самовластно и самонадѣянно чужими силами? Кто изъ благомыслящихъ похвалитъ ихъ, когда они оказываются не зрячими и дальнзоркими, а слѣпыми, или близорукими? Не озаряются ли лучами небесной славы тѣ, которые сами видятъ и другимъ даютъ видѣть себя стоящими вблизи *Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17)? Напротивъ, не нисходятъ ли произвольно и неразумно съ своего высокаго поста и великіе дѣятели, когда хотятъ казаться независимыми и самостоятельными? Еслибы врачъ мой сталъ хвильться моимъ исцѣленіемъ, какъ собственнымъ дѣломъ, я напомнилъ бы ему о Владыкѣ жизни и смерти.

Той недуги наша пріятъ и болѣзни понесе. Не твердые въ вѣрѣ врачующіе и врачуемые могутъ возразить: „если Господь дѣйствительно подъялъ на Себя наши

недуги; если и самый грѣхъ—начало ихъ, вознесъ Онъ на крестъ для истребленія (1 Петр. 2, 24.), то почему же и нынѣ они существуютъ между вѣрующими? Если Иисусъ Христосъ истребилъ смерть Своею смертію: то какъ же и нынѣ умираютъ вѣрующіе? Для чего доселѣ *вся тако пребываютъ, якоже отъ начала созданія* (2 Петр. 3, 4.)? Вопросъ этотъ сходитъ съ другимъ, разрѣшеніемъ котораго и можетъ быть отчасти разрѣшенъ. Почему воскресшій Спаситель не благоволилъ явиться торжественно и всенародно въ Іерусалимѣ, а являлся только немногимъ вѣрующимъ въ Него, большею частію въ Галилеѣ? Конечно, потому, что Онъ не хотѣлъ насильно вынуждать вѣру, или вызывать крайнее невѣріе. Подобнымъ образомъ, чрезъ избавленіе преданныхъ Христу отъ всѣхъ золъ здѣшней жизни и отъ самой смерти не вынуждалось ли бы невольно обращеніе къ Нему и всѣхъ прочихъ, и неиспровергалась ли бы главнѣйшая основа міра нравственного—свобода человѣческая? Или не было ли бы обнаружено преждевременно и насильственно сатанинское ожесточеніе враговъ Христовыхъ? Притомъ, замѣтите, грѣхъ такъ глубоко вкоренился въ природѣ нашей, что не можетъ быть совершенно истребленъ въ ней во время земной жизни, и хотя *не обладаетъ* (Римл. 6, 14.) вѣрными послѣдователями Христовыми, а творится иногда противъ воли и съ ненавистью къ нему; но посліку все-таки проявляется въ нихъ, то законъ правды Божіей остается непреложнымъ: *оброцы грѣха — смерть*, съ ея свитою—недугами и болѣзнями. Чрезвычайные случаи преложения живыхъ, Еноха и Ілии, въ иной міръ сокрыты въ недо-вѣдомыхъ судьбахъ Божіихъ. Можетъ быть, Господь предложилъ ихъ для того, какъ догадываются нѣко-

торые отцы и учителя церкви *), дабы тайно предвозвѣстить благодатное отмѣненіе приговора, произнесеннаго противъ Адама, и предуказать будущее воскресеніе. Для насъ довольно, если мы по вѣрѣ въ Иисуса Христа освобождены отъ смерти *второй* (Апок. 20, 6; 21, 8.), вѣчной, и можемъ презирать первую, надъ которою многіе угодники Христовы явно торжествуютъ въ нетлѣнныхъ своихъ останкахъ. Только надобно помнить, что смерть и болѣзни оставлены между нами, какъ средства къ постепенному очищенію нашему отъ зла и преспѣванію въ добръ нравственномъ. Каждому вѣрующему, возставшему отъ одра болѣзни, Господь глаголетъ: *се здравъ еси: тому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14.). Мнѣ кажется, скажу мимоходомъ, объ этомъ можетъ и долженъ, такъ или иначе, напоминать исцѣленному больному и врачъ его, производи болѣзнь отъ безпорядочной жизни. Кто пользуется только разстроенное тѣло, не обращая вниманія на состояніе обитающаго въ немъ духа, тотъ подобенъ часовому мастеру, который даетъ лишь ходъ испорченнымъ часамъ, не свѣривъ ихъ съ регуляторомъ: такіе ходячіе часы могутъ быть также негодны, какъ и остановившіеся. Угрожающая намъ смерть временная, какъ предвѣстница смерти вѣчной для невѣрующихъ, побуждаетъ насъ настойчивѣе искать спасенія во Христѣ и тѣснѣе соединяться съ Нимъ вѣрою и любовію. Однако же, и предавшись Ему, мы страдаемъ и умираемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ живущій въ насъ грѣхъ мало по малу ослабляется, и наконецъ совершенно истреб-

*) См. Златоус. и Θεодорит. на Быт. 5, 22 (въ рус. перев. Бес. Злат. на кн. Быт. ч. 1 стр. 378 и Θεодор. ч. 1 стр. 47).

ляется благодатию Христовою: мы страдаемъ не безъотрадно и умираемъ благонадежно, въ страданіяхъ и смерти предощущая и предначиная новую, лучшую жизнь. Такимъ образомъ предъ нами *истина и милость срѣтостася, правда и миръ облобызастася* (Пс. 84, 11.)!

Братія! Пророкъ, видя неисцѣльную нравственную язву Израиля, говорилъ: *еда ритины (бальзама) нѣсть въ Галаадѣ, или врача нѣсть тамо* (Іер. 8, 22.)? Вотъ, у насъ нынѣ открывается свой Галаадъ, не скудный врачествами, обильный, кажется, и врачами. Пусть же извѣстіе о немъ распространится къ общему утѣшенію, да упрочится существованіе его на неизблемомъ основаніи, чтобы внимательные къ нуждамъ ближнихъ могли успокоительно говорить бѣднымъ страдальцамъ: *еда ритины (бальзама) нѣсть въ Галаадѣ, или врача нѣсть тамо?*

Да усилить и умножить Господь своимъ благословеніемъ находящіяся и нужныя здѣсь цѣлебныя средства; да не оскудѣютъ на семъ мѣстѣ самоотверженные труженники, дѣйствующіе въ духѣ врачей-безсребренниковъ, по закону любви и правды: *туне пріѣсте, туне дадите* (Мѣ. 10, 8.). Тогда разгласится не простое извѣстіе, но уже благовѣстіе о сей лечебницѣ, и друзья страждущаго человѣчества съ большимъ правомъ будутъ указывать на нее нуждающимся въ помощи: *еда ритины нѣсть въ Галаадѣ, или врача нѣсть тамо?*

Да прославится Галаадъ нашъ успѣшнымъ въ отношеніи не къ тѣлу только, но и душѣ пользованіемъ больныхъ, да исторгается здѣсь вполне благонамѣренными и великодушными дѣателями-христіанами зло, по возможности, съ самымъ корнемъ болѣзни,—грѣхами. Да будетъ этотъ пріютъ немощныхъ истиннымъ Галаадомъ,

т. е. *домомъ свидѣтельства* *), мѣстомъ не только леченія, но и вразумленія и наставленія къ жизни добропорядочной, *цѣломудренной, праведной и благочестной* (Тит. 2, 22.), свойственной христіанамъ; да возвѣщается здѣсь свидѣтельство о Томъ, Кто подъялъ на Себя наши болѣзни, *Иже грѣхи наша вознесе на тѣль Своемъ на древо, да отъ грѣхъ избывше, правдою поживемъ* (1 Петр. 2, 24.), и да исходятъ отсель недужные исцѣленными не только тѣлесно, но и душевно, съ вѣрою въ истиннаго Цѣлителя душъ и тѣлесь. О, тогда съ полною справедливостью и благонадежностью можно будетъ обращать сюда страждущихъ: *еда ритины нѣсть въ Галаадъ, или врача нѣсть тамо?*

Протоіерей А. Невоструевъ.

ВРАЖЬЯ СИЛА.

Былъ прекрасный лѣтній вечеръ, несмотря на то, что лѣто уже подходило къ концу. Солнце уже заходило; воздухъ былъ свѣжій и теплый—легко дышалось имъ и на душѣ было какъ-то особенно пріятно. . .

Въ этотъ вечеръ мы сидѣли вдвоемъ съ о. П. въ его небольшомъ садикѣ, который онъ самъ своими руками развелъ, и въ часы досуга очень любилъ чѣмъ нибудь заниматься въ немъ,—сидѣли на дерновой скамейкѣ его же работы; передъ скамейкой стоялъ небольшой столикъ. О. П. въ этотъ вечеръ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, и потому его рѣчь на этотъ разъ была особенно оживлена; его рассказы о различныхъ

*) Галаадъ съ Евр. значитъ собственно *холмъ свидѣтельства*, см. Быт. 31, 48.

обстоятельствахъ изъ своей дѣятельности, его умныя сужденія и замѣчанія были въ высшей степени интересны и поучительны.

Мы сидѣли и говорили... Въ это время на дорожкѣ къ намъ показался крестьянинъ, прихожанинъ о. П., уже пожилой старикъ весьма почтенной наружности. Увидѣвши о. П., онъ поспѣшно снялъ свою шляпу, подошелъ ближе и попросилъ у о. П. благословенія.

— Здравствуй, Яковъ Петрович! привѣтилъ старика о. П., знавшій почти всѣхъ своихъ прихожанъ по имени и отчеству: что ты скажешь намъ хорошаго?

— Здравствуй, батюшка! отвѣчалъ крестьянинъ на привѣтствіе о. П. Я къ твоей милости пришелъ, по дѣлу.

— Садись-ко вотъ сюда, сказалъ на это о. П. крестьянину, указывая ему на скамейку по другую сторону стола,—да рассказывай, какое твое дѣло.

Крестьянинъ сѣлъ, и послѣ непродолжительнаго молчанія началъ: Въ домѣ у меня, батюшка, дѣлается несрошнее, ужъ мы ума неприложимъ что это такое... наказалъ, видно, насъ Господь за наши грѣхи. Другую вотъ ночь въ моемъ домѣ горятъ свѣчки.

— Какъ такъ свѣчки? спросилъ удивленный о. П.

— Да такъ, батюшка, свѣчки; сами собой зажигаются и горятъ, вотъ ужъ двѣ ночи это случается. Ты знаешь, батюшка, у меня горницу надъ воротами, такъ въ этой самой горницѣ и горятъ. Теперь мы хлѣбъ молотить начали, такъ встаемъ рано, съ полночи выходимъ на гумно всей семьей; старуха только моя да работница остаются дома припасти завтракать намъ. Ушли, вотъ, мы всѣ на гумно въ понедѣльникъ, стали молотить, и непрошли еще перваго посада, а старуха моя и бѣжить... Батюшки, въ домѣ-то у насъ, говоритъ, не-

ладно!“ Перепугались мы всѣ, думали—пожаръ, или какая другая бѣда случилась, спрашиваемъ, что такое сдѣлалось. „Свѣчки, говоритъ, у насъ въ горницы горятъ.“ Пошли мы съ большимъ сыномъ, пришли на сарай, глядимъ въ горницу—въ щелочку, точно ярко-ярко горятъ двѣ свѣчки. Страхъ насъ взялъ, отворить дверь да войти туда—боимся. Перемогли наконецъ робость, благословясь отперли и вошли; все какъ слѣдуетъ, только на тѣблѣ *) передъ образами горятъ двѣ восковыя свѣчки; взяли мы ихъ и загасили—ничего. Подумали, подумали послѣ всѣхъ, немогли взять въ толкъ—что это такое значить. Откуда тутъ свѣчкамъ взяться? Замокъ цѣлъ, ключъ отъ горницы въ этотъ разъ былъ со мной на поясъ, да я его кромѣ своей старухи и не довѣряю никому. Такъ и порѣшили ничѣмъ тогда это дѣло. Только это же самое черезъ день случилось и въ другой разъ. Въ среду рано опять мы пошли молотить и опять вышла таже исторія, опять горятъ свѣчи. Ужъ такой страхъ взялъ насъ тогда, что мы насилу-насилу осмѣлились взойти. Замокъ опять цѣлъ, я было послѣ перваго-то раза и замокъ перемѣнилъ, другой помудренѣй привѣсилъ и ниточкой его перевязалъ непримѣтно, чтобы можно было видѣть, если кто отопретъ его своей рукой, и ключъ въ этотъ день все у себя держалъ,—все цѣлехонько, какъ было, а свѣчки горятъ, какъ и въ первой, ужъ такая-то страсть насъ взяла тогда, и сказать нельзя... И въ деревнѣ всѣ заговорили, что у меня въ домѣ *чудится*. Незнаемъ ужъ мы, батюшка, какъ этому дѣлу и пособить-то; я за этимъ и пришелъ къ твоей

*) Тябло — это кіота или просто полка въ переднемъ углу избы, на которой ставятся иконы.

милости, вотъ и свѣчки что горѣли-то принесть съ собой. При этомъ крестьянинъ вынулъ изъ-за пазухи платокъ и, развязавши его, положилъ на столъ четыре обыкновенныя свѣчки желтаго воска, какія въ большомъ употребленіи по селамъ. Свѣчи были, какъ и быть свѣчки—ничего особеннаго въ нихъ не было.

— Ну, а вы сами какъ думаете объ этомъ дѣлѣ — отчего это свѣчки-то горять? спросилъ о. П. крестьянина.

— Да мы, батюшка, кладемъ на вражью силу, отвѣчалъ тотъ, потому этого сдѣлать больше нѣкому, да и нельзя — двери, вѣдь, замкомъ были заперты, сквозь нихъ нельзя пройти человѣку, кромѣ лукаваго этого никому нельзя сдѣлать... Да опять же и сосѣди говорятъ, что видѣли у меня въ горницѣ нехорошее. Вотъ во второй-то разъ, какъ горѣли свѣчки, такъ Матрена, Ивана Степанова жена—ты, батюшка, ее знаешь—выходила за водой на колодець, что подъ моими окошками, такъ слышала, говорить, что сначала въ горницѣ стучали шибко, а потомъ, говорить, кто-то прокричалъ не человѣчьимъ голосомъ, и изъ окошка выглянула страшная-престрашная рожа съ рогами. Матрена такъ перепугалась, что насилу прибѣжала домой и ведра оставила на колодцѣ, слегла послѣ этого въ постель и теперь еще лежитъ. По всему видно, что врагъ тутъ орудуетъ; я вотъ, батюшка, и пришелъ попросить тебя пріѣхать къ намъ да отпѣть молебень съ водосвятиемъ у насъ въ домѣ; тогда вражья сила, можетъ быть, и покинетъ насъ, вѣдь врагъ креста Господня, какъ огня боится...

— Странное что-то дѣйствительно дѣлается у тебя въ домѣ, только все-таки мнѣ думается, что это не

вражья сила дѣлаетъ, а кто нибудь другой; ты врага-то поищи поближе, около себя, замѣтилъ о. П. старику.

— Да кому же, батюшка, больше тутъ дѣйствовать, кромѣ врага? Подшутить развѣ, или зло сдѣлать кто хотѣлъ этимъ,—да тоже некому у меня въ домѣ, на семью свою я непожалуюсь; слава Богу, худо про насъ никто не скажетъ въ деревнѣ. Сыновья оба—ребята славные, худымъ ничѣмъ не занимаются, сноха тоже женщина хорошая, тихая, работающая, отъ нихъ худа я никакъ не чаю видѣть.

— А чужихъ у тебя въ домѣ никого нѣтъ? Ты вотъ про работницу поминалъ, за ней-то ты ничего особеннаго не замѣчалъ?

— Живетъ, батюшка, работница солдатка у меня, взялъ ее на рабочую пору; дома-то остается теперь одна моя старуха, не сможетъ она управиться со-всѣмъ, такъ работница и пособляетъ, потяжеле-что сдѣлаетъ, да потомъ и приходитъ къ намъ на гумно. Женщина она еще не старая и къ дѣлу рачительная, худое что про нее тоже сказать не могу, ничего незамѣчалъ; живетъ она у насъ недавно—всего недѣли четыре, такъ и распознать ее еще некогда, да и она такая угрюмая, неразговорчивая, кто ее знаетъ, какова она—чужая душа потемки, неразберешь...

— Значитъ изъ домашнихъ ты никого не подозрѣваешь въ этомъ дѣлѣ?

— Да кого тутъ подозрѣвать-то? Никого, батюшка! Да опять же вѣдь было заперто, въ другой-то разъ и замѣтка была сдѣлана, такъ и замѣтка цѣла, а сквозь двери нельзя пролезть человѣку... Нѣтъ, тутъ некого больше винить, кромѣ лукаваго, ужь это вѣрно!.. Настаивалъ на своемъ крестьянинъ.

— Ну, а почему же ты именно на врага сваливаешь дѣло? Можетъ быть ты и на него-то клепнешь напраслину; вѣдь невидѣлъ и незнаешь ничего, а непременно врагъ тутъ. Разсуди хорошенько, что за прибыль врагу зажигать у тебя свѣчки въ домѣ? кромѣ страха тутъ ничего невыйдетъ, а ему вѣдь не страхъ нашъ нуженъ, ему нужно и пріятно на худое дѣло подбить да соблазнить человѣка, этого онъ и добивается; а у васъ все врагъ... Дѣло твое дѣйствительно темное, а все-таки оно невражье дѣло. Я тебѣ посовѣтовалъ бы вотъ что сдѣлать: въ слѣдующій разъ ты самъ покарауль хорошенько на сараѣ въ то время, какъ всѣ уйдутъ молотить, да сдѣлай это безъ огласки, чтобы другой никто въ домѣ не зналъ этого... Залягъ гдѣ нибудь на сараѣ такъ, чтобы тебя никто немогъ замѣтить, да смотри, ты не робѣй, перекрестись— такъ никакая вражья сила не прикоснется къ тебѣ, а сробѣешь да перепугаешься, такъ можетъ тебѣ померещиться, пожалуй, и нивѣсть что — извѣстное дѣло— у страха глаза велики, говорятъ. Тогда и наблюдай что будетъ; что увидишь, мнѣ и скажешь, какъ въ воскресенье придешь молиться. Такъ и сдѣлай пока.

— Хорошо, батюшка, сдѣлаю, какъ ты велишь. А все мнѣ сдается, что тутъ не спроста дѣлается, а врагъ...

— Ну хорошо, хорошо, перебилъ о. П., тамъ авось дѣло откроется. Ты только сначала сдѣлай, какъ я тебѣ говорю...

Крестьянинъ всталъ, подошелъ снова подѣ благословеніе о. П. и отправился домой.

— Вотъ какого рода обстоятельства случаются иногда въ пастырской дѣятельности сельскаго священника! за-

говорилъ о. П. по уходѣ крестьянина, обращаясь ко мнѣ. Въдь конечно тутъ не дьявольская сила дѣйствуетъ, а поди вотъ разубѣди въ этомъ нашего мужичка, ни за что не повѣритъ. Такъ ужъ натолковали ему съ дѣтства, такъ насаждала ему нянька, которая постоянно пугала его, когда онъ плакалъ, лѣшимъ, домовымъ и т. п.; такъ вѣрятъ его отецъ, мать и всѣ окружающіе его, такъ и онъ сталъ вѣрить этому. Все, что крестьянинъ неумѣетъ объяснить себѣ просто и обыкновенно, онъ объясняетъ дьявольской силой, разубѣдить его въ этомъ мудрено: тутъ никакія теоретическія разсужденія не помогутъ, можно много наговорить ему, онъ пожалуй, не найдетъ ничего сказать вамъ на это и согласится съ вами, но на дѣлѣ отъ все-таки останется при своихъ прежнихъ понятіяхъ... Хорошо, вотъ если это обстоятельство, о которомъ сейчасъ рассказывалъ крестьянинъ, раскроется и объяснится—это будетъ очень полезно, и подѣйствуетъ на крестьянина очень сильно, лучше всякихъ разсужденій поколеблетъ его суевѣрія; но если нѣтъ, то вотъ новый случай, подтверждающій его суевѣрія о домовыхъ, лѣшихъ и т. п.; еще сильнѣе и крѣпче засядетъ въ немъ вѣра въ нихъ. Что вы ни говорите тогда ему, онъ прямо вамъ укажетъ на этотъ случай и кончено дѣло... А обстоятельство, о которомъ сейчасъ рассказывалъ мужичекъ, въ самомъ дѣлѣ довольно странное. Повѣрье о *свѣчкахъ* очень распространено въ нашей мѣстности—крестьяне часто рассказываютъ о видѣнныхъ ими свѣчкахъ въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ по народному преданію зарыты клады, или случилось какое нибудь замѣчательное и необыкновенное происшествіе; но какимъ образомъ онѣ появились въ домъ — это довольно трудно объяснить;

что это дѣйствительно было—сомнѣнія нѣтъ, многіе видѣли и самыя свѣчки, крестьянинъ принесъ — значить это не обманъ зрѣнія. Изъ семейныхъ этого крестьянина тоже подозрѣвать когонибудь трудно. Я знаю его семейство хорошо, примѣрное семейство! скромное, трудолюбивое, старика всѣ въ домѣ любятъ и почитаютъ, обмана какогонибудь отъ его семейныхъ нельзя ожидать. Развѣ вотъ не солдатки ли работницы это дѣло, можетъ быть... Любопытное обстоятельство! Очень желательно, чтобы оно вполнѣ разъяснилось, это было бы очень полезно. Подождемъ, что скажетъ намъ воскресенье, можетъ быть и объяснится дѣло...

Пришло воскресенье. Послѣ утрени къ о. П. по обыкновенію набралось очень много народа. Только что было онъ пришелъ изъ церкви и заговорилъ съ прихожанами, въ избу вошелъ знакомый намъ крестьянинъ. Помолившись Богу, онъ подошелъ подъ благословеніе о. П., и тотчасъ же повалился ему въ ноги.

— Отецъ ты нашъ... заговорилъ было онъ.

— Что ты, что ты, Яковъ Петровичъ? Богъ съ тобой! сказалъ о. П., удерживая крестьянина отъ колѣнопреклоненія. Ты Богу такъ кланяйся и молись...

— Отецъ ты нашъ, дай тебѣ Богъ много лѣтъ священствовать! Вѣчно ты заставилъ за себя Бога молить; вѣдь ты отъ раззоренія меня избавилъ, безъ тебя бы она разбойница меня до-чиста ограбила, послѣднюю копѣйку унесла бы... Непособи ты, пропащій бы я человѣкъ былъ. Дай тебѣ Богъ здоровья! проговорилъ крестьянинъ, низко кланяясь при этомъ о. П.

— Полно, полно кланяться-то; когда отъ бѣды избавили, такъ ты Бога благодари, Ему поусерднѣй помо-

лись. А теперь садись, да Расскажи намъ лучше, что такое и какъ у тебя случилось, отвѣчалъ о П.

Крестьянинъ сѣлъ подлѣ стола и сталъ рассказывать. „Дѣло-то, батюшка, по которому я приходилъ къ тебѣ, вѣдь открылось, началъ онъ. Это работница моя, она безсовѣстная тутъ орудовала, ея дѣло было... Какъ ты мнѣ посоветовалъ тогда, батюшка, такъ я и сдѣлалъ. Пришелъ я домой отъ тебя, спрашиваютъ: что сказалъ батюшка? Я говорю, что общался прѣхать на недѣлѣ, а самъ и виду не подаю что дѣлаю. На утро поспѣлъ овинъ — сынъ большой пришелъ будить. Стали вставать, я говорю, что мнѣ нездоровится что-то, однако пошелъ. На гумнѣ слазилъ на овинъ, накидалъ сноповъ; слѣзъ оттуда да и говорю, что мнѣ что-то и очень ужъ нездоровиться стало. Сынъ и сталъ посылать меня домой — поди, говоритъ, батюшка, домой, лежи лучше, а мы безъ тебя какъ нибудь управимся. И то, говорю ему, пойти лучше... и ушелъ. Прошелъ я прямо на сарай, пробрался туда тихохонько, чтобы никто, значить, не слыхалъ, да и залегъ въ сѣно, горницу-то, въ которой *чудится*, мнѣ всю видно, какъ есть. Лежу, а у самага мурашки по кожѣ бѣгаютъ, страсть такая напала: ну какъ, думаю, что нибудь да случится со мной недоброе; однако скрѣвился, лежу да молитву творю. Полежалъ немножко и слышу кто-то тихохонько пробирается на сарай отъ избы, обошелъ горницу да и остановился въ углу — вижу только что человѣкъ, а лица-то его мнѣ невидно. Пошурнѣлъ въ углу-то немножко, да и засвѣтилъ спичку. Вотъ какъ появился огонь-то, такъ мнѣ и видно стало все — это дѣйствуетъ наша работница солдатка; поотлегло тогда у меня отъ сердца. Лежу, что дальше будетъ, жду. Она отыскала какую-то нитку

въ самомъ углу, да и зажгла ее, огонь-то такъ и побѣжалъ по ней, потомъ взяла чурбанъ, въ углу тутъ лежалъ, да имъ раза три ударила по стѣнѣ и пошла было домой... Тутъ я и выскочилъ изъ сѣна, да прямо схватилъ ее за воротъ — стой! говорю, сказывай все, винись! Она такъ и остолбенѣла, стоитъ какъ безумная; опомнилась, да прямо мнѣ въ ноги; „помилосердуй, говоритъ, негуби! расскажу все, какъ есть.“ Вотъ она мнѣ и рассказала. Познакомилась, видишь ты, она въ нашей деревнѣ съ Иваномъ кантонистомъ,—его ты, батюшка, знаешь, такой негодный парень, всѣмъ ужь онъ надоѣлъ въ деревнѣ,—а тотъ и подбилъ ее вмѣстѣ ограбить меня; согласились они, работница-то у меня въ домѣ живетъ, значить знаетъ всѣ ходы въ домѣ и что дѣлать. Вдругъ-то, видишь, нельзя воровство сдѣлать—опасно, такъ и придумали они сначала настрашать насъ, а потомъ ужь и ограбить; тогда если и стукъ выйдетъ—шумъ, такъ подумаютъ, что чудится и не выйдутъ, не помѣшаютъ. Работница-то знала, что у насъ кладовая перестраивается и все добро по этому случаю перенесено въ горницу; вотъ съ горницы-то они и начали, и придумали эти свѣчки, но вѣдь какъ хитро, окаанные, придумали-то. Работница продѣлала щель въ томъ углу, гдѣ стоятъ иконы-то, такъ, чтобы рука пролѣзала. А за образами угла вовсе невидно, такъ намъ и невдомекъ про эту хитрость. Только, знаешь, опять зажигать свѣчки неловко рукой — не скоро ошупаешь ихъ, такъ они достали такія нитки, по которымъ огонь самъ перебѣгаетъ, селитрой чтоли онѣ намазаны, ужь я незнаю, работница сказываетъ, что Иванъ досталъ ихъ въ городѣ у аптекаря. Такъ, вотъ, работница-то ночью, когда спятъ всѣ, возметъ да и по-

ставитъ свѣчки въ горнищѣ, просунетъ руку да и прилѣпитъ ихъ, а за свѣтильни-то къ нимъ привязаны ниточки, и концы этихъ ниточекъ выпущены на волю; какъ мы уйдемъ всѣ молотить, она пойдетъ на сарай мало ли за чѣмъ по хозяйству, да только подожжетъ кончики нитокъ, свѣчки сами собой и загорятся, а чтобы страху задать еще больше, такъ постучитъ чѣмъ нибудь въ стѣну... На этомъ-то самомъ дѣлѣ я и поймалъ работницу, она теперь съ Иваномъ вмѣстѣ въ волостномъ сидитъ. Спасибо тебѣ, батюшка, отъ гибели ты меня избавилъ,— снова обратился крестьянинъ къ о. П. и поклонился ему.

— Ну, теперь ужъ не станешь утверждать попрежнему, что тутъ вражья сила дѣйствовала? спросилъ о. П. крестьянина, когда тотъ кончилъ свой рассказъ.

— Какъ же можно теперь, батюшка, отвѣчалъ тотъ. Теперь дѣло ясное, что не врага, а работницы это дѣло...

— Вотъ то-то же и есть, началъ о. П., обратившись уже ко всѣмъ сидѣвшимъ въ избѣ, изъ этого случая и учитесь... У васъ обыкновенно все врагъ, что ни случится все вражья сила; а какъ разобрать дѣло-то хорошенько, такъ и выходить, что это просто плутни какого нибудь безчестнаго человѣка, а то и вовсе ничего не бывало, только померещилось такъ, потому что думалъ о какомъ нибудь человѣкѣ, да боялся. Напримѣръ, вотъ хоть бы въ этотъ разъ твоя Матрена (о. П. указалъ на одного крестьянина) слышала, что кто-то ревѣлъ не человѣчьимъ голосомъ, видѣла какую-то рожу страшную съ рогами, а на дѣлѣ-то оказывается, что вовсе ничего не бывало — никакой рожи; понятно, что ей это просто померещилось со страху; сказали ей, что

тутъ *чудится*—вотъ ей и въ самомъ дѣлѣ почудилось, а вѣдь между тѣмъ она, говорятъ, занемогла отъ этого. И другія-то всѣ ваши *чуда* большею частію произошли и происходятъ вотъ такимъ же образомъ; насаждали вамъ еще съ дѣтства глупыя няньки разныхъ сказокъ да бывальщинъ о домовыхъ, лѣннихъ, вѣдьмахъ и т. п., вотъ вы и вѣрите въ нихъ, вездѣ у васъ нечистая сила, а безчестные люди и пользуются этимъ, и обманываютъ васъ. Мало ли различныхъ колдуновъ, ворожей, которые просто морочатъ и обманываютъ добрыхъ людей, да набиваютъ чрезъ это свои карманы. Сколько тутъ бываетъ грѣха-то и вреда для васъ! Сколько ссоръ и раздоровъ въ семьяхъ! Что нибудь сдѣлается въ домѣ, сейчасъ пойдутъ къ какому нибудь знахарю ворожить, а тотъ насажаетъ разнаго вздору, заподозрить въ дѣлѣ людей совершенно невинныхъ — иной разъ просто потому, что нужно же что нибудь сказать; дѣла не знаетъ настоящаго, такъ и болтаетъ наобумъ; а иной разъ по злобѣ, или какому нибудь расчету ужъ намѣренно укажетъ на хорошаго и праваго человѣка, а тотъ и страдай безвинно, обнесутъ его воровъ, плутомъ — развѣ это легко?.. А то вотъ взять хоть настоящій случай—запугалъ бы воръ этими свѣчками всѣхъ въ домѣ такъ, что послѣ при самой-то покражѣ и выйдти побоялись бы, подумали бы на домоваго какого нибудь, а воръ между тѣмъ ограбилъ бы все до-чиста, унесъ бы можетъ быть послѣднюю трудовую копѣйку у крестьянина. Мало ли другихъ подобныхъ плутней совершается, благодаря вашей вѣрѣ въ колдуновъ да въ домовыхъ разныхъ — всего не перечесть. Видите ли, сколько отъ этого зла выходитъ, да гора для васъ? . . .

МЫСЛИ ВЪ ДЕНЬ ПРИЧАЩЕНІЯ.

(ИЗЪ ПИСЬМА ПОКОЙНАГО КНЯЗЯ Д. Н. УРУСОВА).

Слава Богу за всё и о всемъ! Мирно совершилось странствіе мое въ обитель преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія; молитва и говѣніе разсѣяли мракъ души, а божественное въ нее вселеніе воплощеннаго Бога мира какъ солнечный лучъ исполнило ее свѣта тихаго и радостнаго. Болѣе нежели когда либо ощущаю безпредѣльность любви Предавшаго себя за грѣхи человѣковъ; болѣе нежели когда либо проникаюсь священнымъ чувствомъ собственного недостойнства предъ неизглаголанною тайною голгоескою. Повторилась она въ сердцѣ моемъ по неизреченному снисхожденію Пріавшаго плоть и содѣлавшагося хлѣбомъ жизни; да повторяется она постоянно во мнѣ, во всѣхъ проявленіяхъ жизни моей, во всѣхъ входахъ и исходахъ чувствъ моихъ, въ каждомъ дыханіи моемъ, и да сохранится цѣла и невредима до послѣдняго издыханія моего. Да молчитъ духъ мой предъ сею великою тайною, да отверзается сердце мое въ ея соблюденіе, да разливается внутренняя жизнь моя, укрѣпляясь и возрастая отъ сего ангельскаго питанія.

Нерѣдко случалось мнѣ слышать опасеніе близкихъ предложить больному вкусить Господа въ Его божественномъ Таинствѣ. Странны предразсудки человѣческіе! Кажется, что можетъ быть естественнѣе для человѣка, какъ соединеніе со Христомъ. Христосъ есть лоза — мы ея рождіе; доколѣ вѣтви привиты къ корню, дотолѣ въ нихъ разливается жизнь корня; отторгните

вѣтви отъ корня, и жизнь ихъ прекратится. Христосъ есть хлѣбъ жизни, питайтесь отъ сего хлѣба, и вы почувствуете въ себѣ святое движеніе жизни благодатной. Что такое наши недуги, наша смерть? Слѣдствія грѣховъ нашихъ. Истребляйте грѣхъ, и вы заградите источники болѣзней, и вы уничтожите страшную силу смерти. Чѣмъ истребляется грѣхъ? Живою, дѣятельною вѣрою во Иисуса Христа, и слѣдовательно живою вѣрою въ св. Таинства тѣла и крови Его. Въ этомъ источникѣ безсмертномъ почерпнемъ для себя не только живую струю временной жизни, но и святую струю жизни вѣчной.

Юня 20
1858 года.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЛѢПАГО И ГЛУХОНѢМАГО

(письмо изъ лозанны). *)

Бъ небольшомъ Швейцарскомъ городкѣ, откуда я пишу вамъ, есть скромное заведеніе, очень скромное, называемое *убѣжищемъ для слѣпыхъ*. Здѣсь воспитывается отъ 20 до 30 молодыхъ людей обоего пола, до 20-лѣтняго возраста. Заведеніе состоитъ изъ школы, изъ рабочей мастерской, изъ главной лечебницы для приходящихъ и глазной больницы. Врачемъ здѣсь докторъ Рекордонъ, директоръ цѣлаго заведенія г. Гирцель изъ Цюриха. Въ недавнее время стараніями директора устроена еще при заведеніи типографія для слѣпыхъ, въ которой всѣ работники слѣпые

*) Изъ газеты „День“, N 14, 1865 года.

Изъ больницы повели меня въ классы и въ спальни къ слѣпымъ. Въ классѣ я засталъ урокъ пѣнія — нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ лѣтъ 10 — 12 брали урокъ вмѣстѣ. Учительница сидѣла за фортепьяно и брала аккорды — а дѣти слѣдили за ней и голосомъ и руками, проводя пальцами по нотамъ, отпечатаннымъ выпуклыми знаками. Въ другой комнатѣ, обвѣшанной выпуклыми картами, оканчивался урокъ чистописанія. Директоръ при мнѣ вызвалъ нѣсколько учениковъ и заставлялъ ихъ читать изъ Евангелія, раскрывая книгу гдѣ попало. Всѣ читали превосходно: со смысломъ, съ совершеннымъ разумѣніемъ произносимыхъ словъ. И странно — казалось, будто они говорятъ по книгѣ, а не читаютъ: можетъ быть это происходитъ отъ того, что для слѣпыхъ не существуетъ внѣшняго развлеченія, тогда какъ вообще дѣти, начиная читать, развлекаются самымъ процессомъ складыванья буквъ и составленія словъ. Отъ того, конечно, и память у слѣпыхъ необыкновенно развитая и твердая. Книгъ у слѣпыхъ немного: книги, напечатанныя выпуклыми буквами, слишкомъ дороги и громоздки; но за то какія есть у нихъ книги, тѣ они знаютъ почти наизусть — и прежде всего Евангеліе. Десятилѣтняя дѣвочка могла мнѣ рассказать содержаніе каждой главы, ощупавъ пальцемъ заглавную цифру.

Мы вошли въ мастерскую. Въ большой комнатѣ слѣпые работники человѣкъ 12 занимались плетеньемъ корзинъ. Съ наступленіемъ 20-лѣтняго возраста курсъ воспитанья въ заведеніи оканчивается, воспитанникъ возвращается въ свою семью или, когда нѣтъ у него семьи, ему даютъ работу въ мастерской. Здѣсь онъ можетъ работать въ теплѣ, получаетъ отъ заведенія матеріалъ по

торговой цѣнѣ, пользуется тутъ же обѣдомъ за самую дешевую плату, а заведеніе принимаетъ на себя продажу его издѣлій. У всякаго работника своя расчетная книжка, въ которую записываются до послѣдней мелочи всѣ приходы его и расходы; и почти у каждаго есть небольшой запасъ сбереженій отъ выручки — въ сберегательной кассѣ. Возлѣ мастерской для корзинщиковъ — токарная. Здѣсь я засталъ двухъ работниковъ — одного слѣпаго отъ рожденія, другаго — подумайте — и слѣпаго и глухонѣмаго! И этотъ послѣдній показался мнѣ совершеннымъ артистомъ въ своемъ родѣ; столько у него тонкаго чутья во всемъ, что относится до *формы*, такая точность и отчетливость въ работѣ, такое пониманіе всѣхъ принадлежностей своего дѣла. *Сильной — мухой — нѣмой* — тройной мракъ его покрываетъ, тройная стѣна отдѣляетъ его отъ міра, и не подивитесь ли вы, когда я скажу, что эту тройную стѣну удалось пробить Гирцелю при помощи истинно-христіанской ревности о несчастномъ? сквозь этотъ тройной покровъ удалось сообщить ему не только искусство механическое, но и свѣтъ идеи для умственнаго и нравственнаго развитія въ мѣрѣ изумительной — по его состоянію. Когда я подошелъ къ этому работнику, Гирцель передалъ ему — посредствомъ осязательной азбуки, нарочно для него изобрѣтенной — въ ладонь, что Русскій-проѣзжіи хотятъ посмотрѣть, какъ онъ работаетъ. Работникъ пріостановился — „Русскій? отвѣтилъ отъ тою же азбукой — издавека-же онъ пріѣхалъ“! Я просилъ Гирцеля передать ему, что я удивляюсь его искусству въ работѣ. Когда слова мои были ему переданы, неподвижная фizioномія вдругъ озарилась веселою улыбкой, и онъ нѣсколько разъ провелъ рукой по груди въ знакъ удо-

вольствія. Когда къ нему подходятъ, онъ замѣчаетъ черезъ нѣсколько секундъ присутствіе посторонняго по движенію воздуха, для другихъ вовсе неощутительному. Но рѣчь моя объ этомъ человѣкѣ еще впереди.

Между тѣмъ, пока я оставался въ токарной, въ первую мастерскую собрались всѣ слѣпые на общее пѣніе. На небольшой отгороженной платформѣ, около органа, поставленнаго въ глубинѣ залы, всѣ они — дѣти, молодая дѣвушка и мужчины — запѣли прекрасный духовный гимнъ. Пѣли прекрасно, я былъ тронутъ до глубины души этимъ величественнымъ пѣніемъ — и подлинно, было что-то невыразимо трогательное въ этомъ гимнѣ слѣпыхъ — какъ будто самая мысль вмѣстѣ съ голосами у нихъ чище, духовнѣе, чѣмъ у другихъ, поднималась къ небу, отрѣшаясь отъ земли. Слепой, лѣтъ 17-ти, игралъ въ это время на органѣ съ замѣчательнымъ талантомъ и вѣрностію. Между слѣпыми не мало музыкантовъ; многіе изъ нихъ, оставляя заведеніе, занимаютъ мѣсто органистовъ при церквахъ или регентовъ въ хорахъ; не мало выходитъ изъ нихъ и учителей математики. Обыкновенно говорятъ, что слѣпые живѣе, веселѣе характеромъ, чѣмъ глухіе. Гирцель не согласенъ съ этимъ общепринятымъ мнѣніемъ; по его наблюденіямъ, у слѣпыхъ, покуда они въ дѣтскомъ возрастѣ, дѣйствительно замѣтно ясное расположеніе духа, но часто случается, что съ годами они утрачиваютъ эту ясность, приобретаютъ мрачное расположеніе духа, стонуютъ крайне подозрительны и щекотливы; по физіономіи трудно бываетъ угадать что у нихъ на душѣ; на лицѣ у нихъ всегда безстрастное выраженіе — они скрываютъ въ себѣ свою мысль и на душѣ у нихъ накопляется горечь, иногда растетъ сомнѣніе; но потомъ, приходя въ зрѣ-

мый возрастъ и къ старости, они опять входятъ въ прежнее мирное и ясное расположеніе духа. Разумѣется, не можетъ не быть исключеній изъ этого правила, и случается, что слѣпые, постоянно сосредоточивая въ себѣ мысль, въ способности мыслить доходить до удивительной глубины и тонкости.

Женщинамъ труднѣе найти занятіе, нежели мужчинамъ: въ типографіи женщины складываютъ, сортируютъ бумагу, сушатъ и равняютъ листы. Ихъ учатъ плести соломѣ, работать маленькія корзины: — онѣ вяжутъ, работаютъ въ прачешной и т. п. Мужчины слѣпые иногда женятся, а женщины конечно никогда не выходятъ замужъ.

Такъ Гирцель — человѣкъ замѣчательный и знакомство съ нимъ доставило мнѣ много истиннаго наслажденія. Ему около 50 лѣтъ, и вотъ уже 22 года онъ заведываетъ убѣжищемъ для слѣпыхъ, которое, можно сказать, имъ создано. Съ ранняго возраста у него призваніе къ педагогической дѣятельности именно этого рода. Въ это дѣло онъ кажется всю душу свою положилъ, безпрестанно изобрѣтаетъ новые приемы, новыя средства, лучшіе практическіе способы къ воспитанію слѣпыхъ: придумываетъ новыя занятія для того, чтобы темному ихъ воображенію сдѣлать доступными сокровища свѣта. Величайшимъ его подвигомъ я считаю — воспитаніе того слѣпнаго глухонѣмаго, Эдуарда Мейстера, о которомъ упомянулъ выше. Стоить рассказать объ этомъ подробнѣе! Дѣло это — по моему мнѣнію — диво человѣческаго разума и любви человѣческой.

Когда Гирцель встрѣтился съ Мейстеромъ, несчастному былъ уже 18-й годъ. Гирцель нашелъ его въ состояніи животнаго, безъ мысли и сознанія, безъ малѣйшей способности выражаться и входить въ сношеніе съ

другими людьми; одно чувство осязанія было ему доступно, и въ довершеніе бѣдъ — отецъ пьяница приучилъ его къ вину, пользуясь этимъ средствомъ для того, чтобы сынъ его несчастный не беспокоилъ. Глухонѣмой отъ рожденія, Мейстеръ потерялъ и зрѣніе на 6-мъ году своего возраста вслѣдствіе несчастнаго случая. Въ памяти у него — какъ объяснялъ онъ впослѣдствіи — осталось только какое-то смутное представленіе свѣта, особенно о звѣздахъ: какія-то маленькія желтоватыя точки вдали, такія красивыя—красивыя.

Гирцеля на первый разъ поразила въ немъ замѣчательная способность механическая. Когда Мейстру попадала въ руки какая-нибудь мягкая масса, онъ тотчасъ принимался лѣпить изъ нея; любилъ обтачивать ножомъ куски дерева. Эта особенная склонность привлекла къ себѣ вниманіе Гирцеля и подала ему первую мысль о возможности ею воспользоваться для развитія Мейстра. Съ удивительнымъ терпѣніемъ и умѣньемъ Гирцель мало-по-малу довелъ ученика своего до того, что онъ сдѣлался искуснымъ токаремъ, сталъ владѣть очень ловко инструментами, выказалъ талантъ и вкусъ и предался точенью съ увлеченіемъ самаго живаго интереса. Но все-таки, помимо осязанья, не было другаго средства Гирцелю войти съ Мейстромъ въ нравственное сообщеніе, не было возможности раскрыть для этой темной души цѣлый міръ идей, ввести ее въ кругъ нравственнаго и религіознаго развитія. Однажды Гирцель попробовалъ дать ему понятіе о человѣческой рѣчи, о томъ, что есть способъ выражать словами или знаками сперва видимые, потомъ и невидимые предметы. Онъ взялъ инструментъ, который былъ всего знакомѣе

Мейстру, пилу и положилъ ее возлѣ него по правую руку на столъ; а съ лѣвой руки сложилъ слово: *пила* большими деревянными буквами; потомъ заставилъ Мейстра ощупать—сначала правою рукой пилу, а затѣмъ — лѣвою рукой сложенное слово. Переставлялъ нѣсколько разъ инструментъ и буквы то въ ту, то въ другую сторону, пробовалъ множество другихъ способовъ, чтобы дать понятіе о соотвѣтствіи между тѣмъ и другимъ —напрасно: фізіономія слѣпца глухонѣмаго оставалась по прежнему неподвижною — понятіе не появлялось. Нѣсколько мѣсяцевъ употреблялъ Гирцель на рѣшеніе этой задачи, повидимому неразрѣшимой—чего онъ не перепробовалъ! Наконецъ Мейстръ вдругъ, въ одно мгновеніе *понялъ*, что 4 деревянные буквы означаютъ пилу. Надо было еще дать ему понятіе о томъ, что буквы должны слѣдовать одна за другою въ извѣстномъ порядкѣ—онъ всѣ ихъ смѣшивалъ, не различая. Какъ скоро это первое понятіе въ немъ утвердилось, Гирцель положилъ ему другой инструментъ и соотвѣтствующія его названію буквы. Тутъ явилось новое затрудненіе. Темный человѣкъ никоимъ образомъ не въ состояніи былъ различить два слова, тѣмъ болѣе, что въ одномъ имени встрѣчались тѣже буквы, какія были въ другомъ и которыя онъ почиталъ принадлежностью этого другаго имени. Прошло еще нѣсколько недѣль покуда онъ *понялъ* различіе словъ. Это была для него минута внезапнаго вдохновенія—онъ схватилъ одной рукой пилу и ея названіе, другою—другой инструментъ и его буквы, поднялъ ихъ вверхъ и сталъ переносить съ права на лѣво, съ лѣво на право—каждый предметъ съ его буквами—ему хотѣлось показать какъ можно явственнѣй, что онъ *понимаетъ*. Съ этой минуты, фундаментъ былъ

положеніе, первыя, капитальныя трудности побѣждены. Мейстръ получилъ идею о знаніи и съ жадностію на него набросился, сталъ искать по всѣмъ угламъ новыхъ предметовъ, приносилъ ихъ къ Гирцелю и требовалъ— имени и буквъ! Скоро ужъ затруднительно стало говорить съ нимъ, складывая деревянныя буквы: тогда Гирцель изобрѣлъ для него азбуку, въ родѣ азбуки глухонѣмыхъ, съ тою разницей, что знаки передаются въ ладонь осязанія. Мейстръ тотчасъ понялъ мысль Гирцеля, сталъ учиться съ усердіемъ и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ можно было объясняться съ нимъ этою азбукой довольно свободно. Мало-по-малу научился онъ читать— даже писать, получилъ свѣдѣніе обо всѣхъ окружавшихъ его предметахъ, а механическія его способности стали развиваться съ замѣчательною силой.

Тогда Гирцель счелъ возможнымъ идти дальше: ввести темнаго человѣка въ новый кругъ идеи.

Однажды онъ положилъ ему въ руку кусокъ хлѣба и спросилъ его: изъ чего хлѣбъ сдѣланъ? — Изъ муки, отвѣчалъ Мейстръ. — Откуда мука? — Изъ зерна. — Откуда зерно? — Изъ травы. — А траву кто сдѣлалъ?

Можно себя представить, въ какомъ волненіи находился Гирцель, когда предлагалъ этотъ вопросъ ученику своему. Что онъ отвѣтитъ? Отвѣтъ долженъ былъ показать ему— до чего можетъ простираться мѣра понятливости ученика его.

Глухонѣмой задумался, наконецъ отвѣчалъ: *Солнце*. Какъ было не порадоваться такому отвѣту? Отвѣтъ означалъ, что Мейстръ умѣлъ соединить въ умѣ своемъ оживляющее, знакомое и испытанное дѣйствіе солнечныхъ лучей— съ существованіемъ растенія: Мейстръ, подобно первобытному, дикому человѣку, соединялъ съ понятіемъ о солнцѣ понятіе о силѣ творческой.

А солнце—спросилъ затѣмъ Гирцель—кто его сдѣлалъ?

Глухонѣмой не отвѣчалъ ни слова и только потрясъ головой, давая понять, что не знаетъ.

Тогда Гирцель сказалъ ему съ разстановкой, чтобы явственнѣе впечатлѣть слова въ его понятіе: „Есть существо безконечно доброе. Онъ сотворилъ солнце, Онъ сотворилъ все, что только есть въ мірѣ, зовутъ его Богъ.“—Сказалъ, и ушелъ отъ него, чтобы дать ему время размыслить.

Вернувшись къ нему чрезъ нѣсколько часовъ, Гирцель нашелъ его въ углу; онъ сидѣлъ неподвижно, погруженный въ новую мысль. О чемъ ты думаешь? спросилъ Гирцель. Глухонѣмой отвѣчалъ: „думаю о томъ, кто сдѣлалъ солнце“. Душа человѣческая нашла своего Создателя. Свѣтъ проникъ въ душу сквозь тройную тьму ея; проникъ, и сталъ поднимать и вызывать въ ней скрытыя силы на прозябаніе. Какъ описать радость учителя при этомъ пробужденіи духа въ ученикѣ! Гирцель говоритъ, что когда бы можно было сомнѣваться въ существованіи прирожденной въ человѣкѣ идеи о бытіи Божіемъ, прирожденнаго чувства вѣры, этотъ опытъ уничтожилъ бы всякое сомнѣніе.

Съ этого пункта Гирцель пошелъ далѣе: началъ знакомить Эдуарда Мейстра съ Евангеліемъ, рассказалъ ему,—на сколько можно было читать Евангельскую исторію, о земной жизни Христа Спасителя. Темному уму, едва просвѣтленному начаткомъ свѣта, надо было прежде передать человѣческій образъ Спасителя, оставивъ до времени таинственное понятіе объ искупленіи. Мейстръ могъ усвоивать себѣ новыя идеи только въ послѣдовательномъ порядкѣ и съ большими промежутками: каждую новую идею надо было, точно зерно, класть въ землю

и оставлять, чтобъ она, подобно зерну, сама собою медленно выростала и развивалась, не мѣшаясь съ другими образами, съ другими идеями. Пособлять этой внутренней работѣ мысли можно было только частымъ повтореніемъ одного простаго слова.

Замѣтно было, что Мейстръ сразу былъ до глубины тронутъ и заинтересованъ образомъ Христа Спасителя. Онъ не уставалъ выслушивать малѣйшія подробности его жизни, не уставалъ предлагать вопросы о немъ. Мейстръ былъ очень привязанъ къ врачу заведенія Рекордону и однажды вдругъ предложилъ Гирцелю такой вопросъ: не врачъ ли былъ Иисусъ Христосъ? Въ другой разъ, именно въ самомъ началѣ, спросилъ онъ: плакалъ ли Христосъ? и вслѣдъ за тѣмъ, смѣялся ли Христосъ? Не правда ли, какіе простые и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокіе вопросы? Точно простая душа, знающая и страданье и радость, хочетъ увѣриться, что въ томъ и въ другомъ участвуетъ ея Спаситель. Когда наконецъ достигло въ немъ до полноты познаніе о жизни Иисуса Христа, онъ сказалъ однажды со всѣми движеніями восторга; „*Одинъ* только онъ можетъ быть такой“. Видно было, что въ душу къ нему вошло сознаніе идеала, чистое зерно вѣры въ божественность Христову.

Оставались еще нетронутые глубокіе вопросы—о грѣхѣ, о покаяніи, о благодати Христовой, о смерти и о жизни вѣчной. Гирцель ждалъ терпѣливо удобной минуты, когда можно будетъ коснуться и этихъ вопросовъ: сердце его стояло на стражѣ у распускавшейся мысли, и вотъ, однажды, подошла одна минута.

У Мейстра оставалась еще съ дѣтства пріобрѣтенная дурная склонность къ пьянству, Гирцель, съ перваго же дня поступленія Мейстра въ заведеніе, старался ис-

коренить въ немъ эту привычку, но всетаки отъ времени до времени она обнаруживалась. Мейстръ сталъ уже взрослымъ человѣкомъ—иногда выходилъ изъ заведенія, отправлялся съ кѣмъ-нибудь гулять—и поддавался искушенію. Однажды слѣпые товарищи, съ которыми ходилъ онъ гулять, завели его въ кабакъ. Когда онъ вернулся домой, Гирцель, выговаривая, спросилъ его: зачѣмъ ты это сдѣлалъ? На это побуждаемый какимъ-то невольнымъ движеніемъ, Мейстръ отвѣтилъ: „Не я, это другіе завели меня,“. Не правда ли, какъ ясно въ этомъ отвѣтѣ повторяется отвѣтъ перваго человѣка на первое обличеніе въ грѣхъ? Пускай такъ отвѣчаютъ другіе: можно предположить, что другимъ такой отвѣтъ подсказываетъ чувство, родившееся безсознательно изъ сообщенія съ людьми, изъ многообразныхъ впечатлѣній внѣшняго міра: а у этого человѣка, отрѣшеннаго отъ людей и отъ внѣшняго міра—откуда какъ не изъ прирожденнаго свойства души взялось это первое движеніе—отречься отъ зла и перенести на другихъ вину его?

Гирцель рѣшился неупускать этого случая. Черезъ нѣсколько дней, окончивъ съ ученикомъ своимъ урокъ чистописанія, Гирцель напомнилъ ему объ томъ, что случилось, сказавши: *Ты былъ виноватъ* (vous avez commis une faute). Но на Французскомъ языкѣ, на которомъ происходилъ разговоръ, слово *faute* означаетъ и *вину* и *ошибку*, а какъ слова эти были сказаны послѣ урока чистописанія, то Мейстръ, хотя и понималъ въ чемъ дѣло, съ замѣчательной хитростью ухватился за это послѣднее слово и отвѣчалъ Гирцелю: „можно исправить ошибку“, показывая рукою, какъ можно стереть или изгладить написанное. Тогда Гирцель, видя, что употребилъ не то слово, сказалъ ему: „ты сдѣлалъ *грѣхъ*, а *грѣхъ* нельзя изгладить“, и сказавши это, ушелъ.

Въ тотъже день Мейстръ поспѣшилъ самъ завести разговоръ о томъ же предметѣ, и съ этой минуты между нимъ и Гирцелемъ завязалась упорная борьба: глухонѣмой не хотѣлъ ни за что принять идею о грѣхѣ, котораго нельзя изгладить; онъ придумывалъ самые затѣйливые аргументы, чтобы освободиться отъ тяжелой мысли о грѣхѣ неизгладимомъ и кружился съ ними во всѣ стороны, точно отмахиваясь отъ строгаго слова, сказаннаго Гирцелемъ: „грѣхъ нельзя изгладить“. Проходили дни, Мейстръ сталъ менѣе сообщителенъ, однажды цѣлый день не ѣлъ ничего и не принимался за работу и просидѣлъ въ углу, погруженный въ глубокое раздумье. Совѣсть заговорила въ немъ: надъ нимъ тяготѣла идея о грѣхѣ. Онъ лишился сна и впалъ въ такое мрачное состояніе духа, что Гирцель счелъ нужнымъ вступитья немедленно. Онъ подошелъ къ Мейстру, взявъ его за руку и сказалъ: „Ты еще не умѣешь хорошо читать и писать—постарайся хорошенько; тогда я скажу тебѣ, кто можетъ изгладить грѣхъ“. Мейстръ принялся опять за дѣло, пришелъ въ прежнее спокойное состояніе духа—но избѣгалъ уже тщательно всякаго разговора о предметѣ, отъ котораго потерпѣлъ столько тяжкаго испытанія. Такъ прошло довольно времени, глухонѣмой сдѣлалъ большіе успѣхи въ ученіи. Удоставившись въ этомъ, Гирцель однажды сказалъ ему: „я открою тебѣ тайну“. Глухонѣмой въ ту же минуту спросилъ: „вѣрно ты скажешь мнѣ, кто можетъ изгладить грѣхъ“. Годъ слишкомъ прошелъ съ того времени, какъ Гирцель обѣщалъ ему открыть тайну, и обѣщаніе залегло въ душу Мейстру, не отставая отъ его мысли.

Но Гирцель, не отвѣчая прямо, самъ предложилъ ему

вопросъ: какъ ты думаешь, кто можетъ изгладить грѣхъ? Глухонѣмой отвѣчалъ совершенно подѣтски: „докторъ Рекордонъ.“—Нѣтъ!—сказалъ на это Гирцель, и повторилъ вопросъ. Мейстръ еще подумалъ и отвѣчалъ: „не ты ли, Гирцель?“—Нѣтъ! И тутъ, напомянувъ то, что самъ глухонѣмой когда-то выразилъ о Христѣ, Гирцель прибавилъ: „только *одинъ* можетъ изгладить грѣхъ Иисусъ Христосъ“. Сказавши это Гирцель, держась принятой системы, ушелъ и оставилъ Мейстра одного—съ новой его мыслью. На слѣдующее утро Мейстръ пошелъ къ женѣ Гирцеля, которую очень любилъ и объяснилъ ей, что не спалъ цѣлую ночь;—„но я не спалъ, прибавилъ онъ, не отъ того, что боленъ; я нисколько не боленъ и голова у меня не болитъ—напротивъ я доволенъ, о, какъ я доволенъ! Я знаю теперь, что Иисусъ Христосъ изгладитъ мой грѣхъ!“. Вотъ какимъ тяжкимъ путемъ дошелъ Мейстръ до новаго познанія. Сначала онъ узналъ человѣка-Иисуса и полюбилъ его въ восторгѣ, а теперь это чувство преобразилось у него въ вѣру въ Сына Божія Спасителя, но для того, чтобы достигнуть этой живой вѣры, душа его должна была погрузиться въ темную бездну раскаянія.

Теперь миръ царствуетъ въ душѣ у Мейстра: относительно говоря, его можно назвать счастливымъ человекомъ. Гирцель могъ бы еще болѣе развить механическія его способности, сдѣлать изъ него необыкновеннаго художника по своей части, но опасается — и кажется основательно. Можетъ быть это повело бы Мейстра къ одностороннему развитію, нарушило бы нравственную гармонію души его. Онъ въ состояніи трудами добывать себѣ хлѣбъ, время его занято и у него остается еще досугъ для питанія духовныхъ его инте-

ресовъ. Повторяю опять—этотъ человѣкъ, лишенный, казалось, всего, что нужно для счастья,—сталъ способенъ къ счастью съ тѣхъ поръ, какъ его коснулась ревностная и дѣятельная любовь Гирцеля.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Январь.

	Стр.
1. Слово на новѣй годѣ. <i>Протоіеря Александра Никольскаго</i>	3
2. Очерки быта народа Божія <i>Н. З.—ва</i>	11
3. Старость. <i>Свящ. В. Нечаева</i>	28
4. Явленіе Святаго Духа въ видѣ голубя. <i>Діакона Стефана Никольскаго</i>	55
5. О малыхъ грѣхахъ. <i>Свящ. Алексанѣра Сергіевскаго</i>	64

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Воспитатель благороднаго юношества въ духѣ вѣры и благочестія. *И. Снегирева*.—Изъ быта крестьянъ. *Священника В. Владиславлева*.—Какія средства употребляютъ иногда раскольники для совращенія православныхъ. *И. Шевелкина*.—Нѣсколько случаевъ явнаго промысленія Божія о чловѣкѣ. *Священника А. Романовекаго*.—Напоминаніе московскимъ любителямъ духовныхъ концертовъ. *Московского приходскаго священника*.

Февраль.

1. Поученіе на слова: <i>не судихъ бо видѣти что въ васъ точію Іисуса Христа</i> . <i>Протоіер. Родіона Путятина</i>	86
2. Поученіе на слова: <i>Богородице Дѣво радуйся</i> . <i>Еложе</i>	89
3. Бесѣда на слова: <i>Блажословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа</i> . <i>Еложе</i>	93
4. Бесѣда о таинственномъ присутствіи Божіемъ въ церкви. <i>Еложе</i>	98
5. Очерки быта народа Божія. <i>Н. З.—ва</i>	101
6. Ектенія. <i>Свящ. В. Нечаева</i>	121
7. Чинъ погребенія младенческаго. Три поученія. <i>Свящ. В. Владиславлева</i>	146

II.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Колдунъ. *Н.—ова*—Изъ воспоминаній странника. *Ио. Ш.—на*—Изъ быта крестьянъ. *Священника В. Владиславлева*.—Празднованіе пятидесятилѣтія службы Московской, Успенской, въ Гончарахъ церкви Протоіерея Данила Алексѣевича Соловьева.

Мартъ.

	Стран.
1. О времени празднованія пасхи въ православной церкви и у Западныхъ христіанъ. <i>Дмитрія Голубинскаго</i>	165
2. Сугубая ектенія. <i>Свящ. В. Нечаева</i>	175
3. Чинъ погребенія младенческаго. Два поученія. <i>Діакона Василия Руднева</i>	192
4. О благотворительныхъ увеселеніяхъ. <i>Протоіеремъ Алексѣя Ключарева</i>	214
7. Очерки быта народа Божія. <i>Н. З—ва</i>	246

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Бесѣда сельскаго священника съ прихожанами предъ литургіею.—*Иеромонаха П.* Первый день пасхи; изъ письма покойнаго князя Дмитрія Николаевича *Урусова*.

Апрѣль.

1. Обитатели Палестины съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.....	251
2. Очерки быта народа Божія <i>Н. З—ва</i>	281
3. Молебное пѣніе при начатіи ученія отроковъ. Четыре поученія. <i>Священника Василия Владиславлева</i>	294
4. О подражаніи святымъ. <i>Архимандрита Порфирія</i>	323
5. Ложный стыдъ. <i>П. А. К.</i>	337

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Рѣчь на открытіе лечебницы для бѣдныхъ, основанной обществомъ Русскихъ врачей въ Москвѣ.—*Протоіерей А. Невструева*. Вражія сила. *Н.—ова* Мысли въ день причащенія. Исторія одного слѣпца и глухонѣмого.